

ЭЖУАА

КУЛЛ И ТРОН ВАЛУЗИИ

•Северо-Зонаг®

ЭЖУМ

КУЛЛ
И
ТРОН ВАЛУЗИИ

Санкт-Петербург
"СЕВЕРО-ЗАПАД"
1997

Авторские права защищены.

Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее части,
в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.

К 90 Кулл и трон Валузии: Роман и рассказы.— СПб.,
«Северо-Запад», 1997 — 480 с.
ISBN 5-7906-0037-9.

В сборник вошли роман «Кулл и трон Валузии», а также такие
рассказы как «Говорящая кошка», «Замок тишины» и другие.

К 8200000000

ББК 84 (7США)

ISBN 5-7906-0037-9

© Составление и подготовка текста, серийное
оформление обложки и форзаца. «Северо-Запад», 1997

Кто из любителей фантастики не слышал о знаменитом герое Хайборийской эры — варваре Конане? Но далеко не все знают, что в ту же легендарную эпоху существовали и другие великие воители, чьи подвиги и приключения не уступают деяниям отважного киммерийца. Нам известны имена лишь двоих из них — Рыжая Соня и Король Кулл. Современницу Конана, амазонку Рыжую Соню (хотя правильнее ее было бы назвать Огнегровкой Сонджей) многие знают по фильму с участием Арнольда Шварценеггера. Саму же воительницу в этом фильме блистательно сыграла Бриджит Нельсон. Всего «Сага о Рыжей Соне» насчитывает более двух десятков книг. Первые шесть мы предложим читателям в скором времени. Они войдут в книги «Хайборийского проекта».

Кроме того, в этот же проект входят две первые книги о короле Кулле, первую из которых вы сейчас держите в руках. Действие этой саги разворачивается на стыке Допотопной и Хайборийской эры. Вот что писал о том времени сам великий мастер Роберт Говард:

«Об эпохе, названной немедийскими летописцами Допотопной эрой, мало что известно: пожалуй, с некоторой долей уверенности можно говорить лишь о ее последнем периоде, да и то эти сведения окутаны туманом легенд.

Самые ранние исторические свидетельства рассказывают об упадке допотопной цивилизации. Наиболее влиятельными в тот период были монархи Камелии, Валузии, Верилии, Грондара, Туле и Коммории...

...Существовали тогда и иные державы с похожим уровнем развития, населенные другими народами, скорее всего, более древними...

...И существовали также бескрайние просторы неизведанных земель. Цивилизованные государства, при всей их обширности, занимали весьма скромную часть земной суши...

...Там, где земля была более щедрой, в джунглях и отрогах гор, жили примитивные первобытные племена. Далеко на юге существовала таинственная цивилизация, не имеющая ничего общего с туранской — скорее всего дочеловеческая».

Вот в эти времена, когда людям Семи Королевств приходилось то и дело вступать в бой с прежними хозяевами земли — змеелюдью, расой Древних, — вззошел на престол Валузии король Кулл. Он, как и Конан, прошел долгий путь от варвара-изгнанника до правителя одной из величайших держав того времени.

Роберт Говард только приступил к созданию «Саги о короле Кулле» (кстати сказать, прямого предка Конана), когда столь трагически обо-

рвалась его жизнь. Но на смену гению пера пришли его верные ученики.

В первом томе о короле Кулле — «Кулл и Трон Валузии» — мы предлагаем вашему вниманию роман знаменитого А. Болда, повествующий о том, как Кулл захватил трон, боролся с ужасными змеелюдьми, а так же рассказы самого Роберта Говарда, посвященные подвигам правителя Валузии. В отличие от других издательств, готовя тексты к публикации, мы самым тщательным образом вывели их по изданиям, вышедшим при жизни автора.

Во второй том «Саги о Кулле» войдет роман Роберта Говарда, написанный совместно с Артуром Сайлентом — «Змеиное королевство», ранее не публиковавшийся на русском языке, а так же ряд повестей и рассказов, знакомящих читателей с той удивительной эпохой, когда большей частью мира еще правили чудовищные твари...

Тех же, кто сгорая от нетерпения ждет каждую новую книгу, посвященную «Хайборийской эре» мы обрадуем, сообщив, что вот-вот на экраны выйдет новый американский фильм «Кулл-завоеватель»!

С наилучшими пожеланиями
всем поклонникам Конана и Кулла.
Счастливой магии.
Редакция.

Глава первая ТОСТ В ЧЕСТЬ ВЕЛИКОГО ХОТАТА

День всеславия великого бога Хотата жители Хрустального города испокон веков, с тех времен, как Атлантида и Лемурия поднялись из морских глубин, почитали больше всех остальных праздников, исключая, разумеется, лишь празднования дней всемогущего Валки.

Солнечные лучи переливались на золотых шпильях и отражались в окнах древних дворцов столицы Валузии. Нарядно одетые жители прославленного города, принеся жертвоприношение могущественному богу в величественном храме, торопились на улицу, уступая место следующим, жаждущим возблагодарить всемилостивого Хотата за спокойную жизнь и мудрого правителя, которым наградила их судьба.

Выходя из мраморного храма Валки и Хотата, горожане спешили к площади перед Башней Великолепия. Там, у Топазового трона правителей древней Валузии, в окружении лучших воинов мира Алых Стражей, на белоснежном коне с тщательно расчесанной длинной гривой, восседал неподвижно, словно непоколебимая статуя самому себе, правитель древней Валузии король Кулл.

Те горожане, что были одеты победнее, издали любовались могучей фигурой короля-воина, восхищаясь его видом и позой, выразившей невозмутимую уве-

ренность в себе.. Они выкрикивали благодарности и мудрому Хотату, и всевидящему Валке, и справедливому мужественному королю Куллу, хранящему покой народа Валузии.

Жители и гости Хрустального города знали, что едва лишь огромное солнце начнет склоняться к земле, собираясь на покой, на площадь для простого народа выкатят огромное бочки с игристым янтарным вином и разведут костры, на которых зажарят для угощения сотни жертвенных быков. В предвкушении этого волнующего события валузийцы славил мудрого короля, введшего в празднование великого Хотата этот великолепный обычай.

Аристократы и богатые горожане в сопровождении личной охраны приближались к королю, кланялись ему, касаясь пальцами, униженными перстнями с драгоценными камнями, каменных плит площади, и выражали благодарность за процветание, за спокойную жизнь, за следование заветам могущественного Хотата.

Представители древних родов со всех городов Валузии, послы всех держав, известных Семи Империям, спешили поздравить короля Кулла с великим праздником, демонстрируя жителям столицы пышность своих нарядов и красоту сопровождавших их женщин, подчеркнутую изысканными украшениями и одеждами, не скрывающими их безукоризненных прелестей.

Король, возвышавшийся над толпой на своем верном скакуне, лишь кивал в ответ на вычурные приветствия, зачастую переходящие в неприкрытую лезть. Он знал, что за этими словами нередко скрывается тщательно загнанная в закрома души, но от этого не менее лютая ненависть к нему. Многие представители древних родов Валузии презирали его, варвара, силой захватившего древний трон, голыми руками задушившего прежнего короля-деспота.

Кулл знал, что нельзя терять бдительности и осторожности ни на минуту — слишком многие жаждут

его гибели. Ни один летописец не ведал, сколько за годы правления Кулла на него было совершено покушений, поскольку король, в жилах которого текла дикая кровь атлантов, не считал нужным докладывать об этом кому бы то ним было, а сам давно сбился со счета. Лишь многочисленные шрамы на его могучем бронзовом теле говорили о битвах, сражениях и поединках — как с благородными противниками в честном бою, так и с подлыми убийцами, пытавшимися нанести удар из-за угла.

Время покушений — мрак ночи. Сейчас в сиянии ослепительного солнца, покровительствующего Валузии и ее королю, в окружении бесстрашных Алых Стражей, безаветно преданных повелителю, под взглядами тысяч и тысяч подданных, Куллу не угрожали никакие покушения. И король, глядя на толстеющих мужей, забывших какой стороной берут в руки меч, мечтал о тех временах, когда грохот битвы, звон мечей и крики раненых заглушают все остальные звуки, а безумный ветер обжигает лицо и только успеваешь наносить удары и отражать атаки, не разбираясь, твоя ли кровь хлещет из ран, превратив белые одежды в красные. И это кровь многочисленных врагов, уже павших. А на смену им идут все новые и новые...

Но все спокойно на границах Валузии, враги, словно трусливые псы, поджав хвосты, зализывают раны и присылают толстых напыщенных от собственной важности послов, подносящих дорогие и ненужные подарки — золотые статуи, бриллиантовые украшения, серебряную посуду... Изредка кто-нибудь догадается подарить оружие, но еще не видел Кулл меча лучше, чем его собственный, неоднократно спасавший ему жизнь...

Король Кулл скучал на этом великолепном и пышном празднестве, изредка бросая взгляд в сторону неподвижных, но готовых в любую секунду броситься в бой Алых Стражей. Лишь они радовали его взгляд.

Он почти не слышал лстивых и насквозь лживых речей кланяющихся ему знатных послов и аристокра-

тов. Он думал, куда бы отправиться в поход. Войска не должны застаиваться в столице, обрастая семьями и покрываясь ржавчиной безделья, как боевой меч не должен долго скрываться в ножнах, чтобы не потерять блеска и остроты. Но на границах все спокойно, и даже лемурийские пираты, известные по всему миру дерзостью и отчаянностью, не смеют показаться в ближайших морях, страшась одного лишь вида валузийского флага.

Благородные правители и знатные послы далеких стран, поприветствовав короля, спешили в просторные сады с утопающими в зелени фонтанами, искрящимися на солнце мириадами алмазных брызг, дожидаться часа, когда их пригласят на праздничный пир в Тронный зал, который мог вместить больше тысячи человек.

Казалось, знатные люди, желающие выразить почтение королю древней Валузии, будут идти до поздней ночи, но Кулла не составляло труда сидеть в величественной позе воина, готового к бою, сколь угодно долго; его тело давно привыкло к любым нагрузкам, в том числе и вот к такому многочасовому испытанию.

Но солнце, освещающее пышный и радостный праздник, перевалило высшую точку. Скоро придет пора идти в пиршественный зал и там вновь слушать здравницы и льстивые речи.

Алые Стражи расступились, и к Кулле подошел его Главный советник Ту — уже немолодой, представительного вида мужчина, видевший на своем веку четверых валузийских королей, но считающий, что о лучшем, чем Кулл, глупо даже и мечтать.

— Ваше Величество, у меня важное сообщение, не предназначенное для чьих-либо ушей, кроме ваших, — с поклоном тихо произнес Ту.

Кулл повернулся к своему верному сановнику, не раз рисковавшему жизнью ради него и мудрыми советами доказавшему свою преданность. По лицу ста-

реющего царедворца король понял, что речь действительно идет о чем-то крайне важном.

Король легко соскочил на выложенную мрамором мостовую и кивнул одному из телохранителей. Тот взял коня за украшенную драгоценными камнями сбрую и повел в королевскую конюшню.

Кулл уселся на Топазовый трон и осмотрел людей, жаждущих поклониться ему. Заминка, вызванная тем, что он пересел из седла боевого коня на древний трон валузийских королей, слегка позабавила Кулла — знатные аристократы толкали друг друга, стремясь занять место поближе к величественному трону.

Очередной посол склонился в земном поклоне, две красавицы, не вызвавшие в короле никаких чувств, поставили к ногам повелителя древней страны золотые подносы с искусными ювелирными украшениями, предназначавшимися в подарок.

Кулл повернулся к советнику Ту:

— Брул наконец-то приехал? — Король с нетерпением ожидал своего старого преданного друга — пикта Брула, который уехал на охоту и до сих пор не вернулся. Кулл даже начал немного беспокоиться о его судьбе.

Ту отрицательно покачал головой и прошептал так, чтобы, кроме короля, его никто не мог услышать:

— Ваше Величество, ваши враги вновь строят козни. Они не успокоятся, пока не убьют тебя или не погибнут сами. Но на место погибших всякий раз приходят новые злоумышленники.

— Ты не сказал мне ничего нового, Ту, — не повышая голоса и глядя на очередного посла, самозабвенно декламирующего изобилующее пышными сложными оборотами приветствие, произнес Кулл. — Я и так знаю, что против меня вечно устраивают заговоры и подсылают в мою опочивальню наемных убийц, хотя, видят Валка и Хотат, в королевстве давным-давно царит мир. Почти месяц прошел с тех пор, как один дурак выскочил из-за колонны с тонким ножичком...

— На этот раз, мой повелитель, дела обстоят много хуже. Неведомые заговорщики хотят отравить и тебя, и всех твоих советников, и гостей.

— С чего ты взял это, Ту? — нахмурился Кулл. — Меня пытались убить мечом, копьем и кинжалом, меня старались уничтожить колдовством и магией древних умерших богов, на меня нападали жуткие твари, но никогда еще никто не пытался убить меня столь подлым и недостойным воина способом. Ты что-то напутал, Ту. К старости ты стал слишком осторожен и шарахаешься от каждой тени.

— Нет, Ваше Величество, — твердо возразил сановник, — я уверен в своих словах. Главный виночерпий вашего дворца послал за мной, чтобы сообщить страшную новость: огромная бочка лучшего вина, что приготовлена на пир и из которой наливали в золотые кувшины, предназначенные для царского стола, отравлена. Один из вороватых слуг, пользуясь тем, что все повара заняты стряпней, подкрался к бочке и зачерпнул полной кружкой. Он не успел допить украденное вино до дна, как его стало ломать и трясти от страшной боли, все тело пошло жуткими красными пятнами, и через несколько минут несчастный скончался.

— Это ни о чем не говорит, Ту, — не поворачивая головы, сказал Кулл. — Этот воришка просто объелся накануне какой-нибудь дряни, вот его и скрутило. Чтобы выдвигать подобные обвинения, нужны доказательства повесомее. До начала пира осталось совсем немного, и я не хочу забивать себе голову всякой ерундой, что пришла в голову главному виночерпию. Он наверняка сам отвеживал этого вина и еще небось в дозах, которые не осилит и мамонт.

— Нет, Ваше Величество, — твердо стоял на своем Ту, — я проверил утверждение виночерпия. Я приказал дать немного вина собакам и сам видел, как они корчились и визжали перед смертью. Вино отравлено, в этом нет сомнений. Вас ждала неминуемая и страшная смерть.

— Но я ведь не могу из-за этого отменить пир! — воскликнул Кулл.

— Не беспокойтесь, Ваше Величество, — успокоил советник, — я распорядился, чтобы принесли новую бочку. Раб на моих глазах испробовал вина и с ним ничего не произошло. Десять стражников стоят у бочки и никого к ней не подпускают. Нет необходимости переносить пир в честь великого Хотата! Спокойно веселитесь на пиру, все яства проверены.

— Но виновный в попытке подлого отравления не найден! — с горечью молвил Кулл. — Хотел бы я, чтобы отравитель или отравители, сколько бы их ни было, встали передо мной с оружием в руках. Лицом к лицу я бы показал им, кто есть кто. А как теперь узнаешь злоумышленника?

— Об этом-то я и собирался поговорить с вами, Ваше Величество! — все так же едва слышно прошептал Ту. — У меня есть план, как узнать заговорщиков.

— Говори быстрее, Ту! — не выдержал заинтригованный Кулл. — Скоро уже пора идти садиться за стол. Как ты можешь узнать отравителей?

— Тебя ненавидят слишком многие, мой повелитель, — печально констатировал сановник. — И очень многие хотели бы убить тебя. Я не сомневаюсь, что заговорщики — не из бедноты. Наверняка это представители древних благородных родов.

— Да, — вздохнул Кулл, — они не могут простить того, что на древнем троне Валузии сижу я, атлант, силой, мужеством и умом сваливший кровавого тирана Борна.

— И они наверняка будут присутствовать на пиру, — продолжал советник Ту. — Они не упустят возможности поглядеть на вашу мучительную смерть и возжелают провозгласить своего ставленника королем, когда ты еще мучился бы от страшного яда, не прознай мы об их коварном замысле.

— Ты прав, — согласился король, — но ведь на пиру будут сотни правителей и послов. Как же мы узнаем, кто именно подсыпал отраву в вино?

— Они отравили всю бочку,— напомнил Ту,— по их замыслу должны погибнуть все, кто поднимет первый кубок в честь великого Хотата — и ты, и твои советники, и послы, и все гости. Кроме самих отравителей. Но ведь в их кубках тоже должно быть отравленное вино, хотя они единственные, кто знает об отраве. Значит, они поднимут кубки, но даже не пригубят — будут ожидать, пока все выпьют и повалятся с кресел на пол, корчась от боли.

— Воистину ты прав, мудрый Ту! — воскликнул король, хлопнув в ладоши.— Те, кто не будет пить вино,— и есть истинные злоумышленники. Клянусь всевидящим Валкой, мы поймем их всех, до единого. Алые Стражи будут пристально следить за каждым гостем! Что ж, с удовольствием посмотрю, как палачи снимут с заговорщиков по десять шкур. Немедленно позови ко мне Келкора, я отдам ему распоряжения.

Советник Ту с поклоном отошел от трона и через минуту к королю приблизился закованный с ног до головы в алые доспехи командир телохранителей короля Келкор. Кулл едва слышно что-то прошептал ему, тот согласно кивнул и быстро ушел.

Кулл встал с Топазового трона, показывая, что праздник приближается к своему торжественному и длительному завершению.

— Хвала великому Хотату! — произнес король громко, так, что, казалось, его голос был слышен в дальних уголках огромной площади, полной народа.— Граждане Валузии, выпьем в честь великого бога, покровителя нашей прекрасной страны!

На площадь выкатили огромные деревянные бочки. Каждая из них была выше любого самого рослого валузийца. Могучие кузнецы приготовили кувалды, чтобы вышибить их днища. Горожане в предвкушении дарового угощения торопились к ближайшим бочкам, доставая заранее прихваченные из дома кубки, кружки. По опыту прошлых праздников в честь Валки и Хотата, проводимых королем Куллом, все

знали, что вина, как и жареного мяса, с избытком хватит каждому, а в конце пира можно будет и на завтра прихватить говядинки и кувшин доброго вина. Но все равно у бочек началась давка, поскольку промочить глотку в честь великого бога и мудрого короля хотелось как можно быстрее.

Послы дружественных держав и представители древних валузийских родов, не успевшие выразить свое почтение и поздравить Кулла с праздником, со вздохами — кто досады, а кто и облегчения — потянулись в изумрудные сады Пурпурной башни, чтобы в прохладе деревьев любоваться прекрасными фонтанами в ожидании приглашения в пиршественный зал.

Король Кулл под охраной воинов в алых одеяниях отправился во дворец. Он прошел в свои личные покои, где слуги давно приготовили его пиршественный наряд. Кулл с некоторым сожалением снял парадные доспехи и облачился в парчовые одеяния. Золотой меч в ножнах, усыпанных изумрудами и рубинами, складывающимися в сложный, чрезвычайно красивый узор, завершил наряд.

Кулл в нетерпении вышагивал по комнате из угла в угол, то и дело бросая взгляды на дверь.

Наконец вошел советник Ту. Лицо старого царедворца ничего не выражало, словно ничего особенного и не произошло. Кулл вопросительно взглянул на него. Советник Ту подождал, пока слуги покинут помещение и двери плотно закроются за ними.

— Брул вернулся?

— Нет, но как только он появится, его сразу проведут к вам,— поклонился сановник.— Гости ждут вас, Ваше Величество. Но послушайте моего совета.

— Какого совета? — нахмурил брови король.— Те, кто хотел отравить меня и моих гостей, не заслуживают ни малейшего снисхождения...

— Я не об этом говорю, Ваше Величество,— снова поклонился Ту.— Разумеется, зло должно быть непременно наказано, чтобы другим впредь не повадно было

покушаться на древний трон Валузии, который сейчас занимает самый достойный из всех королей. Напротив, я как раз хочу, чтобы все заговорщики были выявлены, поэтому и осмеливаюсь дать совет. Забудьте о покушении, Ваше Величество, это уже дело доблестного Келкора и его воинов. Они не пропустят ни единого человека, кто не пригубит вина после вашего тоста в честь великого Хотата. Ведите себя так, словно думаете о том, как бы повкуснее поест и попить. А то сейчас по вашему грозному виду всем сразу, ясно, что вы словно готовитесь к бою. Это отпугнет заговорщиков раньше времени. Они могут понять, что их замысел раскрыт и вино успели заменить на доброкачественное. Тогда мы не узнаем имен преступников, и они будут и дальше плести свои зловредные сети. Следующий их удар может оказаться роковым. Сейчас вы напоминаете разъяренного тигра, вышедшего на охотничью тропу в поисках добычи.

— Ты прав, старый Ту,— согласился король, опираясь на себе прекрасные одежды.— Я хочу узнать имена преступников, а посему буду вести себя как ни в чем не бывало. Слава Валке, ждать осталось совсем недолго. Идем же скорее в пиршественный зал!

Фанфары возвестили о том, что король древней Валузии прибыл в пиршественный зал. Гости стоя приветствовали его восторженными криками:

— Славься король Валузии, Кулл, мудрейший и справедливейший из всех королей!

— Хвала Валке и Хотату, что послали Валузии такого бесстрашного и мужественного короля!

— Да пребудет во веки веков король Кулл в добром здравии, а королевство его пусть процветает и богатеет!

Но не все восхищенно смотрели на рослого и красивого мужчину в золотых парчовых одеждах, не все восторженно приветствовали его, некоторые цедили хмуро сквозь зубы, так что сами расслышать почти не могли:

— Да будь ты проклят, кровавый тиран! Смерть Борна жаждет отмщения ненавистному убийце!

— Позор для древней Валузии, что варвар восседает на ее троне!

— Смердящий узурпатор с грязных языческих островов!

Куллу было совершенно наплевать как на лживые льстивые речи, так и на искренние ненавистные взгляды врагов. Большинство врагов способны были лишь бросать яростные взгляды да бессильно цедить сквозь зубы проклятия, в честный бой — меч против меча, сила против силы — они вступать не отваживались и потому служили валузийскому королю верой и правдой. Самое смешное, что им король доверял порой даже больше, чем тем, кто восторженно расточал ему похвалы и здравицы. И почему-то Кулл был уверен, что отравителем окажется совсем не тот, кто отводит хмурый взор, а тот, кто восхищенно приветствует его с благостной улыбкой.

Кулл сел на точное, только значительно меньшее, подобие Топазового трона во главе огромного стола. Вернее, к главному столу, у которого были приготовлены места королю, его сановникам и ближайшим друзьям, а также послам самых могущественных держав. В зале были еще семь длиннейших столов, по обе стороны которых и рассадили дорогих гостей.

По правую руку от короля сел советник Ту. Кресло по левую руку было оставлено для Брула, а следующее занимал посол пиктов Ка-ну, которому Кулл был многим обязан. Атлант любил старика за живой ум и знания, прощая ему маленькие слабости, такие как излишнее пристрастие к вину и слабому полу.

Собравшиеся на пир гости короля сели в кресла, многочисленные рабы проворно наполнили всем кубки прекрасным янтарным вином, один запах которого мог вскружить голову. Все смотрели на короля Валузии.

Наступило решающее мгновение. Кулл поднял свой кубок, и все последовали его примеру.

— Я поднимаю этот золотой кубок с прекрасным вином,— громким, полным непередаваемого достоинства голосом произнес король,— за древнего покровителя Валузии — великого Хотата, единоутробного младшего брата могущественного Валки, которого в Валузии чтили с незапамятных времен и почитать будут всегда. Да не оставит Хотат без своего великодушного покровительства прекрасную Валузию и дружественные ей страны! Да будет славиться имя Хотата в веках! В честь него я опорожню сейчас этот кубок до дна, и кто из моих дорогих гостей думает так же, как я, пусть последует моему примеру!

Почти все гости не впервые оказались за царским столом и уже привыкли к кратким тостам атланта. Все в один голос вторили: «Да будет славиться имя Хотата в веках!» — и приложились к серебряным кубкам из древнего сервиза валузийских королей. Не все, подобно могучему атланту, смогли одним залпом осушить столь приличную порцию холодного терпкого вина, но отпить хотя бы до половины каждый считал своим долгом.

Кубки звякнули о дерево стола, гости потянулись к огромным серебряным блюдам с искусными яствами, над которыми с самого восхода солнца трудилась целая армия опытных поваров.

Кулл поставил кубок на стол, но даже не посмотрел на золотую тарелку, полную изысканнейших закусок.

Семь человек дружно встали в разных концах огромного пиршественного зала.

— Да будь ты проклят, мерзкий узурпатор, убийца Борна, в чьих жилах текла благородная кровь древних владык Валузии! — с пафосом воскликнул старик с длинной седой бородой.

Веселые возгласы в зале мгновенно затихли, все посмотрели на седобородого, по гербу узнав в нем

одного из аристократов города Грелиманус, что у дальних юго-восточных границ Валузии.

— Радуйся, изверг, последние минуты! — продолжал старец. — Сейчас ты умрешь, и будет на то воля великих древних богов, которых ты оскорбил, оставив их имена в забвении и прославляя одних Валку и Хотата, которые были лишь дальними потомками великих богов, покровительствовавших Валузии. Ты испил чашу терпения до последней капли, и гнев древних богов пусть обрушится на тебя, поганый варвар, выходец из разбойничьей Атлантиды. И пусть мучения твои перед смертью будут ужасны!

Мрачная тишина повисла в просторном зале, до того полного радостных вскриков и женских улыбок.

Кулл смотрел на старика, прищурив глаза, вспоминая, как на редких советах, на которые этот аристократ соизволял явиться, он всегда был источником свар и нудных споров. Кулл давно хотел прихлопнуть его могучей ладонью, как надоедливую козявку, и лишь уважение к сединам не позволяло королю исполнить желаемое.

— Ешьте же, гости проклятого древними богами тирана, пришедшие поклониться и возрадовать узурпатора. Ешьте эти яства, потому что это последнее, что вы видите в своей жизни! Вино было отравлено божьим провидением, рука человека лишь направлялась им, и не успею я договорить, как все вы падете от праведного гнева истинных богов!

Раздался женский визг, кто-то в ужасе бросил на стол серебряный кубок, разбрызгивая изысканное вино, кто-то отпрянул, опрокинув резное кресло, кто-то бросился к дверям в сад, на воздух, чтобы его стошнило, а кто-то замер, не в силах пошевелиться, словно высеченная из белейшего мрамора статуя.

Праздничный зал вмиг наполнился испуганными криками и тревогой, точно сама смерть явилась требовать свое место за накрытым столом.

Посол пиктов в Валузии Ка-ну посмотрел на вполтину опустошенный кубок в своей руке и, верно подумав, что раз все равно умирать, то хоть перед смертью урвать еще чуточку удовольствий, бесстрашно выпил остатки вина.

— Успокойтесь! — перекрыл крики ужаса мощный голос Кулла. — Я не позволю никому в мире напоить моих гостей отравленным вином. Я сам пил. Вот мой пустой кубок, но я здоров, как всегда, — смотрите на меня!

Все, словно зачарованные звуком его спокойного голоса, посмотрели на короля.

На лице Кулла не было ни малейшего признака тревоги или волнения.

Потихоньку все успокоились, лишь седобородый грелиманусец, гневно тыкал в короля скрюченным от старости пальцем, униженным перстнем с благородным черным опалом.

— Будь ты проклят, варвар, ввергающий древнюю Валузию в пропасть распутства и порока, изверг! Да будет проклято имя твое и потомков твоих до самых последних времен, когда всю землю скуют вечные льды и замрет всякая жизнь. Сгинешь ты все равно, мучаясь от страшной боли, и кровь твоя по капле сохнет, тело сморщится до клочка никому не нужного пуха!

— Келкор! — не обращая внимания на проклятия старца, позвал король. — Взять его под стражу. Вы наблюдали, кто не пригубил из бокалов. Всех заметили?

— Да, Ваше Величество, — склонился в поклоне военачальник Алых Стражей, — восемь человек после вашего тоста в честь великого Хотата поставили кубки на место, не коснувшись губами вина.

— Садитесь на места, гости дорогие, — обратился ко всем присутствующим король Валузии. — Вино была предусмотрительно заменено. Вы пили неотравленный напиток и, надеюсь, по достоинствам оценили его бесподобный вкус. Но все вы могли действительно кор-

читься сейчас в предсмертных муках, поскольку злоумышленники подло отравили вино, приготовленное на сегодняшний пир, собираясь отправить в Царство Теней меня и моих друзей, собравшихся здесь. Чистая случайность, а скорее милость великого Хотата, чей день мы сегодня празднуем, уберегли нас от неминуемой смерти. И сейчас мы допросим злоумышленников, целиком выдавших себя. Но ведь они не пригубили вина, которое, как они думали, было отравлено. А пока пусть рабы наполнят кубки вновь и выпьем за Хотата, уберегшего нас от жуткой и бесславной смерти.

— Слава великому Хотату! — искренне вскричали гости, поистине чудом избежавшие смерти.

Все с ненавистью смотрели на седобородого старца и еще семерых людей, которых Алые Стражи, подталкивая мечами, подвели к королю для суда скорого и справедливого.

— Смерть подлым отравителям! — кричали даже те, кто всей душой жаждал гибели атланту. Отравить-то ведь хотели не только Кулла, возможно и заслужившего такую смерть, но и всех, собравшихся сегодня в этом зале.

Плененных злоумышленников подвели к королю.

Шестеро холеных мужчин в богатых одеждах, забыв всю свою гордость и прославленных предков, бухнулись пред Куллом на колени, вымаливая пощаду, крича, что это правитель Сан-Сан — все шестеро дружно указывали дрожащими перстами в сторону седобородого старца — заставил их принять участие в богомерзком преступлении.

Разоблаченные отравители, растеряв весь свой лоск, готовы были рассказать в полном молчании присутствующих о всех злокозненных замыслах. Они, перебывая друг друга, поведали, что Сан-Сан, всего лишь слуга Тулсы Обреченного и древнего повелителя змей, которые забыли о давней вражде, ополчившись на общего врага — короля Валузии Кулла.

Пленники, вымаливая пощаду, рассказали такое, во что было просто трудно поверить, что в голове не укладывалось: о многоярусном подземном храме; о приношении в жертву мерзкому Змею, поселившемуся в подземельях под Грелиманусом, невинных младенцев; о том, что Змей в человеческом облике пожирает еженощно самых красивых и знатных девушек, что все жители околдованы и уже не люди, а подчиняющиеся воле двух злых чародеев зомби.

Лишь седобородый Сан-Сан стоял гордо подняв голову, не отводя полного ненависти и бессильной злобы взгляда от побледневшего от подобных речей Кулла. Рука короля непроизвольно сжалась на украшенной огромным изумрудом рукояти меча. Восьмой пленник, юноша с гордым гербом прославленного рода, отец которого некогда встал плечом к плечу рядом с Куллом, выступившим против кровопийцы Борна, стоял с бледным лицом, уставив взгляд вдаль, в никуда, словно все происходящее его не касалось.

Шестеро коленопреклоненных, плачущих заговорщиков, захлебываясь и перескакивая с одного на другое, торопясь выложить королю все, что знали и не знали, в надежде вымолить пощаду, обвиняли во всех грехах седобородого друга. Они готовы были вцепиться товарищу в бороду, лишь бы обелить самого себя.

— Прекратите, жалкие трусы! — вдруг на весь зал взревел Сан-Сан. — Чтобы сохранить свои никчемные жизни, вы готовы возводить напраслину и подлую клевету на достойнейших мужей! Будь проклят час, когда я связался с вами, подлые заячьи душонки! Я ненавижу вас и презираю даже больше, чем этого узурпатора-атланта. Но мне не нужны ваши ничтожные жизни — Кулл, вот кого я готов стереть с лица земли, даже ценой собственной жизни. Лишь бы прекрасное небо Валузии не осквернилось его презренным дыханием!

Седобородый поцеловал черный камень в своем перстне и быстро обвел им вокруг. Бирюзовый луч

обежал зал и встрепенувшиеся телохранителя короля, как и пораженные всем происходящим гости, замерли в самых глупых и неестественных позах. Даже птицы в саду прекратили пение, даже пылинки, казалось, замерли в лучах собирающегося на покой солнца.

Кулл успел вскочить с кресла и выхватить меч из ножен, но тоже замер, скованный невидимыми магическими оковами.

Смолкли все звуки, померкли цвета.

Лишь седобородый маг Сан-Сан, расхохотавшись, распростер руки в стороны. Плащ мягко упал с его плеч. Лицо старца исказилось то ли от боли, то ли от жестокой злорадной усмешки, и вдруг богатые одежды лопнули на груди, а длинные седые волосы бороды опали к его ногам, словно пожелтевшие листья с осеннего дуба.

На глазах у многочисленных изумленных, напуганных и скованных злым колдовством гостей, слуг и рабов происходило жуткое и отвратительное чудо — седобородый превращался в ужасное чудовище. А присутствующие в пиршественном зале, скованные древней магией волшебного черного опала Алые Стражи были не в силах пошевелиться, не могли произнести ни звука. Все, что им оставалось, это смотреть, как чародей превращается в гигантского — чуть ли не в два человеческих роста — белошерстного дракона с могучими лапами и мощным, утыканным крепкими роговыми пластинами хвостом. Ногти на передних лапах у перерождающегося мага не уступали ни размерами, ни остротой кривым лемурийским кинжалам. Дорогая одежда слетела с плеч чудовища и лишь золотой перстень с магическим камнем каким-то чудом держался на лапе.

Отвратительно и грозно ревя, дракон обошел своих коленопреклоненных товарищей и направился к замершему и державшему бесполезный сейчас меч Куллу.

Король видел приближающегося зверя, у которого меж оскаленных желтоватых клыков текла мерзкая липкая слюна. Кулл не боялся умереть, но он не желал погибать столь глупо и бесславно. Он ничего не мог сделать, не мог защищаться, не мог нападать.

Что может быть обиднее для воина, чем подобное бездействие? Для воина, прошедшего через столько сражений, что все их просто невозможно запомнить, для которого звон скрепляющихся мечей — самая сладостная мелодия на свете.

Чудовище приближалось. Медленно, сладострастно ревя, выставив вперед жуткие когти, одно движение которых снесло попавшемуся на пути рабу голову. Тварь не торопилась, широкие ноздри раздувались от предвкушения смерти Кулла. Казалось, ничто, даже всемогущий Хотат, не сможет остановить его неотвратимого приближения.

Если бы мог, Кулл закрыл бы глаза — хотя никогда он не отворачивался от смерти. Быть в роли связанного кролика, к которому подходит живодер, ему ни разу доселе не доводилось, и он не представлял раньше, насколько это страшно и мерзко.

Чудовище было уже совсем близко. Ему оставалось преодолеть каких-то несколько шагов. Скоро уже коготь-лезвие полоснет по груди Кулла, и брызнет первая кровь.

В это мгновение, когда неподвижный король прощался с жизнью, моля великих Валку и Хотата об одном — вернуть ему возможность двигаться, Кулл боковым зрением не заметил даже, а скорее почувствовал, какую-то быстро появившуюся тень и на весь огромный зал прозвучали странные слова:

— Ка нама каа лайерама!

Кулл еще не успел понять, что означают эти слова, где, когда и от кого он уже слышал их, как почувствовал, что неведомая магическая сила черного опа-ла седобородого Сан-Сана рухнула, как не бывало, и его ничто больше не держит.

Еще не осознавая, что произошло, он нанес удар снизу вверх мечом прямо в белую шерсть груди переродившегося мага и тотчас же выдернул его. В глаза Куллу брызнуло черной зловонной кровью, а уши заполнил дикий нечеловеческий рев чудовища.

Острые когти-кинжалы устремились вперед, Кулл едва успел увернуться — когти скользнули по левому плечу, оставляя глубокие борозды.

Рукав парчовой рубахи сразу стал темно-алым, но Кулл, не обращая ни малейшего внимания на боль, нанес новый удар — туда, где у чудовища, по его расчетам, должно было быть сердце.

Ноги чудовища разъехались, уже не в силах держать огромное туловище, но мощные передние лапы со свистящими в воздухе когтями пытались настичь врага.

Кулл занес над головой меч, держа рукоять обеими руками, и в прекрасном неповторимом прыжке, видный всем присутствующим, под общий вздох облегчения одним мощным ударом отсек чудовищу безобразную голову. Она, оставляя черный кровавый след подкатилась к ногам Келкора. Командир Алых Стражей с отвращением отпихнул ее ногой.

Тело чудовища обмякло и рухнуло бесформенной грудой на мраморные плиты. Над останками чудовища за клубился черный дым, а когда он рассеялся, Кулл увидел лишь лужу отвратительной, булькающей черной слизи, в центре которой сверкал золотой перстень с черным магическим опалом.

Король подошел и поднял перстень.

— Пусть уберут эту гадость! — поморщившись, приказал он рабам и посмотрел на свое опрокинутое кресло, которое двое стражников тут же кинулись поднимать. — Садитесь, дорогие гости! — громко пригласил Кулл. — Продолжим пир. Великий Хотат не оставил нас. Пусть нальют еще вина!

Слуги, выйдя из оцепенения, бросились со всех ног, кто наливал вина, кто убирал жуткую лужу. Хотя

им было страшно даже подойти к останкам злобного колдуна, гнев короля был еще страшнее.

Гости, обсуждая удивительное происшествие, спешили залить пережитые страхи и волнения прекрасным вином.

— Слава Куллу — победителю человека-дракона!

— Слава мужественному и отважному королю-воину!

— Наконец-то на троне Валузии настоящий король, которому не страшны никакие противники.

В эти мгновения, пережив ледяной холодок ужаса, здравицы Куллу кричали и те, кто раньше всей душой желал ему смерти.

Но Кулл не слышал слов благодарности, он выматривал человека, который спас ему жизнь. И, наконец заметив, встал, раскрыв объятия.

— Брул! Как я рад тебя видеть!

— Извини, Кулл, что я опоздал на праздник великого Хотата! — произнес подошедший к королю пикт.

Это был, как и все люди его народа, темноволосый широкоплечий воин среднего роста и крепкого сложения. На смелом лице блестели непроницаемые, неустрашимые глаза.

Давние друзья крепко обнялись.

— Я спешил, как мог, — виновато сказал Брул, — но мой конь сломал ногу, и оставшуюся часть пути мне пришлось преодолеть пешком.

— Ты появился вовремя, — ответил Кулл и показал ему место рядом со своим креслом. — Откуда ты знал, что надо произнести именно эти слова? Помнится, это заклинание против змеелюдей?

— А я и не знал, что надо произнести именно это заклинание, — усмехнулся Брул. — Просто, увидев тебя, замершего словно утес над морем, и этого монстра, я сразу понял, что без магии здесь не обошлось. И выкрикнул единственное заклинание, которое знал. Я рад, что оно помогло.

— Помогло?! Да ты мне спас жизнь. — Кулл поднял кубок. — Выпьем за бесстрашного Брула Копьебоя, который сегодня спас жизнь всем здесь присутствующим!

Гости с радостью осушили кубки и потянулись к закускам — после таких переживаний просыпается зверский аппетит.

— Угощайся, Брул, ты, наверное, голоден с дороги, — предложил Кулл, отодвинув золотое блюдо, — он так и не притронулся к яствам.

— Ваше Величество, — осмелился с поклоном обратиться к королю военачальник Алых Стражей. — А с этими что будем делать?

Он указал на так и стоявших на коленях шестерых пленников и юношу с древним гербом на груди.

— Отвести их в тюрьму или позвать палачей прямо сюда?

— Что с ними делать, Келкор? — переспросил Кулл. — А пусть мои гости подскажут, как поступить с теми, кто знал о готовящемся преступлении, о том, что вино отравлено, и молчал, явившись сюда, чтобы полюбоваться нашими смертями. Что думаете об этом, доблестные и благородные граждане Валузии?

— Смерть им!

— Смерть! Они не заслуживают пощады!

— Пусть палачи отсекут негодяям головы!

— Нет, пусть принесут отравленное вино и напоят им отравителей. А мы полюбуемся!

— Смерть им! Смерть!

Кулл поднял руку, призывая к молчанию. Он принял решение, достойное короля. Все смолкли, ожидая, что он скажет, зазевавшихся соседи бесцеремонно толкали локтями в бок, чтобы замолчали и посмотрели на правителя Валузии. Шестеро заговорщиков, размазывая по щекам недостойные мужчин слезы, с мольбой в глазах воззрились на короля.

Кулл встал и произнес так, что его слышали в самых дальних уголках огромного зала:

— Эти люди, вместе со своим главарем, пытались отравить меня и моих гостей самым подлым образом. Они не вышли, как подобает мужчине, против меня с мечом в руке, не вызвали на честный бой! Смерть — вот, что они заслужили.

Одобрительный гул был ему ответом. Некоторые гости, особо довольные этими словами короля, протягивали рабам кубки, чтобы те вновь наполнили их, и залпом осушали в честь справедливого и мудрого решения.

Кулл вновь поднял руку, требуя тишины.

— Но сегодня — праздник милостивого Хотата, который иногда прощал своих врагов. И я, в честь праздника, дарю им жизнь!

Гул разочарования пронесся над столами, но король еще не закончил свою речь.

— Да, я дарю им жизнь. Предатели не встретятся сегодня с острыми топорами палачей! Но я не могу отпустить их с жадной мести в сердцах, не могу допустить, чтобы они вынашивали коварные замыслы, против меня, короля Валузии, а значит, и всей страны. Я вызываю их на честный бой! Всех семерых сразу. Пусть умрут с оружием в руках, как и подобает мужчинам. Или пусть убьют меня и тогда провозгласят правителем Валузии, кого пожелают! Стража, дайте им щиты и мечи!

В зале вновь воцарилась мертвая тишина. Заговорщики, просветлевшие лицами при первых словах Кулла, вновь принялись умолять о пощаде.

— Поднимите их с колен, Келкор, — недовольно приказал Кулл. — И дайте им оружие! Если они так хотят жить — пусть попробуют убить меня не подлой отравой, а острым мечом в открытом бою!

— Слава Куллу, справедливейшему и отважному королю Валузии! — крикнул кто-то, но крик утонул в общем молчании.

Гости позабыли о прекрасном вине и изысканных угощениях на серебряных блюдах. Все молча смотре-

ли на короля, который скинул с себя парчовые одежды, оставшись обнаженным до пояса. Многочисленные гости, среди которых было немало женщин, произвольно любовались его могучим, загорелым телом, украшенным многочисленными шрамами и не имеющим ни единой складки жира.

Алые Стражи довольно грубо подняли шестерых пленных с колен и вручили каждому щит и острый меч. Увидев, что им без всякого обмана выдали боевое остро отточенное оружие, а Кулл, выхватив меч, стоял один, заговорщики решили дорого продать свои жизни. А может, в отчаянном безумии, они вдруг на мгновение поверили, что смогут справиться все вместе с одним воином.

Сотни глаз устремились на то место, где шестеро отравителей вытянули мечи в сторону приближающегося Кулла. Седьмой, юноша с бледным лицом, взял меч из рук Алого Стража, но держал его острием вниз.

— Бей его, смерть узурпатору! — вскричал один из тех, кто несколько минут назад молил о пощаде.

Шестеро грелиманусцев вмиг окружили короля, как комары облепляют случайно забредшего на болота медведя. Но так же легко, как от жала комара, Кулл уворачивался от их ударов.

Для Кулла не имело значения, кто стоит перед ним с оружием в руках, для него исчезли огромный роскошный пиршественный зал и сотни глаз, неотрывно следивших за ним. Варвар с берегов Атлантиды забыл, что за его спиной стоят Алые Стражи, лучшие в мире воины.

Кулл забыл обо всем, кроме жалких противников, в глупости своей возомнивших, что могут победить его.

Удар сверху вниз — и вот уже первый противник упал с раскрытым черепом, и тут же удар снизу вверх — и второй грелиманусец заорал предсмертным криком. Третий, самый отчаянный, нанес резкий ру-

бящий удар, но Кулл с разворота покончил и с ним, не обратив ни малейшего внимания на рану, на то, что он весь обрызган кровью — своей и чужой. Он провел выпад, который невозможно отразить, и еще один заговорщик упал, распростившись с жизнью.

Один из двоих оставшихся закричал в испуге, поняв неотвратимость смерти, и, выставив меч вперед, бросился прочь от Кулла, надеясь протаранить себе путь среди слуг и выскочить из дворца, позорным бегством спасая жизнь. Рабы разбежались пред блеском стали, испуганные искаженным страхом и ненавистью лицом беглеца.

До спасительных дверей оставалось совсем немного, в лицо заговорщику уже пахнуло опьяняющим ветром свободы, как путь заговорщику преградили двое Алых Стражей, хмурых и безжалостных. Словно молнии сверкнули два клинка, и из спины грелимануса показали два обгаренных кровью острия.

Кулл тем временем покончил с еще одним заговорщиком, у ног его валялись пять трупов. Он подлетел к бледному юноше с гордым гербом на груди.

— Подними меч и защищайся, подлый отравитель! — крикнул ему Кулл. — Прими смерть, как мужчина.

— Моя жизнь принадлежит вам, Ваше Величество, — не поднимая клинка, ответил молодой человек. — И если вам так нужно, убейте меня.

— Ты вместе с этими мерзавцами пытался отравить меня!

— Как я мог хотеть смерти короля, за которого отдал жизнь мой отец и за которого я сам проливал кровь уже в трех битвах?

Кулл остановился.

— Да, я помню, в прошлом сражении ты проявил мужество и бесстрашие, достойное воина. Тем более я удивлен тем, что представитель столь благородного рода оказался среди заговорщиков.

— Я не имею к ним никакого отношения, — спокойно ответил юноша, глядя Куллу прямо в глаза и готовый принять смерть, но не поднять меча на своего повелителя.

— Почему же ты не прикоснулся к вину, когда я провозгласил тост за великого Хотата? — удивленно спросил Кулл, которому очень хотелось, чтобы юноша доказал свою невиновность, — ему он нравился.

— Я не пил вина, — спокойно ответил тот, — потому, что дал обет не прикасаться к вину и изысканным яствам до тех пор, пока не обвенчаюсь со своей возлюбленной, ее зовут Фейра, дочь известного вам гора-Марина. Но она отправилась за благословением к своему деду в Грелиманус, и я с тревогой ожидаю ее возвращения. Я поехал бы вместе с ней, но обязан был присутствовать на этом пиру. Я не мог нарушить традиций. Но я не мог и нарушить обета не пить ничего, кроме родниковой воды, и не есть ничего, кроме черного хлеба. Я все сказал. Если сомневаетесь в моих словах, убейте меня. Я с удовольствием приму смерть за своего короля.

— Как твое имя?

— Хеерст из рода Дракбары.

Кулл опустил меч и обнял юношу.

— Твои слова обогревают мое сердце, — сказал король. — Не все в моем царстве думают лишь о том, как погубить меня и завладеть моим тронem. Я бы выпил с тобой вина, отважный Хеерст, но я уважаю твой обет. У меня к тебе есть поручение. Готов ли ты выполнить его прямо сейчас?

— Что прикажете, мой повелитель?

— Отправляйся немедленно в Грелиманус и проверь слова этих... — Кулл брезгливо указал на трупы, которых уносили рабы. — Но, что бы там ни происходило, ты обязан вернуться живым и все рассказать мне. Если там все в порядке, передай правителям города, что, как только я справлюсь со срочными делами, сам приеду посмотреть, как они живут. Я давно собирался съездить туда.

— Я уже мчусь в конюшню, мой повелитель! — пылко воскликнул юноша.

Король уселся в свое кресло. Бокал перед ним был полон. Тут же подошли три женщины с тазами, полными воды, чтобы промыть и перевязать раны их повелителя.

За все время, что происходили описанные события, гости словно забыли о своем голоде и жажде, но сейчас, когда все благополучно завершилось, аппетит давал знать о себе со зверской силой.

Те, кто не успел произнести здравицы днем на площади перед дворцом, рассчитывали наверстать упущенное, готовясь произнести пышные слова в надежде обратить на себя взгляд короля. Кулл, прекрасно зная об этом, сожалел, что сладостные мгновения схватки пролетели столь стремительно и вновь подкатила скука застолья.

Какое-то время он слушал витиеватый тост Ка-ну, любившего поговорить не менее, чем пить вино или обнимать знойных красоток.

Знатные гости и послы вставали один за другим, произнося хвалебные речи королю Куллу и восславляя великому Хотату. Сам Кулл сидел, закрыв глаза, — может, он заснул, но все считали, что он слушает или думает о важных неотложных государственных делах.

Очень скоро пирующие дошли до того состояния, когда уже не слышат речи других, а когда произносят речь сами, не обращают внимания: слушает ли их хоть кто-нибудь.

— Кулл, пойдем в сад, — тихо предложил на ухо королю Брул. — У меня для тебя есть подарок. Заодно и поговорим. Гости уже не заметят твоего ухода.

Кулл обвел взглядом зал, посмотрел на золотое блюдо с изысканными деликатесами, к которым так и не притронулся.

— Да, Брул, ты прав. Пойдем поговорим. Советник Ту, посол Ка-ну, не хотите присоединиться к

нам, пройтись по свежему воздуху? Здесь стало чересчур душно.

Ту без слов поставил на стол кубок и встал. Ка-ну с благодушной улыбкой согнал черноволосую красотку, пристроившуюся у него на коленях.

— Иди-иди, крошка, — сказал посол пиктов девушке. — Я вернусь, и у нас еще будет время обсудить твои прелести.

Король и трое его ближайших друзей вышли в сад, восемь Алых Стражей во главе с Келкором на приличном расстоянии следовали за ними.

Никто из гостей, увлеченных прекрасным вином и изумительными угощениями, которых на столе не уменьшалось, не обратил внимания на уход короля из пиршественного зала.

Брул уверенно вел правителя Валузии и его спутников в дальний, заросший вековыми деревьями уголок сада, почти у самой каменной стены, огораживающей королевский дворец. Ноздри короля раздулись, почувствовав полузабытый запах костра.

— Я, кажется, понял, Брул, какой подарок ты мне приготовил, — сказал Кулл.

— Я заметил, что ты ничего не ел во время пира.

Они вышли на небольшую лужайку. Двое рабов жарили на костре тушу животного.

Брул подошел к ним и придирчиво осмотрел мясо.

— Скоро будет совсем готово, — сообщил он, усаживаясь прямо в траву. — Этот олень сегодня бегал по лесу.

— Я пьян уже от самого запаха, — сказал Кулл, также усаживаясь в траву. — Удружил, Брул. Я сам не понимал, что мне хочется, а оказалось, все так просто... Что-то приобретаю, обязательно что-то теряешь. Если живешь во дворце, то тоскуешь по воле гор, по охоте... Как мне надоели эти покушения, если бы ты знал, Брул! Я не могу думать о делах страны — я все время вынужден защищать свой трон. Вместо того, чтобы продумать, где строить новый

порт и съездить самому все посмотреть на месте, мне теперь придется заниматься этими заговорщиками в Грелиманусе.

— Это наказание каждого правителя,— со вздохом сказал старый Ка-ну.— Стоит на мгновение ослабить внимание, и запросто можно лишиться короны. Вместе с головой.

— Что Ваше Величество думает о сообщенном грелиманусцами? — спросил советник Ту.— Возможно ли, чтобы повелитель змей вместе со своими змеелюдьями и Тулса Обреченный, наш заклятый враг, заключили союз?

— Валка и Хотат, если б я знал! — воскликнул Кулл.— Но змеелюди коварны и хитры, они могут пойти на что угодно, чтобы покорить Валузию, а затем и все Семь Империй, весь мир...

— Если это так, нельзя давать им время накопить силы. Сейчас они могут лишь засылать подлых убийц, но пройдет несколько лет, и они двинут на столицу целую армию жутких чудовищ.

Брул снял поджарившуюся оленину с костра и отрезал королю лучший кусок. Тот с дикарской жадностью принялся есть.

Да и походил сейчас Кулл больше на дикаря — едва умывшись после схватки, еще взлохмаченный, со свежими ранами.

— Около года назад, по дороге в Зальфхаану, я был в Грелиманусе,— наконец произнес король.— И там принимали меня, как подобает. Я не верю в слова этих заговорщиков. Они могли мать родную обвинить в любых мерзостях, лишь бы сохранить жизнь. Но завтра же мы отправляемся в поход и сами во всем разберемся.

— Ты ничего не увидишь,— возразил Ка-ну.— У твоих врагов еще мало сил, и они тщательно прячутся. Нет смысла тебе ехать в пышном окружении свиты под охраной Алых Стражей. Коварные враги проведуют о твоём приближении и успеют спрятать все,

что не захотят показывать. Ты вновь увидишь лишь улыбки и довольных подданных.

— А что ты можешь предложить?

— Пусть советник Ту вместе со всей свитой отправляется в другую сторону, на запад, по побережью, а твои одежды и золотой шлем оденет схожий по сложению воин. О том, что ты отправился на запад, узнают все. И враги, ничего не заподозрив, будут продолжать свои грязные дела. Сам же, вместе с Брулом, переоденешься в наемных воинов и, под видом обычных путников, все разведай.

Кулл встал, обтерев о траву жирные руки.

— Что ж, Ка-ну, ты дал мудрый совет. Брул, ты готов ехать со мной в Грелиманус?

— Я всегда готов,— осклабился в улыбке пикт.— Лес мне дом родной, а отец — вольный ветер. Скучно жить без опасностей, как есть пресную лепешку без мяса и вина.

— Значит, с восходом солнца и отправимся,— решил Кулл.— Я разворошу это осиное гнездо, кто бы ни объединялся в союз против меня — будь это Тулса Обреченный, змеелюди, пираты или древние боги. Я знаю, что трон Валузии принадлежит мне, и никому не уступлю его!

Глава вторая

ДАВНЕЕ СНОВИДЕНИЕ, ИЗМЕНИВШЕЕ ЖИЗНЬ

Валузия — прекраснейшая и самая большая и могущественная страна во всем цивилизованном мире, нет сомнений. Когда Ка, птица творения, лишь просыпалась, чтобы волей своей родить из пыли космической землю и воду, над которыми поставит править Валку, то тогда, наверняка, первой мыслью чудесного создания было рождение Валузии, центра земли, средоточия древней мудрости и жизни.

Птица Ка щедро одарила любимую землю — плодородные реки пересекали зеленеющие долины, богатые моря омывали страну с востока и севера, горячие пустыни обогревали ее с юга, непроходимые горы защищали от жестоких восточных ветров.

И как сама Валузия была торсом мира, сердцем Валузии являлся Хрустальный город, расположенный почти в самом центре страны — до ближайших северных границ было не менее десяти дней бешеной скачки на лучшем скакуне.

Древнюю Валузию пересекало множество торговых путей. Король Кулл, денно и ночью болеющий за свою страну, выделял из казны огромные средства на ремонт многочисленных дорог и благоустройство новых. Его радение окупалось сторицей — верулийские купцы предпочитали везти товары в Грондар, Зарфахаану и малые княжества через Валузию, значительно

пополняя пошлиной королевскую казну и принося прибыль многочисленным придорожным тавернам, из которых не слишком обременительные налоги малыми ручейками стекались в полноводную реку, поддерживающую роскошь и блеск древней и самой красивой в мире столицы.

Из этой же денежной реки оплачивалась хорошо обученная регулярная армия, готовая отразить любые нападения жадных до валузийских богатств соседей. Береговая охрана оберегала страну от вылазок атлантических племен и набегов лемурийских пиратов, внутренние отряды поддерживали порядок в больших и малых городах и в густо населенной части страны. За годы правления Кулла почти полностью были изничтожены многочисленные разбойничьи ватаги. Жалкие остатки банд затаились в неприступных горах Залгары или убрались за пустыню, в малые княжества, изредка от отчаяния отваживаясь на короткий рейд в могучую богатую страну.

А ведь всего-то чуть больше десяти лет назад Валузию сотрясали бунты черни. Бароны угрожали безопасности столицы, король Борн в бессильной жестокости пытался потопить в реках крови недовольство собственного народа...

Король Кулл во главе многочисленного отряда подъезжал по мощенной тесаными булыжниками дороге к городу Дапрезу. Огромное заходящее солнце подчеркивало спокойное выражение лица с серыми, как холодное море, глазами, играло на золотом шлеме, в вечерних тенях более рельефно выпирали могучие мускулы — почти нереальное зрелище. Кулл напоминал мифического древнего великана с храмовых фресок.

Чуть позади правителя Валузии следовали Брул и Келкор. За ними сорок, похожих на монументы, подобранных один к одному, всадников царапали небо копьями с королевскими флажками. Все знали, что это личная гвардия короля — легендарные Алые Стражи. Позади них виднелась роскошная карета, в кото-

рой находились немолодые советники правителя — убежденный сединой главный сановник Ту и чуть расплывшийся в стороны от излишеств в пище и вине посол пиктов в Валузии Ка-ну.

Король с кортежем пятый день следовал на восток, к побережью, чтобы нанести визит правителю соседней Вериулии.

Караваны купцов, узрев на дороге короля, сгоняли повозки на обочину, а сами становились на колени, в глубоком поклоне приветствуя Кулла, воздавая ему благодарность за безопасность на торговых путях и радование о качестве валузийских дорог. В больших и малых городах народ высыпал на улицу. Отцы города приветствовали Кулла и предлагали в лучшем доме или дворце отдохнуть с дороги и отобедать. Но у короля все было спланировано заранее — вестовые мчались на три дня впереди, оповещая подданных о приближении повелителя и подготавливая ночлег и отдых в городах, которые выбирал советник Ту.

Но остановку в крупном, многонаселенном и богатом Дапрезе, а не в предыдущем более маленьком Гаазаре предложил сам король, проскакав на четыре часа дольше, чем обычно, доставив тем самым некоторые неудобства пожилым Ту и Ка-ну.

У Кулла были причины остановиться на отдых именно в Дапрезе. С этим городом у короля были связаны особые воспоминания...

* * *

Если бы кто-нибудь сказал Кулле, когда он мускулистым юношей бродил с товарищами в поисках добычи по горной Атлантиде в одной повязке из леопардовой шкуры на бедрах, что у него в душе могут проснуться другие чувства, кроме постоянного голода и жажды битвы, он рассмеялся бы наглему в лицо, а то и просто проткнул бы его острым копьем.

В то время Кулл не задумывался о том, зачем живет, каков будет его дальнейший жизненный путь,—

прекрасные дикие горы заполняли для него весь огромный мир.

Но иногда, вечерами у костра, он слушал удивительные рассказы о далекой Валузии и Хрустальном городе со стенами в дюжину раз выше самого высокого мужчины, где величественные дворцы восхищают красотой и величием, где женщины ходят в ослепительных одеждах из странных блестящих тканей...

Сердце юного Кулла замирало, но все это было так далеко и нереально...

Атлант может попасть в Валузию только став рабом, поэтому все валузийцы — враги и заслуживают лишь одного: немедленной смерти.

И Кулл готов был резать, колоть, убивать любых врагов родной Атлантиды — будь то валузийские Черные Отряды, будь то беспощадные лемурийские пираты или пиктские варвары. Кулл считал, что человек рожден для того, чтобы охотиться для утоления голода и убивать врагов, защищая родную землю и завоевывая для своего племени рабов и богатую добычу.

Кулл не очень любил людей, считая своими братьями тигров, и был уверен, что человек отличается от зверей лишь похотью и жадностью.

Гораздо позже он понял, что есть еще одна черта, разнящая человека животным, — ненужная жестокость, когда враг уже не сражается или просто в силу своей слабости и безоружности не может оказать сопротивления. Ни один тигр в мире не убьет добычи больше, чем сможет съесть...

Но в том юном возрасте Кулл не думал об этом. Его больше беспокоила мысль, что он не знает своего происхождения, — его нашли голым младенцем в лесу и приняли в племя, как родного, хотя и похож он был больше не на атланта, а на людей из рода изгнанников, когда-то, до Великого Наводнения, живших в Долине Тигров.

И если бы кто-то сказал юному Кулле после сытного ужина у костра в горах, когда он вместе с дру-

гом Ам-ра и наставником Хор-наком возвращался с охоты на пещерную стоянку своего племени, что такое чувство, как сострадание, изменит всю его жизнь, он бы не поверил.

В те мгновения, когда он заснул на ласковой траве рядом с Хор-наком, а Ам-ра бронзовым монументом стоял на страже их покоя, поразительное, ни на что прежнее не похожее сновидение растревожило его: яркие зеленые звезды разогнали тьму сна и вспыхнули, открыв ослепительно яркий солнечный день, тишину прорезали звуки тысячи труб, и огромная толпа людей восхищенно кричала здравицы одному человеку — высокому мужчине в золотых воинских доспехах с обнаженным мечом в руке, стоявшему у огромного трона, гордо расправив плечи. И крики этих людей сквозь сон запечатлелись навечно в памяти юного атланта: «Да здравствует король Кулл, вечная ему слава!»

Король Кулл... Откуда взялось это сумасшедшее видение в его голове, что оно означало?

Но что-то неуловимо изменилось той ночью в юноше.

Когда они втроем — Хор-нак, Ам-ра и Кулл — подходили к знакомой, переливающейся в лучах утреннего солнца, реке, где в береговой скале темнели зевы родных пещер, Кулл еще не осознал этого изменения.

Возле пещер, у врытого в землю столба, собралось все племя. Угадать причину оказалось несложно издавна: к столбу была привязана Сарита, рядом с зажженным факелом в руке прыгал жрец племени, выкаркивая заклинания и проклятия, готовый поджечь сложенные у ног несчастной поленья.

— Попалась, распутница! — зло процедил Хор-нак, не сбавляя шага. — Поделом ей, нечего было убегать с этим проклятым лемурийцем! Не он ли там валя-

ется?

Кулл, стараясь не отстать от старшего, взгляделся вдаль. Неподдалеку от позорного столба казни

валялось изуродованное тело лемурийского моряка. Одна из собак пыталась оторвать мертвецу ухо, остальные, свернув кольцами хвосты, ждали своей очереди, но на них никто из собравшихся не обращал ни малейшего внимания.

Охотники сбросили добычу с плеч, уложили на специальных камнях, чтобы потом оленину обрабатывали женщины, положили рядом копья и присоединились к толпе.

Жрец, размахивая дымящимся в левой руке факелом, продолжал выкрикивать проклятия предательнице, поправшей законы своего народа.

Кулл бросил быстрый взгляд на Ам-ра. Юноша был бледен, прикусил губу, чтобы не закричать.

В лице опозоренной обнаженной Сариты тоже не было ни кровинки. Деревянная цепь некрасиво задрала вверх правую грудь. Девушка боялась — уже не смерти, быстрая гибель была бы для нее сейчас подарком свыше. Она боялась неминуемой боли и долгой муки. И ни в ком, ни в одном взгляде не видела она ни искры сочувствия. Даже мать Сариты — пожилая женщина со взлохмаченными волосами и в сбившейся протертой шкуре — проклинала дочь, причем старалась больше всех:

— Видит Валка, что я клянусь миг, когда родила тебя, позор Атлантиды! Больше ты мне не дочь! Смерть ей, смерть!

Она плюнула в собственную дочь, и стоявший рядом вождь с убежденными временем волосами молча одобрительно кивнул. Хотя, пожалуй, все до единого в племени знали, что Сарита не сбежала с лемурийцем — ее похитили прошлой осенью. Ам-ра, влюбленный в девушку, и его верный друг Кулл участвовали в погоне, но лишь проводили взглядами быстроходный пиратский корабль. Ам-ра хотел тогда вонзить себе в сердце кремниевый кинжал, но Кулл не позволил ему этого. Видя горе друга, тогда, прошлой осенью, Кулл поклялся никогда не влюбляться. Никог-

да. И с тех пор не достаивал молодых женщин племени даже мимолетным взглядом.

Но сейчас глаза Сариты были устремлены на него, Кулла, и он не мог отвести взгляда. Через несколько мгновений жрец коснется зажатым в левой руке факелом поленицы, на которой покоились ступни девушки, вспыхнет яркое пламя, пожирая девушку, облизывая жаром ее нежную кожу.

Кулл бросил быстрый взгляд на пояс, за который был засунут нож, и вопросительно поднял брови. Девушка вымученно улыбнулась ему и кивнула.

Эту предсмертную улыбку Кулл не забудет до самой смерти.

Даже если бы он, расталкивая сородичей, прорвался к столбу, то, не успев даже освободить тяжелую деревянную цепь, был бы убит своими же соплеменниками. Но и смотреть на муки Сариты Кулл не мог. Ам-ра уткнул взгляд в землю, ему было плохо. Он упал бы без сил, если бы Хор-нак не положил юноше руку на плечи.

Кулл выхватил из-за пояса охотничий нож и метнул. Верный глаз и крепкая рука не подвели даже в столь неожиданных обстоятельствах — смертоносный кремьень вонзился прямо под левую грудь девушки, прекратив ее муки до начала пытки.

По толпе пронесся дикий крик недоумения, смешанный с разочарованием и гневом. Те, кто стоял рядом с тремя вернувшимися охотниками, обличающе вытягивали руки в сторону Кулла.

За такую провинность по законам Атлантиды его ждало лишь одно наказание — он заменит на позорном столбе казни убитую.

Кулл не стал дожидаться, пока его схватят, он шагнул назад и, обжевав толпу, кинулся к отвесной скале. Он взлетел по ней, словно у него выросли крылья.

По всем законам дикой страны он должен быть убит, и его наставник Хор-нак, опомнившийся пер-

вым, выдернул из-за спины лук. В мгновение ока была вставлена стрела, меткий глаз прицелился. Но в тот миг, когда пальцы Хор-нака готовы были отпустить тетиву, Ам-ра нечаянно толкнул своего наставника под локоть и стрела со свистом ушла в небо.

Кулл достиг верхушки скалы и, не оглядываясь, побежал вперед. Он понимал, что или больше никогда не увидит Атлантиды (но для этого сперва необходимо выбраться с огромного острова), или же будет схвачен, и его счастье, если он погибнет в схватке. И Кулл бежал так быстро, как, может быть, не бегал никогда прежде.

Где-то там, далеко внизу, раздавались крики разгоряченных гневом и жаждой мести бывших сородичей.

Кулл в надежде, что в устье реки какой-нибудь корабль набирает пресную воду, рвался туда.

На морском берегу он увидел полусожженный лемурийский корабль с порванным парусом и переломанными веслами, вытащенный на берег. Вокруг валялись трупы. Атланты не пожалели ни рабов-гребцов, ни немногочисленных женщин, плавающих с пиратами. Исключение сделали лишь для Сариты, и то, чтобы казнить ее публично. Засада, по всему видно, была хорошо подготовлена — ни одного погибшего атланта на берегу не видно.

Кулл, постояв мгновение, резко развернулся и побежал обратно в горы, стараясь не столкнуться с погоней. Он прекрасно отдавал себе отчет, что на Атлантиде ему не жить. К вечеру гонцы и барабанный бой оповестят все племена о скрывшемся беглеце, нарушившем и осквернившем законы чести атлантов. Но и выбраться с Атлантиды было невозможно — даже самый могучий и опытный пловец не в состоянии переплыть море, отделявшее Атлантиду от Лемурии или материка.

Оставалось одно — спрятаться в горах и, охотясь на диких животных, пересидеть какое-то время и дож-

даться корабля, наняться выполнять любую работу и достигнуть берегов вожделенной Валузии.

Кулл и верил, и не верил одновременно в чудесное сновидение, посетившее его в ночь перед тем, как столь резко изменилась его жизнь. Не поддайся он странному порыву сострадания — когда-нибудь он стал бы мудрым и уважаемым вождем своего народа...

Оружия у него не было, ни считая голых рук. Но отсутствие оружия не беспокоило юного варвара — он вырос в горах Атлантиды и чувствовал себя тут как дома.

Почти месяц скрывался он в прибрежных скалах. Кулл сделал себе новый нож, вырубил из молодого стройного деревца копье. Справил новую шкуру, выдержав изнурительный поединок с двухгодовалым ягуаром, оставившим на всю жизнь отметины когтей на плече и спине Кулла. Однажды он увидел издали белого жителя гор — ужасное чудовище, которое издает звуки, напоминающие рев роговых труб. Эти звуки завораживают любое живое существо, будь то хищник, олень или человек, подманивают и убивают. Каждый атлант, заметив белого жителя гор, обязан был бросить все — охоту или путешествие к другому племени и бежать к ближайшей стоянке, оповещать старейшин о появлении чудовища. Любой атлант так и поступил бы. Но Кулл никуда не пошел, он ведь был изгоем, приговоренным собственным народом к жуткой казни.

Каждый вечер Кулл взбирался на высокое дерево, чтобы, прячась в густой листве, посмотреть на море, где за далеким маревом горизонта скрывалась Валузия, явившаяся ему в чудесном сне. Он смотрел — не появится ли где в предзакатной мгле корабль, чтобы пополнить в реке запасы пресной воды.

Своего часа он наконец-то дождался — корабль не был похож ни на валузийский фрегат, ни на быстроходную пиктскую галеру, хотя имел длинный ряд мощных весел и шел под парусом.

Кулл быстро спустился с дерева и, не забывая об осторожности, бросился к морскому берегу, чтобы успеть к кораблю до его отплытия: долго у берегов Атлантиды корабли старались не задерживаться.

Он успел вовремя — почти в полной темноте хмурые матросы закатывали по трапу бочки с водой. Кулл подошел к стоявшему в стороне мрачному мужчине с витой плетью в руке.

— Довезите меня до Валузии, — попросил Кулл. — Во время пути я буду выполнять любую самую тяжелую работу.

Только сейчас до юноши дошло, что мужчина может не знать языка атлантов. Но тот знал, он смерил презрительным взглядом дикаря и кивнул на последнюю бочку.

— Взвали на плечи и тащи, — немного коверкая слова, сказал он. — Посмотрим, на что ты способен, атлант.

Кулл с легкостью взвалил тяжеленную бочку и чуть ли не побежал вверх по трапу: дивная Валузия уже маячила у него перед глазами. Он поставил бочку рядом с остальными и повернулся к взошедшему на борт мужчине с плетью.

— Ну как, гожусь?

— Годишься, — с усмешкой на губах кивнул тот.

И тут же сокрушительный удар сзади обрушился Куллу на голову.

Очнулся он уже закованным в цепи. По лицу стекали струи воды.

— Очухался, атлант? — еще сильнее, чем первый мужчина, коверкая слова, произнес огромный лемуриец со свисающими складками густо поросших волосами груди и живота. Он был в одних широких штанах, даже без сапог. — Вставай! Пшел в трюм, там теперь твой дом родной!

Кулла бросили в грязное, темное, вонючее помещение, переполненное людьми — такими же, как он теперь, рабами-галерниками.

К нему подошли двое рослых, грязных мужчин, тоже в кандалах.

— О, какой очаровательный мальчик! — воскликнул один из них. — Не хочешь полюбить меня, птеник?

Кулл промолчал, поскольку фраза была произнесена на лемурийском, из которого он знал едва несколько слов, да и те имели отношение не к любви, а к смерти.

Детина приблизился к Куллу, обнял его, обдав волной отвратительной вони. Даже Кулл почувствовал дикое отвращение. С него попытались снять его шкуру, обернутую вокруг бедер. Кулл оттолкнул незнакомца.

— Ах ты, тварь, не хочешь по-доброму?! — Ничего хорошего в тоне детины не было.

Намерения его ясно отражались на лице. Вокруг сверкало множество любопытных глаз, раздались подбадривающие галерника возгласы.

Кулл звериным, варварским чутьем понял, что опасность надвигается стремительно и времени на раздумья или переговоры нет. Да он и не собирался вступать в переговоры — перед ним был враг. А с врагом разговор короткий. Кулл словно забыл, что с ним произошло и где он.

Он взмахнул правой рукой, одновременно поведя левой, чтобы короткая цепь не помешала удару. Он не бил кулаком — железо наручника попало прямо по виску насильника. Тот с диким криком инстинктивно отступил на шаг и кулем рухнул вниз.

В грязном помещении на мгновение повисла мертвая тишина. А через мгновение она взорвалась десятком криков — слов было не разобрать.

Распахнулся люк и по лестнице быстро спустились в трюм четверо воинов с мечами и плетями. Галерники подались к стенам, указывая на Кулла и распростертого перед ним мертвеца. Товарищ убитого что-то быстро говорил солдатам на лемурийском.

Двое подхватили мертвеца за ноги и подняли наверх — голова со спутанными волосами билась о жерди лестницы. Один солдат недвусмысленно подтолкнул Кулла, чтобы тот тоже выбирался на палубу.

Наверху его били — кулаками, рукоятками мечей, ногами в тяжелых сапогах.

Очнулся Кулл, когда ярко светило солнце. Он был прислонен к борту, в весельную прорезь лился добрый свет, столь не подходящий для вонючего полу-темного помещения. Врывающийся снаружи морской ветер трепал Кулла волосы. Перед ним ровно двигалось весло, которым гребли трое соседей по скамье.

— Пить! — едва нашел он силы вытолкнуть просьбу из разбитых и опухших губ.

Ответом ему последовал свист плети и острая боль в плече. Соседи отодвинулись, чтобы ненароком не досталось и им, но не прекратили натужного движения весла. Бой большого барабана задавал медленный, непрерывный ритм.

Так дикий вольный варвар стал галерником на пиратском корабле.

Больше полугода гребцы не выдерживают — умирают от непомерных нагрузок и постоянных побоев. Кулл сидел за тяжелым веслом почти два года.

В первую же ночь после дня напряженной однообразной работы он хотел покончить с собой, но в последнее мгновение призрачный прекрасный город из сновидения встал во всех своих сказочных подробностях перед глазами юноши. И Кулл решил бежать.

Он пытался бежать семь раз, но всякий раз его ловили и нещадно били, иногда ломая ребра, так что потом резкая боль пронзала тело при каждом взмахе весла, а тяжелый бой барабана не давал передохнуть ни секунды. Но после каждого избиения, прежде чем вновь усесться за весло, Кулл еще несколько суток маялся привязанным к мачте на верхней палубе, под палящим солнцем, облепленный слепнями и прочей гнусью. И в полдень, когда терпение было уже на

исходе, пираты специально выводили остальных гребцов, чтобы те полюбовались на провинившегося.

Дни для Кулла слились в один. Он перестал думать о чем-либо, кроме этого равномерного движения весла, грохота барабана, короткого отдыха в воюющем трюме, скудной корки хлеба и жидкой похлебки на ночь.

В трюме, после того памятного всем случая, когда двое пиктов пытались изнасиловать новичка, к нему больше не подходили — боялись. С дружбой особого не навязывались, но Кулл к этому и не стремился. Гребцов из трюма выводили не каждый день, да, случалось, когда и выводили, дул попутный ветер. Тогда рабы сушили весла, выпадала возможность чуть отдохнуть и перекинуться несколькими словами с ближайшими соседями. Сам того не желая, Кулл выучил лемурийский, немного валузийский и пиктский языки. На корабле были галерники любых национальностей — и верулийцы, и зальгарцы, и беловолосые люди с далеких северных просторов, и смуглокожие чернявые южане, и даже один совсем чернокожий, словно обугленная головешка...

Случай, то ли в насмешку, то ли в уважение к его будущей великой судьбе?! — удружил Кулла. Он попал на корабль к самому знаменитому, наглому и удачливому пирату всех морей — капитану Антишу, который славился не только среди лемурийских пиратов, но и всех прочих своей отчаянной решимостью и легендарной смелостью. Поговаривали, что в одном бою Антиш лично зарубил мечом тридцати трех противников и что ему покровительствует сам повелитель морей за то, что Антиш ежегодно приносит ему в жертву самую красивую из плененных девушек.

Капитан Антиш был не только безгранично смел, но и умен. Он понимал, что значительную часть преимущества перед врагом составляет скорость его неуловимой галеры. А ее обеспечивали гребцы. И всегда в его трюме было больше рабов, чем мест на

веслах. Он не жалел гребцов, выбрасывая за борт умерших от напряжения или продавая в Лемурии тех, кто уже не был способен грести с полной отдачей. При необходимости — когда не было пленных — капитан не жалел денег на покупку новых рабов, чтобы посадить их на галеры. Команда же, тоже часто менявшаяся, но пополняемая не рабами, а свободными лемурийцами либо прочими авантюристами, которых судьба бросает в поисках удачи по всему миру, была подобрана исключительно из бесстрашных негодяев, за головы которых в Верулии, Валузии и других странах Семи Империй были назначены немалые призы. Разумеется, за голову самого капитана Антиша была обещана фантастическая награда, к которой многие купцы от себя добавили бы солидный кошелек.

Время от времени, скорее чаще, чем реже, пиратский корабль с нежным именем «Лорелла» вступал в бой со встречными кораблями — пиктскими, валузийскими, зарфхаанскими... Как правило, это были купеческие корабли, и схватка продолжалась недолго, но иногда «Лорелла» натывалась на военные верулийские либо валузийские корабли и тогда капитан Антиш — тот самый мрачный человек с плетью, к которому когда-то, целую вечность назад, подошел Кулл с просьбой взять на борт, — решал: принимать бой или спастись бегством.

В последнем случае барабан менял размеренный ритм на сумасшедшую дробь, и гребцы выбивались из сил. После таких побегов более половины рабов приходилось выбрасывать за борт. Но если шел бой, Кулла было еще невыносимее от доносившихся сверху звуков сражения — он должен быть там, круша врагов и подставляя грудь опасности, а не налегать на тяжелое весло.

Однажды, после того как битва отшумела, а пираты праздновали очередную победу, наливаясь пенящимся верулийским вином, Кулл сказал надсмотр-

щику, что больше пользы принесет с мечом в руках, а не двигая веслом вместе с другими рабами. К тому времени почти все гребцы, что встретили Кулла в первую ночь на галере, погибли, и надсмотрщик, удивляясь выносливости и жизнеспособности молодого атланта, всегда сажал его с краю в левом первом ряду, чтобы он своим примером заводил остальных.

Надсмотрщик посмотрел на Кулла, усмехнулся и пошел к капитану.

Капитан Антиш внешне не был могуч, но его сухощавая фигура состояла из одних мышц. Довольный только что одержанной победой и богатой добычей капитан снизошел до того, что приказал привести Кулла на палубу, расковать его и дать ему оружие.

— Если нанесешь мне хоть царапину, так и быть, возьму в команду! — пообещал капитан.

Кулл надел небольшой круглый лемурийский щит на левую руку, взмахнул правой, проверяя, как лежит в руке меч, насколько он тяжел и сбалансирован, а потом бросился в бой.

Он не привык сражаться на шаткой палубе, но если б дело происходило в родных горах, то и тогда, скорее всего, поединок закончился бы с тем же исходом. Кулл был силен и бесстрашен, тело соскучилось по битве. Но он встретился с настоящим мастером боя.

Капитан играючи, с легкой усмешкой под тонкими щегольскими усиками, отражал сумасшедшие выпады Кулла или просто уворачивался от них, не нападая сам. Куллом от бессилия овладела ярость, глаза застлала кровавая пелена — он стремился уже не просто ранить, как договаривались, а убить ненавистного лемурийца. Но тот, видимо, прошел великолепную школу — движения капитана пиратов были стремительны и точны.

Наконец Антишу это все надоело, он парировал очередной могучий выпад Кулла и на противоходе выбил клинок из рук атланта. Приставил меч к его горлу.

— Иди на весла, гнусный раб, — с непередаваемым презрением процедил пират. — Благородный бой не для тебя.

В эту ночь Кулл хотел покончить с собой во второй раз, но передумал, поклялся, что сбежит, научится сражаться на мечах, познает все премудрости этой науки — поскольку одного желания победить оказывалось достаточным в сражениях с такими же, как он, варварами и простыми солдатами, но мало в схватке с настоящим мастером. Он убьет проклятого лемурийца. Ради этого стоило жить.

Но Кулл больше не желал сломя голову пытаться бежать и стал тщательно продумывать побег, чтобы подготовить все загодя и избежать любых случайностей.

Своего часа он дождался раньше, чем предполагал.

Капитан Антиш щедро прикармливая на побережьях Верулии и Валузии множество нищих бродяг, за это располагал необходимыми для его дерзких операций сведениями. Вот и в этот раз пират знал, когда из верулийского северного порта выйдет караван из трех купеческих судов, груженных драгоценными шелками и пряностями. Антиш собирался перехватить их у берегов Валузии.

Что такое три торговых судна для быстроходной галеры с четырьмя дюжинами хорошо вооруженных и обученных отчаянных морских дьяволов на борту? Пустяк. Ничто не предвещало беды.

Но купцам многих стран и капитану Антишу уже было тесно вместе на бескрайних просторах средних морей. На охотника поставили капкан.

Когда «Лорелла», всю ночь мчавшая на веслах к Валузии, вынырнула из предрассветной темноты, три купеческих судна, едва завидев знакомый силуэт, резко развернулись по курсу, пытаясь уйти к безопасным берегам. Их безнадежный маневр лишь вызвал грустно-ироническую усмешку на лице капитана Ан-

тиша. Бешено застучал барабан, выжимая последние силы из утомленных гребцов.

«Лорелла» стремительно приближалась к жертвам, отрезая им путь.

Но в мгновение ока роли поменялись. Перед лемурийским пиратом оказались не купеческие суда, доверху груженные желанной добычей, а боевые верулийские корабли, вместо шелков и пряностей переполненные солдатами. Когда Антиш сообразил, что его предали, что он угодил в смертельную ловушку, из-за горизонта появились еще три галеры, закрывая ему путь для бегства.

«Лорелла» была мгновенно зажата меж корпусов двух лжекупцов — с ужасным грохотом треснули вовремя не убранные внутрь весла.

Капитан Антиш был не из тех, кто будет, сложив руки, ждать, пока его потащат на виселицу. Он обратился к своим воинам с речью:

— Пришел, братья, последний час. Покажем этим верулийцам на что мы способны, и, может быть, удача улыбнется нам вновь. Отступления нет! Пощады не будет!

Помолчал и добавил:

— Освободите гребцов, выпустите запасных из трюма, дайте им оружие. Объясните, что противник не пощадит и их тоже. Пусть подороже продадут свои жизни, если смогут. Двое из них убьют одного врага — нам будет веселее в царстве мертвых. А если уж вдруг отобьемся — освободим всех, Валка им в помощь. К бою! И да помогут нам Холгар и Хонен!

Гребцы на «Лорелле» сидели по четверо на весле, скованные железными поясами с соединяющей цепью по двое. Через каждую двойку рабов пропусклась общая, рыжая от ржавчины, толстая, как питон, цепь. С Куллом в двойке был прикован новый галерник. На ночной переход все слабые были отбракованы и посажены свежие, из резерва. Кулл поначалу не обратил внимания на тощего черноволосого валузийца, с

которым его сковала прочная цепь. Хотя он уже немного знал валузийский, разговаривать с новичком было не о чем, да и во время ночного рейда, когда глухо-натурно ухает барабан и в любой момент на спину за нерадивость может опуститься витая плеть, особо не поговоришь.

Когда два вражеских корабля зажали с двух сторон «Лореллу», треснувшее весло резко ударило неопытного валузийца по лицу, и он сейчас сидел, сжавшись, закрыв рот руками, по которым стекала кровавая слюна. Время от времени он выплевывал выбитые зубы. Кулла все это не касалось, но он не расслаблялся ни на мгновение, готовый в любой момент воспользоваться одним-единственным шансом для побега, если великий Хотат предоставит его.

К надсмотрщику подбежал один из пиратов и что-то быстро зашептал ему на ухо. Тот удивленно посмотрел на товарища, пожал плечами, но кивнул в знак согласия — приказы капитана не обсуждаются. Еще двое пиратов принесли огромную охапку старых мечей и сложили у барабана. Один побежал отпирать люки в помещение, где томились запасные гребцы, двое стали освобождать уставших галерников от толстой цепи.

— Вы! — прокричал надсмотрщик, перекрывая голосом усиливающийся шум сражения. — Вы можете стать свободными лемурийцами — так сказал капитан Антиш. Если наш корабль возьмут верулийцы, все, и мы, и вы без разбора, будем болтаться на реях! Пощады не будет ни для кого. И капитан Антиш милостиво предоставил вам шанс умереть не как рабам, а как воинам. Разбирайте оружие и ступайте наверх, на корму.

Гребцы молчали, не зная, как воспринимать сказанное. Каждый из них был готов к смерти, но не к битве.

— Пояса с них тоже снимать? — спросил один из тех пиратов, что освобождал общую цепь.

— Некогда,— махнул рукой надсмотрщик.— Будут защищать друг другу спины... Вы! — вновь обратился он к гребцам. Тот, кто будет прятаться за другими, будет убит лично мной, обещаю! Вперед, мерзавцы, ваши жизни в ваших руках!

Он посторонился, пропуская гребцов на верхнюю палубу, где вовсю шло ожесточенное сражение.

Кулл с зазубренным мечом в руках, волоча за собой валузийца, поднялся по лестнице наверх, где шла яростная схватка.

От края борта на него тут же прыгнул верулиец в сверкающих доспехах.

Изменение в сознании с бесправного гребца на участвующего в битве воина не может произойти мгновенно. Если бы не полустертые в памяти, но вбитые тренировки Хор-нака, это была бы последняя секунда в жизни Кулла. Он каким-то звериным чутьем успел отстраниться, толкнув в бок скованного с ним валузийца, и топор напавшего бойца просвистел буквально в дюйме от обнаженного, блестящего от пота плеча атланта.

Кулл моментально вонзил зазубренный меч прямо в грудь противника, прорубив оказавшиеся не столь уж и прочными доспехи. Попробовал выдернуть свой меч, но мертвый верулиец в падении вырвал оружие из рук Кулла. Атлант быстро наклонился и схватил топор поверженного врага. Резко повернулся. Еще двое верулийцев бросились к нему, но удар приняли вышедшие вслед за Куллом пикты-галерники.

Кулл отступил, прижавшись спиной к стене надпалубной постройки. Рядом тяжело дышал валузиец, он, казалось, так до сих пор и не понял, что происходит.

Звуки битвы — боевые кличи, проклятия, предсмертные крики и стоны боли, звон мечей и треск ломающегося дерева — возрождали в сердце Кулла давно забытые чувства, кровь манила своими запахами. Но тут он вдруг понял, что это не его битва, что он не

хочет ни убивать, ни погибать. У него есть клятва, которую он обязан выполнить. Он осмотрелся — капитана Антиша нигде не было видно.

Кто-то из галерников, притаившись у выхода с лестницы, дождался, пока появится ненавистный надсмотрщик с плетью в левой руке и мечом в правой. Ржавый клинок с криком: «На, жирная свинья, получай!» вонзился в обнаженное брюхо, поросшее густыми волосами. Кулл брезгливо отвернулся, чтобы не видеть, как надсмотрщик повалился на дощатую палубу, толстыми окровавленными пальцами заправляя вываливающиеся кишки обратно, и тонко, по-женски, визжа. Скованный цепью гребец засадил упавшему надсмотрщику босой ногой под ребра и плюнул в искаженное агонией лицо.

Один из нападавших верулийцев замахнулся на валузийца, и Кулл в последний момент успел подставить топор. В следующее мгновение он размозжил голову врага. Сбоку на них напирала толпа. Кулл быстро осмотрел железный пояс, к которому была прикована цепь, связывающая его с валузийцем. Никакой возможности быстро освободиться от напарника не было.

Кулл выдернул на ходу из-за пояса мертвеца тонкий кинжал.

— Брось свою железу,— крикнул он валузийцу, который мертвой хваткой зажал в обеих руках рукоять негодного зазубренного меча, извлеченного из хлама, что принесли пираты.— Держи топор! Прикрывая мне спину, если хочешь жить!

Кулл, нанося удары направо и налево, двинулся к центру корабля. Но капитана Антиша нигде не увидел. Возможно, отважный пират пал одним из первых. На носу корабля уже что-то горело.

Тут на Кулла с напарником навалились аж четверо нападавших. На плече Кулла растекалось кровавое пятно, но боли он пока не чувствовал. Валузиец наконец вышел из тупого оцепенения и стал столь же

яростно, сколь и безрезультатно размахивать топором.

Их оттеснили к борту, Кулл убил очередного врага и занес клинок, чтобы свалить следующего, как неожиданно для него, увлекаемый цепью, полетел за борт — валузиец оступился то ли его ранили, то ли убили.

Вода оказалась ледяной. Сердце замерло на мгновение, толща воды поглотила все звуки. Но Кулл нашел в себе силы вынырнуть, вытаскивая на свет валузийца. Он схватил напарника за волосы, развернул лицом к себе. Тот открыл глаза и судорожно вобрал в себя воздух — живой. Пока живой, потому что им обоим угрожала смертельная опасность — корпуса пиратского и верулийского судов в любую секунду могли вновь соприкоснуться, раздавив обоих и превратив в кровавое месиво.

Кулл поплыл, волоча за собой валузийца. И тут выяснилось — его напарник не умел плавать. Кулл схватил первый попавшийся обломок весла:

— Держи и дрыгай ногами. Надо выбираться отсюда!

На головы им валились обломки дерева, рядом падали сверху убитые. Кулл работал руками и ногами, как никогда, хотя ему всю жизнь казалось, что он родился, уже умея плавать. Сейчас от этого умения зависела его жизнь. Валузиец, держась обеими руками за деревяшку, пытался барабанить ногами по воде, но Куллу от этого было не легче.

В то мгновение, когда они миновали корму судна, корабли с треском столкнулись вновь. Кулл вздохнул — он был так близок к гибели! Но смерть еще была рядом — вражеские корабли окружили «Лореллу», и исход был ясен. Так же ясен, как и то, что ни один из бывших на борту «Лореллы», кто бы он ни был, живым не уйдет. Верулийцы разбираться не будут — капитан ты или раб-гребец.

Беликий Валка помог Куллу в очередной раз — в нескольких ярдах от «Лореллы» плавала огромная

бочка, на две трети ушедшая в воду. Раз не затонула сразу, значит, и не утонет — это спасение. Это была одна из тех бочек с палубы «Лореллы», куда сливали питьевую воду. Кулл яростными гребками доплыл до спасительной скорлупы. Бочка была закрыта. Кулл попытался спрятаться за ней, чтобы его не заметили с корабля.

— Осторожней! Держись за бочку! — крикнул он валузийцу.

Кулл даже не замечал, что говорит на родном языке, который для валузийца был полной тарабарщиной. Но напарник понял.

Кулл топором, который так и не выпустил, пока плыл, попытался открыть крышку. После нескольких попыток ему это наконец удалось.

— Залезай! — проорал он рабу, скованному с ним одной цепью. — И держи крышку!

Тот, повинувшись движению головы Кулла, отпустил свой обломок весла, схватился руками за край бочки и пытался подтянуться. Атлант одним могучим движением правой руки выдернул его из воды и перекинул внутрь. Цепь была достаточно длинной, чтобы не стеснять их движений во время гребли, но недостаточной, чтобы чувствовать себя вольготно. Куллу пришлось буквально выпрыгивать из воды и, перегибаясь, забираться в бочку. Каким-то чудом валузиец сумел удерживать тяжелую крышку, и Кулл быстро задвинул ее на место. Все это произошло в несколько мгновений.

Они рухнули на дно бочки. Было тесно и неудобно, с обоих стекала струями вода, под ногами хлюпало. И запах...

Кулл и валузиец попали в бочку, в которой когда-то хранилось вино, может, остатки вина плескались на дне. От запаха можно было сойти с ума, но они сидели в неудобных позах, прижавшись друг к другу, даже не пытаясь приоткрыть крышку. До них доносился неутраченный шум сражения. Все чаще слышались победные крики на верулийском языке.

Валузиец, казалось, боялся совершить любое лишнее движение, дышал тяжело и время от времени постанывал — видно, его тоже ранили. У Кулла рана саднила, но он привык стойко переносить боль еще в горах Атлантиды. Сейчас он молил всех известных богов — от великих Валки и Хотата до языческих Хонена и Холгара и дьявола морей и океанов, — чтобы верулийцы не стали в поисках наживы вылавливать из воды одинокую бочку, на две трети ушедшую в воду. И еще он боялся, как бы действительно не перевернуть этот шаткий островок относительной безопасности.

В жуткой тесноте и в почти полной темноте, едва вынося одурманивающий запах перебродившего вина, Кулл подобранным на корабле кинжалом попытался разломать замок на железном поясе, что висел на талии, стараясь не делать резких движений. Наконец это ему удалось, обруч звякнул и повис на цепочке.

Сколько прошло времени, Кулл не знал, но, казалось, над морем воцарилась тишина. Он осторожно приподнял крышку мерно покачивающейся на волнах бочки и выглянул наружу. Осмотрелся.

Шесть верулийских кораблей с раскачивающимися на реях мертвецами двигались домой. Недалеко от бочки, не больше чем в двух десятках ярдов, задрав нос вверх, покачивалась опустевшая пиратская галера.

Вокруг плавали обломки весел, пристроек, всякий мусор и мертвецы.

Кулл подтянулся и сел на край бочки, стараясь не опрокинуть ее. Надо было срочно придумать, что делать дальше — далеко в бочке не уплывешь. Ориентируясь по солнцу, можно было добраться до валузийского берега, но кто знает, как он далек? Пока галера не затонула окончательно, из деревянных надстроек можно сделать плот. К тому же необходима хоть какая-то еда и запас пресной воды. Куллу не было никакого дела до валузийца,

но вдвоем шансов выжить больше. Хотя какой от него прок, даже плавать не умеет...

— Сиди тихо! — приказал Кулл и прыгнул в воду.

Толкать бочку к тонущему кораблю, хоть и по ветру, оказалось не очень просто, к тому же надо было торопиться.

В конце концов атлант добрался до наполовину ушедшей в воду палубы, подтянул бочку.

— Дай топор! — сказал валузийцу Кулл. — И вылезай. Тебя как зовут-то?

— Генбел из Дапреза, — гордо откликнулся тот.

— Я оторву вот эту крышу, сделаем плот. Обыщи палубу над водой, надо найти пресную воду, какую-нибудь еду и побольше веревок. И срезай все, что подвернется под руку. Затем раздень двух-трех верулийцев. Одежда нам пригодится. И подбери оружие, если найдешь. Давай живей. Скоро корабль уйдет под воду.

Сам Кулл, орудуя топором, принялся срывать бревенчатую крышу надстройки.

Через полчаса он и Генбел стояли на довольно просторном плоту, пытаясь выловить из воды все, что может пригодиться в многодневном путешествии по морю. Кулл хотел найти обломок весла подлиннее.

— Эй, смотри! — воскликнул Генбел. — Кажется, там кто-то живой!

Он указывал в сторону безжизненно уцепившегося за бревно человека.

— А нам-то какое до него дело?! — проворчал Кулл. Но, подумав, согласился: — Давай попробуем догрести. Эге, да ведь это... капитан Антиш! Валка великий, ты услышал мои молитвы!

Кулл прыгнул в воду и подогнал бревно к плоту. Лемуриец был тяжело ранен, без сознания, но сердце билось. Генбел помог перетащить его на плот.

Они видели, как вдали, у самой кромки горизонта, галеру, на которой Кулл провел два проклятых года, поглотила морская пучина. Лишь бревна, мусор

да тела убитых несколько дней еще будут напоминать о развернувшейся здесь трагедии. Да по всем береговым странам поползут слухи, что легендарный неуловимый пират Антиш погиб. Хоть тело его не украшает виселицу, спастись он ну никак не мог. Разве знали хмельные от победы верулийцы, что исконный враг всех купцов лежит тяжело раненный на шатком небольшом плоту, затерянном в морских просторах? Медленно, но неуклонно приближался плот к валузийскому берегу.

Кулла и его спутников носило по волнам три дня, пока вдали не показался долгожданный берег. За эти дни тяжелораненый капитан пиратов, единственный из команды чудом оставшийся в живых, так и не пришел в себя, лишь бредил. Кулл регулярно менял ему повязки на ранах и смачивал губы вином, которое Генбел нашел на тонущей «Лорелле».

За эти три дня Кулл, возвращающийся к жизни после многодневного оупляющего нудного труда, подружился с Генбелом, часами слушая его рассказы о столь желанной Валузии и чуть ли не с любовью разглядывая лежавшего перед ним смертельного врага.

Генбел был средним сыном древнего, но порядком обедневшего аристократического рода. С юных лет он увлекался живописью и музыкой и подавал большие надежды, но пять зим назад, достигнув совершеннолетия, по жребию отправился служить офицером в королевские войска. Отец выхлопотал ему почетное место в легендарных Черных Отрядах, защищавших северное побережье Валузии. И чуть ли не в первом же серьезном бою с лемурийскими пиратами Генбел попал в плен. Тогда захватили более ста валузийцев. Погрузили в трюмы трех галер и отвезли на острова Лемурии.

Вид у Генбела был не слишком внушительный, и его продали с торгов на невольничьем рынке. Его чуть ли не за бесценок, польстившись на аристократичес-

кое происхождение валузийца, приобрел известный на все побережье трактирщик, у которого частенько оставляли награбленные золотые самые прославленные пираты. Аристократическая гордость утонченного валузийца, понимающего толк в изящных искусствах, потерпела колоссальный удар, когда его заставили протирать столы от объедков и подносить пьяно хохочущим пиратам и едва одетым девкам вино и закуски.

Он запальчиво сказал трактирщику, что лучше смерть, чем подобное унижение. Пусть его немедленно убивают, но прислуживать он не собирается. Трактирщик хмыкнул и позвал мясников с заднего двора. Через три дня изощренных пыток Генбел был готов делать все, что угодно, а за пять прошедших в рабстве зим из него выветрились последние остатки родовой гордости. Совсем недавно трактирщик купил нового раба из валузийских аристократов, а надоевшего Генбела подарил капитану Антишу. Так несчастный и оказался в одной связке с Куллом.

Генбел мог часами рассказывать о своей стране, которой не видел более пяти зим, о красоте родного Дапреза, о чудесах Хрустального города.

— Только бы доплыть до берега,— говорил Генбел.— Купим коней и через десять, в крайнем случае, пятнадцать дней будем в Дапрезе. Мой отец с благодарностью примет человека, освободившего его сына из рабства.

Чем заплатить за коней, новую одежду, ночлег и еду в придорожных трактирах у них было — в кошельке бредившего капитана, кроме прочих, нашлась пара золотых валузийских монет, на груди пирата болтался золотой медальон с символическим изображением повелителя морских пучин.

К вечеру третьего дня их плотик прибило к каменистому берегу. Моросил мелкий противный дождик, мрачные серые валуны не прибавляли радости от благополучного окончания путешествия.

Стена корабельных сосен в сгущающихся сумерках выглядела мрачно.

— Неприветливо встречает нас твоя Валузия, Генбел,— проворчал Кулл.

— Первое впечатление обманчиво,— ответил обиженный валузиец.

— И нигде не видно ни поселка, ни лачуги. Даже дымок не струится... Ладно, помоги мне, бери его за ноги.

Кулл подхватил все еще не пришедшего в себя капитана пиратов.

— Зачем ты его тащишь? — спросил Генбел, но послушно взял лемурийца за ноги и шагнул с плота в воду.— Хочешь сдать властям и получить обещанную награду?

— Нет,— скупо ответил Кулл.

— Тогда зачем? Ждешь, пока он придет в себя, чтобы насладиться его страданиями?

— Нет, я отпущу его,— не глядя на валузийца, ответил атлант.— Я поклялся убить его, но не сейчас.

— А когда?

— Когда-нибудь.

Кулл явно был не в настроении разговаривать. Вдвоем нести раненого между нагромождений камней было неудобно, и Кулл взвалил пирата на спину. Валузиец вернулся к плоту и собрал все их скудные трофеи. Верилийский топор атлант нес в руке. Они зашли в лес, собрали в кучу нарванной травы, уложили раненого, на всякий случай связав ему руки, и подкрепились остатками провианта, что нашли на галере. Кулл оставил Генбела на страже, настроив предупредив будить его при любой опасности или как только у валузийца начнут слипаться глаза. Кулл по опыту жизни в горах Атлантиды прекрасно знал, что вставать после короткого сна всегда трудно и, если дать валузийцу поспать первому, то потом он может не выдержать и заснуть. А если к ним подберется дикий хищник или случайные раз-

бойники? Хотя откуда взяться разбойникам в цветущей Валузии?

Давний сон, после которого изменилась жизнь Кулла, начинал сбываться — он очутился на древней валузийской земле.

И, удивительное дело, едва положив голову на охапку трав и сомкнув глаза, Кулл вновь увидел зеленые звезды, и прекрасные дворцы окружали его; трубы играли неземную музыку, и тысячи людей приветствовали его, признав королем, королем Валузии.

«Да,— сказал во сне Кулл,— я оправдаю ваше доверие, древние и гордые валузийцы. Я буду править справедливо и умножать богатства страны, я...»

Он проснулся от легкого прикосновения Генбела и тут же вскочил на ноги, схватив топор.

— Что-то случилось? — шепотом спросил он.

— Нет,— с трудом ворочая языком, ответил валузиец.— Я просто больше не могу... Ты сам просил разбудить тебя, как только...

— Ты правильно поступил, Генбел,— подбодрил бывшего товарища по несчастью Кулл.— Ложись. Днем найдем какое-нибудь селение и узнаем дорогу до твоего Дапреза. Все будет хорошо...

Последних слов валузиец не слышал — он уже спал.

Кулл сидел и думал, привычно вслушиваясь в обманчивую тишину леса. До него доносилось лишь журчание воды, но это не был шум моря, от которого они отошли довольно далеко,— видно, неподалеку протекал ручей.

Как так может получиться, что он, дикарь из Атлантиды, беглый раб-галерник станет королем огромной Валузии? Не бред ли все эти сновидения? Но как расценить то, что дивный сон повторился — второй раз в жизни — именно тогда, когда Кулл оказался на валузийской земле?

Великие Валка и Хотат, он готов пройти через все испытания и, если эти сновидения правда, то он оправдает выбор мудрых богов.

Но для этого нужно выбраться из леса и добраться до Дапреза. И обязательно найти умелого учителя, чтобы овладеть всеми самыми сокровенными секретами ведения боя — на мечах, топорах, дубинах. Он должен убить лемурийца, лежавшего без памяти у его ног, в честном бою.

Кулл протянул руку, дотронулся лба капитана Антиша и понял, что пират просто спит. Жар пропал, капитан дышал ровно и спокойно. Кулл проверил, надежны ли путы, и встал, потягиваясь, разминая затекшие ноги.

Занимался рассвет. Тьма потихоньку рассеивалась. Уже можно было различать деревья. Кулл двинулся в сторону ручья, осторожно раздвигая ветви и радуясь, что давние навыки не выветрились из него за мрачные годы, проведенные в рабстве. Он шел практически беззвучно, как и полагается охотнику.

Наконец он вышел к заросшему кустарником берегу ручья и встал перед ним на колени. Последний раз он видел свое отражение в маленьком озерце в живописных горах Атлантиды. Сейчас он даже не представлял, как выглядит.

Но вместо своего отражения он в чистой воде ручья увидел толстобокую пучеглазую рыбину, замершую над каменистым дном. Кулл сам не понял, как кинжал оказался в руке и в следующее мгновение металл вошел в воду, целя в затылок лакомой добыче, которую хватит на завтрак не то что троим, а и шестерым.

Рыба забилась, выброшенная в траву. Жабры трепетали, рот разевался в предсмертной попытке надыхаться.

Кулл усмехнулся и вновь стал на колени над берегом. Ничего от юношеской округловатой миловидности в нем не осталось — черты лица обострились, нос стал как у ястреба, серые глаза были бездонны и холодны, рыжеватая спутанная борода вызывала отвращение. Кулл, безглаголиво поморщившись, опустил

голову в чистую холодную воду. Затем потряс головой, смахивая жемчужные капли, и кинжалом выскоблил себе шею и щеки.

Встал. Кожа на лице горела...

— Здравствуй, древняя Валузия, которая гремела по всему миру уже тогда, когда Атлантида и Лемурия еще не поднялись из океанских глубин, — торжественно произнес Кулл, обращаясь к окружающему лесу. — Боги в сновидениях позвали меня сюда, и я пришел!

Глава третья СОН, ПОСЛАННЫЙ СВЫШЕ

Насвет вступал в свои права, но густые кроны высоких деревьев с прямыми, как мачты, стволами задерживали солнечный свет.

Капитан Антиш открыл глаза и попытался встать. То ли помешали путы, то ли лемуриец был еще очень слаб, но он повалился обратно на траву.

— Холгар и Хонен, где я? — воскликнул пират.

Кулл посмотрел на него и злорадно усмехнулся:

— Ты сейчас в древней Валузии. «Лорелла» затонула на моих глазах, вся команда повешена на реях верулийских кораблей. Ты остался один.

— Кто ты? — поднял голову лемуриец. — А... Я узнал тебя. Раб, который хотел сражаться...

Генбел проснулся, посмотрел на Кулла и связанного пирата, повернулся на другой бок и вновь захрапел.

Кулл стал разжигать костер — подул на сухую веточку с маленьким цветком огня, прикрывая руками ее, чтобы пламя занялось.

— Зачем ты спас меня, атлант? — слабым голосом спросил пират. — Чтобы убить лично?

— Чтобы убить, да, — не обернувшись ответил Кулл. — Но не сейчас.

— И когда, если не секрет? — равнодушно произнес капитан Антиш.

— Когда научусь сражаться на мечах лучше тебя, — серьезно ответил Кулл, поворачиваясь к капитану. — Я убью тебя в честном бою. Не знаю когда, но знаю, что так и будет.

— Хм, — усмехнулся лемуриец, — тогда сейчас развяжи меня. Руки затекли.

Кулл внимательно посмотрел на него, молча подошел и распутал веревки.

— Хочешь бежать — беги, — сказал атлант. — Но втроем мы быстрее найдем дорогу.

Лемуриец провел руками по волосам, ощупал одежду.

— У меня был кошелек, оставь его себе, — произнес Антиш. — А медальон верни, это память о моем отце.

Кулл молча протянул пирату золотую безделушку и повернулся к нему спиной, целиком поглощенный костром. Наконец огонь разгорелся как следует.

— Генбел, вставай, — распорядился атлант. Хотя он был в троице самым юным, но сейчас чувствовал себя старше и вправе распоряжаться. — Иди принеси воды из ручья, он в той стороне. И нарви веток с кустов, чтобы листьев было побольше.

Кулл трофейным топором вырыл неподалеку от костра яму глубиной почти в фут, засыпал углями и присыпал их землей. На землю уложил толстый слой принесенных валузийцем веток с узкими листьями длиной не больше мизинца, жалея, что поблизости нет, как в Атлантиде, широколистных деревьев. Затем аккуратно уложил поверх ветвей очищенную рыбину, как учил Хор-нак. Атлант тщательно обложил ее сверху ветками и засыпал землей. Сверху набросал угли.

— Скоро будем завтракать, — сообщил он спутникам и повернулся к Антишу: — Идти сможешь?

— Попробую, — после некоторой паузы ответил пират. — И куда ты собираешься?

— Подальше от моря,— ответил Кулл.— Выйдем либо на дорогу, либо к поселку или к городу. Рано или поздно выйдем. Генбел, ты уверен, что мы в Валузии?

— Скорее всего — да,— ответил валузиец.— Вряд ли это Залгара, там очень скалистое побережье. Если это север страны, то всюду должны быть заставы Черных Отрядов. Но если нас вынесло к восточному берегу... Поселений там мало.

— Ладно, разберемся,— буркнул Кулл.

Он посидел молча — следовало бы подождать подольше, чтобы рыба допрела. Но Кулл уже два года не ел человеческой пищи, одну скудную осточертевшую баланду. Он разворошил угли, вырыл готовую рыбину. Запах мог свести с ума даже сытого.

Они съели рыбину и запили водой из ручья.

— Сможешь идти? — вновь поинтересовался Кулл у пирата.

— Да. Смогу. Я и не через такое проходил... Пошли.

Через час они вышли на дорогу.

— В какую сторону пойдём? — спросил валузиец.

Кулл задумался. Остальные смотрели на него, словно признавали его главенство в маленькой группе.

— На восток,— решил Кулл и потопал по дороге, помахивая тяжелым топором, словно тростью.

Генбел подошел к лемурийцу и предложил опереться на его плечо — валузиец попал на «Лореллу» накануне рокового похода и не успел проникнуться к капитану пиратов лютой ненавистью. Антиш посмотрел на бывшего раба, тяжело вздохнул и воспользовался предложенной помощью. Так они и брели в дюжине шагов позади атланта.

Примерно через два часа быстрой ходьбы, когда утомленный Антиш уже хотел просить устроить привал, Кулл неожиданно остановился. Вдали, с правой стороны, у самой дороги, на деревьях висели три мертвеца. По всему видать, висели они

уже не менее недели. Воронье давно выклевало глаза.

— Твои собратья пираты? — подождав спутников, спросил Кулл у Антиша.

— Нет,— глухим голосом ответил за него Генбел.— Это — валузийцы. И по одежде, и по виду, обычные валузийские крестьяне. Наверное, разбойники. Но почему в лесу? Преступников вешают в городах, на главной площади, по решению судей. И чаще им рубят головы...

— Вон вдали по дороге кто-то едет,— обратил внимание Антиш.— Сейчас и выясним, где мы находимся.

Через несколько минут перед ними предстало довольно странное зрелище — четыре вооруженных всадника, а за ними, словно рабы, но цепью не скованные, а связанные обычной веревкой, шагали три старца, четыре мужчины помоложе и шесть женщин — от пожилой до юной девушки, почти девочки. Внешний вид и исходящий от них навечно впитавшийся в кожу и одежду запах отчетливо свидетельствовал об их рыбацкой профессии. Едущий впереди всадник при виде путников достал из ножен меч.

— Здравствуйте, добрые люди.— По знаку Кулла вышел вперед Генбел.— Не подскажите, где здесь ближайший город? Нам надо в Дапрез...

— Кто вы такие? — грозно нахмурил брови подъехавший к первому всаднику старший маленького отряда.— Вам что, не известен приказ короля о запрещении бродяжничества?

— Мы потерпели кораблекрушение. Нас несколько дней носило на плоту по морю,— объяснил Генбел.— Мы — простые моряки, мы...

— Как же, простые моряки! — передразнил старший воин, соскакивая с коня на землю.

Двое замыкавших процессию всадников подъехали к командиру и спешили, обнажив короткие, широкие мечи. Рыбаки, увидев, что на них не обращают

внимания, подошли к старшим, попросили разрешения сесть и чуть ли не упали на пыльную дорогу — видно, шли с самого рассвета и обессилели. Антиш тоже уселся, ноги плохо держали его, на висках от напряжения появился пот, застарелый шрам у виска белой полосой выделялся на побледневшем лице. Кулл встал рядом с ним, напряженно вслушиваясь в беседу Генбела с воинами. Валузийский он еще понимал плохо.

— Что,— усмехнулся один из подошедших солдат,— еще трех разбойничков поймали? Наше вознаграждение вырастает на три сотни серебряков. Сейчас принесу веревки, вздернем прямо здесь.

Старший отобрал у Генбела топор.

— Морячки, говорите? — хмыкнул он.— А топорто верулийский. Да и спутнички твои больше на пиратов похожи!

— Я — офицер Черных Отрядов, Генбел из Дапреза. Мой род...

Он замолчал — сильный удар кулаком в рот повалил его на землю.

— Отдай топор,— повернулся старший к Куллу и приказал своим воинам: — Вяжите их именем короля. Они — разбойники или шпионы, замышляющие что-то против Валузии! Вздернем их прямо сейчас по указу короля Борна!

Трое воинов подошли к сидящему Антишу и стоявшему рядом Куллу. Генбел лежал на земле, держась за скулу. Лица воинов ничего хорошего не предвещали. Четвертый побежал к своему коню за приготовленными на всякий случай длинными прочными веревками.

Кулл вопросительно посмотрел на Антиша, словно спрашивая: будет ли с его стороны поддержка. Пират кивнул.

Атлант протянул топор, словно желая отдать подходившему солдату, и, когда тот вытянул руку, сбоку, вложив всю силу, рубанул по шее. Солдат даже

вскрикнуть не успел — отсеченная голова, покатилась в придорожные кусты, как перезрелая тыква. Антиш выхватил меч из руки убитого, и без предупреждений Кулл с лемурийцем набросились на оторопевших воинов, никак не ожидавших, что кто-то осмелится оказать им, слугам короля Валузии, вооруженное сопротивление.

Старший был пронзен мгновенно и с хрипом повалился в пыль. Рыбаки что-то кричали, но ни Кулл, ни Антиш не обращали внимания. На воина, оставшегося в одиночестве, удары обрушились одновременно с двух сторон.

Последний стражник, который уже посчитал в уме свою долю от вознаграждения за трех пойманных и повешенных верулийских шпионов, увидев быструю кончину товарищей, вскочил на коня и пытался попытаться убежать подальше от этих чертовых бродяг, в несколько мгновений уложивших опытных воинов. «Лишь бы добраться до гарнизона,— подумал он.— Далеко они не уйдут!»

Антиш отскочил, дав дорогу коню, и воин уже было решил, что для него все закончилось благополучно, как тут ему в спину вонзился метко пущенный кинжал. Воин упал — конь, почувствовавший облегчение, с азартным ржанием помчался дальше. Трое его товарищей, оставшиеся без седоков, проводили его удивленными взглядами и вновь принялись щипать придорожную траву.

Генбел уже стоял, сжимая в руках топор и вжав голову в плечи, ожидая порицаний Кулла за не слишком доблестное поведение. Но мысль, о том что они убили королевских солдат, ввергла его в большее отчаяние, чем возможная взбучка атланта.

Кулл прошелся до упавшего с коня всадника и легко выдернул из его тела полюбившийся атланту кинжал. Солдат был еще жив, и Кулл равнодушно провел лезвием по его горлу. Вынув из ножен убитого меч, Кулл, осмотрел его, удовлетворенно хмыкнул

и снял с погибшего ножны, вставил в них меч и надел перевязь на себя. Затем подошел к рыбакам и разрезал общую веревку, освободил каждому связанные руки. Капитан Антиш, сжимая в руке меч, вновь уселся на землю.

— Что здесь происходит? — с трудом подбирая слова, спросил Кулл рыбаков. И добавил Генбелу на лемурийском: — Расспроси их, с чего это первые же встречные хотели нас убить?

— Мы — преступники, — тяжело дыша, ответил Генбел. — Мы убили солдат королевской армии. Нам этого не простят.

— А ты хотел, мокрица, чтобы они убили нас? — презрительно скривил рот капитан Антиш.

— Тяжело бороться с разбойниками, если их защищает закон, — неожиданно на чистейшем лемурийском сказал один из освобожденных старцев. Все остальные смотрели на него с почтением.

— Что здесь происходит? — повернулся к нему Кулл. Он хотел знать о Валузии как можно больше. Ему не нравился первый день, проведенный на вожденной земле, к которой он стремился всем сердцем.

— С тех пор, как умер старый король Дурса... — начал было старик, но его перебил удивленный Генбел:

— Король умер? Не может быть!..

— Злая болезнь в одночасье свалила короля, — объяснил старец, — и на трон уселся его младший брат Бор. По всем городам и поселкам глашатаи объявляли его указы. Старые добрые Черные Отряды, защищавшие нас от пиратов и атлантов, расформировали, вместо них образовали Отряды Следителей Законности... Оброк увеличили почти в дюжину раз, отобрали все, что могли. В прошлую зиму половина нашего поселка умерла от голода, многие бежали в города, но и из городов бегут, поскольку там нечего есть. За любое неуважительное слово к солдату вас могут вздернуть на виселице или, что еще хуже, живого повесить

вниз головой на крепостной стене. Врагу не пожелаешь такой смерти. Много зим я прожил, но так плохо не было никогда. А теперь вышел новый указ, по которому с каждого поселка по три юные девушки необходимо отправить в столицу, для королевских хоров... Знамо дело, для каких хоров, а у нас было только две... И оброк мы не выплатили. Вот солдаты и разорили наш поселок, а нас хотели в Маргеле продать в рабство... Половину наших убили, трех казнили остальным в устрашение...

— И четверо солдат уничтожили поселок? — искренне удивился Антиш.

— Так они ж королевские слуги...

— И вы, как бараны, пошли за ними в рабство?

— Лучше рабство, чем смерть, — покорно сказал старец. — А теперь, из-за вас нас ждет неминуемая гибель...

Кулл молчал, не зная, что и сказать.

— Лодки в поселке есть? — неожиданно спросил лемуриец.

— Есть, мы же рыбаки.

— До Лемурии доплывете?

Старец посмотрел на молодых рыбаков.

— Попробовать можно, — сказал один из крепких мужчин. — Но что там делать, в Лемурии? Там нас тоже ждет рабство или смерть.

Капитан Антиш встал.

— Я обещаю, что вас в Лемурии не тронут, лишь бы доплыть. И денег дам. — Он повернулся к Куллу: — Ну что атлант, идешь со мной? У меня припрятано кое-что на черный день. Через месяц у меня будет новая галера. Ты станешь моим помощником. Даже больше — за то, что ты спас мне жизнь, я отведу тебя к мастеру Банучу, который когда-то обучал меня сражаться на мечах...

Кулл посмотрел на Генбела.

— Ты знаешь город Маргел? — спросил атлант.

— Да, от него десять дней до Дапреза.

— Как далеко до Маргела? — повернулся Кулл к старцу.

— Если пешком, то к вечеру доберетесь.

— Мы едем в Дапрез, — ответил Кулл Антишу. — Мы еще встретимся... Пусть рыбаки зароят тела этих... — Он кивнул на убитых. — Мы с Генбелом берем двух лошадей. До встречи, капитан Антиш!

— Я хочу знать твое имя, — произнес на прощание лемуриец.

— Кулл из Атлантиды.

— Если ты меня когда-нибудь убьешь, Кулл из Атлантиды, то этот медальон будет твоим. — Он вытащил из-за пазухи возвращенный Куллом талисман с символическим изображением повелителя морей. — И тогда уж береги его. Но если все ж сведет нас когда-нибудь Хонен, то я убью тебя.

Кулл вскочил на коня. Он и в Атлантиде-то не часто пользовался лошадьми, а за два года вообще отвык от седла.

— Садись, Генбел, отправляемся в путь. Им — в другую сторону!

— Прощайте, отважные люди. Бойтесь Следителей Законности и разбойников, — напутствовал их старший из рыбаков. — Да помогут вам милостивые Валка и Хотат!

Последних слов Кулл не расслышал — он мчался вперед, к Дапрезу, зная, что оттуда ведет дорога прямо в Хрустальный город, сердце древней Валузии.

Они добрались до родного города Генбела без особых приключений. Едва услышав впереди топот коней, они сворачивали в лес и объезжали стороной все встречные города и пустые поселки, предпочитая охотиться в лесу, чем показывать кому бы то ни было золотые монеты.

Не ожидал Кулл увидеть вожденную Валузию в таком состоянии. Мечта оказалась в тысячи раз прекраснее действительности. Однажды ночью, когда они ужинали зайчатиной, из леса на огонь вышли трое

мрачных бородачей с топорами в руках. Кулл молча кивнул на свободное место у костра и указал на половину зайца. Мужчины пристально осмотрели Кулла и его спутника, покачали головами и растворились в ночи. Нищие нищих не грабят. Знали бы они о золотых, спрятанных в разорванной тесной куртке Кулла! Так или иначе, это было единственное приключение, случившееся с ними за весь путь. Видно, Валка и Хотат оберегали своего любимца. Но вещей снов о чудесном городе больше не посылали.

Наконец на рассвете двенадцатого дня они достигли Дапреза. На стене города висело более десятка дюжин людей, подвешенных вверх ногами. Все они были уже мертвы. И наверняка все они были лютыми неисправимыми преступниками, достойными столь жестокой смерти.

Кулл и Генбел беспрепятственно проникли в город, когда распахнулись ворота. Хотя стражник и покосился на них, но ничего не сказал — Кулл бросил ему горсть медных валузийских монет, что были в пиратском кошельке.

Генбел уверенно направлял коня по узким улочкам, двигаясь к центру города, пока не остановился перед старым двухэтажным зданием.

— Вот мой родной дом, — с гордостью и слезами на глазах произнес он, соскочив с коня. — Идем, тебя встретят, как самого дорогого гостя.

Дверь открыл слуга, которого Генбел не знал. Открывший подозрительно покосился на них.

— Я Генбел, сын хозяина этого дома, Крандала, немедленно пропусти меня, — представился валузиец. Но дверь захлопнулась перед их носом.

— Генбел погиб пять лет назад — это известно всем, — донесся голос из дома. — Лучше идите прочь по-хорошему.

Кулл хмыкнул и с усмешкой посмотрел на своего спутника. Тот аж покраснел и принялся кулаками стучать в дверь отчего дома:

— Немедленно позовите моего отца или брата, Фросера! Открывайте, или я вышибу двери!

Неожиданно створки вновь распахнулись. Перед Генбелом стоял молодой человек с черными, тщательно зачесанными и смазанными чем-то блестящим волосами.

— Кто осмелился угрожать насилием в Валузии? — спросил он, и его голос сразу не понравился Кулле. — Или вы не слышали королевского указа? Я сейчас сдам вас Отрядам Следителей, и вы будете казнены на главной площади Дапреза!

— Это — мой дом, — опешил Генбел. — А вы кто такой?

— Я — Слеер, троюродный племянник старого Крандала, его единственный наследник и жених его дочери Маржук. А вот кто вы такие, самозванцы, осмеливающиеся будить достопочтенных граждан ни свет ни заря?

Неожиданно изнутри дома раздался другой голос, старческий, но полный достоинства:

— погоди, Слеер, пропусти странников в дом, я поговорю с ними.

— Отец! — вскричал взволнованный Генбел и, чуть ли не оттолкнув черноволосого Слеера, ворвался внутрь.

Старый аристократ, невзирая на пятилетнюю разлуку, сразу же узнал своего пропавшего сына. Он распростер руки, и когда сын приблизился к нему, крепко обнял его:

— Генбел! Я думал, ты погиб в схватке с лемурийцами. Так было написано в письме, что прислал твой командир...

— Нет, отец, я попал в плен, но бежал. Кулл помог мне в этом... Кулл, подойди, познакомься с моим отцом!

Сцена была до удивления трогательная, и у другого, может, и выступили бы на глазах слезы умиления при виде седого дрожащего старца в богатом парчо-

вом халате, после пятилетней разлуки вновь обретшего сына. Но Кулл, отказавшийся от своей родины, хотел сейчас лишь одного — поест и отдохнуть после утомительной ночной скачки. Он подошел к старику и наклонил голову, что в его понятиях, должно быть, означало глубокий поклон.

И тут из коридора выбежала юная девушка.

— Я слышала имя Генбела! — с детской непосредственностью воскликнула она. — Он жив? Где он? Я хочу его видеть!

Кулл обернулся на голос, и впервые в жизни при виде женщины у него что-то екнуло в груди. Большая теплая волна, вызывающая дрожь, побежала откуда-то из глубин к самому горлу. Он понял, что это младшая сестра Генбела, про которую тот столько рассказывал во время десятидневного путешествия, — Маржук. Чем-то неуловимым она напомнила ему Сариту, которая так хотела простого женского счастья, но дождалась мучительной казни на позорном столбе.

Случайно взгляд Кулла упал на стоявшего в стороне и забытого всеми Слеера. Кулла поразило, сколько ненависти было во взгляде молодого аристократа, жениха этой удивительной женщины, что сейчас обнимала бывшего лемурийского раба.

— Генбел! — вдруг воскликнул благородный старец. — Да от тебя... пахнет, как от навозника! Девочка, ты испачкаешь свое платье! Скорее иди и прими ванну, — приказал он сыну и повернулся к слуге:

— Пусть Генбелу и его другу немедленно согреют ванну и принесут чистые одежды. И пусть все служанки помогут им мыться! А на кухне пусть приготовят праздничный обед. Я хочу выслушать историю сына, которого считал мертвым. Но сперва приведи себя в порядок, Генбел.

Слуга тут же помчался выполнять приказ.

Генбела и его спутника провели в выложенный розовым мрамором просторный зал без потолка, на-

полнили небольшой бассейн горячей водой. Шесть девушек в легких материях, едва прикрывающих их прелести, стояли наготове и привычно улыбались сыну хозяина и их другу. Красотки слишком хорошо знали, какая помощь от них требуется.

— Какое наслаждение, я дома! — воскликнул Генбел, без тени смущения сбрасывая с себя пропотелые одежды и плухаясь в бассейн, выложенный небольшими мраморными плитками. — Раздевайся, Кулл, отдыхай! Все самое плохое — позади... Да сбрасывай ты эти верулийские лохмотья!

Две девушки с улыбками подошли к атланту, чтобы помочь ему раздеться.

— Я сам! — грубо буркнул Кулл, подошел к противоположному углу бассейна, быстро разделся, положив ножны с мечом и топор так, чтобы в любой момент можно было до них дотянуться, и прыгнул в прозрачную теплоту воды — это была первая в его жизни ванна, до этого он мылся лишь в реках, а за два года, проведенных на галере, почитай, не мылся вообще.

Кулл наслаждался голубым небом, горячей нежностью воды, охватившей усталое тело. Ему не мешало щебетание девушек, их нарочито громкие охи и ахи. Он специально отвернулся, чтобы не видеть, как развлекается Генбел...

Кулл в очередной раз отогнал подошедших красоток. Он знал, для чего в мире существуют женщины. И он знал, что они отнимают у мужчин силу. Как-то, когда ему не было еще десятка зим, он наблюдал, как к возившейся у берега реки женщине подкрался один из воинов их племени и овладел ею. Кулл тогда еще не понял, что происходит, почему они оба так довольны. Это было на рассвете, а через несколько минут на стоянку напало племя темноволосых с западного побережья.

Мужчина, который перед этим занимался любовью, лежал обессилено на берегу и когда напали вра-

ги погиб первым. Собственно он один из всего племени и погиб, остальные вовремя взялись за оружие и дали достойный отпор врагу. Даже мальчишка Кулл помогал своим соплеменникам, бросая во врагов камни из кустов. И тогда Кулл понял: женщины — зло. И когда Ам-ра хотел покончить с собой из-за Сариты, Кулл поклялся, что сам никогда не полюбит. Впрочем, сейчас от него просили не любви, но не для этого он прибыл в Валузию. Не для этого. Только вот образ Маржук стоит перед глазами...

По настоянию Генбела Куллу все же пришлось позволить двум девушкам расчесать его волосы и натереть его какими-то густыми жидкостями, после чего от него стало пахнуть не как от воина, а как от... Кулл не знал, от кого так пахнет, но в принципе запах был не шибко противным, и варвар смирился. Он явился в Валузию, чтобы покорить ее, но пока на первых порах ему необходимо подчиняться ее законам.

Но удовольствие от умывания он получил несказанное, словно заново родился. Да так оно и было. Из дикаря, гребца пиратской галеры, из бродяги, которого вправе повесить любой солдат Отрядов Следителей Законности. Кулл превратился в благонамеренного валузийца, друга аристократа, чей род славится древностью и величием предков. Теперь перед Куллом, казалось, были открыты все дороги, и хотя волшебный сон оставался все так же далек от воплощения в жизнь, первый шаг к нему сделан. Только сейчас, одевая чистые одежды по валузийской моде, Кулл отчетливо понял это.

Десятидневная щетина уже оформлялась в приличную бороду — не ту, что так разозлила его в отражении прибрежного ручья, а во вполне благообразную, вроде той, что была у него в том чудном сне, и Кулл решил ее растить и ухаживать за ней.

Генбел, благоухающий и довольный, взял его под руку и повел в обеденный зал.

За столом сидели отец Генбела с Маржук, Слеер и сам Генбел с Куллом. Прислуживали те же женщины, что и в бассейне, только переодевшиеся в более пристойные одеяния, и слуга — но не тот, который открывал им дверь, другой.

Стол был заставлен различными кувшинами, огромными блюдами с зажаренными птичьими ножками и кусками мяса, от которого шел пар, тарелками со всевозможными закусками, названий которых Кулл не знал, а о вкусе мог лишь догадываться. Перед каждым обедающим стояло по огромной тарелке, по несколько кубков, маленькие ножички и какие-то странные приспособления.

Кулл, чувствуя огромный голод, явственно проявившийся при виде всего этого изобилия, схватил с блюда птичью ногу и, разрывая пополам руками, впился в нее зубами.

— Кулл, — тактично сказала сидящая напротив него Маржук, в голосе ее сквозила мягкая укоризна, — для этого есть вилочки.

Она взяла лежавшие перед ней предметы, воткнула вилочку в ножку на блюде, ловко перенесла ее на свою тарелку и принялась умело разделявать, отделяя мясо от костей ножичком, придерживая вилкой.

Кулл пожал плечами и продолжал есть: как умел. Но в голове занозой застряла мысль: ему еще многому придется учиться, вести здесь достойный образ жизни — это факт, и никуда от этого не деться.

В тот миг, когда Кулл, насытившись до утробного урчания в желудке (Маржук осуждающе посмотрела на него, когда он неприлично, по-варварски, рыгнул), хотел утереть засаленные губы рукавом, отец Генбела, сидящий во главе стола, отодвинул тарелку и промокнул губы маленькой тряпочкой. Такие же тряпочки лежали у каждого под тарелкой. Кулл последовал примеру хозяина дома, черноволосый смазливый Слеер злорадно усмехнулся, заметив неловкий жест атланта. Этот Слеер все больше и больше раздражал Кулла.

Крандал поднял кубок с вином и со вздохом сказал:

— Ну а теперь, сын мой, пришло время послушать твой рассказ о скорбном пленении и счастливом возвращении на родину, в великую и прекрасную Валузию, процветающую под мудрым управлением короля Борна, — он бросил быстрый взгляд на Слеера. — Мы все слушаем, сын мой, затаив дыхание.

Генбел принялся рассказывать. Как служил в Черных Отрядах, которых теперь больше нет, как лемурийская армия высадилась на берег Валузии, как он попал в плен (о пяти годах, что вытирал прилавки в таверне и подавал пиратам вино, он сообщил очень скупое), как он попал гребцом на «Лореллу» и что произошло в первый же день, как Кулл вытащил его и как они на плоту три дня и три ночи носились по открытому морю вместе со спасенным капитаном пиратов, как в первый же день нарвались на патруль Отрядов Следителей Законности (при этих словах валузийца Кулл украдкой посмотрел на Слеера — тот, казалось, от внимания забывал дышать, злорадная тень улыбки исказила его и так неприятное лицо), как Кулл с Антишем убили всех четверых слуг короля, как они с Куллом лесами добирались до Дапреза и, наконец-то, он, живой и здоровый, слава великому Валке, дома, оказался у родительского очага.

— Да, Генбел, — вновь вздохнул Крандал, — сколь многое изменилось в стране за время твоего отсутствия. Благослови великий Валка короля Борна на долгие годы жизни! — Старик вновь покосился на Слеера. — Разбойники исчезли с дорог, нищие перестали приставать к добропорядочным гражданам и не оскверняют больше зловонным дыханием и смрадом своих язв прекрасные города Валузии. Но не все понимают, сын мой, какое счастье несет нам мудрый король Борн. Твой старший брат Фросер, находясь в столице в празднование великого Валки имел неосторожность недостаточно почтительно высказаться по поводу королевских хо-

ров и был казнен позорной смертью — вывешен вниз головой на крепостной стене Хрустального города.

— Доказано, что Фросер возглавлял заговорщиков, решивших убить нашего короля,— отложив вилку, жестко сказал Слеер. Его черные глаза как стрелы арбалета усталились на старика.

— Да,— еще раз вздохнул Крандал,— Фросер был горяч и глуп. Надеюсь ты, Генбел, теперь мой единственный сын, пришедший почти из царства мертвых, будешь благоразумным и законопослушным гражданином Валузии. Если бы не Слеер, который служит в большом чине в Отрядах Следителей Законности, не миновать бы немедленной позорной казни и мне, как отцу бунтовщика, и маленькой Маржук, как его сестре.

Кулл бросил быстрый взгляд на девушку. Она покраснела, сжалась, чтобы не сорваться. На длинных ресницах красавицы набухла слеза. Но Маржук промолчала, не отрывая взора от тарелки.

— Я горжусь тем, что моя единственная дочь,— продолжал старик, в голосе его не было особой радости,— выйдет замуж за столь блестящего и благородного офицера, как Слеер. Он приходится мне дальним родственником и унаследовал бы после моей смерти все мое состояние. Но теперь возвратился из небытия ты, Генбел, и я признателен твоему другу Куллу за то, что он спас тебя. День и ночь я буду благодарить великого Валку за твое счастливое освобождение. Что там еще? — нахмурил брови Крандал, когда двери распахнулись и на пороге обеденного зала появился слуга — тот, что утром не хотел пускать в дом Генбела.

— Ваше светлость,— поклонился слуга,— из столицы прибыл курьер со срочным донесением для вас. Он утверждает, что дело не терпит промедления, и требует немедленной встречи с вами.

— Пригласи его сюда,— с очередным (которым по счету?) вздохом промолвил Крандал.

Кулла неприятно поразил торжествующий блеск в глазах Слеера, который офицер тут же попытался скрыть, опустив глаза.

Через несколько минут, в течение которых тревога и напряжение царили в зале,— слышно было как муха жужжит, вошел королевский курьер в совершенно черных одеждах. На шлеме, покрытом черным лаком, красовалось черное перо.

Посланец чуть склонил голову в знак поклона и уверенно подошел к старику, сидящему во главе стола.

— Его сиятельству эрлу Крандалу,— торжественно провозгласил курьер,— надлежит без отлагательства, в три дня, явиться в столичный дворец к Его Величеству королю Валузии Борну, для беседы по важному государственному делу. Вам надлежит отправляться тотчас. Вот грамота, скрепленная королевской печатью.

— Три дня! — воскликнул Крандал.— Да ведь отсюда до столицы не менее пяти дней езды!

— Я добрался до вас за два с половиной,— сухо ответил курьер.— Или мне передать Его Величеству, что вы отказываетесь выполнять его распоряжение?

— Я отказываюсь? — в ужасе вскричал старик.— Нет, я выезжаю немедленно, только переоблачусь в дорожные одежды.— Он повернулся к слуге: — Пусть немедленно собираются в путь мои оруженосцы.

— Может,— учтиво поинтересовался Слеер, для которого, очевидно, королевский приказ не был неожиданностью,— распорядиться, чтобы приготовили вашу карету?

— Нет,— твердо ответил Крандал.— Как и подобает рыцарю, я еду к своему королю верхом.

— Отец! — воскликнул Генбел.— Я буду сопровождать тебя в столицу.

Кулл радостно подумал, что и он вместе с Генбелом сможет отправиться в Хрустальный город в свите знатного аристократа и собственными глазами увидит город своей мечты.

— Нет, Генбел,— печально ответил Крандал,— у тебя нет подорожной грамоты, а по новому королевскому указу без нее нельзя появляться на дорогах Валузии. Я не хочу, чтобы тебя повесили, как последнего бродягу. На то, чтобы выписать подорожную, может уйти несколько дней. Хотя Слеер, я уверен, и походатайствует в городской канцелярии о тебе и о твоём друге, все равно вряд ли получится быстрее. У меня нет времени — я присягал королю Борну и обязан повиноваться. Я выезжаю немедленно. Иди отдыхай, покои для тебя и твоего друга приготовлены — у вас были трудные дни.

— Я провожу тебя до порога, отец!

— Я буду благодарен тебе, сын,— с достоинством улыбнулся старый аристократ.

Генбел и Маржук ушли провожать отца. Слеер удалился по своим делам, Кулл остался за столом один. Он встал и подошел к месту, где сидел хозяин дома,— на столе лежала королевская грамота. Читать Кулл не умел, но внимательно рассмотрел королевскую печать: словно полукруг цветка из семи лепестков, только вместо лепестков ромбы с длинными сторонами у основания и короткими гранями сверху, центральный ромб намеренно выше всех. Символическое изображение Семи Королевств и Валузии посередине, как самой древней, могущественной и богатой державы. Сам не зная зачем, Кулл сунул грамоту в рукав.

Он выпил еще один кубок тонкого терпкого вина, положил голову на руки и заснул. За время, проведенное на пиратской галере, он научился пользоваться каждой минутной передышкой и умел засыпать сразу, прямо за веслом.

Через какое-то время его разбудила служанка и с вежливой улыбкой проводила в комнату, где была приготовлена роскошная постель. Кулл впервые в жизни видел мягкие перины и тонкое белье. Но он так устал после многодневного пути, расслабляющей

ванны и обильного обеда, что рухнул на чистые простыни в чем был, даже не сняв сапоги и ножны с мечом.

Проснулся он оттого, что его довольно грубо трясли за плечо. Он вскочил, рука непроизвольно легла на рукоять меча. Первое, что он заметил,— воинственно выпяченные, плохо выбритые подбородки. Двое вооруженных мужчин были одеты в такие же одежды, как и те четверо, что были убиты им и капитаном Антишем там, на побережье.

— В чем дело? — спросил Кулл, не в силах понять, сон это или явь, но в любом случае готовый сражаться.— Я — гость хозяина этого дома.

— Во всем разберемся,— услышал он в ответ.— Пройдемте в обеденный зал. Ваш друг уже там. Вам просто зададут несколько вопросов. Отдайте оружие.

Кулл мгновение подумал, пожал плечами, выдернул из ножен меч и кинжал из-за пояса, протянул воинам и пошел за ними, твердя про себя, что если он хочет жить в Валузии, то должен подчиняться ее законам — до тех пор, пока его жизни не угрожает непосредственная опасность.

Стол в обеденном зале был убран и застелен чистой скатертью. На месте старого Крандала сейчас сидел Генбел. Лицо его было бледным и встревоженным. Еще трое таких же вооруженных людей, откровенно скучая, стояли за его креслом. Рядом за столом расположился человек в черных одеждах, живо напомнив Куллу давешнего курьера. В руке он держал перо, чернильное пятно на указательном пальце недвусмысленно указывало на его ремесло.

Поставив ногу на стул, с отрешенным видом поодаль стоял Слеер. Молодой человек наигранно внимательно рассматривал ухоженный ноготь на мизинце. Слеер уже успел переодеться, его форма напоминала ту же, что и на воинах, но была с золотым позументом на рукавах и серебряной вышивкой на

грудь с уже виденной Куллом эмблемой — семь ромбов полукругом.

— Присаживайся,— мрачно кивнул атланту черно-волосый незнакомый мужчина, старший воинского патруля, тоже с серебряной нашивкой на груди, но без золотых позументов.

Кулл отодвинул стул с прямой резной спинкой и сел за стол. Почему-то ему снова захотелось есть.

Усталый день уже собирался уступать свои права вечеру.

— Я — начальник следственной канцелярии Отрядов Следителей Законности города Дапреза Инкор,— представился старший.— Я хочу задать вам несколько вопросов касательно вашего преступного прибытия, без соответствующего разрешения властей, в нашу страну, с тайными злыми умыслами против нашего короля Борна, вместе с другим преступником, который выдает себя за сына благородного Крандала. Но ведь всем известно, что благородный Генбел погиб пять лет назад в стычке с лемурийским десантом, о чем есть документальное подтверждение. Я спрашиваю: ваше имя?

— Кулл из Атлантиды.

— Пусть так,— кивнул Инкор.— Кто послал вас в Валузию? Лемурийцы?

— Никто нас не посылал,— угрюмо ответил атлант.— Мы бежали с лемурийской галеры, где были прикованы к веслам. За мной нет никакой вины, я ничего не замышляю против вашего короля.

Инкор пристально уставился Куллу в глаза. Их взгляды встретились. Атлант смотрел в черные значки начальника следственной канцелярии, будто в бездонный колодезь. И он вдруг испугался — а не обладает ли этот мрачный брюнет магией, не пробрался ли в самые сокровенные мысли Кулла, где атлант видел себя в короне короля Валузии? А не это ли злой умысел против ныне царствующего Борна?

Но Кулл не отвел взгляда.

— Не замышлял? — усмехнулся Инкор.— А не вы ли подло убили четверых воинов из Отрядов Следителей Законности, когда у вас всего лишь потребовали подорожные грамоты?

— Никто у нас ничего не требовал! — ответил Кулл.— Нас просто хотели повесить, как бродяг. Я защищал свою жизнь.

— Вот и прекрасно,— довольно улыбнулся Инкор и повернулся к писарю: — Вы все успели зафиксировать, брат Лимеш? Это признание. Одного этого достаточно, чтобы вздернуть их обоих вверх ногами...

В это мгновение в зал ворвалась Маржук. Волосы ее были слегка растрепаны, на щеках горел гневный румянец.

— Что здесь происходит? — возмущенно воскликнула она.

— Этот человек,— указал Инкор на сидевшего неподвижно Генбела,— послан лемурийцами с целью погубить нашего славного короля Борна. Он выдавал себя за вашего брата, но документально засвидетельствовано, что средний сын досточтимого Крандала погиб пять лет назад...

— Это и есть мой брат! — закричала Маржук и повернулась к Слееру: — Это ты все подстроил, да? Ты погубил Фросера, ты устроил вызов в столицу отцу, зная, что оттуда он не вернется! А теперь, когда вернулся мой брат, ты хочешь убить и его, чтобы все досталось тебе одному.

Слеер снял ногу со стула и вlepил девушке пощечину.

— Да, милая,— с мерзкой улыбкой произнес он.— Все так и есть. И ты пойдешь за меня замуж, если тоже не хочешь висеть вместе с любимым братцем на всеобщем обозрении, раскинув в стороны свои прелестные ручки!

Сидевший до того неподвижно Генбел вдруг сорвался с места — от неожиданности охранники прозе-

вали его порыв. Он подбежал к Слееру и схватил его за грудки.

— Ах ты, сволочь! — процедил он и врезал негодяю по лицу.

Удар получился слабым. Всю силу валузиец растратил на женщин в бассейне и даже не смог достойно защитить сестру.

Слеер не упал. Он опомнился первым и закричал:

— Вы что, не видите? Хватайте негодяю, он поднял на меня руку!

Опешившие стражники подскочили к Генбелу и скрутили ему руки за спиной. Кулла вытащили из кресла и тоже заломили руки за спину.

— Вооруженное нападение на офицера Отряда Следителей Законности, — флегматично произнес Инкор. — По указу короля Борна, ввиду особой опасности преступления, подобное пресекается немедленной казнью. Убить их! — Инкор демонстративно отвернулся от Генбела и взял из рук писаря бумагу, усеянную закорючками букв. Затем вновь поднял взгляд на подчиненных: — Что медлите? Исполняйте приговор!

Один из воинов обнажил меч и с явными намерениями подошел к Кулле, которого держали двое солдат.

— Стой спокойно, — сказал он атланту, — я попаду прямо в сердце, и погибнешь без мучений. Выпрямите его!

То, что произошло в следующие мгновения, смешалось для присутствующих в бешеный калейдоскоп мгновенно сменяющихся кадров.

Кулл, повиснув на руках державших его охранников, двумя ногами ударил в грудь воину, собиравшемуся вонзить ему в сердце меч, так, что тот отлетел к противоположной стене. Затем Кулл встал на обе ноги и, напрягшись, перекинул державших его воинов через себя, освободившись от их захватов.

Быстро выхватив из ножен одного меч, рукоятью он врезал по зубам второму так, что тот отключился надолго, и вонзил клинок в грудь первого.

Те воины, что держали Генбела, бросили его и, обнажив оружие, устремились к Кулле. Инкор отступил на несколько шагов, освобождая им дорогу.

— Убейте его! — истошно закричал Слеер.

Первый подбежавший к Кулле был пронзен мечом и упал, увлекая за собой клинок. Выдергивать меч не было времени, Кулл схватил тяжелый стул и обрушил на голову второго нападавшего, вложив в удар всю столь долго невостребованную силу. Выхватив из обмякшей руки меч, он развернулся в сторону первого врага, который оправился от удара и вставал, сжимая в руке клинок:

— Ну держись, варвар, а я-то хотел, чтобы ты не мучился!

Кулл мимоходом стукнул кувалдоподобным кулаком по темечку писаря и рванулся к последнему стоявшему на ногах, не считая Инкора, стражнику. За этим последовал бешеный вихрь ударов, которые изумленный солдат едва успевал парировать, и, наконец, могучий удар рассек голову воина чуть не надвое.

Кулл остался один на один с Инкором, который выдернув из ножен меч, молча ждал, пока атлант, так запросто уложивший его солдат, приблизится к нему.

— Генбел, возьми на себя Слеера! — крикнул Кулл и напал на начальника следственной канцелярии города Дапреза.

Но Генбел был не в силах пошевелиться. И он, и его сестра, и Слеер как зачарованные смотрели на схватку разъяренного атланта и невозмутимого с виду Инкора.

Инкор парировал сильный, но несколько непродуманный удар атланта и сделал резкий выпад — Кулл едва успел отстраниться. Острый клинок прорвал новые изысканные одежды, процарапав грудь, рубаха и куртка тут же пропитались кровью. Инкор нанес следующий удар, и Кулл с большим трудом успел под-

ставить меч, иначе он валялся бы сейчас на полу рядом с убитыми им же солдатами.

Кулл понял, что вновь нарвался на бойца, который, как и капитан Антиш, превосходил его не силой, но умением. Варвар снова подумал, что надо найти себе учителя фехтования — размахивать мечом, как палкой, против настоящего мастера смерти подобно Валка великий!

О том ли он думает сейчас, когда в любое мгновение может расстаться с жизнью? А о чем еще думать в такие мгновения? Не о том же, что стоишь на пороге царства мертвых... Тело, привыкшее к смертельной опасности, само знает, что делать, цепкие глаза отмечают каждое движение врага, руки готовы рубить, ноги — прыгать...

Их мечи скрестились у рукоятей, и тут Кулл сделал то, что никогда не сделал бы представитель древней валузийской нации, — он просто врезал кулаком левой в челюсть врагу. Тот, от неожиданности и силы удара, не устоял на ногах и упал. Следующим движением Кулл вонзил острие меча поверженному противнику точно в то место, где была нашита серебряная эмблема с гербом Валузии. Две струйки крови показались в уголках губ начальника следственной канцелярии.

Кулл быстро повернулся.

— Держи его, Генбел, — кивнул он в сторону Слее-ра, — сейчас мы выясним, какой он там племянник твоему отцу.

Но Генбел — как и Слее-р, впрочем, тоже — застыли, потрясенные увиденным. Взлохмаченный окровавленный атлант с мечом в руке неотвратно, как сама судьба, приближался к вельможе с напыженными волосами, а Генбел и Маржук не могли отвести от него взгляда.

Слее-р опомнился первым. С диким криком он толкнул на пол Генбела и бросился к окну, пробив плечом прекрасный витраж.

Кулл хотел кинуться вдогонку, но его остановил крик Маржук:

— Стой, Кулл, стой! Ты не догонишь его. Ты не знаешь закоулков нашего города!

Кулл остановился. Девушка помогла подняться с пола старшему брату.

— Вам нужно немедленно убираться из города, скоро здесь появится целая рота солдат! — сказала она. — Спаси моего брата, Кулл. Он единственный прямой наследник нашего рода! Скорее в конюшню и отправляемся к южным воротам. Там, в горах, у нас есть старый дом, в котором никто не живет. Быстрее же, Генбел, быстрее!

Генбел был в полной растерянности и еще бледнее, чем когда его допрашивали.

— Ты убил королевских солдат! — только и мог произнести благородный аристократ. — Кулл, ты — преступник.

— Я преступник, потому что хочу жить, да? — зло процедил Кулл, следуя за Маржук. — Я ни на кого не нападаю. Я никому не хотел причинить зла. Но и никому не позволю убить меня!

Они втроем прошли на конюшню. За ними бежал прислуживавший за обедом слуга.

— Быстрее открывай ворота! — крикнула слуге Маржук. — Мы уезжаем! Подождите меня, я скоро вернусь!

Она выбежала из конюшни. Кулл вспрыгнул в седло того коня, что позаимствовал еще на побережье и на котором прибыл сюда. Генбел двигался словно в тумане, точно марионетка, которую дергает за нитки кукловод. Повинуясь крику Кулла, он, при помощи слуги, тоже залез в седло. Вбежала Маржук. Слуга уже приготовил ей коня. И вот втроем они покинули древний дворец предков Крандала.

Маржук указывала дорогу. Когда они подъехали к воротам, стражники уже закрывали тяжелые створки на ночь. Девушка растерянно посмотрела на Кулла.

Тот вдохнул воздух, стараясь вспомнить, как говорят валузийцы. Их язык очень схож с верулийским, многие слова совпадают. Потом Кулл, выхватив из рукава смятую во время сражения царскую грамоту, что прислали Крандалу, показал ее стражам ворот.

— Королевский указ, дело не терпит промедлений! — кричал он.

Удивленные стражники кивнули, увидев знакомую печать (читать они, наверное, не умели), и распахнули ворота.

Трое всадников, прищипывая коней, устремились на юг, к горам.

Через четверть часа безумной скачки Генбел резко натянул поводья. Конь со ржанием остановился. Кулл, скакавший первым, почувствовал неладное и обернулся:

— Что случилось, Генбел? — кричал он.

— Я возвращаюсь! — мрачно ответил валузийский аристократ.

— Ты что, с ума сошел? — удивился варвар. — Тебя же сразу убьют. Повесят на крепостной стене вверх ногами.

— Ничего подобного, — ответил Генбел. — Я не убивал ни тех солдат на побережье, ни в своем дворце. Я чист перед законом и перед королем Борном. Меня не за что судить.

— Тебя повесят не за то, что ты сделал, — гневно воскликнула Маржук, — а за то, что ты — дурак! Неужели ты не понял, что за время твоего отсутствия все изменилось? Борн подло отравил своего брата короля Дурса, чтобы занять его место, и погряз в пьянстве и пороках. Кроме женской сиськи он ни о чем не желает думать. Его окружают такие же мелкие и подлые людишки, как и он сам, вроде этого выскочки Слеера, который ничего в жизни, кроме мерзостей, не делал! И ты думаешь, что при таком короле можно жить? Четверть его подданных умерла с голоду, вторая четверть прилюдно казнена самым жестоким образом, а оставшаяся половина трусливо мол-

чит, чтобы не разделить участь первых... Отправляйся в Дапрез, поклонись Слееру, передай ему привет от меня! А я еду дальше с Куллом, через горы, в малые княжества. Он — мужчина, а не слизняк, как ты!

— Как знаешь, Маржук, — еле выдавил Генбел. — Я не стану держать тебя за руку. Езжай, куда хочешь и с кем хочешь. Но Кулл — убийца, и, отправляясь с ним, ты становишься соучастницей и, значит, тоже преступницей!

— Я не желаю больше разговаривать с дураком! — вспыхнула Маржук. — Поехали, Кулл. Нас ждет свобода!

Кулл внимательно посмотрел на человека, которого вытащил из моря и с которым провел в лесах последние дни. Валузиец оказался упрям и несговорчив. Ничто не помогло. Кулл развернул коня и помчался к ожидающей его вдали Маржук. Через сотню шагов он оглянулся. Генбел развернулся и медленно возвращался в Дапрез. Кулл подстегнул своего коня, и они вместе с Маржук во все сгущающихся сумерках помчались на юг. Погоня могла направиться за ними в любое мгновение.

Звезды вспыхнули на почерневшем куполе небосвода и улыбались сверху двум путникам. Почти полная луна освещала им путь.

Наконец Маржук натянула поводья и перевела коня на шаг.

— Что случилось? — спросил Кулл. — Ты тоже передумала и решила последовать за братцем?

— Нет, — улыбнулась девушка.

Она изумительно смотрелась в призрачном лунном свете на коне, юбки пышными волнами обволакивали ее со всех сторон. Она напоминала древнюю воительницу, вышедшую из волн по велению богов.

— Здесь где-то ответвляется дорога, ведущая к нашему загородному дому, — пояснила Маржук. — Там мы отдохнем, а утром отправимся дальше. Горы вон, ру-

кой подать. Был бы сейчас день, ты бы их увидел. А вот и дорога!

Вскоре они подъехали к огромному пустому дому. Кулл сорвал доски с ворот, и они въехали во двор. Кулл поставил доски на место и легко перемахнул через высокий каменный забор. Дом был большим, но полусторевшим. На ремонт и восстановление у старого Крандала не хватило времени, да и не хотелось тратить на эту развалину лишние средства. Так и заросло все во дворе лопухом и разными сорняками.

В кромешной темноте Маржук провела Кулла в с детства знакомый дом, уверенно поднялась по лестнице, держа спутника за руку, и распахнула дверь в одну из комнат. В лунном свете, врывающемся через сломанную ставню, Кулл увидел большую деревянную кровать.

— Посиди здесь,— почему-то шепотом, что, впрочем, соответствовало обстановке заброшенного дома, произнесла девушка.— Я поищу какие-нибудь одеяла и что-нибудь поесть.

Через какое-то время она вернулась с ворохом шкур и с кувшином в руке.

— Вот,— вывалила она все на постель,— все, что есть. Ночи здесь холодные. Есть нечего, но в погребе сохранилась бочка с вином. Я нацедила почти полный кувшин. Пей, это придаст тебе силы.

— А ты? — спросил он, принимая у нее кувшин.

— И я тоже,— улыбнулась девушка.— Женщины всегда пьют после мужчин.

Кулл напился и передал ей кувшин. Он действительно хотел спать, но приятное тепло, исходящее от Маржук, будоражило кровь и мутило разум.

— Будем спать вместе,— деловито сказала она,— теплее будет. Ночи здесь очень холодные.

Кулл, прошедший последние дни в местных лесах у костра, так не считал, но спорить не стал.

Красавица прижалась к нему всем телом.

— Ты такой красивый, Кулл,— прошептала она,— такой мужественный, не то что этот прилизанный Слеер. Думать о нем не могу, мерзавец! А ты... Такого, как ты, я ждала всю жизнь и когда увидела тебя утром... Поцелуй меня, пожалуйста...

Кулл знал, что этого делать не стоит, но взыгравшая в нем природа сделала свое дело. Атлант и сам не понял, как сорвал с себя и с девушки одежды и в свете ухмыляющейся луны слился с ней, такой милой и незащищенной, воедино, забыв обо всем — о том, что он преступник, о том, что вещий сон обещал ему корону; о том, где он и что за ними по пятам может гнаться погоня... Он забыл обо всем. Кожа ее тела была такая нежная, а губы такими горячими и сладкими, как... как... Кулл не мог сравнить ни с чем, что знал до этого, перед ним открылся совершенно новый мир.

Он хотел в эти мгновения лишь одного — чтобы девушке было так же хорошо, как ему самому. Ее сладкие стоны казались ему божественной музыкой. Фантастическая мелодия вспыхнула в голове, напряжение, охватившее все тело, достигшее предела, вырвалось в яростном извержении, и сладкая истома разлилась по всему телу.

Кулл рухнул рядом с красавицей, унимая дыхание и слушая, как тяжело дышит она. Да, это достойно того, чтобы за женщин проливалась кровь. Тем более за такую, как Маржук...

Но в следующее мгновение он вспомнил соплеменника, погибшего из-за похоти, Ам-ра, собиравшего покончить с собой, лишившегося всяких сил после купания в бассейне с девушками Генбела... Кулл почувствовал, что отдал Маржук все силы, что падает в сладкую бездну счастья...

Он резко сел и в ужасе протянул руку к мечу. Ощувив в руке знакомую тяжесть оружия, Кулл облегченно вздохнул. Наслаждение испарилось словно не было. Он, опустошенный, сидел в призрачном лун-

ном свете, а рядом тяжело дышал чужой ему человек.

— Что с тобой, милый? — встревоженно спросила Маржук. — Ты слышал конский топот?

— Нет, — хрипло ответил Кулл. — Я просто подумал, что зря растратил слишком много сил. Я видел, как Генбел после этого самого... ну в бассейне... Он оказался слабым.

Она рассмеялась.

— Глупый. Там были девки. А я люблю тебя. Я, наоборот, придам тебе силы. Вот увидишь. Спи. Прижмись ко мне и спи.

Она прижалась грудью к его спине и обняла ласковыми руками, слегка поглаживая варвара по плечу.

Кулл, чувствуя, как саднит свежая рана на груди, лежал с открытыми глазами, не в силах заснуть и боясь пошевелиться, чтобы не потревожить девушку, чтобы она не стала упрашивать его повторить все сначала. Тогда он точно потеряет всю силу, станет безвольным моллюском, которого можно брать голыми руками.

Он сам удивлялся, но ему было хорошо.

— Милый, — прошептала Маржук ему утомленным голосом, — спи. С рассветом мы отправимся в горы. У Храма Мертвых Богов есть тайная тропа, ведущая через перевал, и через два дня мы будем в малых княжествах. У меня есть деньги. Много денег. Я взяла их перед отъездом из отцовского тайника, чтобы Слееру ничего не досталось. Мы купим где-нибудь дом и переждем тяжелые для Валузии времена. А потом, когда короля Борна не будет, а это рано или поздно случится, не может же этот кровавый ужас продолжаться вечно, мы вернемся в Дапрез. И докажем наши права на дворец... то есть мои. Ты будешь защищать меня...

Кулл повернулся и поцеловал девушку, неумело, но как можно более нежно.

— Спи.

Она закрыла глаза. Кулл положил голову на шкуру и подумал, что Маржук права. Переждать тяжелые времена и вернуться. А за это время найти в малых княжествах учителя фехтования. И надо научиться грамоте, если он хочет, чтобы дивный сон когда-либо воплотился. Что ж, отправиться в малые княжества — отличный вариант...

Кулл заснул и не удивился, когда тьму сновидения разогнали зеленые звезды, возвещающие о чудесном видении. Он ожидал увидеть золотое небо и услышать приветственный рев медных труб.

Но сновидение было иным.

Не первой молодости мужчина с очень низким лбом и густыми черными волосами, все черты которого говорили об исконно валузийском происхождении, с той самой короной, что в предыдущих видениях была на голове Кулла, сидел в окружении множества полуголых (а то и совсем нагих) девиц и из большого кубка пил вино. Пред ним стоял высокий человек с гордой осанкой, по всему облику которого можно было совершенно точно сказать, что это опытный и благородный воин. Руки его были скованы за спиной. Человек с короной на голове посмотрел, смеясь, на окружающих его красоток, и те, скривив милые коралловые губки, опустили изящные, униженные драгоценностями, большие пальчики рук вниз. Кровь залила сновидение Кулла.

И сквозь кровь он увидел сторевшие города Валузии, опустевшие деревья, необрунанные нивы, заваленные погибшими валузийцами поля. Кровь превратилась в красную реку, и по ней плыли, неестественно заломив руки, те самые красотики.

И вновь в сновидении проступили королевские чертоги, и вновь появился черноволосый король с низким лбом в окружении полунагих девушек, уже других. С пышногрудой светловолосой женщиной король занимался тем же самым, чем только что занимался Кулл, только не как велят боги — глаза в глаза, а

подобравшись к ней сзади, как делают животные... И не видел король Борн, увлекшись плотской любовью, что страдает его народ, а над его собственной головой занесен карающий топор судьбы...

Кулл проснулся, на лбу выступил холодный пот. Через сломанную ставню в комнату пробивались первые робкие лучи рассвета.

Рядом лежала, ровно дыша, заложив правую руку под голову, Маржук. Куллу было неприятно смотреть на ее выбритую подмышку, на расслабленную во сне грудь.

Этот вещий сон был предупреждением богов!

Кулл встал и быстро оделся. Кровь запеклась на рубашке и неприятно царапала кожу около раны. Кулл надел перевязь с мечом и подошел к окну.

Как прекрасна Валузия! Она не такая суровая, как горы Атлантиды. И деревья здесь другие. Более веселые, что ли? Сам воздух, кажется, легче и приятнее, и солнце светит по-другому. Ярче. Но черные тучи нависли над древней Валузией, и ему, Куллу, неизвестному атланту, суждено все изменить. Как — он не знал. Но не зря же боги посылают ему чудесные сны!

Он снова посмотрел на спящую Маржук. Конечно, было бы неплохо добраться с ней до какого-нибудь малого княжества, купить дом. Она такая красивая... Но нет, вещий сон послан не зря.

Великие Валка и Хотат, пред вами клянется он, что этот эпизод был случайным в его жизни. Больше женщины никогда не залезут в его сердце, не овладеют его плотью. Во всяком случае — до тех пор, пока не сбудется вещий сон! Да будет так!

Кулл случайно посмотрел в окно. К воротам приближался отряд из более двух дюжин всадников в уже знакомой Куллу форме. Видно, скакали всю ночь. Они ехали прямо к дому, и Кулл понял, что навешенные им обратно доски на воротах не введут их в заблуждение. Решение надо принимать, не теряя ни мгновения.

Он потряс за точеное плечо спящую девушку. Надо же, красивая утонченная аристократка всю ночь была в его объятиях! Он чуть не зарычал, отгоняя эту мысль прочь. Маржук сама так захотела лишь для того, чтобы не достаться Слееру, и он, Кулл, просто первым подвернулся под руку. Все женщины хитры, коварны и непостоянны. Они несут гибель мужчинам!

Маржук открыла глаза и быстро села на кровати, прикрыв грудь рукой и натянув шкуру на ноги.

— Что-то случилось? — спросила Маржук.

— Сюда едет большой отряд, — сухо сообщил Кулл. — Нам надо убираться как можно скорее.

— Но откуда они узнали, что мы скрываемся здесь? — удивленно воскликнула она и тут же сама и ответила: — А, им Генбел сказал. Он слышал, куда мы собираемся...

Она сидела в той же позе.

— Одевайся быстрее, — поторопил Кулл. — Время дорого. Далеко здесь до твоей тропы? Если мы до нее успеем добраться...

— Уезжай один, — вдруг решительно сказала Маржук.

— Что ты говоришь? — не понял Кулл.

— Уезжай один, — повторила она. — Я скажу, что тебя здесь не было, что ты свернул еще вчера на дорогу в столицу. Это — мой дом, где хочу там и ночью. Мне ничего не сделают, а ты сумеешь скрыться. Беги, Кулл!

Он все еще удивленно смотрел на нее.

— Но тебя могут обвинить в пособничестве... Тебя могут повесить на крепостной стене вверх ногами...

— Нет, — грустно улыбнулась Маржук. — Со мной ничего не будет, я нужна Слееру, чтобы он смог захватить владения моего отца. Валка великий, я счастлива, что не он первый коснется меня! Уходи, Кулл! Я никогда не забуду тебя.

Кулл против собственной воли наклонился к ней и поцеловал ее в губы. Это было не просто прощание

с Маржук, это было прощание со всеми женщинами мира. Он поклялся и выполнит свою клятву!

Он вышел из комнаты, легко сбежал по ступеням.

В ворота уже властно стучали преследователи.

Кулл быстро огляделся, побежал к своему коню, вскочил в седло и погнал на задний двор, в надежде, что там есть еще ворота или хотя бы калитка. Стена была глухая. И Кулл, пришпорив коня, погнал его прямо на забор. Отдохнувшее животное легко перемахнуло препятствие и понесло Кулла к возвышавшимся вдали горам, унося в неизвестность.

Глава четвертая СНЫ, СТАВШИЕ ЯВЬЮ

Может быть, конь Кулла задел ногой каменный забор загородного дома старого валузийского аристократа Крандала в прыжке, спасшем атланту жизнь, может быть, зацепил за корягу, когда Кулл гнал его через неразработанное поле к горам. Так или иначе, он захромал, а вскоре и вообще пал. Пришлось бросить его и бегом мчаться к спасительным отрогам. Куллу все время казалось, что стрела какого-нибудь воина из Отрядов Следителей Законности целится ему в затылок.

Добравшись до гор, Кулл не стал искать тайную тропу, понимая, что преследователи могут знать о ней, а пешком ему далеко не уйти. Хотя он отметил левее огромные развалины сгоревшего давным-давно Храма Мертвых Богов, о котором рассказывала Маржук, Кулл бесстрашно полез на скалы, цепляясь за камни. Преследователи никогда не найдут его в нагромождении скал — его, атланта, выросшего в горах и умеющего разговаривать с камнями.

Углубившись в глухие горы достаточно, чтобы его не нашли, Кулл сбросил куртку сшитую по последней валузийской моде с неуместными здесь бантиками-цепочками-галунами-кружевами и рубашу с багровым засохшим пятном. Солнце уже поднялось над землей древней Валузии, согревая лучами своего блуд-

ного сына. Кулл разлежся на огромном валуне и закрыл глаза, успокаивая дыхание и пытаясь сосредоточиться.

Вот и снова он — изгой, как тогда, в Атлантиде. Снова в горах один на один с дикой природой. Но тигры — его братья, а все остальные животные — добыча. И опять за ним погоня. Честно говоря, в Атлантиде было хуже — там на него охотились все племена. А сейчас он в цивилизованной стране. Вряд ли его будут искать по всей Валузии. Подумают, что он сбежал в малые княжества, и махнут рукой...

И, в отличие от первого изгнания, ему не надо преодолевать морские просторы. У него есть деньги в кошельке, подаренном капитаном Антишем. И сейчас у него есть оружие. Кулл сел, вынул кинжал, что прихватил с пояса начальника следственной канцелярии Дапреза, и внимательно рассмотрел его. Ладный закаленный клинок, удобная сбалансированная рукоять — не то, что кремниевая самоделка атланта...

Неожиданно Кулл услышал вдалеке голоса, и его словно ветром сдуло с удобного плоского валуна. Он, будто вышедший на охоту тигр, бесшумный и незаметный, прячась за скалами, спустился ниже.

Так и есть — тот самый отряд, что приближался к вилле Крандала, только числом чуть меньше, видно кто-то остался с Маржук. Стражники уверенно подъехали к горам, человек не в форме Следителей Законности указал рукой, и они въехали на тропу, которая оказалась совсем рядом.

Что ж, удачной погони.

Кулл усмехнулся и, словно белка, прыгая с камня на камень, отправился в другую сторону.

Варвар решил — ни в какие малые княжества он не пойдет, а пересидит в горах дней с десятков и двинется обратно в долину, к другому городу, а там... Там видно будет.

Кулл провел в горах, лазая по ущельям, где никогда не ступала нога человека, сорок дней. Он ду-

мал — о себе, о своей жизни, о Валузии, о чудных снах... О чем он ни разу не вспомнил, так это об оставленной в полустогоревшем загородном доме Маржук. Кулл, как и поклялся, изгнал из своего сердца все мысли о женщинах. До тех пор, пока не сбудется удивительный сон. Или навечно. Тут уж как распорядятся великие Валка и Хотат... Человек лишь пушинка перед ними, куда подуют, туда его и понесет...

В первый же вечер своего пребывания в южных горах Валузии Кулл нашел пещеру. Почти у самой долины, буквально в нескольких десятках шагов от тайной тропы разбойников и контрабандистов.

Он вошел в черный туннель с мечом наготове — сильный звериный запах бил в ноздри. Вначале пещера была узкой, как кишка, но Кулл автоматически отметил, что в нее можно и коня провести, а снизу, с долины, вход в пещеру не заметишь никак. Затем пещера расширялась в просторный зал, вдали маячило светлое пятно — еще один выход.

Хозяина пещеры не было на месте, но по запаху можно было совершенно определенно судить, что она обитаема. Кулл вышел через второй выход — и увидел маленькое симпатичное озерцо, скрытое скалами. Он сел на камень у пещеры, решив терпеливо дожидаться хозяина. Если это окажется тигр, то Кулл уйдет. Если же любой другой хищник — убьет или прогонит. Через два часа ожидания к пещере на четырех лапах с дневной добычей в зубах приблизился черный горный медведь.

Бой был жестоким и коротким, Кулл победил и по праву сильного поселился в столь удобной во всех отношениях пещере.

Медвежьего мяса хватило почти на весь срок, проведенный атлантом в горах. Несколько дней, напившись свежей густой и такой вкусной крови, он вялил на солнце и коптил на костре, у укромого озерца, мясо. Вода в озере оказалась чистой и приятной на вкус. Видимо, его подпитывал подземный ручей.

Кулл отдыхал — от галеры, от тревожных ночей в лесу, от непонятной жестокости валузийских Отрядов Следителей Законности. Он днями сидел у своей пещеры, глядя в долину, где простиралась вожделенная земля, и вспоминал удивительные, неправдоподобные рассказы, слышанные им в Атлантиде, о Валузии от бывшего раба Аскаланте, проводшего в древней стране целых семь лет; полные ненависти после взбучки от Черных Отрядов, воспоминания Хор-нака; рассказы других старших соплеменников.

Вот она Валузия, спустись и ходи по древней земле.

Но без подорожной грамоты его схватят, как последнего бродягу, и повесят на ближайшем дереве, получив за это награду. Деньги у Кулла имелись, отточенное оружие покоилось в ножнах, одежды по последней аристократической моде были тщательно выстираны и дожидались своего часа. Одно лишь останавливало его — распроклятая подорожная грамота.

Он смотрел в долину и думал об одном — как стать полноправным гражданином Валузии? И не находил ответа. Он молил Валку и Хотат послать ему решение проклятого вопроса хоть в чудном сне, хоть как-нибудь.

И вот на сорок первый день своего отдыха в горах он услышал вдали голоса. Прячась в камнях, он приблизился на звук. И увидел неспешно подъезжающих к тайной тропе двух солдат в форме Отрядов Следителей Законности.

Валка и Хотат вложили в голову Кулла блестящий по своей простоте и столь же неожиданный план. Кулл стремглав, не забывая об осторожности и не создавая шума, бросился к своей пещере. Он сорвал медвежью шкуру, в которой ходил все эти дни, и переделался в валузийскую одежду. Надел перевязь так, чтобы порез куртки на груди не бросался в глаза. И через второй выход помчался к тропе, зная, что сумеет обогнать двух неспешнодвигающихся всадников, — дорога делала, огибая скалу, небольшой крюк в этом месте.

Кулл быстро спустился по склону, стараясь не выпачкать одежду, встал на тропу, отдышался, оправился и, с беспечным видом, любуясь прекрасным видом гор, залитых солнечным светом, двинулся навстречу двум всадникам из Отрядов Следителей Законности. Но, несмотря на совершенно беззаботный вид, Кулл был внимателен и собран, в любой момент готов выхватить меч и защищать жизнь. Практика показала, что в Отрядах Следителей Законности бойцы никудышные, и с двумя воинами Кулл справится запросто.

Наконец всадники появились из-за поворота. Заметив Кулла, они остановили коней, положили руки на рукояти мечей. С такими-то Кулл действительно справится легко. Но не этого он хотел сейчас.

— Ты кто такой? — настороженно спросил один.

Второй озирался по сторонам, ожидая возможной засады. Хотя какой разбойникам прок от двух солдат Отрядов Следителей Законности — плохонькие меч да разношенные сапоги? Впрочем, разбойники могут напасть, желая утолить свою ненависть, и тогда лучше уносить быстрее ноги...

— Я осматриваю горы по приказу короля Борна, — спокойно сказал Кулл заранее приготовленную фразу на валузийском. — Вот грамота.

И он протянул всадникам тщательно расправленный лист с печатью короля Борна, присланный Крандалу.

Расчет атланта оправдался полностью — стражники не умели читать. Взглянули на знакомую печать и облегченно вздохнули.

— А почему без коня? — благодушно спросил один. — Случилось что? Может, тебя довезти до города?

— А зачем в горах конь? На нем навверх не залезешь. А я должен все увидеть и рассказать королю. Конь в долине.

— Ну, — сказал один из них, — Валка и Хотат тебе в помощь!

— И да помогут великие Валка и Хотат в вашем пути,— улыбнулся Кулл.

Стражники тронули лошадей и отправились дальше.

Кулл беспечной походкой скрылся за поворотом и чуть не подпрыгнул от радости — его рискованная авантюра удалась! С этой грамотой можно путешествовать по стране! Разумеется, соблюдая всю необходимую осторожность. Впрочем, до столицы, как до Дапреза, он может добраться ночами по лесам. Но вот войти в Хрустальный город... теперь сможет!

Кулл подумал, что мог бы убить обоих стражников, переодеться в их форму и на коне беспрепятственно добраться до столицы. Но это было очень опасно. Во-первых, он еще плохо владел валузийским. А, во-вторых, что он знает об этой стране, об укладе жизни и порядках? Да почти ничего! Лучше пока не нарываться на неприятности. Коня он где-нибудь купит за деньги.

Итак, его ждет Валузия. Вперед!

Через день Кулл вышел к небольшому поселку. Он долго присматривался, но, не заметив стражников, смело пошел вперед. Найдя дом старосты, он помахал перед его носом грамотой с королевской печатью, рассказал басню о том, что конь сломал ногу, и срочном поручении, потребовал продать ему нового коня — хоть какого и протянул серебряную валузийскую монету. Староста чуть не на зуб попробовал металл, долго и подозрительно смотрел на монету, тербил в руках бумагу с королевской печатью и наконец кивнул.

Кулла провели в дом, накормили деревенским обедом и угостили самодельной брагой, которой Кулл, как варвар, не побрезговал. Затем ему привели задрипанную лошадку, сказав, что других нет. Всех прочих забрали в войска. Староста указал Куллу дорогу, пояснив, как добраться до города Краш, где можно переночевать.

Лошадка была неказистой, но спокойной и послушной. Все лучше, чем пешком. Двигаться без коня в одежде валузийского аристократа — только вызывать лишние подозрения.

Где-то через час вдали на дороге показался отряд — дюжины полторы всадников. Во-первых, Кулл, увлеченный своими мыслями и несколько расслабленный хмельной брагой, заметил их слишком поздно, чтобы скрыться, а, во-вторых, он уверовал в волшебную силу королевской печати на грамоте, которую отнюдь не всякий валузийский солдат сможет прочесть. Поэтому варвар, не меняя аллюра, двигался навстречу судьбе.

Отряд ехал по каким-то своим делам. Головные всадники даже не обратили внимания на Кулла, приготовившегося достать бумагу с королевской печатью. Да и форма у них была совершенно другой, нежели у Отрядов Следителей Законности. Отряд ехал по три всадника в шеренге, Куллу пришлось прижать свою лошадку почти к самой обочине.

И неожиданно для себя что-то знакомое он увидел в замыкавшем отряд паренке — тот же был в доме старосты, когда Кулла угощали обедом с бражкой!

Кулл попытался развернуть лошаденку и направить ее в поле, хотя понимал, что против откормленных, хорошо обученных армейских коней ему и делать нечего. Но и всадники, выехавшие на охоту за ним, были наготове — не успел он и на четверть завершить маневр, как был окружен со всех сторон. Единственное, что ему оставалось — сдаваться, в надежде сохранить жизнь. Но Кулл был варваром и считал, что смерть лучше плена.

Кулл соскользнул с лошади, выхватывая на ходу меч, кувырком проскочил меж двух коней. Он слышал, как за спиной свистнули мечи в бесплодном взмахе. Стрелой помчался по полю к лесу, до которого было не менее двухсот ярдов.

Почувствовав, что его нагоняют, Кулл резко развернулся, вонзил клинок в грудь распаленного коня, повернулся, схватил за ногу второго всадника, стащил с седла и оглушил могучим ударом по голове. Остальные преследователи придержали коней.

Кулл, как затравленный хищник, замер с мечом в руке, с которого капала кровь.

— Подходите! — прошипел Кулл. — Пусть я умру, но десяток самых смелых из вас утащу с собой!

Всадники стояли неподвижно, к ним приближались отставшие. Вдруг один из подъехавших позже, оценив ситуацию, соскочил с коня и выдернул из ножен меч.

— Хорошо, атлант, — совершенно спокойно произнес он, — я люблю подраться. Давай — честный бой, остальные вмешиваться не будут.

Был он то ли сед, то ли белобрыс — не понять. Волосы были очень коротко подстрижены ежиком. Но лицо избороздили глубокие морщины, хотя по фигуре нельзя было сказать, что он стар и дрябл.

Куллу не требовалось повторять дважды подобные предложения. С диким боевым кличем атлантов он бросился на пешего противника — ничего другого ему не оставалось.

Седой с легкостью парировал его бешеный удар и неуловимым движением взмахнул клинком — левую руку Кулла чуть выше локтя обожгло болью. Он еще не успел ничего понять, как и на правой руке появилась глубокая царапина.

Кулл вновь вложил в удар всю свою силу, и снова его атака была отбита, но каким-то непостижимым образом появилась рана на груди, на полдюйма выше прежней, уже зажившей.

Кулл отступил на шаг, взглянул в лицо противника, который смотрел на него с грустной улыбкой. Варвар собрал всю волю, все знания и при общем молчании сгрудившихся всадников вложил их в решающий удар.

Меч, словно камень из пращи, вылетел у него из рук, и тут клинок воина коснулся горла атланта.

Седой невесело усмехнулся и отвел клинок. Кулл стоял перед ним, бессильно опустив руки. Кинжал был за поясом, но атлант отлично понимал, что не успеет и пальцем пошевелить, как будет убит. Этот седовласый — противник посильнее капитана Антиша и Инкора, вместе взятых. Везет же Куллу на мастеров меча!..

— Убей его! — кричали седовласому всадники. — Убей! Повесим мертвого, награда — твоя!

— Лучше отправим его в Дапрез, в Отряды Следителей, — крикнул тот, чьего коня убил Кулл. — Там с ним как следует поговорят, а с нас и взятки гладки.

— Убей его! Убей!

Кулл смотрел на седовласого и прощался с жизнью.

— Убей! Убей!

— Нет! — Седовласый поднял вверх руку. — Этот парень любит сражаться, — с некоторой иронией произнес он, — вот и пусть забавляет короля Борна. Вы что, забыли об указе короля, где нам полагается сильных и отважных разбойников отдавать в гладиаторские школы? Вот и пусть подучится. Не забывайте, мы — армия, а не шакалы-фискалы. Отправить его в Дапрез, но не к Следителям, а в нашу комендатуру. Пусть везут к ланисте...

Кулл с ненавистью глядел на седовласого, хотя уже тогда, наверное, понимал, что этот много повидавший седой воин, имени которого он так никогда и не узнал, спас ему жизнь.

Кулла связали, как мешок с сеном, перекинули через круп коня и отвезли в городок, где бросили в темницу. Перед этим его допросили в присутствии писаря два хмурых офицера. Из их слов Кулл понял, что мальчика послал за отрядом староста, поскольку монета, заплаченная за коня, была с профилем старо-

го короля — такие монеты, по указу Борна, были запрещены. Да и читать, как оказалось, староста умел. На все вопросы Кулл молчал. Офицеры хотели вызвать палача и пытать преступника, но оба устали, стремились к своим делам по домам, и на Кулла махнули рукой.

Наутро его, закованного в тяжелые колодки, посадили в телегу и повезли в Дапрез. В город его привели, уже когда солнце склонялось к лесу, а городские ворота были закрыты.

Сопровождавшие телегу воины через створки ворот договорились со стражниками, чтобы их пропустили. Кулл без всякого интереса посмотрел на стену за воротами. Третьим слева висел, раскинув ноги, облитый какой-то дрянью, чтобы не разлагался, труп мужчины. По одежде Кулл узнал Генбела, на груди покойного красовалась табличка: «Лемурийский шпион, выдававший себя за Генбела, сына Крандала».

Неделю Кулл протомился в темнице, расположенной в подвале армейского штаба Дапреза. Его кормили относительно неплохо два раза в день — не чета похлебке на галере. Он сидел в одиночке, поскольку его боялись посадить к другим заключенным, из опасения, что он может устроить драку. Его просто хотели отправить побыстрее в гладиаторскую школу, но ради одного воина гонять повозку и конвой было расточительно, ждали okazji.

Если бы только знал блестящий офицер канцелярии Отрядов Следителей Законности Слеер, каждый день проходивший мимо армейского штаба, что там, в одиночке, сидит человек, опозоривший его невесту (а теперь уже — законную жену), то приложил бы все силы, чтобы Кулла перевели в следственную канцелярию Отрядов Следителей Законности. А уж там бы он поговорил с ним по-своему. Слава великим Валке и Хотату, что этого не случилось.

При короле Дорсе гладиаторские бои были не то чтобы под запретом, но не в чести. Старый король их

не любил. И гладиаторских школ в Валузии было всего две. Это сейчас, при Борне они появились по всей стране, поскольку гладиаторов требовалось все больше и больше. Лишь только на последнем праздновании дня рождения короля до смерти бились пятьдесят пар и две группы по пятьдесят человек.

Кулла повезло. Его отправили в старейшую школу с многочисленными традициями в городок Дахне, что в двух часах езды от столицы, неподалеку от Заброшенных Садов. Ланиста осмотрел Кулла, ощупал мускулы, хмыкнул, увидев шрамы, поглядел зубы новичка, затем почесал у себя лысый затылок и поставил подпись на расписке, что он принимает пойманного бродягу Кулла из Атлантиды в Королевскую школу гладиаторов.

Так или иначе мечта Кулла сбылась. Его собирались обучать искусству владения мечом, всем премудростям и тонкостям этой науки. Иначе на арену его просто не выпустят.

Кулла провели в казарму, которая сейчас пустовала, — все гладиаторы были на занятиях. Ему показали свободные нары, дали шкуры, чистую гладиаторскую одежду и велели идти в умывальню, смывать грязь темницы. Умывальня представляла собой просторное помещение с большим каменным корытом посередине, над корытом шла глиняная труба с прорезями, из них лилась вода.

Кулл скинул с себя пропахшие потом и темницей одежды и начал умываться. Явились с занятий гладиаторы — усталые, потные, заняли все места. Кулл уступил место высокому худощавому лемурийцу. Тот посмотрел на новичка и неприятно улыбнулся:

— С дружбой набиваешься? Нам дружить трудно, если встречу тебя на арене — убью...

Чередой понеслись однообразные дни, полные тренировок, занятий самыми неожиданными для Кулла предметами — гимнастикой, анатомией, естествознанием. Каждое утро — пробежка на пять миль. Потом —

в гимнастический зал, поднятие тяжестей и другие упражнения для развития мышц. Потом основы фехтования — до обеда. Краткий перерыв, и снова занятия, занятия, занятия... К вечеру Кулл валился с ног.

Гладиаторы мало разговаривали друг с другом. Все были примерно равны, в казарме Кулла все, как и атлант, проходили первоначальный курс подготовки. Те, кто уже выступал на аренах, жили в другом помещении. Казарма была большой — рассчитанная на пять дюжин человек. И круглосуточно с гладиаторами находились четверо солдат при полном вооружении, чтобы подопечные не подрались. Только солдаты дежурили в опостылевшей казарме раз в четыре дня, а гладиаторы не покидали стен школы.

Гладиаторов берегли — прилично кормили, выдавали специальные мази для кожи, лекарь школы раз в несколько дней осматривал каждого из них. По сравнению с тупой изматывающей жизнью на галере здесь для Кулла был сущий рай. К тому же атлант стремился к знаниям. И учителя быстро выделили из всех подопечных молодого варвара, жадно ловящего каждый жест и до одури истязающего себя в шлифовании какого-либо приема.

Через полгода обучения их по одному стали выпускать в город. Кулл не знал, что за ним по узким улочкам маленького городка, от которого рукой подать до столь желанного Хрустального города, неотрывно следуют двое хорошо обученных агентов, готовые в любое мгновение поднять тревогу, протрубив в маленький рожок, а то и заколоть нагльца, осмелившегося бежать.

Как лучший ученик атлант был отпущен первым и не знал, что делают с теми, кто пытается использовать такой на первый взгляд прекрасный шанс для бегства.

Кулл отправился на высокий холм, где стояла городская ратуша, оперся о давно не беленную стену здания и стал смотреть вдаль. Не в сторону моря, за

которым далеко-далеко возвышались горы родной Атлантиды, а в сторону столицы древней Валузии, в которой правил жестокий диктатор Борн.

Но разве могли двое наблюдателей проникнуть в его мысли? Так и доложили ланисте — стоял и смотрел, потом прошелся по улицам, не особо глядя по сторонам, и, так и не истратив пару выданных медяков, вернулся обратно.

Кулл жаждал боев, чтобы проверить полученные навыки. Он не стремился и не собирался удирать из школы гладиаторов, а свято верил в свою звезду, в чудный сон, в богов-покровителей. Он ждал своего часа и знал, что тот обязательно придет.

Наконец гладиаторам объявили, что первоначальный курс обучения закончен и вскоре пройдут отборочные поединки, по итогам которых будущих гладиаторов либо оставят здесь и будут готовить для столичной арены, либо переведут в другие школы или сразу по дешевке продадут для боев на похоронах какого-нибудь не очень богатого аристократа.

Это известие вызвало заметное волнение в казарме — ведь не пройти отбор значит попасть на арену к более опытному бойцу, пройти — остаться еще на полгода в казарме, которая, невзирая на изнурительные занятия, все же стала почти домом. Но были и такие, кто хотел немедленной определенности. Кулл, возможно единственный, оставался совершенно спокойным к грядущим переменам — он знал свои силы.

Поединки проходили на арене школы. Тут собрались ланисты и преподаватели, как и всегда, со всей страны. Пускали даже зрителей — бесплатно. Но кому, кроме специалистов, охота наблюдать за новичками, сражающимися деревянными мечами?

В день сражалось одиннадцать человек — пятьдесят пять боев. Бой не дольше дюжины минут, отмеренных по песочным часам, за которыми пристально следил один из судей.

Куллу по жребии выпало сражаться на третий день, и он, как и все прочие свободные гладиаторы, все дни состязаний не занимался, а наблюдал с трибуны за боями.

Гладиаторов в одних набедренных повязках мазали краской в три цвета — голубой, белый и желтый, а деревянные мечи они макали в бочку со специальной красной краской, которая оставляла на теле след. Грудь в области сердца и шею мазали голубой краской — смертельная зона. Суставы, правую половину груди, часть живота — белой — тяжелые ранения, болезненные. Руки, ноги, кроме узких участков локтей и колен, — желтой — раны легкие, незначительные. Но за четыре попадания в желтую зону присуждалась победа. За два в белую — тоже. Ну а уж попал в голубую зону, а сам не имеешь отметок ни в желтой или белой, ни тем более в голубой — чистая победа, десять баллов плюс десять призовых за высшее мастерство. Если же сражающиеся за отведенное время не нанесли смертельных ранений — получите по пять очков, и никаких призовых.

Высший возможный набор очков — двести баллов, недостижимый результат. Гладиатор, бывший лучшим в первый день, набрал сто семь баллов: восемьдесят за восемь побед и двадцать семь призовых. Победитель второго дня получил и того меньше.

Кулл же одержал десять побед и получил сто девятью пять очков. Во втором бою достался упорный и верткий верулиец, в голубую зону на его теле Кулл так и не попал, только нанес две красные отметины деревянным мечом в белую. И в седьмом бою победа атланту досталась дорого — на первых секундах он пропустил удар, получил красную чертку на плече, в желтой зоне, за что ему и срезали четыре призовых очка. Но и то, чего он достиг, — результат, небывалый для школы.

Кулл сразу был переведен в разряд самых дорогих и перспективных гладиаторов. Ничто, кроме королев-

ской арены, ему больше не угрожало — не надо будет ублажать видом своей крови жителей провинциальных городков, где за время правления Борна, как грибы после дождя, выросли амфитеатры для кровавых зрелищ.

Куллу было назначено индивидуальное обучение с лучшими учителями, хотя и продолжал он (до первого смертного боя) жить в общей казарме, правда уже в другой. Когда ж он начнет выступать — будет жить один, чтобы никто не мешал, и питаться много лучше... Но, честно говоря, Куллу неважны были условия бытия — он хотел познать все тайны искусства владения мечом, копьем, дубиной и вообще всем, чем можно сражаться. Образ капитана Антиша с ехидной улыбкой на лице время от времени вставал перед глазами.

И Кулл учился, учился, учился — всему, кроме грамоты. Не у кого было. Читать и писать во всей школе мог лишь ланиста. Но для того чтобы радовать взгляд короля своей и чужой кровью, эти знания не требовались.

Кулла берегли до особо торжественного случая, не выпуская в групповых боях и не показывая его раньше времени. Почти все бойцы, что набирались одновременно с ним, уже погибли или были покалечены и отданы на кухню в прислугу.

Тем временем владельцы других гладиаторских школ, чтобы выслужиться перед королем, стали распространять слухи, что школа в Дахне совсем захирела и ее выпускники никуда не годны, гибнут, как правило, в первых схватках.

Мирам Балин — вельможа, стоявший за школой, расвирипел и организовал выступления, где его двадцать бойцов выступают один на один против двадцати лучших гладиаторов всех других школ — мол, выберите сами своих героев. Кулла эти паучьи игры не касались, и известие, что он свое боевое крещение примет пред взором короля Валузии, который обо-

жал гладиаторские бои, считая себя большим знатоком и ценителем, атлант воспринял довольно равнодушно.

Кулл не считал, что познал все тайны боевых искусств, но смертный бой ему был только на пользу.

За десяток дней до выступления в казарму привели новичков. Кулл, как всегда, не обратил на них внимания — скользнул равнодушно взглядом и отвернулся. Но что-то в облике одного из них показалось Куллу знакомым. Он резко развернулся:

— Ам-ра?!

Вновь прибывший внимательно всмотрелся в человека, окликнувшего его по имени. Неуверенно спросил:

— Кулл?

— Я!

Старые друзья обнялись. Стражники бросили на них быстрый взгляд — не драка ли затевается — и вернулись каждый к своим занятиям. Прочие гладиаторы не обратили на них внимания, готовясь к ночному отдыху. Кулл кивнул товарищу детства на умывалку, где уже никого не было.

Что-то давно забытое шевельнись в груди Кулла. На него словно пахнуло запахом родных гор. Но это что-то неуловимое тут же и пропало, забитое запахами гладиаторской казармы.

— Кулл! Ты жив! Я думал, что ты давно погиб! — воскликнул Ам-ра. — Как ты изменился, я бы тебя и не узнал, если бы ты сам меня не признал — похудел, да еще эта борода! А в племени считали, что ты погиб. В окрестностях бродил белый житель гор. Люди решили, что ты попался на его зов.

— Да, я его видел, — кивнул Кулл.

В гладиаторской школе от болтливости отучали любого, а Кулл этим особенно никогда и не грешил. Он смотрел на товарища детства и жалел, что позвал его. Говорить ему с ним было абсолютно не о

чем. Атлантида и все, что с ней связано, умерло в его сердце навсегда. И хотя был шанс, что он встретится с Ам-ра на арене, Кулл точно знал, что если это случится, он убьет того, кто раньше был его другом.

— Я так рад, что встретил тебя! — продолжал Ам-ра. — Валузийцы напали на нашу стоянку, всех убили или забрали в рабство. Хор-нак, наш с тобой учитель — помнишь его? — погиб с копьем в руках. Многие погибли, многих, кто послабее, убили. Не по-человечески убили, повесили на деревьях ногами вверх, словно скотину перед тем как шкуру снять. Бр-р. А я вот уж сколько дней в колодках, почти ничего не ел, все думаю о побеге. Наконец-то с меня сняли колодки! Теперь я сбегу точно. Как я рад, Кулл, что встретил тебя! Вдвоем будет сбежать гораздо легче!

— Отсюда не сбежишь, — холодно ответил Кулл.

Даже если Ам-ра через полгода будет отпущен в город, Кулл знал, что бежать ему не удастся — при малейшей попытке атлант будет схвачен и вывешен на стене школы всем в назидание. Были прецеденты. Кулл не желал такой смерти другу детства, хотя, по большому счету, ему сейчас было наплевать на судьбу Ам-ра.

— Отсюда не сбежишь, — повторил Кулл. — Лучше уж умереть на арене с мечом в руке, как полагается мужчине, чем висеть вверх ногами.

— Умереть на арене?! — гневно воскликнул Ам-ра. — Ради забавы этих проклятых валузийцев? Я понимаю — умереть за родину, за племя, за себя...

— У меня нет родины, — без каких-либо эмоций в голосе произнес Кулл. — Она отвергла меня. И ты прекрасно знаешь почему.

Ам-ра смутился.

— Да, я помню, — ответил он. — И я никогда не забуду, что ты тогда сделал для меня. Но... Но сейчас все это неважно. Сейчас надо думать о побеге. Ты поможешь мне?

— Отсюда не сбежишь,— в третий раз сказал Кулл.— Надо смириться с судьбой, раз так порешил великий Балка, и умереть достойно — на арене.

— Ну уж нет! Умереть с мечом в руке — да, согласен. Но сложить голову на потеху кому-то! В последний раз спрашиваю: ты поможешь мне бежать?

— Нет.

Это «нет» прозвучало, как надгробный камень на надеждах Ам-ра. Он посмотрел на Кулла. Тот не отвел глаз. Молчание длилось долго, очень долго.

— Как знаешь,— наконец зло процедил Ам-ра, повернулся и, не оборачиваясь, пошел в казарму.

Кулл смотрел ему вслед, потом набрал в сложенные раковиной руки воды из каменного корыта и брызнул в лицо. Ему было не в чем себя упрекнуть. Он вздохнул и отправился спать — давно он уже не видел чудесных снов, посылаемых свыше, и начинал волноваться: не привиделись ли они ему, не было ли это бредом воспаленного воображения, были ли они вообще?

Войдя в казарму, Кулл успел заметить, как Ам-ра, словно ненароком, подошел к болтающему с товарищем, ничего не подозревающему стражнику и, будто случайно, толкнул его. Стражник от неожиданности повалился на второго, двое других вскочили со скамьи, но было поздно — в руках Ам-ра блеснул выхваченный из ножен зазевавшегося стражника меч. Прежде чем быть зарубленным тремя вооруженными, ко всему привыкшими стражниками, он успел заколоть того, которого обезоружил, и умер с мечом в руке и счастливой улыбкой на лице.

Усталые гладиаторы с интересом наблюдали за редким развлечением и не сводили взгляда с двух трупов, пока их не уволокли подоспевшие товарищи охранников.

Никто не пошевелился, чтобы не попасть под горячую руку. Двоих новичков, что прибыли в школу с Ам-ра, тут же увели, и больше Кулл их никогда не видел.

Дней через пять Кулла увезли в столицу — на следующий день должны быть выступления перед самим королем Борном. По давней традиции, истоков которой уже никто не помнил, перед смертным поединком будущих противников селили на ночь вместе — чтобы лучше узнали друг друга.

Кулл вошел в просторную камеру с двумя постелями — там уже сидел некий Грел из школы, что на восточном побережье. Этому воину молва присвоила кличку «Неистовый». Кулл кивнул в знак приветствия, внимательно посмотрел на него, оценивая, и, не обращая больше внимания, улегся на свободную постель, отвернувшись к стене.

— Я убью тебя завтра, щенок! — прорычал Неистовый, но Кулл не отреагировал.

Скрипнула дверь, вошел слуга и поставил на стол между кроватей два подноса — каждому отдельный ужин.

Неистовый придвинул оба подноса к себе, но Кулл встал и, глядя ему прямо в глаза, забрал свой поднос. Грел выругался, вновь запугивая, и принялся есть. Неистовый был опытным гладиатором, прошедшим более дюжины смертных боев, и не первый раз проводил ночь с противником. Одно дело — страшать, давить морально, другое — раньше времени вступать в драку.

Вновь скрипнула дверь. Оба удивленно повернулись к двери. На пороге стоял стражник, за ним виднелись две женщины.

— По велению великодушного короля Борна вам посылаются женщины, чтобы вы смелее и красивее сражались завтра,— объявил он.— Тот из вас, кто победит в завтрашнем бою, в течение десяти дней будет каждый вечер получать новую женщину!

Женщины прошли в комнату, стражник поставил на стол кувшин со слабеньким вином, вышел и закрыл дверь.

— Я беру эту,— ткнул Грел пальцем в более симпатичную.

— Бери обеих,— равнодушно сказал Кулл, который вновь лег и отвернулся к стене.

— Задобрить хочешь?! — прорычал Неистовый.— Этот номер не пройдет. Я все равно убью тебя завтра!

— Я хочу спать! — спокойно ответил Кулл, как отрезал.— Один. А ты делай что хочешь. Но мой совет — лучше ложись спать.

В голове атланта мелькнула мысль, что так оно к лучшему — пусть потасканные красотки отнимут у противника всю силу, легче будет завтра на арене, но тут же подумал, что и так должен убить соперника, кто бы против него не вышел. Подумал — и заснул.

Кулл с Грелом открывали состязания. Отривели трубы, ушли с арены герольды и прочие пары гладиаторов, чей час еще не настал.

Кулл впервые увидел короля Борна — но королевская ложа была от него шагах в двадцати и залита солнцем. Атланту не удалось как следует рассмотреть лицо нынешнего повелителя древней Валузии.

А Борн чувствовал себя отвратительно — с утра разболелся коренной зуб. Он еле отсидел парад гладиаторов, размышляя: не перенести ли состязания на другой день, переполненные трибуны его ничуть не смущали. Не помогали ни ласки окружавших его и сопровождавших повсюду красоток, ни кубок превосходного вина. Оставалась одна надежда — что поединки отвлекут его от боли.

— Первый бой обещает быть крайне захватывающим, Ваше Величество,— с подобострастной улыбкой сказал один из царедворцев.— Сражается сам Грел-Неистовый, что так понравился вам в прошлый раз. Готов биться об заклад на десять золотых с кем угодно, что он легко победит этого недоучку из школы в Дахне.

— Посмотрим,— угрюмо буркнул король, держась левой рукой за щеку, а правой поднеся к губам кубок.

Кулл и Грел приветствовали короля традиционной фразой гладиаторов: «Мы умираем для вас» — и обнажили оружие.

— Я убью тебя! — проревел Грел-Неистовый.

— Ты это мне уже говорил! — спокойно ответил Кулл, которому продолжавшиеся почти всю ночь вздохи и крики двух развлекающихся девок и Грела не помешали прекрасно выспаться.

Толпа взревела, поддерживая Грела — любимца, которому уже неоднократно рукоплескала за победы на этой арене.

Грел, пикт по происхождению, тоже был варваром. Высокий, как и Кулл, примерно того же телосложения, он отличался темным цветом волос. Какие-то мгновения противники стояли, замерев, готовясь к бою.

— Вперед, Неистовый, вперед! Задай перцу этому атланту! — несло со всех сторон.

Грел с яростным кличем, заводя сам себя, бросился на противника.

Кулл парировал мощный удар небольшим круглым щитом, что входил в их вооружение, и совершенно неприметным с трибун ударом вонзил меч в живот противнику. Все же он не попал в грудь, как хотел.

Но и этого для победы оказалось достаточным.

Грел с огромным удивлением посмотрел на атланта, выронил меч из обессилевших пальцев, взмахнул руками, точно пытаясь найти точку опоры, затем согнулся пополам и упал под оглушительный вздох потрясенных зрителей — большинство ставило на Неистового. Никто не ожидал столь быстрой развязки.

— И это ты называешь прекрасным боем?! — гневно воскликнул король Борн, запуская в царедворца серебряным кубком.

Кулл поставил ногу на грудь поверженного гладиатора, ожидая решения зрителей, чтобы выполнить их волю и отправиться отдыхать, хотя вовсе не устал.

— Я же говорил, что женщины отнимают силу,— сказал он скорее сам себе, чем корчившемуся от дикой боли Грелу.

Приговор был однозначен — трибуны требовали смерти того, кому лишь какие-то мгновения назад рукоплескали.

Гладиаторы не любили сражаться в первых парах — если ранят, то, почти наверняка, зрители потребуют добить поверженного. В последних парах — другое дело. Уже насытившаяся видом крови толпа может смягчиться, и король помилует побежденного, что зачастую и случалось.

Но считалось дурным тоном как-то влиять на ход жеребьевки и очередность пар. Это означало, что боец в душе признавал возможность поражения. Каждый гладиатор боялся взглянуть и принимал решения распорядителей с покорностью, выражая уверенность в собственной победе.

По знаку короля и по приказу распорядителя Кулл вонзил окровавленный клинок в сердце Грелу-Неистовому. Ничто в его душе не шевельнулось, ни малейшей жалости к тому, кто всю ночь предавался плотской любви, не было.

На арену вышла следующая пара гладиаторов. Кулла накинута на плечи плащ сам ланиста школы, поздравляя — начало дня было успешным.

Второй бой оказался упорным и красочным. Кровь текла из легких ран у обоих противников, доводя толпу до иступления. Этот поединок столь увлек короля, что он совершенно забыл о донимавшей все утро боли. И уж тем более из памяти монарха выветрился образ атланта, победившего Неистового. Да и, по мнению всемогущего диктатора, скорее всего, эта победа была случайной.

Король Борн, в отличие от Кулла, не видел вещей снов и даже приблизительно не знал своей судьбы, думая, что будет наслаждаться всеми прелестями жизни, если уж не вечно, то достаточно долго.

Кулл вернулся в гладиаторскую школу в Дахне и продолжил постижение таинства искусства убивать. Он уже жил один в комнате, питался из другого котла. Он стал надеждой ланисты, восходящей звездой школы. И по-прежнему Кулл истязал себя изнурительными тренировками.

Ланисте, чтобы выгодно продавать Кулла на состязания, необходима была популярность своего воспитанника среди зрителей, яркие победы атланта на арене. Но и рисковать любимцем он не очень-то хотел. Кулла же было все равно, с кем сражаться. Он готов был убить любого, но его мнения никто не спрашивал.

И Кулл сражался на аренах больших и малых городов с гладиаторами своей же школы — в основном с теми, кто на предварительном турнире не набирал и пятидесяти очков. После первого такого боя его вызвал к себе ланиста и попросил, чтобы Кулл не убивал противников сразу — бои должны быть зрелищным. Кулл пожал плечами и попросил в ответ обучить его грамоте.

— Зачем тебе это? — искренне удивился ланиста.

— Чтобы, когда буду умирать, прочесть то, что написано на бортике арены,— не моргнув глазом, ответил Кулл.

— Да я и так тебе скажу! — воскликнул лысый начальник школы.— Там написано...

— Я знаю. Но я хочу сам прочесть,— упрямо ответил Кулл.

Ланиста не стал самолично учить гладиатора чтению (самому-то знаний едва хватало, чтобы вести дела школы), но нанял Кулла учителя.

За год Кулл прошел больше пяти дюжин боев, дважды сражался на главной арене страны перед королем. Он всегда стремился поразить противника в сердце, но уже знал, что должен не просто убить соперника, а выдать зрителям грандиозное представление.

Однажды Кулл, выступая в последней паре, минут пятнадцать выделывал прыжки, имитируя атаки, кувыркался и делал головокружительные пассажи мечом и щитом, разозлив ничего не понимающего гладиатора до белого каления, который сражался не на жизнь, а на смерть. Отражая бешеный натиск, Кулл зазевался — отскочить успел, но прием провести не удалось, и тогда атлант, повинувшись мгновенному импульсу, ударил врага щитом по голове. Шлем, конечно, смягчил удар, но противник был оглушен, ноги его подкосились, и он рухнул на арену. Куллу ничего не оставалось, как поставить ногу ему на грудь и, приставив к горлу меч, ждать, пока зрители вынесут приговор. Варвар был раздосадован, что получилось не все так красиво, как он хотел. Но зрители, к его удивлению, помиловали побежденного гладиатора. Тот даже не получил серьезных ранений — так, легкое сотрясение мозга.

Кулл после этого случая задумался: стоит ли метить в сердце гладиатору, такому же невольнику, как он сам, когда у того есть хоть мизерный, но все же шанс выжить, если понравится зрителям. Он пошел к ланисте и заявил, что вся система очков в предварительных боях начисляется неправильно. Молодых бойцов учат убивать наповал, когда у противника есть возможность выжить, попади ему в голубую зону. Пусть покалеченным, но выжить. Ланиста вздохнули в ответ на слова Кулла ответил, что традиции ломать тяжело, и это, по большому счету, не их дело.

Что ж, Куллу и не было до этого дела. Но впредь он уже не старался пронзить противника — оглушить, свалить с ног, в надежде, что того помилуют. Иногда случалось, что зрители были настроены благодушно, чаще — нет. Но от Кулла это не зависело.

Владельцы других гладиаторских школ все больше нашептывали королю, что школа в Дахне давно уже не лучшая, пора бы лишить ее дотаций из королевской казны и прочих привилегий. И по случаю важно-

го юбилея — Борну исполнялось три дюжины лет — было решено устроить небывалые состязания: с каждой школы выставлялся один гладиатор. По жребию их разбивали на пары, победители вновь бьются. Тот, кто победит в последнем бою, получает самую дорогую для гладиатора награду — плащ с эмблемой Валузии на груди. Плащ свободного гражданина Валузии. А его школа и будет признана лучшей.

Ланиста долго выбирал из своих бойцов, выбирал, кто имеет больше шансов пробиться хотя бы в финал, оценивал достоинства и недостатки всех своих лидеров. На третий день тяжелых раздумий он остановился на Кулле и сразу объявил об этом, чтобы больше не мучиться, не колебаться и чтобы не было путей для отступления.

Кулл принял это известие внешне спокойно, но знал — вот он, очередной шаг к исполнению чудесного сна. Атлант не сомневался, что победит любого, кто встанет на его пути, — капитана ли Антиша либо того седовласого воина, благодаря которому он и попал в школу гладиаторов.

Как водится, его за сутки привезли в столицу и провели в большое помещение, напоминающее казарму, но не с нарами, а с просторными кроватями и не в два яруса, а в один. Посреди стоял стол, заставленный блюдами с лакомыми закусками и кувшинами с вином. На некоторых кроватях уже сидели прибывшие гладиаторы. К вечеру их собрали всех вместе, поскольку неизвестно было, кого с кем сведет слепой жребий в первом бою. Атмосфера царилась тяжелая. Бойцы исподлобья разглядывали друга, оценивая потенциальных противников. Все гладиаторы были опытные, слабых сюда не отправляли — вином никто не злоупотреблял, никто никого запугивать даже не пытался. Если бы им не проливать завтра кровь друг другу, из них получился бы великолепный отряд, и у Кулла появилась мысль, что не новичков-валузийцев надо отправлять на битвы с иноземцами, а вот такие

сборные отряды обученных, прошедших через смерть гладиаторов.

Кулл, как и предполагал, без особых проблем дошел до финала необычных состязаний в честь великого юбилея короля Валузии. Его бои были короткими — он не собирался здесь, где столь высока была ставка за победу, развлекать публику рискованными прыжками. Один бой был очень упорным, длился больше часа и здорового измотал атланта. Слава Валке, выдалось время передохнуть, поскольку и бои следующих противников отличались не меньшим упорством и жадой победы. Ведь плащ с эмблемой Валузии... Такой случай выпадает раз в жизни, и, возможно даже, Валка и Хотат приготовили его именно для Кулла. Кто может знать об этом?

Обычно предел мечтаний гладиатора — выжить до тех пор, пока по старости его откажут выпустить на арену, и остаться в школе преподавать гимнастику или фехтование, либо заведовать хозяйством или перейти в прислугу, но выжить. А здесь обещан плащ свободного человека! Каждый из тридцати двух отборных гладиаторов страны мечтал о нем.

Но достался он одному — Куллу.

Атланта под бешеные рукоплескания и крики толпы, приветствующей героя дня, провели в королевскую ложу, и он впервые увидел близко лицо диктатора Валузии Бор. Кулл был поражен, что именно это лицо он видел в том дивном сне, на вилле, когда рядом спала Маржук. Впрочем, иначе и быть не могло — ведь сны посылались Куллу свыше, значит, он — избранник богов, у него необыкновенная судьба.

Король Борн взял из рук царедворца голубой плащ с эмблемой Валузии и протянул Куллу. Другой придворный надел на голову Кулла золотой венок победителя — королевский подарок.

И все было как в том чудном сне — золотое солнечное небо, тысячи людей вокруг скандировали:

— Славься Кулл! Да здравствует король!

Только король был не он, хотя на голове и красовалась корона — корона для гладиатора, ставшего полноправным валузийцем.

— Да здравствует король Борн! — неслось отовсюду. — Да здравствует король Борн!

Кулла пригласили на королевский пир. Он был как в тумане. Кто-то ему что-то говорил, он что-то отвечал. Неужели он неправильно истолковал сон? Конечно, быть свободным гражданином Валузии, и обеспеченным к тому же (а за победу ему выдали дюжину дюжин золотых), уже само по себе немало, но...

Целый месяц фавориты короля приглашали Кулла в гости в свои дворцы, устраивая в честь него грандиозные пиры. Он стал модной игрушкой знати Хрустального города, хотя тайком все потешались над неотесанным варваром — никто даже не догадывался, что он умеет читать не хуже их. В понимании тонких искусств Кулл, конечно, уступал аристократам, потому что в музыке и живописи вообще ничего не понимал. Впрочем, будучи предельно точным, следует отметить, что и рассуждающие об искусстве аристократы не слишком в нем разбирались.

Несколько раз Кулл напивался. Однажды проснулся он с женщиной. Этот месяц он не жил — провел как в тумане, хуже, чем на галере.

Кончилось все тем, что он надел ту же форму, что была на седовласом опытном бойце, и отправился в ранге командира десятки с регулярной армией на границу Зарфхана, который напал на союзную Валузии Залгару.

Кулл не искал встреч с пленившим его когда-то седым воином. Он не испытывал к нему никаких чувств, кроме благодарности. Даже ненависть к капитану Антишу исчезла из его сердца, но он поклялся убить лемурийца и, если встретит, убьет.

Командир сотни, посмотрев на атланта, которого направили к нему командовать десяткой, серьезно спросил:

— Ты собираешься проливать свою кровь за Валузию или за деньги?

Кулл не знал, какого ответа ждет новый командир, и ответил честно:

— За себя.

Сотенный удовлетворенно хмыкнул, кивнул головой и отправил Кулла к его десятке.

В Зарфахану, минуя горы Залгара, они плыли морем. Корабль, на котором плыл атлант (огромный парусник, где имелись и гребцы, специально предназначенный для перевозки войск), по каким-то неведомым Кулла причинам задержался в порту и отстал от общего каравана. Все три дня Кулл проторчал на палубе, мечтая, что на их одинокий корабль нападет лемурийская пиратская галера и на ней будет капитан Антиш. Этого, по воле Валки и Хотата, не случилось.

За три года военных действий, сперва в Зарфхане, а потом в Турании, от простого десятника, благодаря мужеству, отваге, незаурядному боевому мастерству и открывшимся в нем талантам командира и тактика, Кулл дослужился до командования тысячью бойцов.

Однажды, в Турании, ему велели взять пять сотен и прикрывать отход армии, удерживаясь, врасстая в землю, как можно дольше. Кулл, зная, что вид крови из ран противника лишь возбуждает боевой дух пылких туранцев, заставил выкрасить в цвет крови доспехи своих бойцов, одеть красные плащи и нацепить на коней такие же попоны. Из нескольких оставшихся в живых после чудовищной сечи десятков солдат образовалось ядро отряда Кулла, который потом и получил название Алых Стражей. Кулл сам придирчиво отбирал бойцов в свой отряд.

За эти годы Кулл насмотрелся всего, но сердце его не ожесточилось. Он не мог понять, почему лучшие воины Валузии проливают кровь далеко за ее пределами, в то время как на исконную территорию посто-

янно рвется враг, и, отбивая вражеские набеги, пограничные отряды несут жестокие потери. Кулл старался не думать о политике, он — солдат и выполняет приказы, но получалось.

Валузия теряла провинцию за провинцией, ее народ угоняли в рабство. Но разве может быть иначе в стране, где всем заправляют фавориты и фаворитки, где король, кроме застолий, похотливой любви и кровавых зрелищ, ничего знать не хочет, где вымирают целые деревни, где по любому подозрению честного гражданина могут схватить и повесить вверх ногами, где всевластны Отряды Следителей Законности, в которых собрались трусы и мерзавцы. Все во власти Валки и Хотата, но Кулл не мог понять, почему боги допускают подобное.

Наконец он стал командующим армией — в походе по бескрайним заснеженным полям далекой Кералии. Военачальник скончался от ран и передал свой жезл самому достойному из подчиненных. Им оказался Кулл.

Поход в Кералию был успешным, и за возвращавшейся в Валузию победоносной армией тянулся бесконечный воз с добытыми трофеями и сотни пленных. Кулл изредка задумывался об их дальнейшей судьбе, но война есть война, не он придумал ее жестокие законы.

Кулла и его армии устроили пышный прием в столице. Давненько Валузия не одерживала столь значительных побед. Никто не задумывался, что завоеванную далекую Кералию все равно будет не удержать, что лучше было бы осадить обнаглевшую Верулию, отряды которой постоянно шалили на юго-западных рубежах древней страны.

Кулл до нового похода поселился в небольшом доме и скучал, потягивая слабое вино, глядя в окно, выходившее в сад. По почти пустынным улицам столицы, замызганным отбросами, поскольку за чистотой улиц ныне никто не следил, ему было тяжело даже ходить. Уж лучше снова в поход...

В один прекрасный день его, как военачальника, вызвали в королевский дворец. Сцена, которую он увидел в королевских покоях, живо напомнила ему давний вещий сон. И Кулл вдруг подумал — не себя ли он видел в роли военачальника с гордой осанкой? Но смело шагнул вперед.

— Я приветствую вас, Ваше Величество,— поклонился Кулл.

Король посмотрел на него, маленькие масляные глазки на жирном лице блеснули злостью.

— Ты — тот, кто завоевал Кералию, мне правильно сказали? — спросил Борн.

— Да, Ваше Величество,— снова склонил голову Кулл.— Но я лишь довел до конца дело, начатое доблестным военачальником Сентером. Он умер от ран и назначил меня своим преемником. Он внес значительный вклад в победу, без него вряд ли поход был бы столь удачен...

— Ах, оставь,— махнул рукой король и притянул к себе за талию нагую красотку.— Хочешь позабавиться, а? Смотри, какая прелесть.

— Я сердечно благодарю Ваше Величество,— нашел в себе силы спокойно ответить Кулл,— но я пришел сюда не за этим.

— Ах, да! Да-да! Я решил отправить тебя с армией в маленький поход. Тебе будет раз плюнуть... Можешь отправляться прямо сегодня или завтра с рассветом... Эй, ты,— кивнул он виночерпию,— еще вина мне и...

— Куллу,— напомнил на ухо царедворец.

— Да, и Куллу. Выпьем за его будущую победу!

— Я слушаю вас внимательно, Ваше Величество,— сказал Кулл, принимая кубок.

Ему хотелось скорее уйти отсюда, вид короля почему-то раздражал его — у Борна были распахнуты одежды, и Кулл старался не смотреть на жирное потное брюхо, свисающее складками, точно у откормленного на убой хряка.

— Отправляйся с армией в Дапрез,— приказал Борн.— Этот вшивый городишко захватили мятежники: один глупый советник, которого я поленился прогнать, и десяток, которых я не успел повесить на крепостной стене вверх тормашками. Им, видите ли, не нравятся мои указы! Они, видите ли, радеют за народ. А?! — Лицо диктатора стало багровым от гнева.— Я не радею? Я не сплю от дум о моей стране, у меня от этого болит желудок, я бросаю все, размышляя о новых указах. Возьми Дапрез и привези мятежников сюда живыми или мертвыми! Сжечь этот город дотла, а всех жителей, осмелившихся принять в своем городе мятежников и предателей, повесить вдоль дороги в Хрустальный город всем прочим в назидание!

— Ваше Величество,— поклонился Кулл,— я не воюю с мирными жителями. Я — воин!

— Что?! — нахмурился Борн.

— Я возьму город,— нашел в себе силы ответить Кулл.— И привезу сюда мятежников. Остальное пусть делают Отряды Следителей Законности, это их работа...

— Ладно,— отмахнулся король.— Главное — возьми город, остальное сделают без тебя. Эй, Марга, ну-ка спешь ко мне на колешки.— Он снова посмотрел на Кулла.— Все, иди выполняй приказ, у меня еще множество важных государственных дел.

Кулл снова поклонился и вышел. Покинув дворец, он вздохнул. Атланту показалось, что его с головой окунули в яму с дерьмом и наконец дали подышать на мгновение чистым воздухом.

Варвару хотелось что-нибудь разбить, разрубить мечом... Он сдержался. Отдал приказ поджидавшему слуге, чтобы спешил в казармы и поднимал войска,— выход на рассвете по королевскому приказу.

Едва слуга побежал выполнять приказ, к атланту подошли двое мужчин, укутанные в плащи с ног до головы.

— Военачальник Кулл? — спросил один из них.

— Да, это я, — ответил атлант. — Кто вы и что вы хотите от меня?

— Я — Мирам Балин, ты должен меня помнить, — представился один. — В то время, когда ты был гладиатором, я помогал твоей школе и следил за твоей судьбой. Ты был в моем доме, когда получил свободу. И я отправил тебя десятником в армию.

— Да, — кивнул атлант. — Я узнал вас.

— А это — мой друг, валузийский аристократ Дракбара. Тебя представляли ему, когда ты гостил в моем доме.

Кулл совершенно не помнил второго мужчины, но вежливо кивнул.

— Что вы хотите от меня?

— Король вызвал тебя, чтобы отправить с армией в Дапрез?

— Да, — ответил Кулл. — И что?

— В Дапрезе наши друзья — сановник Ту и многие другие. Мы...

— Вы хотите, чтобы я нарушил присягу? — мрачно спросил Кулл.

— Нет. Мы просто хотим поговорить с ними до того, как войска начнут штурм. Можно даже в твоём присутствии. Так, наверное, будет еще и лучше.

Кулл пристально посмотрел на аристократов. Они терпеливо ожидали его ответа.

— Хорошо, — наконец кивнул атлант. — На рассвете мы выступаем через восточные ворота.

Кулл возвращался в Дапрез почти через пять лет. Но уже не бесправным бродягой, преступником, спасающимся бегством от Отрядов Следителей Законности, а во главе армии,двигающейся по приказу короля Борна.

Вблизи города располагался временный лагерь изгнанных сторонников короля Борна. Какой-то человек, видимо, старший, подошел к едущим впереди всадникам и потребовал, чтобы его отвели к коман-

диру. Кулл, который всегда находился в голове колонны, подъехал к нему.

— Я командую это армией, — сказал он. — А вы кто такой?

— Я — командир Отряда Следителей Законности города Дапреза. И прежде всего хочу сообщить, что город попал в руки мятежников из-за того, что начальник армейского гарнизона — подлый предатель, он...

Кулл соскочил с коня и, улыбнувшись, посмотрел на собеседника.

— Ты не узнаешь меня, Слеер? — спросил атлант.

— Ты... Ты... ты беглый лемурийский шпион Кулл. Ты — преступник, подло убивший патруль и опозоривший мою жену! — узнал начальник Отряда Следителей Законности. — Стража! Схватить его и повесить вверх ногами на крепостной стене по указу короля!

— А ты можешь повесить меня на стене Дапреза? — насмешливо поднял бровь Кулл.

Неожиданно атлант выхватил меч и вонзил в сердце черноволосого мужа Маржук.

— Я давлю гадину там, где встречу, — мрачно произнес он, вытирая меч от крови.

Воины в форме Отрядов Следителей Законности обнажили оружие, но за спиной Кулла сплотились готовые на все бойцы, с ног до головы одетые в алые одежды.

Утром Кулл в одиночестве подъехал к городским воротам. В двухстах шагах от него на прекрасных туранских скакунах следовали Балин и Дракбара.

— Эг-гей! — крикнул атлант. — Я — командир королевской армии Кулл. Я приехал взять город и уничтожить мятежников. Но я прежде хочу поговорить с сановником Ту и его сподвижниками. Я один. Пусть они выходят на крепостной мост. И передайте, что с ними так же хотят говорить их друзья — Мирам Балин и Дракбара.

Сверху показалась голова стражника.

— Я передам вашу просьбу, ждите! — крикнул он.

Менее чем через четверть часа ворота натужно распахнулись и вперед вышел пожилой, начинающий лысеть мужчина в безукоризненно пошитых одеждах. За ним шло еще семеро человек, явно аристократов.

— Вы хотели говорить со мной? — спросил пожилой. — Я — Ту. Где мой друг Балин?

Кулл махнул рукой, и дожидавшиеся поодаль аристократы приблизились к мосту и спешили. Балин и Ту обнялись, как старые друзья.

— Мирам, ты приехал, чтобы уговорить нас сдать-ся? — спросил Ту. — Это невозможно, король перешел все возможные границы, терпение народа лопнуло. Всего за двадцать дней к нам со всех сторон сбегаются обездоленные — сотни и сотни людей, готовых сражаться. У нас еще мало сил, но мы не сдадимся. Мы не можем больше терпеть все безобразия королевских любимчиков и Отрядов Следителей Законности, которые обнаглели свыше всяких пределов и могут повесить вверх ногами просто за случайно брошенный на них взгляд. Нет, так больше жить нельзя! Лучше смерть в бою. И не пытайся отговорить меня, Мирам.

— Ту, я приехал не отговаривать тебя, а присоединиться к тебе, — торжественно произнес Балин.

— А зачем тогда здесь этот варвар? — нахмурившись, спросил советник Ту, кивнув в сторону атланта. — Он приехал штурмовать город? Пусть штурмует. Он не дожидается позорной сдачи и городских ключей. Нам отступать некуда! — с пафосом воскликнул мятежный сановник.

— Я не буду штурмовать город, — неожиданно ответил Кулл. — Но должен подчиняться приказам. Армия остается под стенами Дапреза. А я отправляюсь в столицу к королю и скажу ему все, что вы сказали мне и что я сам думаю о нем. Я потребую отставки.

— Безумец! — воскликнул Ту. — Ведь тебя повесят вниз головой!

Кулл ничего не ответил. Он пошел к своему коню, — принятых решений атлант не меняет.

— Я поеду с тобой! — крикнул ему в спину Дракбара. — Пусть я погибну, но я скажу этому коронованному мерзавцу, отравившему родного брата, что я о нем думаю!

— И я, — вдруг тихо сказал Ту. — Мне терять нечего, у меня нет ни жены, ни детей. А вы, — он повернулся к своим спутникам, — помните: счастье ваших сыновей и дочерей зависит сейчас только от вас.

Кулл передал командование своему доверенному заместителю, пикту по происхождению, велел без нового королевского приказа штурм не начинать, и вместе с Ту и Дракбарой, взяв всего сотню своих Алых Стражей, направился в обратный путь.

Прибыв в Хрустальный город, они сразу поехали к Башне Великолепия.

Оружие Кулл был вынужден сдать королевской охране, но оттолкнул стражника, преградившего дорогу в королевскую спальню и заявившего, что без вызова к монарху заходить нельзя, он занимается важными государственными делами.

В сопровождении лишь Ту и Дракбары Кулл вошел в опочивальню. Алые Стражи, готовые ко всему, дожидались во внутреннем дворе Башни Великолепия.

Король Борн был пьян. И гол. Он валялся на огромной кровати на смятых простынях, четыре неизменные, тоже нагие, красотки окружали короля — одна придерживала его голову, которая лежала у нее на коленях, две щекотали ему грудь, четвертая безуспешно пыталась привести мужское достоинство короля в рабочее состояние. Четверо охранников стояли у окна словно бронзовые статуи. Никаких чувств не отражалось на их лицах, к ним и относились, как к мебели.

Кулла чуть не стошнило от этой сцены, но он взял себя в руки и решительно шагнул вперед.

Король лениво повернул голову на звук.

— А-а, наш герой...— заплетающимся языком пролепетал он.— Все мятежники казнены? Нужно выявить всех их родственников в других городах и тоже повесить во из... во из... во избежание...

— Ваше Величество,— сурово произнес Кулл,— я отказываюсь брать штурмом Дапрез. Там сейчас находятся лучшие люди страны, они не заслуживают смерти!

— Что?! — Борн мигом отрезвел, когда до него дошел смысл сказанных Куллом слов.

Он резко сел на кровати, распугав красоток, которые не обратили на вошедших никакого внимания. Только сейчас король заметил стоявшего у дверей сановника.

— Ту? Предатель?! Да как ты осмелился явиться сюда, мерзавец?! Стража, схватить их всех и немедленно казнить!

Охранники мгновенно вышли из оцепенения, трое бросились на Кулла, выхватив мечи. Один остался стоять возле короля.

Кулл ударил первого подбежавшего в челюсть могучим кулаком, второй получил удар ногой в пах. Кулл выхватил у согнувшегося пополам охранника меч, добавив в зубы коленом, и рукоятью оглушил третьего. Четвертый охранник с диким криком бросился на Кулла, но был пронзен, прохрипел еще что-то и рухнул на дорогой ковер, мертвой хваткой вцепившись в рукоять торчавшего из груди меча.

Ту и Дракбара заперли входную дверь на засов.

— Стража! Стража! Стража! — кричал король с диким ужасом в глазах.— Казнить! Предательство! Всех казнить! Стража!

Забившись в углы, истошно визжали девицы.

Кулл подошел к Борну.

— Я требую, чтобы ты отменил свои преступные указы! — прорычал атлант.— Я требую, чтобы ты помиловал всех, кто сейчас в Дапрезе!

— Никогда! — прокричал король, отодвигаясь на четвереньках подальше от Кулла по смятым простыням.— Никогда! А ты сегодня же будешь висеть на стене, подлый изменник!

Кулл грубо схватил уползающего короля за плечо и подтянул к себе. Сжал двумя руками его за горло, ярость затмила атланту рассудок, он лишь хрипел:

— Я требую, чтобы ты прекратил казни! Я требую, чтобы ты отменил грабительские указы! Я требую, чтобы ты...

Кулл замолчал — тяжелое тело короля обмякло в его руках, лицо посинело. Кулл разжал руки и отступил на шаг. Борн упал на спину, раскинув руки, глаза тирана остекленели, в них не отражалось ничего. Словно насмешка торчали золотые зубцы короны, которую он не снимал, даже предаваясь плотским утехам. Наверное, Борн искренне считал, что занимается в подобные мгновения важными государственными делами.

— Я убил короля,— растерянно произнес Кулл.

— Ты убил кровавого тирана, который не достоин быть королем,— сказал подошедший Ту, протянул руку и сорвал корону с головы мертвеца.

— Надо собрать Совет,— молвил Дракбара,— и выбрать нового короля.

Ту посмотрел на Кулла, потом на Дракбару.

— У нас уже есть новый король,— торжественно произнес он и протянул корону Куллу.— Держи, Кулл из Атлантиды. Я не знаю никого больше в Валузии, кто смог бы ее удержать.

Кулл, еще ничего не понимая, механически взял протянутую корону в руки. Он смотрел на мертвое обрюзгшее тело тирана, который не задумываясь обрек на смерть тысячи людей, вплоть до безвинных младенцев. Затем атлант отвернулся, подошел к окну, где в черноте ночи спал великий город, который еще не знал, что его злобный повелитель мертв.

— Какие будут приказания, Ваше Величество? — спросил Ту.

Кулл, вздрогнув от неожиданности, посмотрел на Борна — не ожил ли. Потом взглянул на золотую, усыпанную драгоценными бриллиантами корону в своих руках и понял, что сановник обращается к нему.

— Какие будут приказания? — повторил Ту.

Кулл сел на подоконник, подумал и сказал:

— Собрать Совет к завтрашнему утру. Объявить, что я отменяю все указы короля Борна. Объявить, что Отряды Следителей Законности распускаются навсегда. Объявить, что помилованы все, кто еще жив, а если в тюрьмах есть настоящие преступники, то их будет судить суд, а не начальник канцелярии или простой солдат. И выкатить утром на площадь все вино, что есть в королевских погребах. Пока все... Мне нужно подумать. Оставьте меня одного.... И прогоните девиц!

Давно молчавшие красотки, от ужаса проглотившие язык, спешно похватили разбросанные одежды и, сжимая их кулками в руках, выпорхнули в дверь.

Вместо них ворвался начальник дворцовой стражи.

— Что здесь происходит? — встревоженно спросил он.

— Король Борн умер, — спокойно ответил Ту. — Да здравствует король Кулл!

Начальник дворцовой стражи посмотрел на постель с трупом старого короля, перевел взгляд на Кулла, за которого грудью встанут уже успевшие прославиться на всю страну Алые Стражи. Ту молчал, ожидая, какое решение примет царедворец. Тот вздохнул и поклонился убийце:

— Да здравствует король Кулл. Пусть хранит его великий Валка!

С самого утра по приказу Ту глашатаи объявляли на всех площадях столицы, что король Борн умер, и об указах нового короля — Кулла. И народ, не верящий собственным ушам, спешил на площадь перед

Башней Великолепия, чтобы, если повезет, хоть краем глаза взглянуть на нового правителя и после рассказывать об этом домочадцам. А еще, быть может, объявление о бесплатной выпивке привлекало некоторых горожан к королевскому дворцу.

С раннего утра воины, преданные Куллу, вместе с Ту и Дракбарой, ходили по дворцам самых знатных и влиятельных аристократов города. Все приглашались на обед к новому королю. С каждым Ту проводил беседу.

К полудню Ту вошел в королевскую спальню. Кулл по-прежнему задумчиво сидел на подоконнике, тело Борна так и валялось в смятых простынях.

— Ваше Величество, — поклонился Ту, — выйдете к вашему народу. Он хочет приветствовать вас.

Ярко светило солнце. Кулл с древней короной валузийских королей на голове стоял у Топазового трона и тысячи людей вокруг кричали:

— Да здравствует король Кулл, вечная ему слава!

— Славься король, сваливший кровавого тирана Борна!

— Славься, Кулл, правитель Валузии!

Давний сон оказался пророческим. Он, безродный дикий варвар, бывший бесправный гребец на пиратской галере, преступник вне закона, бродяга, которого обрекли на смерть на арене, — правитель самого древнего и могущественного из Семи Королевств!

На обеде, на который собралась вся знать Валузии, кто находился в тот момент в столице, Ту возложил корону на голову Кулла. Где-то в углах огромного стола послышался ропот.

Атлант орлиным взором обвел древний зал, полный нарядных вельмож.

— Кто считает, что я недостойн? — встал во весь свой рост Кулл, обнажив меч. — Пусть он прямо скажет мне в лицо, как мужчина. И примет мой вызов.

Желающих бросить вызов узурпатору среди представителей утонченных валузийских аристократов не

нашлось. Признаться честно, всем порядком надоели жестокие выходки и глупые указы Борна. Многие собравшиеся за столом думали примерно так: поживем — увидим, вдруг станет лучше. Необразованным атлантом можно управлять как угодно. В крайнем случае никогда не поздно его извести — не кинжалом, так отравой. Другое дело, что крайне недовольны ситуацией оказались фавориты Борна во главе с Канубом — бароном Блаала, дальним родственником убитого короля, который должен был наследовать корону. Но, как известно, фавориты не очень комфортно чувствуют себя с мечом в руке в честном поединке, им куда как сподручнее петь льстивые дифирамбы, плести заговоры и нашептывать в ухо властелину злые наветы на врагов.

Все с радостью (показной или искренней — по случаю смерти тирана Борна) выпили из серебряных кубков прекрасного вина за здоровье нового короля.

Но предаваться веселью и праздности времени не оказалось. Приходилось день и ночь решать проблемы, зализывая тяжелые раны, нанесенные правлением короля Борна. Приходилось вести за собой армию, изгоняя захватчиков с исконно валузийских земель. Приходилось решать множество вопросов, о которых Кулл не имел раньше ни малейшего представления. И верным другом и помощником королю стал Ту, которого Кулл назначил своим первым советником.

За каких-то пять лет страна вновь зацвела. Вновь на лицах девушек появились улыбки, вновь базары наполнились товаром и на площадях запели музыканты. Не всем нравилось, что Кулл — атлант, грубый варвар, но недовольные держали языки за зубами либо подсылали наемных убийц...

Но Кулл — ставленник богов — восседает на троне Валузии. Они привели его на древний трон и наблюдали за ним, своим заботливым оком оберегали от многочисленных покушений. Впрочем, береженого бог

бережет. Кроме покровительства и защиты великих Валки и Хотата, за спиной Кулла стояли преданные Алые Стражи.

* * *

Подъезжая к Дапрезу, Кулл вспомнил свою первую встречу с Ту и улыбнулся — сколько воды утекло с тех пор!

У ворот города короля ожидали знатные аристократы. У одного в руках был поднос с бокалом вина и крупной виноградной лозой. У женщины, последней представительницы знатного аристократического рода, в руках на золотом подносе лежали символические ключи от города.

Благородная Маржук не узнала в величественном правителе варвара, с которым много-много лет назад провела ночь в заброшенном доме.

Кулл выпил вино, взял в рот виноградину, принял из рук бывшей возлюбленной ключи, даже не подав виду, что вспомнил ее — женщинам не было места в его сердце — и произнес:

— Да будет процветать ваш город во веки веков, как и вся Валузия. Да не оставят Дапрез без своего покровительства Валка и Хотат!

— Славься, наш король, — произнес старейший аристократ Дапреза. — Мы счастливы видеть тебя в нашем прекрасном городе!

Королевский кортеж въехал в Дапрез.

Глава пятая ПОВЕЛИТЕЛЬ СНОВИДЕНИЙ

Два отужинав, король прошел в отведенные для него покои.

Келкор уже осмотрел их и везде расставил караулы. Никто не мог бы проскочить в помещение, где спит Кулл, не зная пароля. Да и тогда караульный из Алых Стражей, прежде чем пропустить человека желающего увидеть короля, вызовет своего командира с помощью специального колокольчика. Слишком много было покушений на Кулла, чтобы пренебрегать мерами предосторожности даже во дворцах лучших друзей.

Советник Ту, Ка-ну, Брул и Келкор прошли вслед за королем. На роскошной постели были разложены заношенные одежды, в спальне короля уже дожидались двое людей в длинных серых плащах, стоявшие у окна и смотревших на улицу.

— Кто это? — спросил король. — И что это за равные на постели?

— Как я понял, Ваше Величество не собирается отказываться от своего плана инкогнито посетить Грелиманус и самому все осмотреть? — улыбнулся советник Ту.

— Нет, не собираюсь отказываться, Ту, — проворчал Кулл. — Мы уже все обсудили. Прямо сейчас мы с Брулом садимся на коней. К утру уже будем у гор.

Дней через пять-шесть я буду в Грелиманусе, и меня там никто не узнает. Но ты не ответил на мои вопросы, Ту.

— Один из этих людей — брадобрей. Придется подстричь волосы и сбрить вашу бороду, известную всей стране. Тогда у вас появится шанс остаться инкогнито. И уж, разумеется, вам с Брулом необходимо переодеться. Эти одежды я приготовил для вас и вашего друга, Ваше Величество.

— Мне обязательно сбривать бороду и усы, Ту? — недовольно спросил король.

— Решать вам, Ваше Величество, — склонил голову советник Ту, — но я настоятельно рекомендую сделать это. Ваш бородатый профиль знаком каждому гражданину Валузии по медным и серебряным монетам, что чеканят вот уж десять лет.

— Хорошо, пусть бреет и стрижет, — скрепя сердце согласился Кулл. — А кто второй?

— Баграт, повернитесь, — приказал сановник.

Человек повернулся от окна и скинул длинный серый плащ, скрывавший его фигуру. Кулл ахнул от удивления.

— Валка великий, я словно в зеркало смотрюсь! — не сдержался атлант.

— Да, — довольно расплылся в улыбке советник Ту. — В этих делах я поднаторел, когда тайно бродил по улицам Хрустального города, чтобы лучше узнать его жизнь и умонастроения ваших подданных. Накладные брови и борода плюс внешнее сходство фигур. Издали его вполне можно принять за вас, Ваше Величество. Волосы пришлось покрасить. Только единственное, что мне не удалось, — подобрать человека с серыми, как у вас, глазами. Придется вашему двойнику отводить взгляд. И вообще мы скажем, что вы чувствуете себя не слишком хорошо, и постараемся пореже появляться на людях.

— Нет, — вдруг резко возразил король. — Даже не думай об этом. Я не хочу, чтобы в стране пошли

слухи, будто король болен. Сам знаешь — в столице король чихнул, а на окраинах утверждают, что он при смерти. Я здоров и не собираюсь болеть.

— Хорошо, — не стал спорить опытный сановник, — я постараюсь сам вести беседы с встречающимися нас на пути и выбирать города поменьше, а людей, у которых остановимся, — молчаливых и преданных. Даже если они что-то заметят, то все равно промолчат. Мы еще дней восемь будем ехать до границы — вам хватит времени?

— Хватит, — сказал король, снимая дорогие одежды. — Брул, переодевайся.

— Может, возьмете меня с собой, Ваше Величество? — спросил до сих пор молчавший начальник Алых Стражей.

— Нет, Келкор. Если тебя не будет в свите, это может дать лишний повод для подозрений, — возразил Ту.

— Да, — поддержал советника атлант. — Я хочу, чтобы все, кроме присутствующих здесь, даже верные мне Алые Стражи, были убеждены, что я направляюсь в Верулию.

— Тогда возьмите с собой хотя бы десяток бойцов. Мало ли, разбойники в горах встретятся или еще что-нибудь непредвиденное, — не унимался Келкор.

— Для этого я беру с собой Брула, — возразил атлант. — Два наших меча устоят против дюжины разбойников.

— А если на вас нападут две дюжины разбойников? — рассмеялся Ка-ну. — Нет, Кулл, много охранников, конечно, брать не надо, это привлечет ненужное внимание к отряду, но тройку лучших бойцов — можно. Маленькая группа наемников из Малых Княжеств после окончания договора возвращается с добычей домой! Под эту выдумку и деньги у вас не вызовут подозрений. Хоть сможете зайти в придорожную таверну и поесть-попить по-человечески!

— Брул, ты что скажешь? — посмотрел на друга Кулл.

— Как ты решишь, — улыбнувшись, пожал плечами пикт. — Я привык спать на богатых простынях, но удовлетворюсь и сырой землей, укрывшись плащом и съев на ночь кусок сырого мяса. Но, по-моему, трое лишними не будут.

— Так и порешим, — сказал король, усаживаясь в кресло. — Сбривай бороду! — приказал Кулл цирюльнику.

Через полчаса вряд ли кто признал бы в двух искателях приключений короля Валузии и его лучшего друга пикта Брула. Свой проверенный меч Кулл наотрез отказался оставить двойнику, поэтому для царского меча подобрали плохенькие ножны, а рукоять плотно обмотали тряпками, чтоб не сверкала драгоценными камнями.

Келкор привел трех Алых Стражей, лучших из лучших, уже в соответствующем облачении.

Все пятеро накинули бурые плащи с капюшонами. Кулл не удержался, подошел к старому Ту, обнял его и поцеловал на прощание. Хотел что-то сказать, но все было уже сказано и много раз оговорено, Кулл лишь махнул рукой.

Вслед за Келкором все пятеро проследовали в конюшню, где командир Алых Стражей указал на подготовленных коней. Кулл чуть было не потребовал своего любимца, белогривого Мекора, но, усмехнувшись собственной глупости, взлетел в седло того коня, что приглянулся ему больше всех.

Ночь уже опустилась над Дапрезом, ворота были заперты.

— Открывайте по приказу короля! — поднял руку с жезлом личных стражей Кулла Келкор, и еще не успевшие задремать стражники проворно распахнули тяжелые створки городских ворот.

— Да помогут вам Валка и Хотат, — прошептал начальник Алых Стражей вслед пятерым всадникам,

устремившимся в ночь, и повернул коня обратно ко дворцу, где его гвардейцы охраняли теперь ничем непримечательного двойника Кулла.

Маленький отряд, невзирая на долгий дневной переход, мчался по дороге к горам всю ночь, и лишь с рассветом, когда впереди показались знакомые вершины, Кулл, молча скакавший всю ночь впереди всех, придержал коня и поднял руку. Все остановились.

— Привал,— коротко объявил король.— Поедим и отдохнем. Что у нас есть из провизии?

— Паштеты, дичь, запеченная в тесте, сыр, зелень, холодный говяжий язык и сырая баранья туша,— ответил один из телохранителей, которому был доверен провиант.— Прикажете зажарить барашка?

— Нет,— мгновение подумав, ответил Кулл.— Подкрепимся тем, что приготовили повара. А на следующем привале барашка зажарю я сам.— Король повернулся к Брулу: — Ублажил ты меня своей оленинкой, я у тебя в долгу. Покажу, как атланты умеют мясо на углях делать — язык проглотить.

Они быстро перекусили, и Кулл сказал:

— Необходимо поспать. Караулить будем по одному. Ты первый.— Он указал пальцем на самого слабого, как он посчитал, из троих Алых Стражей.— Брул и я — дежурим последними. Рассчитайте время отдыха на пять смен, к полудню мы должны быть у гор.

— Ваше Величество,— проговорил старший из троих,— вам вообще нет нужды караулить, мы вдвоем все сделаем...

Кулл так посмотрел на телохранителя, что тот подавился на полуслове.

— Вас Келкор предупредил, зачем мы едем? — грозно спросил Кулл.— Так вот — я вам на все время похода — не король. Зовите меня,— Кулл задумался,— Торнел, а его,— кивнул на Брула,— его...

— Гларном,— усмехнулся Брул.

— Пусть будет так,— согласился король.— Вам все ясно? Кто в присутствии других или даже между нами назовет нас настоящим именем, то... Лучше не делайте этого. Все понятно?

— Понятно... Торнел,— кивнули трое Алых Стражей.

После короткого сна они снова усадились на коней.

— Существует два торговых пути через горы,— сообщил Брулу Кулл.— Один западный, другой восточный. На обоих оживленное движение. Но я знаю одну контрабандистскую тропу. Двигаясь по ней, мы попадем прямо в пустыню и через пять дней достигнем окрестностей Грелимануса.

— Ты имеешь в виду ту, что ближе к востоку, у Храма Мертвых Богов? — уточнил пикт.

Кулл кивнул.

— Я знаю другую, совсем неприметную тропу,— предложил Брул.— Она недалеко отсюда. Горы пройдем к закату, переночуем и двинем на восток.

Кулл подумал немного и согласился.

Брул скакал впереди, указывая путь.

Южные горы разительно отличаются от гор Залгара — не такие высокие, без ледяных шапок на вершинах. Скалы, заросшие кустарником, казались посветлее, а пейзажи радостнее. Но кручи не менее опасные, чем в Залгаре, а многочисленные ущелья с ручьями на каменистом дне делали южные горы вообще непроходимыми, кроме двух караванных путей, где королевские чиновники по специальному указу следили за состоянием дороги и навесными мостами через ущелья.

Наконец пикт увидел какие-то одному ему известные приметы и повернул коня к горам. Остальные последовали за ним. Обогнув пальцем упиравшуюся в небо скалу, пикт направил коня на почти заросшую травой тропу.

Едва они углубились по тропе не более чем на милю, наверху послышался странный шум — словно

вдали шелестел сильный ливень. Но в небесах не было ни единого облачка.

— Что это? — встревоженно спросил один из телохранителей.

Кулл и Брул внимательно вслушивались.

— Назад, быстрее! — неожиданно приказал король и первым развернул своего коня в обратную сторону. — Это камнепад, быстрее назад!

Он стоял, напряженно всматриваясь вверх. Первые маленькие камушки упали на тропу шагов в десяти от них.

На узкой тропе было не очень удобно разворачиваться, Кулл прижал коня к самой скале, чтобы открыть путь остальным, — как старший, он должен был отходить последним. У одного из Алых Стражей конь неожиданно подвернул ногу и, перекрывая испуганным ржаньем нарастающий гул лавины, упал, подмятая под себя седока.

— Балка великий! — только и выкрикнул Кулл.

Он мгновенно соскочил с седла, бросился к упавшему воину, с силой выдернул его из-под туловища раненого животного и помог подняться.

— Бегом к моему коню, — прохрипел король и крикнул остальным: — Быстрее, мы вас догоним!

Кулл, поддерживая и подталкивая оставшегося без коня всадника, отбежал вместе с ним от упавшего животного всего на несколько шагов, когда крупный камень разможил голову несчастного животного. Алый Страж уже сидел на коне Кулла, король быстро запрыгнул ему за спину и погнал коня следом за остальными.

Они остановили бешеную гонку лишь почти у самого выхода в долину. Все пятеро тяжело дышали. Оставшийся без коня телохранитель освободил королевское седло, едва конь остановился.

— Никогда не слышал, чтобы в южных горах бывали обвалы, — переводя дух, сказал Брул. — Ничего, переждем немного и поедем снова — сильно тропу вряд

ли завалит, пройдем как-нибудь... Или отправимся до той тропы, что у Храма Мертвых Богов?

— Негоже отступать при первой же трудности, — усмехнулся Кулл. — Солнце уже высоко. Если сейчас ехать на ту тропу, то ночевать в горах придется дважды. Переждем. А пока, чтобы время не терять, зажарим барашка...

Пообедав, они снова вступили на тайную тропу. Все пятеро напряженно вслушивались в беспечную тишину, оставшийся без коня Алый Страж ехал за спиной своего товарища.

Завал оказался большим, погибшего коня было не видно — его просто погребла груда бесформенных обломков. Спешившись, воины аккуратно провели коней по камням, стараясь, чтобы животные не оступились и не подвернули ноги.

Наконец они вновь выехали на нормальную дорогу и поспешили дальше, досадуя на случайную задержку в пути.

Но приключения не закончились — дорогу преграждал ствол дерева не менее двух человеческих обхватов шириной.

По знаку Кулла трое Алых Стражей соскочили на землю, чтобы попробовать отодвинуть дерево и расчистить путь.

Из камней, как будто материализовавшись из воздуха, появился с десяток вооруженных людей. Один откуда-то сверху запрыгнул на ствол, чтобы говорить с попавшими в засаду жертвами сверху вниз. Он по всему виду был главарем — наиболее добротные одежды и крепкие сапоги отличали его от остальных. Жесткие черные волосы были перехвачены желтой лентой, на которой синей нитью были вышиты какие-то знаки.

— Хитрые, — усмехнулся главарь, — убежали от лавины. Думали, сможете и дальше пройти? У вас единственная возможность остаться в живых — раздеваться догола, оставлять здесь все и уматывать пешком в долину. Это пока я добрый...

— А кто ты такой, чтобы быть добрым? — рассмеялся Кулл.

— Я — Харкл по прозвищу Паук. Слышали о таком? Тогда прекращайте споры и делайте то, что вам сказано.

Кулл с улыбкой взглянул на Брула. Тот усмехнулся в ответ.

— Не та муха залетела в твою сеть, паук. Не переваришь, — крикнул главарю Кулл и повернулся к пикету. — Брул, по-моему, они сами напросились — а то руки болят без работы, а меч без крови тупится от жажды.

— Я долго буду ждать, мокрицы? — размахивая топором выкрикнул Харкл-Паук.

Кулл оглянулся — позади ухмылялись в густые бороды семь разбойников с огромными топорами в руках.

Король выхватил меч из ножен — металл блеснул на солнце.

— В Валузии не должно быть разбойников даже на заброшенных тропах, — воскликнул он, разворачивая коня к тем, что стояли позади. — Вперед!

Трое Алых Стражей, что стояли перед деревом выхватили мечи и с боевым кличем валузийцев бросились на главаря разбойников и тех семерых, что появились сбоку. Зазвенел металл.

Кулл набрал полную грудь воздуха и рубанул сверху вниз ближайшего разбойника, чуть ли не рассек его надвое. Раздался первый предсмертный крик, сладкой музыкой вливающийся в душу. Шальной ветерок освежил лицо, растрепав подстриженные волосы, кровь убитого врага брызнула Кулле в лицо. Рядом Брул Копьебой свалил второго разбойника.

Почувствовав, что у его коня подгибаются ноги, Кулл отразил удар одного из разбойников и быстро прыгнул наземь. Брул сверху зарубил еще одного противника, но другой разбойник, не по-бойцвски схватил его двумя руками за сапог и попытался стащить

с коня. Кулл метнул в спину негодяя кинжал и остался лицом к лицу с двумя противниками. За спиной раздавались крики главаря, который так и стоял на древесном стволе, и трех отчаянно сражавшихся Алых Стражей.

Свист топора над ухом — резкий разворот, и клинок Кулла пронзил последнего разбойника. Кулл даже запыхаться не успел. Он улыбнулся Брулу, который так и сидел на коне, и повернулся к остальным спутникам. Там все обстояло гораздо хуже — двое Алых Стражей лежали на дороге рядом с пятью убитыми разбойниками. Последний отчаянно сопротивлялся против двух оставшихся врагов, главарь, опершись на древко топора, флегматично наблюдал за происходящим.

Кулл бросился на помощь, Брул на коне обогнал его.

Кулл подбежал к стволу:

— Слезай, Паук, прими бой с настоящим бойцом, ответь за свои преступления!

Главарь разбойников сплюнул и прыгнул со ствола. Но не к Кулле, а в противоположную сторону. Мгновение — и он скрылся между камней, как будто его и не было.

— Ну, подожди! — в бессильной злобе процедил ему вслед Кулл. — Вернусь из путешествия — лично возглавлю экспедицию в эти горы и всех вас, шакалов, выкурю отсюда.

Он повернулся. Последний из его телохранителей — тот самый, что остался без коня, — склонился над своими павшими товарищами. Брул уже соскочил с коня и мечом проверял, все ли разбойники мертвы. Одного раненого он пронзил в сердце, выдернул меч и вытер об одежду убитого.

— Живы? — спросил Кулл у последнего телохранителя.

Тот мрачно покачал головой.

— Надо похоронить их, — сказал Кулл. — Валка великий, весело начинается наше путешествие!

— Уж не предупреждение ли это свыше? — под-
нял голову Алый Страж.

— Брось, — осклабился Брул. — Обычные разбойни-
ки, которых войска загнали в горы. В долину они и
носа не кажут. А часто ли им попадается добыча в
этих Валкой забытых местах? Давай помогу.

Кулл взялся за плечи своего убитого телохраните-
ля и потащил к краю дороги.

— А с этими что делать? — спросил Брул. — Если
тоже хоронить, то до вечера здесь провозимся.

— Пусть Паук о них позаботится, — огрызнулся
Кулл.

Завалив своих погибших спутников камнями и ос-
вободив путь от древесного ствола, который оказался
прогнившим внутри и не слишком тяжелым, они вновь
уселись на коней — теперь коней было поровну, ране-
ного коня Кулла, которому разбойник воткнул меч в
брюхо, пришлось добить.

Около часа путники ехали молча. Дорога казалась
спокойной, лишь небо темнело, и яркий свет больше
не заливал горную дорогу.

Откуда-то издалека раздался странный красивый
низкий звук — словно трубили в огромный драконо-
вый рог. Кулл поднял руку и остановил коня.

— Стойте! — приказал он спутникам и те послуш-
но придержали коней. — Что-то очень мне напомина-
ет этот звук.

— Подъедем поближе и узнаем, — предложил Брул.

— Одно из двух, — сказал Кулл, — либо это звуки
труб пиктов, либо белый житель гор.

— Нет, — уверенно заявил пикт. — Похоже, конеч-
но, на наши трубы, но я знаю все мелодии, эта же
ничего означать не может...

— В таком случае, это белый житель гор. Я встре-
чался с ними в горах Атлантиды. — Кулл поправил во-
лосы и вздохнул. — Только я никогда не слышал, чтобы
они водились в Валузии. Тем более в южных горах.

— Кто такой белый житель гор? — спросил пикт.

— Огромное чудовище с шестью ногами, высотой
бывает до двух человеческих ростов, а уж длиной не
менее двух дюжин шагов, — пояснил атлант. — Невзи-
рая на размеры, оно очень ловко лазает по горам. У
него крепкая броня на брюхе и по бокам, ему не страш-
но ободаться о камни. А сверху он покрыт длинной
жесткой белой шерстью, за что и получил свое про-
звище. Он очень опасен, подзывает своим храпом жи-
вотных, а когда те приближаются на расстояние вытя-
нутой лапы чудовища, он просыпается и убивает их
одним ударом, даже тигров — сам видел. Потом обли-
вает жертв слюной, которая предохраняет мясо от гни-
ения, и вновь засыпает. Эти твари ловко лазают по
горам, но довольно ленивы. Они встречаются очень
редко, и мы охотились, если узнавали о появлении
белого жителя гор в наших краях, всем племенем.
Кстати, мясо у чудовища очень вкусное. Его можно
вялить и долго хранить. Когда забивали зверя, все племя
устраивало пир, и приглашались соседние племена, но
самое вкусное — сердце чудовища — делилось лишь
между теми, кто принимал участие в охоте. Сейчас мы
еще можем противостоять зову белого жителя гор...
Но если подъедем ближе, противиться не будет сил.
Только откуда он здесь взялся ума не приложу!

— Может быть, повернем обратно? — задумчиво
предложил Брул. — Если оно такое огромное...

— Лучше всего было бы не связываться с ним
втроем, — согласился атлант. — Но это — моя страна, и
я, как король, обязан заботиться о безопасности своей
страны. Вдруг по этой дороге поедут после добро-
нравные граждане, никогда не слышавшие о белом
жителе гор? Я, как правитель Валузии, не могу оста-
вить тварь на дороге.

— Ты забыл, что путешествуешь сейчас как част-
ное лицо? — напомнил пикт.

— Я могу сбрить бороду, — жестко произнес Кулл, —
но никогда не забываю, кто я.

Брул хотел что-то сказать, но сдержался.

— Слезайте с коней, оставим их здесь, чтобы не подвергать лишней опасности,— приказал Кулл и огляделся.— Вон, к тому дереву привяжем. А то останемся без коней, пешком по горам невесть сколько идти будем...

Они привязали коней, Кулл посмотрел на окружавшие дорогу горы и, кивнув спутникам, чтобы следовали за ним, начал взбираться по склону наверх. Они забрались на самый верх, отдышались и, перепрыгивая с валуна на валун, иногда обходя огромные камни, пошли в сторону, откуда доносился звук. В этом месте дорога делала довольно крутой поворот, а затем резко расширялась, превратившись на каком-то отрезке в большое поле, окруженное пологими склонами. Вдали дорога вновь сужалась, уходя в узкую расселину.

— Так я и знал,— сказал Кулл,— эти чудовища ленивы, но хитры. Они всегда занимают подобные позиции.

— Можно обогнуть тварь и подняться по склону, ведя коней в поводу,— задумчиво произнес Брул.— Можно даже не слезать с коня — просто не приближаться на расстояние удара. Да, вполне можно обойти, чудовище не проснется.

— Это только так кажется,— уверенно возразил атлант.— Смотри, как расположилось — отсюда, сверху, камня не добросишь... Да... Ладно, поступим так: вы вдвоем встанете у поворота дороги и приготовите побольше камней — с голову человека размером. Я заманю его туда, к повороту, а вы сверху бросайте камни. Самое слабое место у белого жителя гор — это череп. Попадете в спину, ощутимого вреда не нанесете. Надо раздолбить ему башку. А я его буду дразнить его. Дай копьё, Брул.

— Кулл, это очень опасно,— возразил пикт.— Может, я схожусь в роли приманки?

— Ты его видишь впервые в жизни,— улыбнулся атлант,— а я трижды принимал участие в охоте на его собратьев. Все, идите готовьте камни.

— Все же, это очень опасно,— вспомнив наставления Келкора, заметил телохранитель.— Может, я пойду? Ну задерет меня чудовище, вы его пристукнете и отправитесь дальше...

Кулл хлопнул Алого Стража по плечу.

— Опасность подстерегает нас на каждом шагу. И поверь мне, юноша, неожиданный удар ножом из-за колонны или отравленное вино куда хуже врага, с которой встречаешься лицом к лицу. А выживешь ли ты, зависит лишь от тебя самого — от твоей ловкости, отваги и умения рассчитать движения. Все, я спускаюсь. Приготовьтесь у поворота и собирайте камни.

— Мне не хочется уходить,— вдруг признался Алый Страж.— У меня непреодолимое желание спуститься и коснуться его такой белой шкуры.

— Странно,— заметил Брул,— у меня тоже.

— Это действует зов,— сказал Кулл и, взяв спутников под руки, быстро повлек их обратно.

Оставив их у поворота, Кулл прошел назад к тому месту, где они поднимались на склон, и спустился к лошадям. Скинув плащ, Кулл подпрыгнул, размахивая руками, чтобы проверить, не сковывает ли одежда движений, подумал и снял куртку. Отрезал кинжалом от плаща кусочки материи, сделал затычки и плотно загнал в уши, чтобы не слышать привлекательных вероломных звуков.

С обнаженным торсом и копьем в руках, словно много лет назад в горах Атлантиды, он направился к белому жителю гор. Только в Атлантиде на подобных чудовищ никогда не ходили втроем — лучшие охотники племени отряжались на опасное дело. Но у короля не было выхода — это его страна, за порядок в которой он отвечает. И он не может допустить, чтобы случайный путник, слыхом не слыхавший о такой напасти, пал жертвой коварного зова.

Кулл миновал поворот и подобрался почти к самому чудовищу. Постоял, любясь внушительным зрелищем. Он чувствовал, что там, за спиной, у поворо-

та в напряженных позах с камнями в руках дожидаясь его Брул и телохранитель. Кулл решительно сделал шаг вперед, выставив перед собой копье.

Если бы он не ожидал стремительного выпада мощной лапы, он бы погиб. Но едва мелькнула почти неуловимая глазом тень, варвар упал, перекувырнувшись несколько раз, вскочил на ноги и отбежал шагов на пятнадцать, проорав дикий, почти забытый им боевой клич племени Приморских гор.

Чудовище удивленно открыло глаза и посмотрело на то место, где должна была валяться убитая жертва. Кулл вытащил затычки из ушей — чудовище проснулось и, значит, больше не издает застораживающего храпа, а шум в схватке для опытного бойца очень много значит. Зачастую в битве ориентируешься исключительно по звуку.

Кулл стоял, замерев, и не сводил глаз с чудовища. Оно широко разинуло слюнявую пасть, усаженную острыми клыками, потом закрыло и посмотрело огромными зеленоватыми глазами, чем-то напоминающими стрекозы, на Кулла. Но оно не двинулось с места, закрыло глаза, словно вновь собиралось заснуть.

Атлант оторопел — как расшевелить чудовище? Он не помнил, что делали его соплеменники в данном случае. Наконец Кулл решил. Дико закричав, он бросился вперед и метнул копье, метя в глаз, хотя прекрасно знал, что даже в случае удачного броска чудовище это не убьет — мозг у белого жителя гор расположен далеко от глаз.

Но копье достигло желаемого результата — чудовище взревело от боли, задние и средние ноги напряглись. Кулл понял, что произойдет в следующее мгновение, и стремглав бросился назад, к повороту, выхватывая из ножен меч — игрушка против белого жителя гор.

Миновав поворот, он остановился, тяжело дыша, радуясь, что длинное массивное чудовище может не

вписаться в узкий крутой поворот расселины. Кулл бросил мимолетный взгляд наверх — двое мужчин занесли над головами тяжелые камни, у их ног были сложены горками другие.

С ревом боли чудовище бросилось за обидчиком, но затормозило перед поворотом, оставляя на придорожных камнях огромные клочья белой шерсти. И хотя до поворота было ярдов пять, Брул, не спеша и тщательно прицелившись, метнул камень. Удар получился почти удачным — на фут бы левее, и камень размозжил бы непрочный череп, а так только ранил — может быть даже смертельно, но чудовище еще могло двигаться и собиралось растерзать Кулла.

Не понимая, что опасность угрожает сверху, тварь ринулась, ориентируясь на запах и дикий призывный рев основного обидчика. Едва оно достигло поворота, на него обрушился град камней — пикт и Алый Страж торопились, бросая почти не целясь, уповая на то, что хотя бы один из дюжины камней достигнет цели.

Так оно и случилось. Животное уже умирало, не в силах двигаться, распахнув чудовищную пасть, хрипя, а не ревя, а Брул с товарищем все швыряли и швыряли заготовленные камни.

Кулл осторожно подошел к зверю. В него едва не попал брошенный сверху камень.

— Хватит, Брул! — сложив руки рупором, что есть мочи прокричал он. — Чудовище мертво, спускайтесь! — И добавил уже нормальным голосом: — У нас еще очень много работы.

Когда пикт и телохранитель спустились, Кулл уже взобрался на мертвого исполина и всю орудовал мечом, отделяя голову от туловища. Увидев спутников, он рукой провел по лбу, смахивая пот.

— Гордитесь, — сказал он, — никогда еще не слышал, чтобы сердце белого жителя гор делили на троих. Мне всегда доставался совсем маленький кусочек...

Огромная туша загородила узкую расселину, оставив проход не больше ярда. Путники с трудом прове-

ли лошадей мимо мертвого чудовища. Они прекрасно отобедали — Кулл вновь продемонстрировал незаурядное, ничуть за десятилетие не позабытое варварское кулинарное мастерство. До каких изысков не додумывались придворные повара, но так просто и вкусно приготовить они были не в силах. Мяса путники набрали сколько могли — вялить некогда, а так испортится. И помчались вдаль, оставляя гору пищи птицам и хищникам.

Долго ехали они без приключений, перебрасываясь ничего не значащими репликам и шуточками. Настроение после победы над белым чудовищем было прекрасным.

Наконец они достигли края одного из глубоких ущелий, которыми славятся южные горы Валузии. Кулл спешил и с сомнением посмотрел на шаткий навесной мост — веревки были растрепаны, старые бревна аж почернели от времени. Даже подумать о том, что придется ступить на этот мост, было страшно. Но Кулл не привык отступать и первым подвел коня к мосту.

— Ваше Ве... Торнел. — Алый Страж смутился, забыв о предупреждении. — Позвольте, я пойду первым.

Он не рвался на шаткий ненадежный мост. От одного вида глубины ущелья к горлу подбегала тошнота. Но случись что с королем, а он останься жить, то, во-первых, ему все равно останутся считанные дни — до встречи с Келкором, а во-вторых, вечный позор падет на его семью, которая так гордится тем, что он служит в элитном отряде лучших воинов Валузии.

Кулл хотел что-то сказать в ответ на слова телохранителя, но Брул многозначительно положил руку на плечо царственному другу, и тот кивнул.

Воин взялся рукой за веревочные перила и, осторожно ступая, повел коня к противоположному краю моста. Кулл и Брул, затаив дыхание, смотрели на

него. Ущелье было довольно широким, более тридцати ярдов. Воин почти достиг середины, Кулл подвел коня к мосту.

— Подожди, — попросил пикт, — мост одного-то едва держит.

Кулл снова молча кивнул головой.

Телохранитель уже добрался до самого конца угрожающе поскрипывающего и раскачивающегося при каждом шаге моста и хотел издать победный вскрик, как веревки все же не выдержали — у самого края ущелья порвались, и вся конструкция, удерживаясь на краю, где стояли Кулл и Брул, полетела вниз. Бешено заржал конь, и тут же крик захлебнулся — животное разбилось о камни ущелья.

Алый Страж, приученный к любым неожиданностям, успел ухватиться за веревку, ограждавшую мост, его с размаху стукнуло о скалы, но он висел посередине между краем пропасти и каменистым дном, где насмешливо журчал извилистый ручей.

— Держись! — крикнул Кулл и приготовился спускаться за ним по висевшей веревке.

— Нет! — жестко встал на его пути Брул. — Веревки не выдержат двоих, вы сорветесь оба. Я не пущу тебя!

— Но не могу же я равнодушно смотреть, как гибнет мой человек! — прорычал Кулл.

— Давай попробуем вытянуть его вместе с мостом сюда, места хватит, а сил у нас не занимать.

— Давай, — согласился Кулл. Он был зол на себя — мог бы сам догадаться. — Давай быстрее, у него пальцы могут разжаться. Его очень сильно ударило о стену. Удивляюсь, как он вообще себе чего-нибудь не сломал.

Оба промолчали, понимая, что, может, их товарищ и сломал себе руку или ногу, и тогда им придется возиться с раненым. Но сейчас надо было не рассуждать, а спасти воина. Оба встали на колени над обрывом и принялись тащить на себя останки моста.

Они торопились как могли. Было тяжело, бревна настила, вырвавшиеся из веревочных петель, цеплялись за выступы и застревали в трещинах. Кулл и Брул старались избегать резких движений, чтобы не стряхнуть раненого товарища с моста.

Но не успели они вытравить мост и наполовину, как услышали предсмертный крик и звук удара тела о камни. Кулл, не глядя вниз, бросил мост и встал. Он привык к виду смерти.

Брул долго смотрел вниз, потом тоже встал, вытер о штаны руки и сказал:

— Мне кажется, что кто-то препятствует нам. Кто-то знал, что мы поедем этой тропой, и сделал все, чтобы не пустить нас.

— Но о моем путешествии в Грелиманус знали, кроме тебя, лишь Ту, Ка-ну и Келкор,— заметил Кулл.— Всем им я безоговорочно доверяю.

— Я не о них,— задумчиво произнес пикт.— Может, и в силах человеческих вызвать камнепад, послать разбойников и испортить мост, но как он может подослать то чудовище? Нет, я говорю либо о гневе богов, либо о могущественном колдуне, который хочет погубить тебя. Во всяком случае, он желает, чтобы ты не добрался до Грелимануса.

— Валка и Хотат! — воскликнул король.— Чем я мог прогневить богов, для которых я — жалкий муравей! Если уж верить твоим словам, то вероятнее второе — колдун мог бы следить за мной, хотя я даже не представляю, как именно и насколько, в таком случае, он могуществен... Тогда он, пожалуй, сидит в Грелиманусе... Тем более я хочу поскорее туда добраться.

— Но вперед пути нет,— возразил пикт.

— Да,— согласился Кулл.— Придется временно сдать-ся и отступить. Возвращаемся в долину и поедем восточным торговым путем.

— Или той тропой, что начинается у Храма Мертвых Богов.

— Там видно будет,— нахмутив брови, сказал король и вскочил в седло.

Они вновь помчались по горной тропе.

— Знаешь,— через какое-то время спросил пикт у Кулла,— чем отличаются варвары, как мы с тобой, от древних знатных валузийцев или аристократов других Семи Королевств?

— Чем же? — чтобы поддержать беседу, спросил атлант.

— Тем, что мы никого не обвиняем. Будь на твоём месте, например, советник Ту — к которому я очень хорошо отношусь — он бы, может, промолчал, но обязательно подумал бы, а любой другой исконный валузиец непременно бы проканючил, что во всем виноват Брул, который предложил идти по этой всеми богами забытой тропе, что он специально подставлял всех!

— Брул! — гневно воскликнул Кулл.— У меня такого и в мыслях не было!

— А я о том и говорю,— усмехнулся пикт.— Ты — варвар. Ты видишь то, что видишь, и не ищешь во всем чьи-то происки и козни. Если ты что-то хочешь сказать — говоришь правду в глаза, если что-то хочешь сделать — идешь прямой, пусть и наиболее опасной, дорогой. Другое дело — валузиец. Он думает порой одно, а слова его означают прямо противоположное. Он боится, как бы кто не заподозрил его в чем-то нехорошем. А если он хочет что-то сделать, то выбирает окольный путь. Ты честно пошел к Борну и сорвал корону с его головы. А твои враги? Подло и исподтишка посылают наемных убийц, подсыпают отраву в вино... Если бы против тебя вышел варвар, пикт или атлант, он бы пришел к тебе с мечом в руке.

— Как мне все надоело, видит великий Валка! Да я с удовольствием выйду на поединок с любым, кто бросит мне вызов, с любым, кто недоволен моим правлением! Знаешь, Брул, порой, когда я остаюсь один,

мне так хочется бросить все, покинуть Валузию, уйти в другую страну и начать новую жизнь, чтобы не думать о покушениях...

— Да,— усмехнулся пикт,— и в другой стране начать все сначала. Рано или поздно свалить местного короля и снова бояться подлых покушений?

Кулл посмотрел на Брула. Тот молча отстегнул с пояса флягу. Кулл глотнул — это было грубое пиктское крепкое варево, от которого Ка-ну, например, хоть и пикт, скривился бы, а то и сплюнул на пол. Кулл с удовольствием сделал еще глоток, вернул флягу и, словно в ответ на свои мысли, запел на лемурийском:

Рыбак возвратится с моря,
Охотник спустится с гор,
А тот, кто попал на галеру,
Никогда не вернется домой.
Эг-гей, эг-гей, налегай на весло, налегай!
Эг-гей, эг-гей, бьет барабан, налегай!

Они достигли места, где дорогу преграждала туша белого чудовища, спешили и, потревожив пир троих длиннокрылых стервятников, протиснулись вперед. Кони шарахались от запаха мертвечины.

Затем путешественники без приключений достигли долины. Солнце уже клонилось к закату. Пикт вопросительно посмотрел на друга. Кулл, подумав, кивнул в сторону Храма Мертвых Богов. Торговый путь был и дальше и выводил на тракт, который делал большую дугу, а они и так уже потеряли напрасно целый день.

Почти перед самым закатом друзья достигли въезда на тропу. Неподалеку возвышались останки древних строений, почерневших от давнего пожара и прозванных в народе Храмом Мертвых Богов. Говорят, здесь собирались неприкаянные души со всего мира.

Кулл нашел знакомую пещеру в горах с двумя выходами. Они зажарили на костре мясо белого жителя гор, наелись, выпили, поминув погибших спут-

ников, и оба легли спать, готовые вскочить при малейшем шорохе или ржанье переполошенных коней.

Ночь прошла абсолютно спокойно. Никто не потревожил сон двух путников. Испачканные грязью ущелий и кровью врагов — ни дать ни взять обычные искатели приключений, что во множестве бродят по всему миру, надеясь подороже продать свои клинки, чтобы потом спустить наградные денежки в кабаках.

Позавтракав, друзья вскочили на коней и въехали на мало кому известную тропу, памятную Куллу с тех далеких лет, когда он скрывался в горах. Солнце улыбалось им, птицы радостно приветствовали их.

«Сразу надо было сюда поехать», — хотел молвить Кулл, но сдержался, чтобы не обидеть товарища. Кулл мог бы заложить голову, поспорить, что Брул не желал вчерашних напастей и гибели их спутников. Все во власти богов, люди лишь пушинки, гонимые их дыханием, — так говорят жрецы, и нет причин им не верить.

Тропа была широкой, достаточно наезженной. Не такой, как две купеческие, но, по всему виду, здесь шла своя жизнь. Ехали путники быстро, но особо коней не мучили, то и дело с рыси переходя на шаг. Оба знали, что по этой дороге за один день горы не минуешь, придется где-то ночевать. Но для двух детей гор, немало ночей проводивших на сырой земле, это не представляло больших проблем.

Ближе к полудню они встретили усталый караван из трех телег и с десятком охранников. Кулл и Брул прижали коней к обочине дороги и развели в стороны руки, показывая, что злого умысла не держат, но в любое мгновение они были готовы выхватить мечи, если встречные захотят ограбить двух одиноких путников.

— Да хранят вас Валка и Хотат! — бросил караванщик, зорким взором бегло оценив всадников.

— И вам пусть помогут великие Валка и Хотат! — пробормотали Кулл и Брул, провожая караван взглядами.

Наверняка, это были контрабандисты, но какое, по большому счету, сейчас до них дело, когда опасность гораздо большая, чем провоз запрещенных товаров, угрожает стране? И друзья спокойно продолжили путь.

Уже ближе к вечеру, когда сумерки начинали сгущаться, но до заката еще было далеко, Кулл вдруг резко остановил коня.

— Что случилось? — встрепнулся Брул.

Кулл к чему-то прислушивался.

— Ты слышишь? — наконец спросил он. — Кто-то отчетливо зовет меня: «Кулл из Атлантиды, приди!»

— Ничего подобного я не слышу, — покачал головой пикт.

Кулл слез с коня и посмотрел вверх. По пологому склону можно было подняться и с конями, а там, кажется, была какая-то тропа, оттуда и доносится странный зов, который слышит только он.

— Я пойду! — решительно сказал атлант.

— Это опять могут быть проделки магов, вчера не выпустивших нас из гор, — с подозрением произнес Брул.

— Я все равно должен узнать, кто зовет меня! Вдруг кому-то нужна моя помощь?

— Хорошо, тебя все равно не отговорить, — нехотя согласился Копьебой. — Но я иду с тобой.

С некоторым трудом они затащили наверх лошадей. На вершине склона действительно оказалась довольно неприметная узкая тропинка. Они повели лошадей за собой, на всякий случай держась за рукояти мечей.

Из кустов вспорхнула испуганная птица. Оба как по команде выхватили мечи. Посмотрели друг на друга и расхохотались.

Неприметная сверху тропка вывела их к широкому входу в пещеру — самый рослый человек мог

бы в нее пройти, не наклоняя головы. Рядом с зияющим чернотой входом громоздился огромный камень.

— Во имя семи дьяволов! — воскликнул Брул. — Клянусь, этот камень еще вчера закрывал вход в пещеру. Его не под силу сдвинуть и дюжине человек! Кулл, злые чары влекут тебя на погибель.

— Со мной — мой меч, — промолвил король Валузии, — и не впервые я столкнусь с колдуном. Какие бы силы ни затаились в пещере, я выясню, кто звал меня и что он задумал!

Кулл осмотрелся, увидел поодаль кривое чахлое деревце и привязал к нему своего коня. Затем решительно шагнул во тьму пещеры.

Пикт тоже привязал коня и последовал за другом, но тут же наткнулся на вытянутую Куллом руку.

— Стой! — почему-то шепотом произнес король. — Надо хотя бы факелы сделать, ничего не видно.

Откуда-то из глубины густого мрака подземелья доносилось неспешное журчание воды.

Друзья вышли из пещеры, нашли подходящие палки, кое-как сделали факелы, и Кулл снова первым шагнул внутрь зияющего входа.

Подземный туннель оказался довольно длинным. Стены были шершавыми и неровными, но походили скорее на творение рук человеческих, нежели сил природных. Причудливые тени, отбрасываемые на стены факелами, до неузнаваемости искажали фигуры двух лучших воинов Валузии.

За поворотом друзья остановились, восторженно озираясь.

Они оказались в просторном, почти идеально круглом зале, по стенам которого неспешно стекала вода. Зал освещался странным зеленоватым светом — будто мерцали мириады светляков, ползающих по потолку, полу, стенам, летающих в воздухе. Посреди зала находилась либо бочка, либо колодец — в полумраке было

не рассмотреть. Возле нее стояла большая скамья, а за бочкой напротив входа сидел странный человек — Кулл никогда в жизни не мог предположить, что могут быть такие толстые люди. Ростом незнакомец вряд ли превышал обычного валузийца, но в ширину он был поистине необъятным. Свободные одежды скрадывали очертания фигуры, но можно было представить огромный живот, свисающий еще больше, чем тяжелые щеки.

Кулл сделал несколько шагов вперед, чтобы рассмотреть лицо хозяина странной пещеры, который держал в руке огромный — под стать ему — кубок. Оплывшее лицо представляло собой сплошную сеть морщин, и на пепельном фоне резко выделялись два алмазных огня глаз, в которых проглядывала мировая мудрость, вселенская скорбь и тяга к жизни.

— Кто ты? — глухо спросил Кулл. — И зачем ты звал меня?

— У меня много имен, — рассмеялся незнакомец, и Кулл почему-то подумал, что древний старик пьян. От бочки исходил сладкий запах очень хорошего вина. — Меня звали сотворителем сущности, меня считали богом, обо мне говорят такое, что не было и в тысячной доле правдой, но не знают самого главного. Некоторые считали меня самым выдающимся магом, но чародеи оказались сильнее меня. Я прожил тысячу тысяч лет... — Старик вновь рассмеялся и совсем невесело добавил: — Если это можно считать жизнью. Ты, Кулл из Атлантиды, мог слышать обо мне под именем Раан...

— Великий маг Раан! — не сдержался Кулл. — Тот, кто заточил само Безмолвие в горах Залгара!

Король сразу вспомнил множество противоречивых слухов, ходивших об этом человеке, жившем много столетий назад. Молва утверждала, что он был волшебником. Посол пиктов Ка-ну был убежден, что Раан — самый могущественный некромант всех времен, а один из наиболее просвещенных ученых Семи

Королевств раб Китулос заверял, что Раан — человек, постигший глубинные тайны природы, завоевавший знаниями, и только знаниями, небывалое могущество. Он смог в одиночку противостоять жутким стихиям — таким, как само Мировое Молчание, которое он заточил в замок Черного Черепа.

И вот теперь Раан, в облике расплывшегося пьяного старца с пронзительными глазами, сидит перед ним.

Каким угодно представлял себе Кулл легендарного волшебника, только не таким.

— Садись, Кулл из Атлантиды, правитель Валузии, — указал на скамью напротив великий волшебник. — С тобой, я так понимаю, пикт Брул по прозвищу Копьебой? Вот вам кубки, пейте это вино — Вино Жизни. Ему больше тысячи тысяч лет. Оно прекраснее всех напитков, которые вы когда-либо пробовали, оно улаживает вкус и пьянит разум. Пейте.

В руках у друзей оказались кубки с зачерпнутым прямо из бочки черного камня напитком. Вино оказалось до чрезвычайности прохладным и вкусным, живительная горячая струя пробежала внутри Кулла, подгоняя кровь и освобождая разум от всего наносного и незначительного.

— Великий Раан, — спросил Кулл, поскольку старик молчал, не отводя от них взгляда, сощурившись в хитрой улыбке, — но ведь говорят, что ты умер так давно, что кружится голова от одной только мысли, сколько тысяч лет отделяют наш век от твоего времени.

— Да, умер, — захихикал мудрец, — но кто скажет, что такое жизнь и что такое смерть? Познав бесконечность, приобретаешь всеобъемлющую власть, но обязательно найдется во вселенной сила, которая обладает властью неизмеримо большей. Вот уже столько лет, что не сосчитают лучшие счетоводы всех Семи Королевств, я сижу здесь у родника с Вином Жизни и думаю. Я просыпаюсь раз в два

года ровно на тридцать дней, чтобы испытать вина мудрости и поиграть в свои картинки. Хотите, я покажу вам, чем заполняю свой досуг?

Не дожидаясь ответа, Раан вытянул правую руку к стене со струящейся по ней водой, и по воде вдруг побежали круги, вода слилась, превратившись в вертикальное озеро, внутренний свет заполнил его, и на глади воды проявилась картина, тщательно оберегаемая в сердце Кулла, знакомая ему до слез с той самой ночи в Атлантиде, после которой столь круто изменилась его жизнь: тысячи людей Хрустального города под ослепительным солнечным светом славили короля Кулла.

Картина, много лет жившая лишь в воображении, но вот уже давно ставшая реальностью.

— Или вот такую картинку могу показать, — вновь хихикнул старый маг и подвинул руку левее.

Там тоже образовалось волшебное озеро, но его вид вселял страх: сгустившиеся черные тучи, молнии и извержения вулканов, которые не могут погасить ливневые стены; Атлантида — Кулл не мог не узнать родную страну — уходила под воду, пиктские острова, частично уничтоженные землетрясением, сбились вместе и превратились в северный хребет материка, ночь опускается над Валузией и всем миром.

— Или такую вот, — продолжал хихикать древний маг, поводя в сторону рукой.

В новом изображении, появившемся рядом с прежними, которые продолжали жить, друзья увидели шагающее по черной выжженной земле в багряном злом свете тяжелого солнца чудовище, похожее на дракона, но на двух мощных лапах. Повсюду мелькали жуткие крылатые твари, а земля была завалена человеческими скелетами.

— Выбирайте сами, что вам больше по душе, — расхохотался Раан и залпом опрокинул в себя кубок с Вином Жизни.

Под этот хохот, в котором горечи было гораздо больше, чем веселья, все стены круглого зала осветились движущимися беззвучными картинками — разными, они наплывали друг на друга, сосредоточиться на чем-то одном было почти невозможно.

В одном месте люди собирали богатый урожай великолепных фруктов, улыбаясь друг другу, а на соседнем изображении приземистый черноволосый воин сражался с целым клубком рогатых змей, тянущих к нему раздвоенные языки.

Где-то извергали пламя черные трубы и лес был покрыт огнем, а где-то повозки без лошадей сами везли счастливых людей по дорогам; где-то мрак ночи прорезали зловещие молнии, а где-то беспечно вели хороводы красавицы с длинными косами.

Выбрать что-то одно было невозможно.

Вскочившие было Кулл и Брул, не в состоянии уследить за всем, ошеломленно сели обратно и вопросительно посмотрели на мага.

По движению руки Раана зал снова погрузился в полумрак.

— Что... Что это все означает? — только и смог вымолвить Кулл.

— О-о! — произнес Раан, и глаза его блеснули странным яростным огнем. — Это возможные картинки Грядущего. Прошлого нельзя изменить. Никому. Зато Будущее — можно. И на каждое возможное Будущее влияет столь мелкий фактор сущности, который подчас невозможно заметить, даже если всматриваться до боли глаз целыми днями.

— А то, что я сейчас видел на стене собственный юношеский сон, который считал пророческим, это... Это вы послали мне тот чудный сон?

— А разве он не оказался пророческим? — быстро спросил маг. — Да, что скрывать, этот сон, как и другие, посылал тебе я. Я просмотрел тысячи тысяч судеб и выбрал вас двоих. Тебя, Кулл из Атлантиды, не знающего тайны своего рождения, и тебя, Брул Копьебой.

Лишь вы двое во всем мире способны предостеречь человечество от страшной катастрофы, которая надвигается неумолимо и безжалостно, и я не могу, находясь в вечном пленении здесь, самолично противостоять ей.

Он вновь зачерпнул кубок в колодец с чудесным вином. Друзья не осмеливались перебивать могущественного чародея, хотя бесчисленные вопросы так и вертелись на языке.

— Пейте вино, пейте, оно хмелит голову, но укрепляет мышцы и противодействует чужому злу. Пейте и во фляги наберите — пригодится. Неуязвимыми оно, конечно, вас не сделают, но вы и так неплохо умеете махать своими железками. Сколько зла в мире от железа?! Впрочем, держат это железо руки человека...

Старик опорожнил кубок, вытер рукавом толстые губы и тяжело вздохнул:

— Что я могу сделать, сидя в замкнутом пространстве этой опостылевшей пещеры? Послать вещий сон, разбудить и вывести в нужное место белого жителя гор, напустить тумана на разум мелкого заговорщика, чтобы он рискнул отравить праздничное вино и тем самым выдал себя, предупредив короля, тебя, Кулл, о страшной опасности, которая угрожает не только твоей жизни, не только древней Валузии, но и всему миру. Одна из тех картинок, что вы видели — это то, что будет, если вы погибнете в этом вашем походе... Все черные силы, желающие погубить древнюю цивилизацию, ополчились сейчас на вас и сосредоточились в том месте, куда вы направляетесь. Они еще не готовы к открытому бою, но уже сильны, и с каждым днем силы их возрастают. Я хотел увидеть тебя лично, Кулл. Сегодня я усну на два года, и мне пришлось потратить массу усилий, чтобы ты поехал именно этой тропой...

— Так это ты вызвал камнепад, подослал разбойников и чудовище, обвалил мост? — гневно прокричал Кулл. — Из-за тебя погибло трое моих лучших воинов, я...

— Нет, Кулл, — усталым движением руки остановил его маг и вновь зачерпнул вина из каменной бочки (а может, это все же был неисчерпаемый колодец?). — Камнепад я вызвать не могу, это силы глухие, природные. И разбойники там оказались случайно. Лишь белый житель гор должен был преградить вам дорогу... Но оставим это, у меня мало времени, совсем мгновения остались, а мне необходимо многое тебе сообщить, Кулл из Атлантиды.

— Мудрый Раан, ты сказал, что знаешь тайну моего рождения? — успокоившись, сел на место Кулл. Подумал и все же, по примеру мага, вновь наполнил кубок удивительным вином.

— Да, знаю, — утвердительно махнул рукой древний чародей. — Рождение человека есть великое таинство природы. Сколь мало здесь зависит от человека, от его мимолетных страстей и желаний, хотя порой многим кажется, что все как раз наоборот. Телесная оболочка — ничто, временная обитель вечной сущности, которая рождается среди звезд, в таинственных туманностях, и поначалу представляет из себя сгусток первейшей низменной материи, которой необходимо возвыситься, пройдя тысячи перерождений, и силой духа в конце концов возгореться в небе звездой. Лишь немногим это удастся, и лишь немногие звезды тускло светят людям, и лишь самые достойные горят столь ярко, что их видят отовсюду. В любом из множества миров, в любой стране, в любом городе каждый человек может выйти и обогреться светом такой звезды...

Старик говорил все медленнее, тяжело, но он не подбирал слов, просто очень устал.

Ни Кулл, ни Брул не осмеливались перебивать его, хотя им очень хотелось спросить старца о чем-то более для них насущном.

— Но, чтобы понять таинство рождения, прежде необходимо понять тайну смерти, — продолжал Раан. — А для осознания столь великой тайны требуются даже не столетия, а тысячелетия, и мне остается лишь на-

деяться, что я разгадаю ее и обрету наконец долгожданную смерть. Но для этого, Кулл из Атлантиды, ты должен спасти Валузию. Враг страшен и коварен — Змей, повелитель змеелюдей, объединился с моим старым врагом Тулсой Обреченным. Они собрали вокруг себя множество мелких черных магов и чародеев, купив их на уловку... Обещав вечную жизнь, которой не бывает, как и вечной смерти. Я устал и, может быть, говорю непонятно тебе, король Кулл.

Маг вновь зачерпнул вина в кубок и стал пить мелкими глотками — темная струйка потекла по густой сетке морщин его подбородка.

— Нет, мудрый Раан,— сказал Кулл,— я все понял. Страшная опасность надвигается на мою страну и весь мир. Мы с Брулом как раз и едем сейчас, чтобы выяснить, что представляет собой угроза, и, если понадобится, мы вернемся в Грелиманус с огромной армией и уничтожим змеиное гнездо. Если будет нужно, я сумею найти способ объединить против общей опасности все Семь Королевств и даже лемурийцев, но Тулса Обреченный и повелитель змеелюдей будут уничтожены либо забьются в такие дыры, из которых никогда в жизни не выберутся. Однако ты ничего не сказал мне, Раан, о тайне моего рождения.

— Рождение, тайна... Постигнуть эту тайну ты сможешь, только когда у тебя родится сын. Я совершил ошибку, не оставив после себя детей, избегал женщин ради познания таинств и загадок природы. Теперь поздно... Вино Жизни дало мне сил, оно питает меня, но я растолстел так, что никто и не взглянет на меня. Да я и сам не могу глядеть на женщин... Слишком поздно. Я хочу лишь умереть... Я сделал все в жизни, что мог и желаю, чтобы душа моя обрела покой, став далекой звездой... Не повторяй моей ошибки, Кулл, откажись от своей клятвы не думать о женщинах. Тебе необходимо продолжить свой род, о котором ты ничего не знаешь, но которым можешь гордиться. Женщины отнимают сиюминутную силу,

ты прав, но — как поздно я это понял, глупец! — они дают другую: силу жить. Ты всего себя посвятил своей стране, как другой посвящает всего себя возлюбленной. Но, Кулл, если ты погибнешь, не продолжив себя в детях, то на твое место придут те, кто тебя ненавидит и разрушит все построенное тобой с таким трудом и самоотдачей. Король Борн пожрал сам себя — он предавался любви животной, он не любил. Полюби ты, и тогда, когда станешь звездой светить людям из далеких галактик, тебе будут помогать и отсветы твоих детей.

— Да, мудрый Раан, женщины не влекут меня... То есть я сам гнал все мысли о них прочь, я на них даже не смотрел. Но если ты утверждаешь... Раан, что с тобой?

Тело старого мага обмякло, и он повалился набок, упал на огромную каменную скамью, которая только и могла выдержать его вес. Брул встал и потряс мага за плечо.

— Он спит,— сказал Брул.— Наверное, срок его бдения закончился, как он говорил, и он заснул волшебным сном еще на два года. Эй, Кулл, не пей вина, оно хмелит голову — так сказал Раан.

— Любое вино хмелит голову,— зло ответил Кулл и залпом опрокинул кубок с Вином Жизни.— Идем отсюда, здесь больше нечего делать.

— Может быть,— предложил Брул, зачерпывая флягой Вино Жизни из колодца,— здесь и переночуем?

— Нет,— жестко ответил король. И добавил мягче: — Мне тяжело здесь находиться, Брул, сам не знаю почему. А потом... Тот камень у пещеры... Вдруг он закроется сам собой, и мы окажемся замурованы здесь на два года?

Друзья торопливо уложили поудобнее на скамье старого чародея, о котором по всему миру ходило множество самых противоречивых легенд, но которого из всех сейчас живущих видели лишь они двое, и поспешили покинуть пещеру.

Им предстояли трудные дни, и они теперь точно знали об этом. Но, как и положено варварам от рождения, смело смотрели в будущее. К тому же кровь будоражило удивительное Вино Жизни, выпитое в изрядном количестве из волшебного колодца. Сейчас каждый из них мог бесстрашно с голыми руками пойти на повелителя змеелюдей. Но до него еще необходимо было добраться...

Глава шестая

СЛУЧАЙНЫЕ ПОПУТЧИКИ

Нуть назад по туннелю показался Куллу с Брулом в дюжину раз длиннее, чем когда они шли в волшебную пещеру. Может, потому, что забыли факелы у чудесного колодца и продвигались в полной темноте, держась руками за шершавую стену, может, потому, что выпитое Вино Жизни кружило голову и замедляло движения, хотя создавало иллюзию прилива энергии, а может, потому, что они боялись оказаться замурованными в скале и им не терпелось выбраться на свежий воздух.

Когда они вышли наконец-то из колдовской пещеры, остановились пораженные — буйство красок превращало южные горы в нечто фантастическое: красные блики солнца, казалось, боролись с вечным злом теней, с суровостью скал, с равнодушием неба.

— Ничего себе,— пробормотал Брул,— уже закат... А я считал, что мы совсем недолго там просидели.

— Станный это закат, Брул,— заметил король.— Солнце сошло с ума и уходит на восток? Нет, Брул, это — рассвет! Смотри — солнце прямо на глазах поднимается над горами, и свет все ярче...

— Ты хочешь сказать, что мы провели в этой пещере всю ночь?! — не веря собственным глазам, воскликнул пикт.

Атлант пожал плечами.

— Еще и не такие чудеса случаются на свете, друг Брул,— задумчиво произнес он и обернулся.— Вот тебе еще одно чудо, которое не могут совершить людские руки, смотри!

Брул тоже обернулся. Огромный камень, что торчал у входа, бесшумно встал на место, и теперь никто никогда бы не сказал, что где-то здесь есть пещера, в которой тысячи лет в мрачном одиночестве томится легендарный чародей Раан.

— Да...— только и мог произнести пикт.

Но сюрпризы на этом не кончились. Коней не было. Одинокое чахлое деревце по-прежнему стояло, растопырив кривые ветви, а коней не было... Даже обрывков поводьев не было — либо Кулл и Брул, торопясь войти в пещеру, плохо их привязали, либо коней похитили.

Но кто мог в этом глухом месте украсть коней? Если только конокрад не шел по следу, но это было вообще маловероятно, скорее поверишь в какое-нибудь чудо магии или собственную неаккуратность.

— Да...— повторил Брул.— И что теперь будем делать?

Кулл, всмотревшись в камни под ногами, сказал:

— Похоже, коней что-то очень напугало, и они, дернув, развязали слабые узлы и убежали.— Он показал рукой к спуску.— Они поскакали туда... Могли и шею свернуть... Так или иначе надо спускаться на тропу. Может, кони успокоились и щиплют тропу в миле отсюда...

— Варвар всегда верит в лучшее,— согласился Брул,— но готовится к худшему. Идем!

— Какой чудесный рассвет,— выдохнул Кулл,— словно сама природа благословляет нас на подвиги.— Он покачнулся.— Дай обопрись на тебя, Брул, от этой красоты у меня даже закружилась голова.

— Она кружится и у меня, но не от красоты гор, а от выпитого вина,— рассмеялся Брул.— Какой коварный напиток Вино Жизни — пьешь и хочется еще

и еще. А потом наступает расплата. Но сейчас кажется, что мы без отдыха пешком можем выйти из гор. Такое впечатление, что еще бы глоток этого вина и полетел бы над горами без крыльев.

— А мы и полетим,— все более заплетающимся языком ответил Кулл.

Они спускались по довольно крутому склону к тропе, держась друг за друга.

Коней, конечно, внизу не оказалось.

— Пойдем вперед,— предложил пикт.— Если не ошибаюсь, в нескольких милях отсюда стоянка, где путники ночуют... Там вкопан древний идол, охраняющий ночлег. Там большая поляна, множество сложенных из камней очагов и даже навес от дождя. Мы же сами там и собирались ночевать. Может, кони у идола и остановились, почувствовав людской запах... А может, кто из путников остановился... может, с повозками... В любом случае надо идти туда

Кулл кивнул, соглашаясь, и они нетвердым шагом пошли вперед.

— Что ты все молчишь, Кулл? — не выдержал через четверть часа пикт.— Думаешь об утерянных конях?

— Нет,— покачал головой атлант.— Просто я всегда думал, что тот чудный сон о моем будущем — помнишь, я тебе как-то рассказывал о чудесных снах? — посылали мне боги. Я думал, что они покровительствуют мне...

— Да конечно покровительствуют! — воскликнул Брул.— Сколько было покушений, которых ты счастливо избежал, сколько было битв, где поражение твоих войск казалось неизбежным, а ты побеждал! За все годы твоего правления всего один неурожайный год... А ты жалуешься на невнимание богов, неблагодарный!

— Нет! — запротестовал Кулл.— Я не жалуюсь и отношусь к великим Валке и Хотату с должным почитанием, ты сам прекрасно знаешь. Я говорю не о

том. Оказалось, все это дело рук Раана. Он все эти годы опекал меня от опасностей, посылал дивные сны...

— Ну и что? Разве Раан не великий маг, познавший все тайны природы? И не опекал он тебя все время, Кулл. Он же просыпается раз в два года — он сам говорил... Волшебник лишь посылал тебе пророческие сны.

— Значит, он все знал и знает наперед. Он управляет мной, словно ребенок игрушечными солдатиками! Но я не хочу быть куклой в чужих руках, пусть даже в руках легендарного Раана. Я — Кулл! И я всего достигаю сам. Я...— Кулл пьяно икнул.— Я поступлю наперекор Раану.

— Ты собираешься отказаться от поездки в Грелиманус? — удивленно спросил Брул, пошатнувшись.— Но тогда змеелюди с Тулсой Обреченным, собравшись с силами, завоюют Валузию.

— А Раан только и хочет, чтобы я их победил...

— Знаешь, Кулл,— задумчиво произнес Брул,— когда я убиваю идущего на меня с оружием врага, я не думаю, кого обрадует его смерть, а кого огорчит. В тот момент я думаю только о себе. Сражаясь с повелителем змеелюдей, ты принесешь пользу Раану — он освободится наконец. Но какое тебе до этого дело? Ведь Змей и Тулса Обреченный хотят уничтожить тебя и завоевать Валузию! Чтобы поступить наперекор старому магу ты собираешься погибнуть?

— Глупости! — гневно воскликнул Кулл.— Атлант сражается до конца!

— Вот, я и говорю!...— поддакнул пикт.— Кулл, смотри-ка — там костер!..

Они побежали, пока люди, кто бы они ни были, не сели на коней и не отправились дальше. Со стороны их бег не слишком отличался от шага, но, опьяненные Вином Жизни, они были уверены, что бегут как никогда быстро.

На стоянке, перед огромным изваянием древнего забытого бога, поставленного еще, наверное, в те вре-

мена, когда Раан лишь начинал познавать самые азы магии, стояли два огромных, запряженных четверками лошадей фургона. Поодаль паслось шесть оседланных коней. Четверо воинов, неподвижностью похожие на изваяние, что возвышалось неподалеку, сидели у костра. У идола о чем-то говорили двое полных мужчин — видно, купцы.

— Ха! — рассмеялся Брул.— А вон и наши кони!

Действительно, двое из шести были именно те, что они вчера привязали к чахламу деревцу. Коню, узнав хозяев, радостно заржали. Купцы повернулись в сторону двух неожиданных путников, воины у костра не пошевелились.

Купцы в теплых плащах с капюшонами, надвинутыми почти до глаз, были очень толстыми (хотя что значит «очень толстый» по сравнению с Рааном?), с черными пышными бородами и усами — типичные валузийские или верулийские торговцы, избравшие по своим каким-то причинам не проторенный торговый путь, а опасную, малоизвестную тропу, двинулись к потревожившим их беседу незнакомцам.

— Вы кто такие? — тонким голосом, позволявшим заподозрить в нем скопца, спросил один из них у Кулла и Брула, ни к кому персонально не обращаясь.

— Мы? — спросил Кулл и вновь икнул — действие, недостойное короля, но никто, кроме друга не узнал бы в нем могущественного короля Валузии.— Мы остановились заночевать, а вы украли наших коней.

— Они, наверное, сами сбежали,— поспешил встрять Брул, который подумал, что Кулл, полный энергии от Вина Жизни, хочет подраться.— Вон они.

— Мы нашли их здесь. Они мирно пощипывали траву,— косясь на мечи друзей, ответил второй купец, голос у него был таким же тонким.— Можете забирать их. Но если нам по дороге, мы найдем вас для охраны наших фургонов, а то часть нанятых нами

охранников подло сбежала, не вернув плату, еще в долине...

— А куда вы направляетесь? — с подозрением спросил Кулл, которого заметно покачивало.

— Мы едем в Грелиманус, — ответил первый купец. — Если нам по дороге, — присоединяйтесь. За четыре дня охраны мы заплатим каждому из вас по два куллашика.

Кулл хотел было спросить, что такое куллашик, но вовремя сообразил, что речь идет о серебряной монете с его изображением, прозванной так в народе — ему об этом рассказывал Ту.

— Нам надо чуть севернее, к Парманалсу, — соврал король, — но крюк в Грелиманус не слишком велик. Мы согласны, да, Глади? — повернулся он к другу, вспомнив его вымышленное имя.

— Да, Торнел, — поддержал его игру Брул. — Два лишних куллашика никогда не помешают.

— Тогда садитесь на коней и отправляемся — путь долгий, к вечеру должны добраться до оазиса в пустыне, там и заночуем, — сказал один из купцов и повернулся к воинам у костра: — Эй, подъем, отправляемся в путь.

Охранники без слов встали и, не заботясь о костре, пошли к коням.

— Эй, Парал, потуши костер! — приказал своим тонким голосом второй толстяк, и стражник беспрекословно развернулся и с ничего не выражающим лицом стал тушить огонь, засыпая его песком.

Кулл подошел к своему коню и с трудом взобрался в седло. Голова после целого дня скачки, беседы с чародеем и выпитого Вина Жизни была тяжелой, веки слипались, тело слушалось плохо. Кулл покачнувшись в седле, едва не упав, но в последнее мгновение схватился за гриву коня и еле-еле удержался в седле. Брул чувствовал себя не лучше.

— Да вы пьяны! — воскликнул один из купцов. — Что за праздник вы всю ночь отмечали?

— Праздновали окончание службы, — соврал Кулл, пытаясь собраться и увидеть перед собой двух купцов, вместо четырех. — Возвращаемся домой, вот и не выдержали, оказавшись наконец на вольном воздухе.

— Ну-ну, — иронически хмыкнул купец и посмотрел на товарища, тот кивнул. — Ладно, забирайтесь в фургон, там меж бочек места хватит. Но чтоб к полудня были свежие и готовые ко всему. Мало ли что. Места здесь глухие...

— Да мы хоть сейчас готовы сражаться! — выхватил меч Кулл. — Где ваши обидчики?!

Купцы переглянулись и рассмеялись.

— Ладно, красавцы, слезайте и идите спать. Со своими сновидениями сражайтесь! — воскликнул первый и добавил мягче: — Ведь вы же действительно еле в седле сидите. Отдохните. В случае опасности мы вас разбудим.

Кулла вновь качнуло в седле, и он махнул рукой — спать хотелось неимоверно.

Они прошли ко второму фургону и заглянули внутрь. Там стояли пузатые бочки галлона на полтора каждая, но места, чтобы улечься на дощатый пол вдвоем, хватало. Кулл был не в том состоянии, чтобы сетовать на отсутствие удобств, да и привык он спать где угодно, хоть на сырой земле — на бессонницу правитель Валузии не жаловался.

Он еще услышал понукающий крик и взмах хлыстом, почувствовал, что фургон нутно стронулся с места и провалился в бездонные пропасти сна.

Он вновь увидел зеленые звезды, но они не расступились пред новым чудным сном, а оказались светляками в волшебной пещере, и на Кулла взглянул хихикающий Раан. Чародей протягивал атланту огромную чашу с вином. «Пей до дна, избранник богов, тебя ждут, хотя сами не знают об этом. Выбери картинку, которая тебе по нраву, Кулл из Атлантиды, и иди. Я тебе уже ничем не могу помочь. Пей Вино Жизни и наслаждайся жизнью. Увидишь врага — убей.

Увидишь красивую женщину — возьми. Увидишь цветущий сочный виноград — сорви. Живи, Вино Жизни дает тебе свободу. И я дарю тебе свободу, Кулл из Атлантиды. Дай же и ты мне свободу, позволь уйти к звездам, убей моих врагов, которые угрожают жизни тебе, Кулл из Атлантиды, и Валузии, королем которой ты стал благодаря мне».

Кулл взял из рук чародея протянутую чашу, не отрывая взгляда от морщинистого опухшего лица Раана. И вдруг оно начало таять, и черные очи под бровями с невероятным изгибом и обрамленные длинными ресницами взглянули на него. Необыкновенной красы девушка подмигнула Куллу, причмокнула маленькими губками и отодвинулась, плавно раскачивая безукоризненным телом, в странном танце без музыки. Она манила его рукой, звала за собой в клубящуюся позади нее стену тумана страсти. И Кулл, вытянув в направлении к ней руки, пошел, влекомый неизвестной дотоле, всепоглощающей страстью. Неземная красавица скрылась в тумане, Кулл бесстрашно вступил за ней в белесое ничто и, словно прорвав пленку, оказался в безжизненном поле, где тяжелое багровое небо нависало над ним и глаз резали черные остовы деревьев с голыми корявыми ветвями. Черная фигура в красном свете была уже далеко, и Кулл поспешил за ней по сожженной растрескавшейся земле. Фигура вдруг двинулась к нему, и атлант увидел, что у нее лицо... не лицо, а жуткая драконья морда с оскаленной пастью, редкой козлиной бородкой, доходящей до груди, и огромными широко расставленными ноздрями, из которых исходил серый пар. Кулл остановился как вкопанный, чудовищный человек вытянул к нему руки, и они вдруг стали расти, и варвар заметил, что вместо пальцев гибкие руки кончаются змеиными головами, пасти которых тоже были оскалены. Раздвоенные языки чудовища стремились к нему. Кулл хотел бежать, но ноги словно приросли к земле. Он не в силах был

даже пошевелить рукой, чтобы выдернуть из ножен верный меч, он не мог отвести взгляда, а змеи все приближались к нему под дикий хохот чудовища. Кулл попытался закрыть глаза, но и это ему не удалось. Низкое небо надвинулось с угрожающей быстротой, горизонт свернулся, и вот он, Кулл, стоял не в поле, а в жутком зале с массивными низкими колоннами, к которым были прикованы человеческие скелеты, и жуткие уродцы, сверкая выпученными желтыми глазами, визжали, плюясь ядовитой слюной. Колонны обвивали толстые змеи с мордами, увенчанными огромными рогами, гадины лениво смотрели на него своими тусклыми желтыми глазами, готовые в любое мгновение разинуть пасть и заглотить жертву целиком. Змеи-руки человека-чудовища обхватили бездвижного Кулла, повалили на землю, приподняли. Хохот становился все громче, заполняя весь мир, и вдруг резко прекратился. Резкой болью наполнились закрученные за спиной руки, и Кулл... проснулся.

Двое здоровых мужчин за ноги вытащили его и грубо бросили на землю.

Кулл хотел было выдернуть свой меч, чтобы рубить нагнецов, но ремни ножен были заранее благо-разумно срезаны — рука схватила пустоту.

Это его движение вызвало гром хохота у мужчин, сгрудившихся позади фургона. Брул валялся рядом, уже стряхнув оцепенение сна, но выжидающий удобного момента для атаки — он тоже был обезоружен.

Вокруг стояло пятеро мужчин, по одежде и неряшливо-бородатой внешности очень напоминавших вчерашних разбойников. Двое направляли обнаженные мечи на Кулла и его друга, четверо поигрывали тяжелыми топорами.

— Смотри-ка, Паук,— воскликнул кто-то,— а здесь не только сладкое вино, а еще и двое его потребителей!

— Так вино там есть или нет? — крикнул изда-лека неувлеченно знакомый голос.

Кулл огляделся. Первый фургон стоял перед преграждающим дорогу деревом, рядом валялись четверо молчаливых охранников маленького каравана, по их позам было совершенно ясно, что все четверо мертвы. С дерева прыгнул давешний главарь разбойников, Харкл-Паук, и мимо прижавшихся к огромным колесам купцов прошел ко второму фургону, возле которого лежали Кулл и Брул. Возле купцов, бледных от страха, стояли трое веселых разбойников, опирающихся на длинные древки своих топоров.

— О-о! Кого я вижу! — воскликнул Паук, посмотрев на пленников. — Есть, есть правда на земле! Друзья мои, — повернулся он к разбойникам, — это те самые паршивцы, что позавчера положили Кривоноса, Цаплю и прочих.

— Так убить их, чего время терять? — воскликнул кто-то.

— О, нет! — с наслаждением протянул Паук. — Так просто все для них не кончится. Привяжите их руками и ногами... к колесам. Сперва мыотрежем их гнилые яйца, потом покатаемся на фургоне, а чтобы им не скучно было умирать — споем им нашу любимую песенку. Но это потом. Пусть сначала подумают о своем позавчерашнем нехорошем поведении... Эй, так есть тут вино или нет, меня жажда замучила!

Один из разбойников забрался в фургон, остальные схватили Кулла и Брула, и, разведя им руки в стороны, крепко привязали к спицам огромных деревянных колес.

Харкл подошел к Куллу, внимательно посмотрел на него. Перевел взгляд ниже, заметил на шее золотую цепочку и, схватив ее, сорвал медальон. Всмотрелся в выбитое на золотом кружке символическое изображение морского дьявола. Усмехнулся и убрал безделушку в карман.

Кулл смолчал, понимая что все слова сейчас бесполезны. Брул выдавил ругательство на родном языке.

Разбойник ничего не понял, но со всех сил ударил пикта кулаком в живот.

— Я научу вас вежливости, хамы! — процедил Паук.

Он сейчас был хозяином положения и прямо-таки наслаждался этим.

Кулл не видел выражения лица друга, но догадывался, что тот чувствует то же, что и он сам. Надо же было так глупо попасться! Теперь разбойники отыграются за вчерашнее поражение сполна! Но сколько же их скрывается в горах и как быстро они перемещаются — видно им ведомы совсем уж дикие звериные тропы.

Кулл мысленно поклялся себе, что при первой же возможности его войска густым гребнем прочешут Южные горы, уничтожив скверну так, что и памяти о ней не останется.

Но для этого необходимо выбраться живым сейчас. Кулл едва заметно напряг руки. Что ж, веревки на правой руке можно порвать. Кулл попытался успокоиться и закрыл глаза. Его не мучило похмелье — король в этом отношении был могуч, но необходимы были минуты, чтобы собрать все силы и порвать путы с первого раза — второго, наверняка, не будет.

Тем временем разбойники выволокли из фургона одну из бочек и сшибли крышку. Невесть откуда взятым кубком зачерпнули великолепный на вид красный напиток и подали своему предводителю.

При всеобщем молчании Паук пригубил вино. Поцокал языком, словно для того, чтобы лучше распробовать, затем залпом допил.

— Достоин, — сказал он. — Эти жалкие толстяки не соврали. Эй, они заслужили пощады. Гоните их прочь, куда им вздумается! Гуляем, братва, налетай!

— А эти двое пусть висят? — спросил главаря один из разбойников.

— Они еще доставят нам сегодня удовольствие! — мстительно осклабясь, протянул Паук.

С кубком в руке он подошел к привязанным друзьям.

— Ну, что, герои? Жалеете небось, что позавчера не послушались моего совета? — кривляясь, произнес главарь разбойников. — Я же говорил, что никуда вы от Паука не денетесь. Настал мой час!

Трое разбойников немного сдвинули с места загораживающее путь дерево и пинками погнало толстых купцов дальше на дорогу.

— Да помогут вам Валка и Хотат! — расхохотались они им вслед.

Купцы, не оглядываясь, быстро потрусили прочь, словно и не оставляли в лапах разбойников свои товары.

— Эй-эй, — сказал один из разбойников, — как-то они странно бегут. А ну-ка стойте!

Купцы, не оглядываясь, перешли на бег. Это лишь раззадорило бандита. Он побежал за ними, довольно быстро догнал, грубо схватил одного из них за локоть и развернул к себе лицом.

— Что-то в тебе не так, купец, — произнес он, вглядываясь в испуганное лицо беглеца. Протянул руку к пышным усам и с силой дернул их. — Братцы, да ведь это ж баба! — закричал он.

Второй купец остановился, скорбно ожидая своей участи. Двое разбойников поспешили к нему на подмогу.

— Так тащи ее сюда! — весело откликнулись толпившиеся у бочки.

О Кулле и Бруле все, казалось, забыли. Кулл понял, что сейчас разбойники напьются вина, а потом набросятся на купца, который оказался женщиной. Сейчас все разбойники находятся рядом с ними. Наверняка, имея вино, грабители не будут убивать двух привязанных к колесам пленников, пока не повеселятся вволю. А вдруг будут?

Кулл решил не искушать богов и потерпеть. Для проверки осторожно напряг руку — порвать

веревку будет сложно, но при желании и если повезет — можно.

— Не двигайся, Кулл, — прошептал на языке пиктов Копьебой. — Сейчас они напьются, и я порву путы. Выведемся.

Кулл посмотрел в его сторону и кивнул, ответив на том же языке:

— Я сам об этом думал. Пусть пьют.

— Эй, второй купец тоже женщина! — донеслось от поваленного впереди дерева. — Ишь какие!

Пленниц раздели догола. Они оказались стройными, молодыми и красивыми. Их тела были лоснящимися от пота, что немудрено. Еще бы, в такую жару носить одежды, делавшие их похожими на толстых купцов.

— Что мы вам сделали плохого? — спросила одна, тряхнув гривой темно-медных волос. — Мы все вам оставили, вы же убедились, что в бочках действительно вино. Вы обещали отпустить нас живыми!

— Отпустим конечно, — загоготали разбойники. — Чуть позже, красотки.

— Что вы собираетесь с нами делать? — спросила вторая женщина.

Обе стояли спокойно, не стесняясь и не прикрывая руками свои прелести, словно были в полном облачении.

— А что делают с женщинами? — спросил Харкл-Паук, допив вино и передавая кубок разбойнику из своей ватаги. Он откровенно похотливо оглядел фигуры пленниц и вновь причмокнул. — Ими любят, и их любят...

— Всего-то! — воскликнула медноволосая. — А потом вы коней нам дадите?

— Если все будет хорошо, я вас лично отвезу куда захотите, милашки, — пообещал Паук.

— Тогда пейте вино, пейте, — улынулась вторая. — Мы согласны, если вы нас не убьете!

— Грех перед Валкой убивать красивых женщин,— сказал Харкл.— А этих двух вояк вы где подобрали, милашки?

— Да,— презрительно скривила губы вторая женщина,— подрядились нас охранять, а сами оказались пьяные. В фургоне с утра валяются, до сих пор не проспались. Да вы пейте вино, пейте.

Дружные одобрителные побрякивания и выкрики подтвердили, что все уже попробовали и что вино действительно добротное. Разбойники сгрудились у бочки и возле двух нагих красавиц.

— Сейчас? — прошептал Брул.

— Подожди,— сказал Кулл.— У нас будет одна-единственная возможность. Надо действовать наверняка.

Казалось, все разбойники не отрываю́т взгляда от двух женщин, кроме как если только для того, чтобы вновь зачерпнуть из бочки вина.

— Эй,— вдруг воскликнул один из тех, что привязывал Кулла к колесу, заметив, что пленники переговариваются между собой. И руками дергают, чтоб веревки распутать.

Паук отстранил женщину и, держа в руке кубок с вином, подошел к связанному Куллу. Придирчиво осмотрел веревки и крикнул:

— Выпей еще вина, Шишак, а то тебе мерещится то, чего и нет. Куда они от нас денутся? Пусть пока пожарятся на солнце. Хочешь вина, герой?

Паук ткнул краем кубка в губы Кулла. От удара из губы короля пошла кровь, по всему лицу потекло расплескавшееся вино.

Кулл посмотрел в глаза разбойника и плюнул ему в лицо.

— Ах, ты, гнида!..

Паук с силой врезал Кулла в грудь — тысяча солнц взорвалась в глазах атланта. Следующий удар был в подбородок. Легко попасть точно, когда противник привязан. Еще один удар пришелся в бок, где печень.

Кулл стиснул зубы, чтобы не застонать и не доставить разбойнику удовольствия.

— Считай это разминкой,— злорадно усмехнулся Харкл.— Но будет и полноценное представление. Некогда мне с тобой сейчас заниматься, есть дела поважнее. Кавалеры в первую очередь обслуживают дам. Но ты не расстраивайся, твой час придет. Погрейтесь пока на солнышке.

Солнце действительно палило нещадно, но ко всему привычные варвары не обращали на это внимания. Они ждали удобного мгновения, моля Валку и Хотата, чтобы послали шанс. Один-единственный. Все остальное они сделают сами.

— Да вы пейте вино, пейте,— все приговаривали, натужно улыбаясь, две женщины.

Паук подошел к фургону сзади, откинул полог и заглянул внутрь.

— Мухобой, Винтарь, ну-ка выкатите бочки оттуда,— приказал он.— Все там побываем. По очереди...

— Паук, что с тобой? — воскликнул один из разбойников, указывая на главаря.

— Что? О чем ты, Носарь? — удивленно спросил Харкл-Паук и вдруг схватился двумя руками за голову.

Волосинки с бровей летали в воздухе, как пушинки, волосы с головы посыпались, словно сено из-под шляпы огородного чучела.

— Давай! — шепнул Кулл Брулу, и друзья, напрягая мускулы, упираясь спинами в дерево колес, что есть мочи рванули путы.

Кулл порвал веревки на правой руке, как и предполагал, пикт — на обеих. Друзья упали, когда лопнули путы. Привязанные к колесам и за ноги, они встали в дурацких позах и, пока изумленные разбойники с ужасом смотрели на своего предводителя, быстро развязали путы на ногах.

Кулл сразу хотел кинуться на бандитов, но Брул дернул его за рукав, указывая на мертвых стражников с мечами в руках.

Несколько мгновений — и приятели были вооружены. Резко они развернулись к разбойникам.

— Отойдите... купцы! — крикнул Кулл.

Как обращаться к женщинам, он просто не знал, но раз уж подрядился охранять их за два куллашика, то обязан защищать. Так или иначе, ему надо было по-своему поговорить с этим Пауком, вырвать его вместе с паутиной из этих гор.

Его крик к купцам потонул в громком вопле ужа-са разбойников — кто-то упал, держась за живот, кто-то схватился за глаза, и меж пальцев его текла кровь, кто-то трясся, словно в безумной лихорадке. И все кричали от боли, кто визжал хуже женщины, кто рычал, как раненый тигр.

— Не подходите к ним! — закричала Куллу и Брулу одна из женщин, и обе отбежали от фургона. — Не подходите... — тихо повторила она.

— Что это с ними? — глухо спросил пикт.

— Это не вино, — сказала медноволосая. — Это — кровь Мертвых Богов. Мы везем его из Храма Мертвых Богов, куда простым смертным вход воспрещен...

— Стойте здесь, — жестко сказала вторая женщина и потянула подругу за локоть.

Обе скрылись в первом фургоне, но Кулл даже не обратил на них внимания, он не мог отвести взгляда от десятка разбойников, корчившихся подле бочки с таким притягательным на вид красным вином. Брул стоял рядом, сжимая в руке меч, — пораженный, он даже открыл от удивления рот. Подобного он не видел никогда в жизни.

Страшное зелье, такое сладкое на вкус, действовало на испивших его по-разному — кого-то адское пламя сжигало изнутри, и у него проступили на потемневшем лбу кровавые капли пота; у кого-то вытекли глаза, и кожа, словно отяжелев в тысячи раз, стекла вниз, оставив голый скелет с вываливающимися внутренностями.

Одного из разбойников раздуло до невероятных размеров, он стал похож на мыльный пузырь, и его оторвало от земли, приподняло на несколько ярдов, и, наконец, он лопнул забрызгивая ошметками фургон и окружающих; кто-то превратился в чавкающую кашу, потеряв всякую форму, и сполз в лужу.

Харкл-Паук, который больше всех успел выпить вина и с которым первым начались метаморфозы, уже совершенно не был похож на человека — черный, ставший вроде даже на голову выше, с горящими желтым огнем глазами (ну точно как во сне Кулла у уродцев между колонн), он сжимал в руке меч. С уголков его рта капала ядовитая тягучая слюна.

Он устался на Кулла и пошел на короля, приподняв меч для удара и не замечая, как с него кусками отваливается плоть.

Женщины, которые были переодеты купцами, выскочили из первого фургона, успевшие одеть какие-то странные широкие шаровары и куртки, плотно закрывающие шею и руки.

— Не вступай с ним в бой! — закричала медноволосая Куллу. — Отступи!..

Чудовище, некогда бывшее предводителем разбойников Харклом-Пауком, тупо и неумолимо надвигалось на атланта. Кулл поднял для защиты меч, взятый у мертвого стражника. Никудышный, надо сказать, меч, но все лучше, чем ничего.

— Бегите же! — закричали уже обе женщины, державшиеся на безопасном расстоянии и в любое мгновение готовые отбежать еще дальше. — Бегите, любое его прикосновение может оказаться смертельным!

Но Кулл не желал отступать. Тем более что Паук отобрал у него драгоценную реликвию, которую следует вернуть во что бы то ни стало. Да дело даже не в реликвии — пронеслось в голове варвара, — а в том, что он — король и не может позволить, чтобы такое чудовище шло по горам Валузии.

Кулл прыгнул вперед и влево, желая зайти чудовищу с тыла, но бывший разбойник неожиданно проворно развернулся и взмахнул клинком — металл просвистел в нескольких дюймах от груди Кулла.

Атлант не растерялся — подпрыгнул, одновременно нанося боковой удар, в который вложил всю силу. Обыкновенно после таких ударов голова врага слетала с шеи, но меч в руках атланта, словно ударился о камень и сломался. Кулла занесло по инерции, и он обеими ногами вляпался в жижу, в которую превратились некоторые разбойники.

Черный тощий гигант развернулся к нему — полуотрубленная голова висела на обугленной плоти затылком вниз. Чудовище вновь надвигалось на атланта.

Кулл боком выскочил из лужи, поскользнувшись в самый ответственный момент ему совершенно не улыбалось. Чудовище неотвратимо следовало за ним, словно жаждало отомстить за собственную смерть и смерть товарищей, тех, что погибли сегодня из-за подлого обмана лжекупцов, и тех, что положили вчера Кулл с Брулом и ныне погибшие трое Алых Стражей.

В руках у Кулла был лишь никчемный обломок меча. Но тут на помощь ему подошел Брул. Шепча губами уже не раз выручавшее «Ка нама каа лайера-ма!», пикт вонзил меч в спину чудовищу, на уровне сердца, и трижды провернул.

Из раны повалил дым, тело Харкла вдруг вспыхнуло холодным голубоватым пламенем и взорвалось — не так, как недавно человек-пузырь, а сжигая самое себя. Лишь грязный пепел разлетелся по воздуху.

В руке у Брула теперь тоже был лишь обрубок меча, оплавленный на конце.

Но и врагов не оставалось — жирные белые черви ползали по лохмотьям, кускам плоти и мерзкой плесени, что образовалась вокруг бочки со столь страшным зельем, которое по цвету и вкусу вполне можно принять за красное виноградное вино.

Кулл решительно подошел к этой мерзко воняющей луже, желая вытащить свой меч, который повесил на себя один из разбойников, превратившийся теперь в гнилую массу бесформенного желе. Две женщины подошли ближе.

— Надо закупорить бочку и закатить ее обратно в фургон, — сказала та, что выше ростом. — И отодвиньте дерево на дороге, нам не проехать. И поторопитесь, к закату надо успеть добраться до оазиса, а то ночевать придется в пустыне.

— Что все это означает? — спросил Кулл, дотянувшись до меча и стряхивая с него брызги мерзкой субстанции.

— Сейчас некогда объяснять, — проговорила женщина. — Мы все расскажем на привале. Поторопитесь. Идите, ~~ж~~то двигайте дерево, мы сами закатим бочку.

— Надо похоронить ваших охранников, — сказал Брул и крикнул: — Ку... Кузен Торнел, вон мой меч, прихвати его.

— Некогда их хоронить, — жестко произнесла высокая. — Надо как можно быстрее отправляться в путь.

— Почему вы нас не разбудили, когда заметили дерево? — спросил Кулл, дотягиваясь до меча Брула. — Все было бы иначе.

— Мы не успели, — ответила медноволосая. — Мы растерялись — все произошло так быстро. Мы приказали нашим охранникам слезть с коней и отодвинуть ствол, и тут со всех сторон налетели разбойники. Стражников убили сразу, всех четверых. О том, что вы спите во втором фургоне, мы, честно сказать, просто забыли. Слишком неожиданно все получилось.

— Но предложить отравленное вино вы сообразили...

Кулл отошел от огромной лужи останков и подошел к груде лохмотьев, которая когда-то была одеждой Харкла. Склонился над ней, ковыряя останки кинжалом — золото не могло сгореть даже в адском огне.

— Что вы копаетесь? Время дорого! — нетерпеливо сказала высокая.

— Вы не предупреждали нас, что везете волшебное вино, — продолжая копаться в гряде сожженной дряни, ответил Кулл. — И почему вы переодевались мужчинами?

— Женщинам слишком опасно путешествовать по этим горам — желающих напасть больше.

— Что-то вы не очень боялись, что вас затащат в фургон, — хмыкнул Брул.

— Если бы надо, мы все стерпели, — услышал он в ответ. — Фургоны дойдут до Грелимануса. Считайте, что ваше жалованье увеличено в десять раз и не давайте лишних вопросов.

Кулл наконец нашел искомое, посмотрел на повранную цепочку и убрал реликвию в жарман.

— Пошли, Гларн, отодвинем дерево, — кивнул он другу.

Они отошли и взялись за ствол.

— Что ты обо всем этом думаешь? — спросил короля Брул.

— Много чего, — напрягаясь, чтобы сдвинуть с места тяжелый ствол, ответил тот. — Во-первых, странно это все, таинственно. Но ответ, ниточка, за которую мы потянем, — Грелиманус. С такими переодеваниями, с отравленным вином и едут именно туда, где засели наши исконные враги! Да, такое вино — страшное оружие!

— Ох, — вдруг выдохнул пикт, — ведь этот Паук плеснул тебе его в лицо.

Кулл бросил дерево и быстро провел руками по лицу, ощупывая, все ли в порядке. Его не испугали бы и десяток громил с мечами в руках, но умереть такой смертью, как только что разбойники...

— Я ничего не чувствую, — с сомнением сказал Кулл. — Может, Раан спас меня, с такой настойчивостью угощая Вином Жизни? И во фляги ведь велел набрать...

— Точно! — радостно хлопнул друга по спине Брул. — Наверное, он все предусмотрел, этот жирный чародей. Что ж, будем знать, что у нас во флягах не простое вино, побережем...

Пока они возились с деревом, женщины, используя доску, что валялась в фургоне, с трудом, закатали бочку внутрь. Все четверо были измазаны в отвратительных останках погибших разбойников.

— Помыться бы, — мечтательно сказала медноволосая.

— Некогда, — ответила неуверенно ее подруга. — Да и нечем. Воды у нас не хватит. Увидим речку, остановимся. Торнел и Гларн, садитесь на первый фургон и правьте вперед. Дорогу знаете? Вот и прекрасно. Старайтесь ехать быстрее, но если еще раз увидите поваленное на дорогу дерево или что-то необычное, то...

— Мы знаем, что делать, — кивнул Кулл.

Друзья уселись на козлы первого фургона. Брул взял поводья и как заправский возница взмахнул кнутом.

Шестеро коней поставили между фургонами. Женщины ловко управлялись с ними и не отставали.

Кулл сидел рядом с Брулом и озабоченно чинил цепь.

— Надеюсь, все это воровское отребье погибло, — задумчиво проговорил король.

— Вряд ли, — ответил пикт. — Ведь где-то у них есть стоянка. Кто-то стережет ее, готовит обед... Но без главаря, думаю, долго они не протянут. Однако как они лихо оказались здесь — так далеко от того места. А ведь коней у них нет. Вот и верь после этого, что горы непроходимы.

— Разберусь с Грелиманусом, — не отрываясь от своего занятия, ответил Кулл, — пошлю войска в эти горы. Всех негодяев выкурю, чтобы и думать забыли грабить проезжих на дорогах Валузии, даже на контрабандистских тропах...

Какое-то время ехали молча, дорога была узкая, и Брул сосредоточился на управлении.

— Слушай, Кулл... А, ладно, они нас не слышат.

— Все равно не называй меня так,— попросил король.— И так эти лжекупцы очень подозрительны...

— Слушай, я много раз видел этот медальон на тебе. Но чем он так дорог?

— Старая история,— усмехнулся Кулл.— Долго рассказывать...

— Так ведь все равно путь долог,— удивился пикт.— Если, конечно, тебе неприятно рассказывать, то...

— Почему нет? — пожал плечами король.— Действительно, рассказ вдвое сокращает дорогу. Слушай.

Он не спеша, отвечая на вопросы друга, когда они возникали, рассказал, как юношей попал на лемурийскую пиратскую галеру, как Антишквизвал его на бой, как он поклялся выучиться мастерству владения мечом и убить Антиша, как погибла «Лорелла», как он спас капитана пиратов и как они расстались на северном побережье Валузии.

Солнце поднялось уже высоко. Горы вокруг были все ниже и ниже и как-то незаметно перешли в редкий лес. А его сменила пустыня. Пустыня за южными горами была не песчаная, как, например, печально известная пустыня Обжигающих Песков в Турании или пустыня Смерти в Верулии. Она была каменистой, одинокие скалы торчали тут и там, иногда даже попадались мелкие ручьи, возле одного из которых маленький караван остановился и все вымылись, выстирав одежду и натянув ее на себя мокрой, чтобы не задерживаться. На ветру и солнце она высохла моментально.

— Раз медальон у тебя,— вернулся к прерванному рассказу Брул, погоняя коней,— значит, ты убил того лемурийского пирата?

Кулл вздохнул.

— Я даже забыл о своей клятве,— признался он.— Да и не буду же я по всему миру искать пирата? Спер-

ва — просто не мог, воевал в Керамии и Турании... Потом стал королем, и вообще не до того было... Лемурийские пираты и так доставляли Валузии массу неприятностей, а за время царствования Борна, который разогнал Черные Отряды, совсем обнаглели... Вначале, конечно, я с Верулией разобрался — славный был поход, да. Ну а потом стал готовиться к войне с Лемурией, заново оснастил флот, сосредоточивал эскадру. Все шло как задумано. Пираты приняли бой в море, но мы разгромили их флот, Валка и Хотат нам помогли. Потом мы высадились, взяли несколько городов. Честно говоря, я и не собирался продвигаться дальше, но распускал слухи, что хочу завоевать весь остров и присоединить к Валузии. Ну и когда нам оставалось три дня до столицы, они прислали парламентаров — самых уважаемых граждан страны. Так вот, среди этих двенадцати оказался мой старый приятель — Антиш. Лет-то сколько прошло с нашего расставания, чуть ли не дюжина! Он меня не узнал — ну как он мог даже предположить, что его бывший гребец станет королем древней Валузии? Зато я его признал сразу. И напомнил о моей клятве. Он побледнел — судьба Лемурии для него оказалась важнее жизни самой. Он убрал руки за спину и сказал, что готов пойти на смерть. Но мне не это нужно было, я заставил его драться. Он-то думал, что я... Впрочем, он очень быстро перестал лишь защищаться, а перешел в наступление. Ну посуди сам, Брул: я, король, напросился на поединок — честный поединок — с парламентаром. Он не имел права отказать. А представляешь, он победил бы меня?

— Да он бы героем стал для своей страны! — воскликнул пикт.— О нем бы песни слагали.

— Вот именно,— хмыкнул Кулл.— Но победил я. Выбил меч из его рук и приставил свой клинок к его груди. Ты бы видел его глаза в это мгновение, Брул! В них не было жизни, он прощался с этим миром. Но ты знаешь, у меня уже не оставалось злости и желания его убивать. Я сказал ему, чтоб он убирался прочь,

а с остальными я буду разговаривать. Вот тогда он снял с шеи этот медальон и молча протянул мне. Для меня он мертв, я выполнил свою клятву, я победил его в честном бою. Хотя, наверное, он жив до сих пор. Как-то я слышал от послов, что он пользуется большим уважением на родине. Но для меня он — мертв.

— Да, я понимаю тебя,— кивнул Брул и задумался о чем-то своем.

День уже почти полностью уступил свои права вечеру, когда они наконец добрались до желанного оазиса. Самые отчаянные и бессовестные грабители не рискуют, опасаясь гнева богов, нападать на путешественников в этих островках жизни в просторном море камней и песка.

Мужчины разожгли костер, женщины достали из фургона провизию и вино. Брул толкнул Кулла, когда тот потянул руку за кубком, и подал ему свою флягу.

Женщины переглянулись, но промолчали.

Разговор не клеился. «Мы вам платим за то, чтобы вы охраняли караван, а не задавали лишних вопросов»,— ответили женщины на попытки друзей что-то узнать... Но сами они пытались выяснить — кто такие их новые охранники, где служили, чем жили...

Потом высокая женщина встала и протянула руку Брулу:

— Пойдем, Гларн, я приготовила нам постель во втором фургоне. А Самта пойдет с Торнелом.

Медноволосая Самта тоже встала и призывно улыбнулась Кулла.

— Я не хочу,— буркнул Кулл.— У костра переночую. Буду стоять на страже, вдруг кто нападет?

— Ты прекрасно знаешь, что никто не нападет,— улыбнулась женщина.— И хищников здесь нет. Или ты, как наш славный король Кулл, тоже неспособен на любовь с женщинами. Поговаривают, что правитель Валузии в битве отрубил мужскую гордость...

Брул едва сдержался, чтобы не хмыкнуть. Кулл резко встал.

— Хорошо,— не глядя на красавицу, произнес король.— Пойдем. Только потом не жалуйся. Сама напросилась.

Медногривая Самта рассмеялась, обхватила его за пояс и всем телом прижалась к Кулла. По телу мужественного атланта пробежала странная дрожь. От этой удивительной женщины исходили странные, вызывающие страсть, флюиды.

Звезды проснулись — чьи-то бессмертные души — в черноте неба и ласково смотрели, как Кулл помогает женщине забраться в фургон и залезает следом. Полная луна освещала поляну, и Кулл почему-то вспомнил, что в ночь, когда он познал плотскую любовь с Маржук, точно так же в небе застыла полная луна.

Кулл усмехнулся про себя, заметив, что бочки сдвинуты в дальней конец фургона, а перед ними расстелены шкуры.

— Закрой полог,— попросила Самта.

— Не надо. Я хочу видеть тебя.

— Как тебе угодно, милый! — улыбнулась она в темноте.

Кулл вздрогнул, услышав слово «милый». Точно так же его называла Маржук. У женщин что, других слов для мужчин нет?

Он взобрался в фургон и сел на шкурах. Женщина тут же принялась расстегивать на нем одежду. Кулл мягко отстранил ее.

Нет, раз уж разыграло самолюбие и он решил доказать этой вертихвостке, что силен не только в бою, он сам все сделает. У него не кружилась голова от близости великолепного женского тела — он чувствовал себя примерно так же, как на арене, выходя один на один против вооруженного, хорошо обученного гладиатора. Его никто не обучал науки любви, но раз поставлена задача, он ее выполнит. Он докажет ей,

что у короля Кулла есть все, что полагается иметь мужчине.

Ей-то он сейчас докажет, а народу Валузии, который распространяет о нем столь гнусные сплетни?

Есть лишь один способ — найти себе супругу и родить светловолосого наследника. Прав Раан, тысячу раз прав — для кого он печется дено и ношно, для кого старается, чтобы страна процветала? Для какого-нибудь Кануба, дальнего родственника Борна? Нет, ему нужен сын, который продолжит его дело...

Женщина аж мурлыкала от прикосновений его пальцев, желая быстрее освободиться от одежды, как горошина мечтает выскочить из стручка. Кулл же все делал не спеша и основательно, доводя женщину тем самым до иступления. Он вошел в нее, будто вогнал меч в грудь врагу.

Самта была податлива в его руках, как теплый воск, она стонала и двигалась в такт его движениям, а Кулл, закрыв глаза, сражался — но мысли его были не здесь, в фургоне, куда проникал мягкий свет луны через откинутый полог, и даже не в Грелиманусе, куда лежал его путь.

Мыслями правитель Валузии снова был в своем дворце, в Тронном зале, решая важный государственный вопрос: где взять подходящую супругу? Говорят, у императора Зарфханы дочери на выданье... Или поискать в Турании, где женщин воспитывают в строгости, приучая к покорности и богобоязненности, в отличие от вольнонравной Зарфханы? Нет, лучше всего тогда уж будет взять в жены какую-нибудь красивую девушку из знатного валузийского рода. Ведь многие кричат, что варвар сидит на троне древней страны... В таком случае неплохо жениться на дочери какого-нибудь верного сподвижника, вон у Балина младшая дочь уже скоро невестой станет. Мирам будет счастлив породниться с королем, для возвышения которого приложил столько стараний...

Самта закричала уж слишком громко, вся изогнулась под ним, сладострастный стон перешел в какой-то почти звериный рык. Ногти, что в экстазе царапали спину Кулла, вдруг впились слишком глубоко, оставляя кровавые следы, тело женщины напряглось, словно вбирало в себя силу и энергию партнера.

Кулла словно молнией пронзило, пред внутренним взором вдруг встало хихикающее лицо Раана.

Всю страсть как рукой сняло, Кулл открыл глаза, желая освободиться от объятий.

Женщина не переставала рычать. Ее лицо, искаженное гримасой страсти, было сейчас отталкивающим.

Но в следующее мгновение Кулл понял, что это не похоть так обезобразила лицо женщины, а что-то совсем другое.

И вдруг он увидел, что уши его возлюбленной заостряются, волосы словно вбираются внутрь. На таком симпатичном личике прорезаются жесткие рыжие волосики и стремительно выползают торчащие в стороны стрелки тигриных усов. Пасть разевается во всевозрастающем хрипе, который уже можно назвать тигриным рыком, жемчужные зубы на глазах превращаются в грозные клыки, а ногти все глубже впиваются ему в спину.

Если бы Кулл промедлил хоть несколько секунд, перевоплощение бы завершилось, и ему уже не выбраться было бы из могучей хватки тигриных лап. Смертоносные клыки уже были нацелены ему в горло.

Рыже-полосатая стремительная тень метнулась к нему, но атлант уже был готов: острый меч прервал прыжок оборотня.

Тигрица упала, вырвав из рук Кулла оружие. Смертельно раненная, в последнем яростном рывке бросилась она на нагого и безоружного атланта. Тигрице оставалось жить какие-то минуты, но и в эти минуты она могла утащить за собой в небытие смерти своего

обидчика. Не будь Кулл варваром, выросшим в горах дикой Атлантиды, так бы оно и случилось.

Но Кулл схватил приблизившуюся к его горлу пасть с оскаленными клыками, казавшимися желтыми в обманчивом свете луны, и стал рвать ее руками.

Противоборство двух природных сил — зверя и человека, двух начал — мужчины и женщины — закончилось в пользу атланта. Тигрица прорезала ночную тишину диким предсмертным ревом и свалилась бездыханной к ногам победителя.

Кулл опустил руки, тяжело дыша. Ноги дрожали от напряжения.

Он убил тигра! Нарушил священное табу. Кулл никогда в жизни не сражался с тиграми, считая их братьями. Но и тигры никогда не нападали на него, уходя в сторону. И вот он убил тигра.

Нет, это не настоящий тигр, а волшебница, принявшая его обличье!

Варвар — в который уж раз! — счастливо избежал неминуемой гибели. Если бы не видение Раана, тигрица не лежала бы неподвижно у его ног, а рвала бы клыками куски его мяса, добираясь до сердца.

И вдруг он чуть не задохнулся от неожиданной и все равно запоздалой мысли — Брул! Он же пошел с другой женщиной в первый фургон!

Кулл подбежал к черной громадине и порывистым движением откинул полог первого фургона.

Он услышал только страстные хрипы. Напрягая глаза, атлант всмотрелся — в темноте, спиной к нему, равномерно двигаясь, два тела — один человек сидел на другом.

И на спине «всадника» — явно женщины, спину пикта он бы узнал — уже начали проступать черные полосы, которые Кулл не мог спутать ни с чем!

У красавицы Копьебой метаморфоза едва лишь началась, успел вовремя!

Король не задавался вопросом, почему у этой женщины превращение началось так поздно — может, эти волшебницы могут перевоплощаться в тигриц лишь во время оргазма, а любовные игры у Брула затянулись, в отличие от всегда прямо шагающего к цели атланта.

Кулл ворвался в фургон, подбежал и схватил женщину мертвым захватом за горло, второй рукой обхватил за полную грудь и стащил с распластанного на спине и закрывшего от наслаждения глаза пикта.

Тот, почувствовав неладное, мгновенно схватил меч.

— Копьебой — это я, Кулл! — забыв о всяческой конспирации, закричал атлант.

— Ты что, обезумел? — разгневанно проорал пикт.

— Я спасаю тебе жизнь. Помогите мне выволочь эту тварь наружу.

Женщина в руках Кулла нечленораздельно ревела и хрипела, пытаясь освободиться от мертвой хватки варвара.

Вдвоем они вытащили ее на свежий воздух и за руки и за ноги подтащили к потухшему костру. Кулл, как и Брул, был обнажен. Некогда одеваться, если другу угрожает смерть. Но меч свой из убитый хищницы он выдернул и даже успел прихватить ножны. Забавное зрелище — нагой король с ножнами на боку. Но кто мог видеть его сейчас?

Женщина уже не вырывалась, обвисла бессильно в его руках и уже начавшие заостряться уши в свете луны стали приобретать прежнюю изящную форму. Видно, дурацкая мысль, что они перевоплощаются лишь во время плотской любви, была близка к истине.

— Разожги костер, Брул, — попросил Кулл.

— Да что случилось? — не выдержал старый преданный друг. — Ты сошел с ума?

— Ладно, — стараясь успокоиться, произнес Кулл. — Принеси веревки, ремни, что угодно, свяжем ее. Я потом все объясню.

Брул покачал головой. Но он за долгие годы привыкший доверять Куллу, и теперь выполнил просьбу. Кулл крепко-накрепко, зная какова сила тигров, связал бесчувственную женщину. Брул тем временем разжег костер. В ярком свете пламени никаких изменений у красавицы было уже незаметно.

Она, не открывая глаз, тяжело вздохнула.

— Ты мне объяснишь, что происходит, или нет? — потребовал ответа пикт.

— Пойдем, — кивнул атлант, — сам все увидишь.

Он взял из костра разгоревшуюся головешку вместо факела и пошел ко второму фургону.

Возле него лежала в луже крови обнаженная Самта, лицо было изуродовано до неузнаваемости.

— Кулл, да что с тобой? — воскликнул пораженный увиденным Брул. — За что ты убил ее? Ты сошел с ума — врываешься голый, с одним мечом, вяжешь женщину... Мне было так хорошо...

— Я не хотел, чтобы это «хорошо» стоило тебе жизни, — мрачно произнес Кулл, достал из фургона свою одежду и начал одеваться.

— Я ничего не понимаю, — произнес пикт, опасливо глядя на друга.

— Иди, оденься. Сейчас все поймешь, — ответил Кулл. — Есть у меня одна идея.

Он пошел к первому фургону вслед за Брулом и у костра поднял оставленный кубок. Вернулся к фургону с бочками, нашел ту, что неаккуратно вскрыли разбойники, и зачерпнул полный кубок.

Обнаженная красавица лежала, открыв глаза, руки были завязаны за спиной. Ничего тигриного в ней сейчас не было.

Кулл, держа в руках кубок с волшебным вином, сел перед ней на корточки и посмотрел ей в глаза. Прекрасное нагое тело его совершенно не интересовало.

— Будешь рассказывать, милая? — спросил он и чертыхнулся, поняв, что употребил то же слово, что

до того Самта. Совершенно в другом значении, но какая разница?

— Что рассказывать? — слабым голосом спросила она. — Не знала, что вы такие... Что можете связать слабую женщину, которая открыла вам свои лучшие порывы...

Кулл рассмеялся.

— Не на твоей ли стройной спине я видел тигриные полосы? Не я ли вовремя сорвал тебя с Брула, пока ты не растерзала его своими сейчас такими нежными ноготками и зубками?

— Что за чушь ты несешь! Вы... вы оказались еще хуже, чем те разбойники.

— Брул, посади ее, будь любезен.

Когда пикт выполнил ее просьбу, Кулл поднес к ее губам кубок, левой рукой взяв женщину за затылок.

— Вот здесь вино из ваших бочек, — почти ласково произнес атлант. — Если ты мне сейчас не расскажешь всю правду, клянусь Валкой и Хотатом, я волью в тебя всю эту мерзость до последней капли. У меня на спине остались раны от когтей тигрицы, в которую превратилась Самта! Ну, говори! Кто вы такие. Ну!

Кулл ткнул ей кубком в губы. Не так, как утром ему Харкл-Паук, а аккуратно, чтобы ненароком не причинить лишнюю боль. Кулл не привык бить женщин.

Глаза женщины расширились от ужаса. Она инстинктивно отшатнулась.

— Ты не сделаешь этого, — пролепетала она.

— Еще как сделаю! — заверил Кулл. — Вы совершенно равнодушно отнеслись к гибели четверых ваших солдат. Вы, притворно улыбаясь, обрекли на жуткую смерть десятков человек, пусть разбойников, жалости недостойных. И твоя подруга чуть не убила меня, превратившись в тигрицу. Так что можешь не сомневаться — я залью тебе в глотку это вино до последней капли, если не будешь меня слушаться. Ну?

— Убери от меня это,— с трудом произнесла она и закрыла глаза, словно сдаваясь.— Я все расскажу. Развяжите мне руки и дайте одеться.

— Ничего, потерпишь. Днем стояла перед грабителями голой, не стеснялась. А руки развяжу, если будешь говорить правду.

— Я буду говорить правду,— сказала женщина, не открывая глаз.— Спрашивайте.

— Кто вы такие? — сурово спросил Кулл.— Зачем и кому везете это волшебное вино в Грелиманус?

Уже одетый Брул с недоумением переводил взгляд с Кулла на нагую, связанную женщину, которая совсем недавно дарила ему любовь. Он еще до конца не верил, что благодаря Куллу избежал смертельной опасности.

— Я и Самта,— начала рассказ женщина,— из монастыря Тигра, в далекой южной стране Харкулии. Мы с ней — родные сестры из почти вымершего сейчас племени людей-тигров. Да, мы перевоплощаемся только когда познаем любовь, потом перегрызаем горло возлюбленному и обращаемся обратно в людей. Но мы ничего не можем поделать с этим — желание пожирает нас.

— Поэтому с вами было всего четыре стражника? — спросил Кулл.— С остальными вы предавались любви и убили их?

— Да,— после некоторого молчания призналась она.— Мы ничего не могли поделать, это сильнее нас. Это зов нашего древнего племени.

— Хорошо,— кивнул Кулл,— но как вы оказались в Валузии?

— В нашем монастыре около дюжины таких, как мы с Самтой,— ответила женщина-тигрица.— Нам все время нужны рабы для любовных утех. Они стоят денег. Настоятельница, тоже из нашего племени, приказала нам отправиться в Валузию, в Храм Мертвых Богов, что у самой тропы, по которой мы ехали... Это расположено...

— Мы знаем сгоревший Храм, проезжали мимо много раз,— кивнул Кулл.— Продолжай...

— Простые люди обходят это место стороной, оно считается проклятым. Действительно, над Храмом властвуют могучие силы, нам неизвестные, никому не подчиняющиеся. Почему-то только люди моего племени, которых осталось не так и много и все живут в нашем монастыре, могут подолгу находиться в Храме Мертвых Богов. Видно, те боги были покровителями моего народа — умерли боги, почти вымерло все племя, уцелевшие скрываются в заброшенном монастыре, в труднопроходимых джунглях Харкулии. Если обыкновенное вино простоит в Храме Мертвых Богов, в подвале, тринадцать раз по тринадцать дней, оно превращается в кровь умерших божеств. Если всего лишь каплю капнуть этого вина в воду или во что угодно и дать выпить,— она с опаской покосилась на кубок, который Кулл по-прежнему держал наготове,— то человек становится послушным рабом того, кто с ним заговорит первым. Или, это уже не в моих силах, вино можно заговорить. Но для этого нужен опытный чародей. А если вино просто выпить неразбавленным... Вы видели, что происходит.

— Те четверо стражников,— спросил Кулл,— вы дали им разбавленного кровью Мертвых Богов вина и подчинили себе?

— Да. А что нам еще оставалось делать? Где было взять охранников для трудного путешествия и...

— И что?

— И любовников.

Кулл хотел сплунуть от отвращения, но сдержался. Нет, эти женщины имеют отношение к благородному племени тигров только внешне.

— Кому вы везли бочки в Грелиманусе? — продолжил он допрос.— И что в сундуках первого фургона?

— В сундуках — земля из подвалов Храма Мертвых Богов. Для чего она служит — я не знаю. Честно, не знаю.

— А кому вы должны были передать все это?

— На улице Птичьих Хвостов в Грелиманусе стоит дом аристократа тор-Хаеца. Его самого я в прошлый раз не видела. Нужно сказать пароль часовому у ворот, и выйдет доверенный слуга, он произнесет отзыв и возьмет груз. В наш монастырь отправится партия рабов.

— Значит,— задумчиво произнес Кулл,— тебя там знают в лицо и знают, что именно ты с сестрой должна привезти груз?

— Да. Развяжите мне руки, вы обещали.

— Подождешь. Пойдем, Брул, в сторонку, поговорим.

Они отошли от костра.

— Ну, теперь ты убедился? — спросил король.

— Да, Кулл. Извини за мои подозрения. Но что ты предполагаешь делать с ней? Убить?

— Я считаю, что сам Валка послал ее нам. Мы едем в Грелиманус к этому тор-Хаецу. Мы теперь — купцы.

— Но ты не знаешь пароля, а женщина может солгать,— возразил пикт.

— Что ж, мы сейчас проверим ее слова.

— Как? — поинтересовался Брул.

— Увидишь. Набери в колодце кубок воды.

— Ты хочешь использовать ее и убить?

— Использовать да, а насчет убивать — там видно будет...

— Но она — женщина... — пытался было возразить Брул, но Кулл жестко перебил его:

— Не забывай, если бы не счастливая случайность, сейчас ее зубки рвали бы тебя на куски.

Брул молча кивнул в знак согласия.

— И еще,— Кулл положил другу руку на плечо.— Человек, который убивает других не в честном бою, а

ради удовлетворения своих потребностей, в данном случае — похоти, является преступником по всем законам и должен быть казнен. Я прав?... Все, Брул, иди за водой.

Кулл вернулся к костру. В пляске язычков пламени обнаженная женщина была прекрасна, но Кулл не обратил на ее прелести никакого внимания.

Брул подал кубок с водой, Кулл взял в левую руку кубок с отравленным вином.

— Жить хочешь? — спросил король у пленницы.

Она тяжело вздохнула, посмотрела на него с ненавистью, поняла, что взгляды и мольбы правителя Валузии не разжалобят.

— Что вы еще хотите от меня? — спросила она наконец.

— У тебя есть выбор,— сказал Кулл и капнул каплю вина — единственную маленькую каплю — в кубок с водой.— Выбирай. Этот кубок или этот. Во втором случае — будешь жить. И когда-нибудь доберешься до своего монастыря в джунглях.

Женщина облизала вмиг пересохшие губы. Кулл терпеливо ждал. Брул подбросил в костер еще сухих веток.

— Нет,— наконец выдавила она.— Лучше убейте меня сразу. Пронзи мечом мое сердце.

— Это было бы слишком быстро для тебя и слишком легко. Нет, ты будешь жить. Брул, положи ее и поддержи голову, чтобы не брыкалась.

Пикт выполнил просьбу друга и двумя пальцами зажал нос женщине, с которой совсем недавно познал блаженство плотской близости. Она, чтобы не задохнуться, судорожно раскрыла рот. Кулл медленно влил ей в рот воду, разбавленную кровью Мертвых Богов.

Женщина попыталась дернуться, но Кулл с пиктом крепко держали ее.

— Не рыпайся, хуже будет,— почти ласково сказал Брул.

Она, захлебываясь, выпила отравленную воду.

— С этого мгновения,— торжественно и громко произнес Кулл,— ты будешь подчиняться только мне и Брулу. Ты поняла меня?

Женщина сглотнула и произнесла:

— Да...

— Брул, развяжи ее,— попросил атлант. И когда Копьебой выполнил распоряжение, произнес: — Встань! Брул, как ее зовут-то?

— Вапра.

— Встань, Вапра.

Женщина беспрекословно встала. Лицо ее казалось застывшим, как лица тех четверых стражников — будто маска надета.

— Отвечай, кому ты теперь беспрекословно повинешься? — спросил атлант.

— Тебе и Брулу,— глухо ответила она.

— Держи кинжал.— Король протянул ей оружие.— Вонзи его себе в сердце.

Брул удивленно посмотрел на друга, но Кулл беспечно отмахнулся.

Женщина взяла из рук атланта кинжал, перехватила поудобнее и стремительным движением пыталась вонзить себе под левую грудь.

Но смертоносное движение клинка остановил Кулл — готовый к этому. Он схватил Вапру за кисть.

— Все, я отменяю приказание,— произнес он.— Садись.

Она покорно села в траву.

— Какой пароль в доме тор-Хаеца?

— Змея не кусает тигра,— таким же отстраненно-глухим голосом ответила Вапра.

— А отзыв?

— И тигр обходит змей.

— Вот и прекрасно,— хлопнул в ладоши Кулл.— Иди, Вапра, оденься и ложись спать в первом фургоне. Утром отправляемся дальше.

Вапра встала и с безучастным видом пошла к фургону.

Брул с вождением посмотрел ей вслед.

— Слушай, Кулл,— задумчиво произнес пикт,— может, сейчас, когда она повинуется нам, можно... продолжить?

Кулл сочувственно усмехнулся и сказал:

— Природа нам не подчиняется. Лучше тебе потерпеть до того времени, как вернемся в столицу. Попросишь Ка-ну, он тебе десяток лучших красоток пришлет — на любой вкус. Все, Брул, иди спать, завтра рано вставать.

Брул с сожалением вздохнул.

Глава седьмая ЖИВОЙ МЕРТВЕЦ

Нустыню маленький караван миновал почти без приключений. Не считать же приключением то, что колесо второго фургона слетело с оси, а одна из бочек с драгоценной жидкостью упала и выкатилась из фургона — та самая, плохо закупоренная; Брул и Кулл долго чесали затылки, как поставить на место это колесо. Но тут один из коней, что бежали между фургонов, мучимый жаждой, подскочил к пролитой из бочки лужице и напился. Друзья узнали, что на животных кровь Мертвых Богов действует так же, как на людей, и Брул даже предложил на стоянке напоить всех оставшихся коней разбавленной кровью Мертвых Богов водой — чтоб слушались как следует!

На четвертый день путники выехали на торговую дорогу, ведущую из Турании, через Малые Княжества, в Валузию, и дальше, в обход Южных гор, на запад в Верулию. От нее отходили две дороги: на восток — в Залгару, и на север — к морю.

Через день Брул повернул коней на оживленную дорогу из Хрустального города в Залгару, которая проходила через самый восточный город страны — Грелиманус.

Эта дорога была важной торговой артерией Валузии, и по ней постоянно курсировали хорошо воору-

женные воинские патрули. Они следили, чтобы на дорогах не баловали лихие люди. Купцы здесь, как и вообще на дорогах древней Валузии, чувствовали себя вольготно и в безопасности. Правда, развлечения, что им предлагали в придорожных гостиницах, и налоги за хорошие дороги сильно облегчали кошель, но никто не жаловался: от развлечений можно и отказаться, а налоги... разбойники берут обычно вообще все. В Залгаре например, через которую пролегал путь в Грондар — страну далекую и неведомую.

В дне пути от Грелимануса, располагался известный всем бывалым и торговым людям постоялый двор под гордым названием «Король Львов», прозванный в народе «Львиной берлогой». Когда-то по указу Кулла, заботящемуся о главных дорогах страны, здесь в заброшенной во времена царствования Борна деревни, названия которой уже никто и не помнил выстроили небольшой постоялый двор. Место оказалось крайне удачным — все, выезжающие из Грелимануса как раз к вечеру добирались сюда. Теперь этот постоялый двор больше напоминал маленький городок с собственными законами. Для лошадей и рабов был выстроен просторный сарай двадцати ярдов в ширину и чуть ли не ста в длину. Огромный двор вмещал до двух сотен телег, карет и тяжелых фургонов. Для гостей отстроили здания с многочисленными комнатами, и особое здание для гостей знатных — ведь сам король Кулл как-то останавливался здесь по дороге в Залгару. Три огромных зала предназначались для столовых, чтобы гости могли скоротать вечер, в каждом зале играли музыканты, готовые к любви проститутки скучали у стоек, ожидая клиентов. В городах приезжие рассредоточивались в разных гостиницах — по рангу и финансовым возможностям, а здесь все вынуждены были ночевать на одном постоялом дворе. За десяток лет существования «Короля Львов» через него прошли многие тысячи купцов, военных и просто путешественников из всех стран мира — любое

наречие можно было услышать в обеденном зале. Сотни людей жили здесь постоянно, и всем известный хозяин «Львиной берлоги» Конопатый Крил-ха, изо дня в день улыбавшийся гостям, содержал за свой счет отряд воинов, которые, исполняя указ короля, патрулировали дорогу. Безопасность гостей сторицей окупала расходы. Кроме того, приходилось держать крепких мужичков, чтобы успокаивать загулявших гостей и пресекать драки на корню. А уж сколько нищих бродяг и побирушек ошивалось в округе, ночуя в конюшне,— и не сосчитать.

Знал бы Конопатый Крил-ха, что в простых одеждах, без свиты, со сбритой бородой (правда, уже вылезла рыжеватая щетина), в его гостиницу вошел сам король Кулл, все бросил бы и помчался встречать дорогого гостя. Но Кулл незамеченным вошел в главный обеденный зал, где выбрал столик в самом темном углу. Брул с Вапррой отправились загонять во двор фургоны и договариваться о комнатах.

Подъезжая на фургонах к «Львиной берлоге», Кулл заметил двух благородных всадников, направляющихся со стороны Грелимануса в столицу. Один из них показался Куллу знакомым, и теперь атлант смотрел на дверь в ожидании — не появится ли тот, чтобы убедиться в своей правоте или признать ошибку.

На улице было еще светло, но зал был полон почти наполовину. Все время заходил народ, к вечеру, видно, за столами свободных мест не будет вообще. За длинным столом неподалеку от Кулла гуляли, видно с утра, верулийские купцы, горланя почти на весь зал свою застольную песню.

Заметив сидящего в одиночестве воина (меч выдавал род занятий Кулла, а одежда и лицо с точностью позволяли судить, что он — вольный искатель приключений, желающий подороже продать свою жизнь и умение владеть оружием), девицы у стойки пошептались о чем-то, и наконец одна из них двинулась к Куллу.

— Что желает дорогой гость? — игриво улыбнулась она, обнажив ряд не слишком уж белых зубов.— Провести вечер в хорошем женском обществе? Всего полкуллашика, и удовольствие я гарантирую. Так чего хочет дорогой гость?

— Я желаю пожрать,— довольно грубо ответил Кулл. Так, по его мнению и должен отвечать наемник.— Иди прочь отсюда... Хотя... Попроси принести чего-нибудь погорячее.

— Горячее меня ты никого не найдешь,— с некоторой обидой произнесла девица.

В этот момент к столу Кулла подошли Брул и Вапра и сели на деревянные стулья. Пикт с улыбкой на лице посмотрел на друга и девицу.

— Фу, — скривила губы девка,— у вас тут собачья свадьба...

Кулл не обратил на ее слова ни малейшего внимания.

— Все в порядке? — спросил он у Брула.

— Да,— ответил пикт.— Тут у них сегодня все переполнено, а в номера для знатных, сам понимаешь, я соваться не рискнул. Пришлось снять на троих шестиместную комнату в купеческом здании. Ты заказал ужин?

— Нет еще, сходи к стойке, распорядись. И вина какого-нибудь. Лучше слабого верулийского...

У них у обоих были почти полные фляги Вина Жизни, из волшебной пещеры чародея Раана, но трагично драгоценный напиток просто так не хотелось.

Наконец им принесли еду, и они насытились, Вапра ела все с тем же отрешенным видом — что говорят, то и делает. «Страшная все ж штука, эта Кровь Мертвых Богов», — в который раз подумал король.

Он ел, все время поглядывая на вход в огромный зал, откуда вели двери в два других зала, один из них был сейчас закрыт — тот самый, где ужинал король, когда останавливался по дороге в Зафхану.

Наконец Кулл увидел, кого хотел, и кивнул другу:

— Посмотри, не тот ли это юноша, что не пил вино на празднике Хотата и не хотел со мной сражаться?

Брул всмотрелся.

— Да, тот самый. Как его зовут-то? Забыл...

— Хеерст из рода Дракбары. Сходи, пригласи за наш стол, я хочу поговорить с ним. Что-то второго не видать. Того, что был в шлеме...

Многие знатные рыцари, если по каким-либо причинам, не хотели быть узванными, то в дороге носили шлемы с опущенным забралом, и это никого не удивляло. Но сейчас спутника юноши в зале не было.

Хеерст стоял у входа, осматривая зал и решая, куда бы ему сесть, чтобы поужинать. Свободных мест в зале уже совсем мало...

Через минуту юноша в сопровождении Брула подошел к столу и сел. Пикт за спиной юноши показывал королю какие-то странные знаки: скорчил вытянутую рожу и провел перед нею сверху вниз ладонью — словно одевал незримую маску.

И Кулл вдруг понял, что хотел показать друг, — лицо у юного аристократа было таким же застывшим, как у Вапры.

— Садись рядом со мной, Хеерст из рода Дракбары, — сказал Кулл и показал юноше на место пред собой.

— Кто вы, добрые люди, и чего хотите от меня? — глядя перед собой, спросил тот. — И откуда знаете мое имя?

— Всмотрись в мое лицо внимательнее, — приветливо улыбнулся Кулл. — Неужели ты не узнаешь меня?

Хеерст посмотрел на светловолосого соседа. В глазах его мелькнула какая-то искра жизни.

То ли Кулл предполагал, что произойдет в следующее мгновение, то ли реакция у него действительно была быстрее, чем у всех прочих смертных.

— Ты — король Кулл, кровавый диктатор! — прошипел юноша. — Умри же, пожиратель младенцев!

Никто в огромном зале не заметил, как сверкнул узкий кинжал, устремляясь в сердце Кулла.

Брул перегнулся через стол, стараясь помешать убийству, но Кулл уже перехватил левой руку кисть юноши — кинжал почти коснулся груди.левой рукой Кулл схватил убийцу за волосы и запрокинул лицо юноши назад.

— Все равно ты умрешь, диктатор, проклятый своим народом, — тем же глухим голосом произнес Хеерст.

К столу подошел огромный детина и сумрачно посмотрел на них:

— Что у вас происходит? — спросил он, готовый умирять буянов.

— Все в порядке, — поспешил сунуть ему в руку монету Брул. — Мы так отдыхаем. Но ведь мы не мешаем другим гостям?

Кулл продолжал держать Хеерста за волосы, но руку с кинжалом увел под стол, чтобы не было видно. Вапра с безучастным видом пила вино.

— Смотрите у меня, что б все тихо было, — произнес работник постоянного двора, отвечающий за порядок в зале, бросил на них испытующий взгляд и отошел.

— Брул, у тебя во фляге еще осталось Вино Жизни? — спросил Кулл и, заметив утвердительный кивок, попросил: — Капни в пустой кубок и дай глоток этому юноше. Нет, налей немного больше... Вот так. Пей, Хеерст из рода Дракбары. Твой отец отдал за меня жизнь, пей в память о нем.

Юноша сделал несколько глотков. Кадык его судорожно задергался. Струйка вина потекла по шее. Он допил все, что было в кубке, и несколько раз моргнул. По телу пробежала едва заметная дрожь.

Кулл отпустил его волосы. Юноша перевел удивленный взгляд с Брула на короля. Потом посмотрел на до сих пор зажатый в руке кинжал — король крепко держал его за запястье.

— Что со мной? — взволнованным тоном, совсем другим, что за минуту до этого, произнес Хеерст, сын Дракбары. — Что со мной было? Словно пелена с глаз упала... Я хотел вас убить, да? Мне нельзя после этого жить! Какой позор на мой род, нет, я себе этого не прощу! Убейте меня прямо сейчас! Или я сделаю это сам!

— Успокойся, Хеерст, — мягко сказал правитель Валузии. — Ты был околдован. Мы увидели это сразу, по выражению твоего лица. Тебя опоили вином, в которое подмешали Кровь Мертвых Богов. Посмотри на нее, — кивнул атлант на сидевшую напротив Вапру. — Она околдована тем же и безоговорочно выполняет распоряжения человека, который дал ей отраву. Смотри, она выполнит мое любое, самое идиотское, приказание. Вапра, встань и раздешься прямо здесь перед всеми!

Женщина отставила кубок встала и стала снимать одежду.

— Убедился? — спросил Кулл у юноши.

Тот подавленно кивнул.

— Все, Вапра, прекрати.

Женщина замерла.

— Оправься и садись на место. Вот, Хеерст, видишь, что делает отравка? Тебе, видно, приказали убить меня и отправили в Хрустальный город?

— Да! — Юноша был бледен от волнения. — Я сейчас... Я словно проснулся от кошмарного сна. Все, что случилось со мной за последние дни, — все как в тумане...

— Мне очень важно, — сказал Кулл, — чтобы ты постарался все вспомнить. Ты окажешь мне этим огромную услугу.

— Я готов отдать за вас жизнь!

— Знаю, — кивнул король. — Как и я ради Валузии, которой служим мы оба. Вот поэтому ты все вспомнишь.

— Сейчас, — медленно проговорил сын Дракбары, память о котором была дорога Куллу. Грудь

юноши вздымалась. От волнения пот выступил на лбу. Прядь черных волос упала на глаза, но он этого не замечал. — Сейчас... Дайте что-нибудь попить.

Брул тут же пододвинул к нему кубок с кислым верулийским вином. Юноша жадно выпил все до последнего глотка. Поставил кубок, набрал полную грудь воздуха, словно бросался с обрыва, и сказал:

— Я готов рассказать все, что знаю. Но лучше вы спрашивайте, что вас интересует.

— Все, — усмехнулся Кулл. — Рассказывай с самого начала: как приехал в Грелиманус, что видел?

Юноша задумался, вспоминая, и вдруг вскочил с места, Кулл едва успел ухватить его за пояс и усадить обратно.

— Мне надо немедленно вернуться в Грелиманус! — порывисто выдохнул Хеерст. — Завтра на рассвете Фейра, моя возлюбленная, будет принесена в жертву Великому Змею!

— Это точно? — переспросил король.

— Да, точно! Отпустите меня, умоляю. Я погибну вместе с ней! Без нее мне все равно не жить!

— Мы поедем в Грелиманус вместе, — объявил Кулл. — Но сперва ты все нам расскажешь, чтобы мы могли придумать хоть какой-нибудь план, чтобы спасти твою возлюбленную.

— Ваше Величество, — быстро заговорил юноша, — но почему вы с Брулом в таком обличье и здесь, среди купцов и бродяг, а не в королевском зале? И вы же отправились в Верулию! Я ехал туда за вами по приказу Тулсы Обреченного!

— Тише, — усмехнулся Кулл. — Меня сейчас зовут Торнел, а его — Гларн. Мы едем в Грелиманус и совсем не хотим быть узванными раньше времени. Мы должны узнать, что там, дьявол побери, происходит! И ты поможешь нам в этом.

— Я сделаю все, что скажете, мой...

— Торнел, — оборвал его король.

— Да, Торнел,— кивнул Хеерст.— Прошу прощения... Я не могу сидеть спокойно, когда там...— Юноша заметил насупленный взгляд Кулла.— Все, все, я расскажу с самого начала. Я вспомнил.

Брул вновь наполнил его кубок вином, чтобы он успокоился, а потом заговорил.

— Я примчался в Грелиманус и отправился сразу в дом деда моей невесты. Меня тогда поразило странное выражение его лица. Оно было таким же, как сейчас у нее,— Хеерст кивнул на Вапру.— Но я не придавал этому значения. Приер гора-Марин сказал, что Фейра с охранниками отправилась погулять за город, и предложил мне отобедать с ним. За столом я рассказал о событии, происшедшем в вашем зале в праздник великого Хотата. Гора-Марин сказал, что мы отправляемся в гости и там я снова расскажу об этих последних столичных новостях и о смерти семи известных всему Грелиманусу аристократов. И мы отправились в дом тор-Хаеца... Видно, там и опоили меня колдовской отравой... Все остальное я помню, как в тумане, я перестал быть самим собой. Я видел Фейру, которую держали в заточении, в ожидании праздника Змея, чтобы принести ее в жертву... И этот праздник — завтра на рассвете...

Он судорожно вздохнул, но взял себя в руки и продолжил:

— Я ходил в их подземный храм, Тулса Обреченный и Великий Змей околдовали всех жителей Грелимануса. Всех, кроме Фейры. Она должна умереть с незамутненным рассудком...

Он закрыл лицо руками, плечи его затряслись.

Кулл положил руку ему на плечо.

— А куда ты направлялся сейчас и кто твой спутник в шлеме с закрытым забралом? — спросил король.

— Я? — Юноша влажными глазами посмотрел на атланта.— Я ехал за вами в Верулию, чтобы якобы доложить вам о том, что в Грелиманусе все в порядке, и, пользуясь вашим благорасположением, зако-

лоть кинжалом! Валка великий, какое счастье, что вы не позволили мне этого сделать!

— Кто твой спутник? — настаивал Кулл.

— Спутник? — переспросил Хеерст, думавший в это мгновение совсем о другом.— Это — Тулса Обреченный. Когда шпионы доложили, что вы со всей свитой и советниками отправились в Верулию и уже достигли Дапреза, Тулса Обреченный решил поехать в Хрустальный город, чтобы в ваше отсутствие склонить на свою сторону как можно больше аристократов. Скорее всего, он собирался и их тоже опохмелить своим колдовским зельем.

— Так Тулса Обреченный сейчас здесь? — спросил Кулл.

В глазах короля зажегся мстительный огонек.

Однажды Тулса Обреченный чуть не погубил его, представившись рабом Китулусом, и за древнюю кошку Саремес чревоуещал, что якобы Брул, купаясь в Запретном Озере, был утащен водным чудовищем. Брул и не подозревал об этом, охотясь в лесах за оленем, а Кулл помчался к Запретному Озеру и чуть было не погиб в нем. Вернувшись во дворец, король схватил чародея, и подоспевший Брул вонзил ему меч между ребер так, что клинок вышел из спины. Но он не смог убить злого колдуна, который погиб человеческой смертью тысячи лет назад. Тулса Обреченный тогда, пообещав еще вернуться и отомстить, прошел сквозь стены дворца и исчез.

Вот Валка и свел их снова.

— Да,— кивнул Хеерст.— Тулса Обреченный сейчас здесь. Мы с ним остановились в одной комнате. Он не нуждается в приеме пищи и отправил меня ужинать одного. Но я не хочу есть. Отпустите меня. Мне нужно спешить в Грелиманус!

— Туда мы отправимся вместе,— повторил Кулл.— Вапра, иди во двор, запрягай наши фургоны. А мы,— он посмотрел на Брула,— навестим нашего старого знакомого. Веди нас, Хеерст.

Брул расплатился и догнал их уже на пороге здания, где ночевали знатные путешественники. Хеерст остановился перед одной из дверей и кивнул Куллу. Тот жестом показал, чтобы юноша постучал в дверь.

— Кто там? — донесся в ответ на стук голос, словно исходящий из мрачных глубин небытия.

Кулл с Копьебоем и раньше уже слышали этот голос, но вновь непроизвольно вздрогнули.

— Это я, Хеерст,— по знаку атланта сказал юноша.

Скрипнула задвижка, дверь медленно отворилась, и друзья увидели, что Тулса Обреченный, уже без доспехов, лежит в постели. Он распахнул дверь силой взгляда или какой-то другой магией.

— Что за бродяги с тобой, Хеерст? — спросил Тулса Обреченный. Столетия назад он умер как обычный человек, но не нашел успокоения, поскольку злоба его была слишком велика.— Зачем ты их привел ко мне?

Кулл рукой отстранил юношу и сделал шаг вперед.

— Неужели ты не узнаешь меня, Тулса Обреченный? — с усмешкой спросил правитель Валузии.— Ведь я твой главный враг из всех ныне живущих?

Мгновение — и Тулса Обреченный уже стоял у кровати. Как он это сделал, друзья не увидели.

— Кулл? Ты должен быть уже в Ветурии...

— Но я здесь,— усмехнулся король.— И я убью тебя, чтобы ты не осквернял мерзким дыханием и пакостными интригами мою страну. Возьми меч и прими бой, как подобает воину, раз ты вырядился в рыцарские доспехи.

— Я... Ненавижу тебя, но не могу убить собственными руками. Хеерст — убей его!

— Я больше не в твоей власти, колдун! — запальчиво воскликнул юный аристократ.— Я готов жизнь отдать за моего короля!

— Я пронзил тебя в сердце однажды,— процедил Брул,— но не это было твоим уязвимым местом. Может, так получится?

Копьебой выхватил свой изогнутый меч, какие делают только на пиктских островах, и, подскочив к чародею, молниеносным движением снес ему голову.

Обезглавленный колдун так и остался стоять. Его мертвая голова с живыми, горящими адским пламенем глазами откатилась на три шага, остановилась и расхохоталась.

— Неужели, глупцы, вы думаете, что меня можно убить мечом? — произнесла отрубленная голова.— Много лет назад меня уже убили, но ничего этим не достигли. Где тот поганый чародей Гаан, что обрек меня скитаться в мертвом теле? Нет его. А я — есть. И буду всегда, пока не пробьет мой час! Никто в мире не знает, когда это случится.

Зрелище было довольно жуткое, Хеерст не выдержал, отвернулся к стене, его стало тошнить.

Обезглавленное тело начало двигаться к отрубленной голове.

— Сделай же что-нибудь, Кулл! — воскликнул Брул и взглянул на идеально чистый — без каких-либо следов крови — меч в своей руке.— Может, разрубим его на маленькие кусочки и разбросаем вдоль всей дороги?

Голова вновь расхохоталась:

— Мне даже интересно послушать, что вы сможете придумать с вашими ослиными мозгами! Какая досада, что я не могу убить вас лично. Но очень скоро с вами будет покончено. Змей выйдет из укрытия и убьет тебя, Кулл из Атлантиды! И даже памяти о тебе не останется в Валузии, потому что некому будет помнить. Змеелюди вновь станут править миром!

— Я еду сейчас в Грелиманус, чтобы разворошить поганое гнездо! — процедил Кулл.— А что делать с тобой — я знаю!

Он быстро сорвал флягу с Вином Жизни, откупорил ее и брызнул на обезглавленное тело живого мертвеца.

— Нет! — закричала голова, когда первые брызги оставили огромные выжженные дыры в мертвом теле.— Нет!

— Твой час пробил,— мрачно сказал Кулл, сделал два быстрых шага к валявшейся голове и щедро полил ее из фляги.

Череп лопнул, как гнилая тыква,— внутри он оказался пустым, поросшим по стенкам какой-то гадостью вроде длинного спутанного мха.

— Нет! — еще гремело эхо жуткого крика мертвеца, а череп его уже растаял под каплями волшебного Вина Жизни и превратился в лужицу грязи, напомнившую ту мразь, в которую превратились разбойники в южных горах.

— Тулсы Обреченного больше нет,— со вздохом облегчения произнес Кулл.— Нам надо спешить, чтобы до рассвета успеть в Грелиманус.

— Эх, знал бы раньше, что Вино Жизни не только голову пьянит, но и такие чудеса вытворяет,— вздохнул Брул,— не поленился бы бочку на своих плечах к пещере Раана затащить, а потом полную хоть на себе тащить...

Фургоны уже стояли на дороге, готовые к отправлению. Вапра с безразличным видом сидела на месте возницы первого фургона.

— Отправляемся? — спросил Копьебой у Кулла.

— У меня возникла одна идея,— задумчиво произнес король.— Пошли-ка со мной, Хеерст... Мы скоро вернемся.

Глава восьмая ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗМЕЙ

Четверки лошадей, что были запряжены в фургоны, груженные бочками с магическим вином и сундуками с землей из подвала Храма Мертвых Богов, никогда в жизни, наверное, так быстро не летели по дороге.

Брул, сидевший рядом с Куллом на первом фургоне, работал кнутом без передыха. Кулл, с горящим факелом в руках, время от времени поглядывал назад — не отстал ли второй фургон, который прекрасно был виден в лунном свете.

Громада Грелимануса выросла перед ними задолго до того, как должны были коснуться земли первые робкие лучи рассвета. Они успели вовремя.

Как и было условлено, Вапра и Хеерст переоделись в одежды толстяков-купцов, нацепив на себя густые накладные усы и бороды. Они уселись на козлы фургонов, Копьебой и Кулл вновь сели в седла своих коней, изображая охранников маленького каравана.

Подъехав к воротам, Вапра стала громко кричать, вызывая караульного.

Наконец появился заспанный недовольный стражник, и Вапра сказала ему пароль. Караульный хотел было сказать, что могут подождать и до утра, но имя тор-Хаеца заставило его пошевелиться. Он вместе с напарником быстро растворил ворота.

Кулл достиг цели своего необычного путешествия — он оказался в городе, захваченном Повелителем Змей. По лицам стражников король понял, что все горожане опоены магическим зельем.

Может, злоумышленники выкатили на главную площадь города бочки с разбавленным кровью Мертвых Богов вином, а может, что скорее всего, вылили по кувшину отравы прямо в колодцы, а глашатаи выкрикивали заранее приготовленный текст, поминая имя тор-Хаеца, которому подчинялись все, отведавшие зелья — даже младенцы.

Но, как бы там ни было, тор-Хаец — пешка в чужих руках, вполне вероятно, тоже отведавший отравленной водицы. А, может, он прельстился и на посулы змеелюдей, кто знает... Слабых, жадных и честолюбивых аристократов, готовых изменить присяге ради денег, славы и удовольствий, всегда было предостаточно в древней Валузии.

Вапра ловко управляла упряжью, проведя громоздкий фургон по довольно узким улочкам, и менее чем через четверть часа они были уже на улице Птичьих Хвостов, перед домом, в котором, как уже знал Кулл из рассказа Хеерста, был устроен огромный подземный храм, где и обитал, выползший из бездн забвения, Великий Змей.

Несмотря на глухую ночь — рассвет даже не забрезжил, город жил какой-то своей, странной жизнью. Тут и там к дворцу тор-Хаеца подходили темные фигуры, закутанные в плащи, кто с факелом в руке и в сопровождении охранников, кто держал фонарь, а кто просто шагал по булыжным мостовым в лунном свете.

Все эти люди спешили к парадному входу дворца, в то время как Вапра подогнала фургон к воротам заднего двора.

Кулл подумал было, не пойти ли им вдвоем с Брулом к парадному входу, не подслушать ли пароль (а то и захватить в глухом переулке языка и напоить живой водой), но решил не рисковать.

Вапра постучала в калитку в воротах. Стражник вышел сразу же. Женщина произнесла пароль, и словно по мановению волшебной палочки мгновенно из ворот вышел другой человек, который сказал отзв. Миссия Вапры закончилась — она передала драгоценный груз и больше за него не отвечала.

— Почему ночью? — поинтересовался человек, назвавший отзв.

— По дороге нас встретили подданные Великого Змея, с которым мы познакомились здесь в прошлый раз, — произнесла Вапра заранее придуманный ответ. — Один из них сказал, что на рассвете здесь состоится большой праздник. Мы скакали всю ночь, чтобы успеть. Нас не обманули?

— Нет, вы приехали вовремя. И очень кстати, у нас кончились все запасы Крови Мертвых Богов. Остались считанные капли. Ваш приезд перед церемонией порадует хозяина.

— Одна бочка раскупорена, — сообщила Вапра. — На нас в Южных горах напала шайка некоего Харкла-Паука. Пришлось угостить их винцом.

— Правильно, лучше пожертвовать малым, чем потерять все, — согласился мужчина. — Совсем обнаглели эти разбойники. Хваленый Кулл не может навести порядок в собственной стране! Ничего, скоро придет время Змея, и от этих грабителей на больших дорогах лишь пыль останется.

Кулл в темноте не видел выражения лица встретившего их мужчины.

Но поскольку доверенный слуга тор-Хаеца не заметил отрешенности Вапры, можно было сделать вывод, что и он в свое время отведал волшебного напитка, лишаящего людей воли.

— Пусть ваша сестра и охранники сразу отправляются в зал, — сказал он Вапре, сильно порадовав этими словами атланта, — а мы примем бочки.

Вапра, как было приказано заранее, обнажила грудь и облизнула губы:

— Хочешь? — спросила она мужчину. — А то с этими охранниками...

Мужчина, несмотря на замутненный Кровью Мертвых Богов рассудок, хотел. Даже в голосе его проснулись какие-то интонации.

— Сначала надо разгрузить и пересчитать драгоценный груз, — произнес он. — Эй, Укар, — позвал он кого-то, — проводи этих людей, — он кивнул подбежавшему слуге на короля, Брула и Хеерста, одетого в одежды толстого купца, — в храм. — И добавил: — На второй ярус, конечно.

Кулл со спутниками отправился вслед за слугой, который с масляным фонарем в руке нырнул во мрак обширного двора.

Мужчина, встретивший их, положил руку Вапре на талию, бросив жадный взгляд в распахнутый ворот ее одежды, и направился вместе с ней к фургонам. Его дальнейшая судьба Кулла не интересовала, хотя можно было догадаться, чем закончится его внезапно вспыхнувшая страсть.

Правитель Валузии вместе со своими спутниками вошел в какой-то сарай, слуга плотно прикрыл дверь и подошел к дальней, каменной стене. В свете фонаря она казалась сплошной, но их проводник на что-то нажал, и открылся вход на узкую винтовую лестницу.

Кулл молча покачал головой. Никто и не думал отбирать у них оружие, провожая в святая святых заговорщиков. Или их поджидает хитроумная ловушка?

Спустились по неудобной и очень длинной лестнице — Кулл прикинул, что шахта идет вглубь не менее чем на полтора локтя. Вскоре они оказались в мрачном коридоре, по обе стороны которого виднелись дубовые, плотно прикрытые двери.

«Уж не прямо ли в пытошную нас ведут?» — подумал Кулл. Пальцы атланта непроизвольно легли на рукоять меча.

Но слуга, не обращая на приезжих внимания, прошел в конец коридора, который под прямым углом упирался в другой, не менее длинный, насколько позволял судить тусклый свет фонаря. Они свернули налево, коридор повел их по дуге, и наконец они вышли в храм, освещенный сотнями факелов.

Зрелище оказалось настолько захватывающим, что Кулл подошел к поребрику и замер.

Они стояли на балконе, огибающем огромный овальный зал, один конец которого был словно отрублен стеной. В этой стене были проделаны гигантские ворота, отделанные золотом и самоцветами. С двух сторон стояли величественные монументы змей, свернувшихся кольцами и вытянувших на треть тела вверх, направляя раздвоенные языки в сторону зрителей. По обе стороны ворот, за изваяниями, возвышались трибуны, на которых в красочных одеяниях, держа в руках длинные факелы, стояли люди, но с головами змей.

Змеелюди, древняя раса, вытесненная человечеством с территории Семи Королевств тысячи лет назад!

Вдоль всего балкона, на расстоянии двух-трех шагов, в стены были вделаны жирандоли пылающими факелами. С овальной стороны и с двух боков с балкона вниз вели довольно широкие лестницы. И все пространство у стен до самого низу занимали трибуны со скамьями, уже почти заполненные горожанами Грелимануса. Ну точно как в гладиаторском цирке.

«Они что, весь город здесь собирают?» — мелькнуло в голове у короля.

На середине площадки перед большими воротами стояли то ли маленькие ворота, то ли два толстых столба — сейчас они были накрыты материей, расшитой странными диковинными узорами — сотни переплетенных причудливым образом змей. Эти закрытые до поры до времени малые ворота с четырех сторон на расстоянии дюжины шагов окружали огромные

каменные чаши, наполненные чем-то горючим — в них полыхали огромные костры.

— Стойте и смотрите здесь,— сказал Кулла со спутниками слуга, приведший их сюда.— Вниз вам нельзя.

Он повернулся и ушел обратно. На балконе, с обеих сторон, толпились люди. Тоже, наверное, те, кому вниз нельзя. Не посвященные в сан, зрители.

Церемония еще не начиналась. До рассвета, по прикидкам Кулла, было еще долго. Все больше и больше людей появлялось в храме и усаживалось на трибунах. Было скучно, но Кулл и его друг пикт умели ждать сколь угодно долго — одно из самых необходимых навыков настоящего воина: не терять ни мгновения во время боя, и не выходить из себя раньше времени, до последнего момента сохраняя спокойствие.

— Сколько же здесь людей? — на ухо атланту прошептал Брул.— Весь город, что ли?

— Я тоже об этом подумал,— усмехнулся Кулл.

— И все — твои заклятые враги,— заметил пикт.— Мы выяснили все, что хотели, Кулл, надо убираться отсюда. Здесь работа для целой армии, а не для двоих. Мы сейчас ничего не сможем сделать.

— Да,— согласился король.— Но мы не можем оставить здесь Хеерста. Его возлюбленная в опасности.

— А как ее найти? — грустно спросил пикт.— В этом подземелье, наверняка, столько переходов, что без карты, просто ничего не найдешь. Видел, сколько дверей было хотя бы в том коридоре, где...

— Начинается,— перебил друга Кулл.

Народу в подземном храме набралось очень много — все места на трибунах заняты, на балконе, особенно ближе к воротам, тоже было не протолкнуться. Сидели даже на лестницах, ведущих с балкона вниз.

Действительно, во время краткого диалога Кулла с Копьебоем по храму прошел взволнованный гул. Все замерли. У малых ворот стоял рослый человек в разноцветной материи, обернутой вокруг бедер, но

скрывающей колени, с обнаженным торсом, разрисованным разноцветной краской в диковинные узоры, и с огромной — в два раза больше головы — маской на лице. Маска изображала рогатого змея.

Кулл вспомнил свой сон в фургоне, после посещения волшебной пещеры старого мудреца Раана. Змеи, обвивавшие колонны во сне, очень напоминали маску человека, стоявшего между полыхающими в каменных чашах кострами. Кулл не удивился бы, если б сам Великий Змей оказался тем самым человеком-чудовищем из сна, со змеями вместо рук.

Тем временем мужчина в маске подошел к малым воротам, что-то крича. С балкона было не разобрать слов, тонущих в рукоплесканиях собравшей толпы. Взмах руки, и он сорвал материю.

— Фейра! — истошно закричал стоявший рядом с атлантом юноша в купеческих одеяниях.

Кулл наступил ему на ногу, но было поздно.

— Фейра! — не мог остановиться потерявший голову Хеерст.

Материя с узорами змей действительно скрывала два толстых каменных столба. Между них стояла прикованная за руки обнаженная девушка с длинными волосами, спадавшими до самой поясницы. Лишь две узкие полоски золотистой ткани, почти сливающейся с телом, прикрывали ее бедра и грудь.

— Да замолчи ты, дурак! — прошипел на Хеерста Брул, но было поздно.

Стоявшие вокруг люди повернулись в их сторону.

— Да ведь это — король Кулл,— закричал один из них.— Я четыре года служил в его дворце и не могу ошибиться! Только бороду он сбрил!

— Кулл! — разнеслось мгновенно по всему храму.— Изверг здесь! Сам пришел! Убить его, убить!

Кулл и Брул мгновенно выхватили мечи, люди, желавшие растерзать их голыми руками, при блеске оружия отступили на шаг. Это были простые горожа-

не, на трибуны не допущенные. Смелыми они оказались лишь на словах.

Но тревожный ропот пронесся по залу, и сейчас здесь наверняка появятся и опытные воины. А Куллу хотелось не погибнуть героически, а любой ценой вернуться в столицу, чтобы идти войной на это гнездо зла, где тысячи людей собрались посмотреть на то, как чудовище будет пожирать юную красивую девушку.

— В коридор! — крикнул король, хватая за локоть Хеерста и увлекая его за собой. — Это единственная надежда!

— Фейра! — только и мог вымолвить Хеерст, по щекам его текли слезы.

Куллу было неприятно видеть это проявление слабости у человека, который не так давно мужественно и отчаянно сражался рядом с ним.

До спасительного коридора оставалось несколько шагов. Брул прикрывал отступление.

— Бегом! — скомандовал юноше король. — Твою возлюбленную нам не спасти, но мы отомстим за нее!

— Тогда лучше смерть вместе с ней! — заявил Хеерст.

— Да, мы умрем, а они будут и дальше пожирать юных невинных девушек? — зло выкрикнул король. — Прочь отсюда!

Хеерст смирился, и они побежали по коридору.

Но дорогу им преградил отряд воинов с длинными копьями.

Их было не менее дюжины — бой принимать глупо. Кулл обернулся. Сзади слышался топот множества ног и через мгновение отход им преградили еще с десятков охранников. Все — и те, что спереди и сзади, — были в одинаковых одеждах с двумя переплетенными змеями на груди.

— Сдаемся, — прошептал Кулл по-пиктски. — Если нас убьют сейчас, то Валузию никто уже не спасет. Вдруг нам выпадет еще шанс?

Брул кивнул. Надо сражаться до конца, а не искать героической смерти с противником, в десять раз превосходящим по силам.

Они бросили мечи на каменный пол и подняли руки.

— Мы сдаемся! — громко сказал Кулл ошетинившимся копьями воинам.

Вперед вышел старший отряда, подобрал их мечи, обыскал, вытащил кинжалы из-за поясов у обоих, осмотрел Хеерста, сорвал с него одежды толстяка и отобрал у него оружие. Затем сказал:

— Идите за мной. Любое неверное движение, и вы будете сразу убиты!

Кулл кивнул в знак согласия, и они пошли обратно в храм.

По три копья смотрели каждому из них в затылок.

Они под прицелами тысяч глаз спустились по лестнице — люди расступались перед ними. Лишь злобное шипение и крики ненависти доносились со всех сторон.

Они подошли к столбам, где стояла прикованная девушка, и их подвели к человеку в маске. Девушка подняла голову, увидела плененного возлюбленного и прошептала:

— Хеерст! Я знала, что ты придешь за мной... — И снова бессильно уронила голову на грудь.

Человек в маске оглядел короля Валузии, злорадно усмехнулся и поднял руку, призывая собравшихся к тишине. Дождавшись, пока воцарится молчание, он прокричал:

— Братья! Победа сама пришла к нам в руки! Наш главный враг — правитель Валузии Кулл — сам пришел к нам! Значителен и счастлив для нас сегодняшний день, братья! Хвала повелителю нашему Великому Змею! Сейчас, пока еще не вышел наш повелитель, мы увидим смерть ненавистного врага.

Трибуны взорвались восторгом от этих слов.

- Смерть тирану!
- Проклятый варвар-узурпатор!
- Смерть ему, смерть! — неслось отовсюду.

Человек в маске снова поднял руку, призывая к тишине.

— Будем великодушны в честь великого праздника, братья! — проорал он. — Мы предоставим Кулла и его фавориту, отвратительному пикту Брулу, погубившему всеми нами любимого правителя Сан-Сана и еще шестерых лучших наших братьев, самим выбрать себе смерть! Либо они будут долго и мучительно умирать, вывешенные вверх ногами, как это делал благородный король Борн, на крепостной стене Грелимануса. Либо... — тут он сделал эффектную паузу, чтобы до всех дошел смысл его слов, — они прямо сейчас выпьют по полному кубку неразбавленной Крови Мертвых Богов, наших покровителей. Целый фургон с чудодейственным напитком только что доставили в храм. Что вы выбираете, варвары?

— Кровь Мертвых Богов, — спокойно сказал Кулл. Он стоял, гордо подняв голову, под прицелом трех дюжин копий. Хорошо еще, что не связали руки.

— Братья! — прокричал мужчина в маске. — Они желают испить Кровь Мертвых Богов! Все вы сейчас убедитесь, что делает этот волшебный напиток. Пусть каждый из вас возьмет флягу и завтра отправится по городам Валузии. Вы будете выливать Кровь Мертвых Богов в колодцы и проповедовать слово повелителя нашего Великого Змея!

Новый взрыв ликования потряс подземный храм.

Как-то очень быстро прикатили знакомую друзьям бочку. Видимо, ради экономии, что ли, ту самую, попорченную, которую неаккуратно вскрыли разбойники Харкла-Паука.

Мужчина в маске протянул пленникам три огромных кубка с выгравированными на них переплетенными змеями.

— Черпайте кубки и пейте! До дна, до последней капли, и пусть обрушится на вас кара наших древних покровителей!

В огромном храме наступила мертвая тишина. Казалось, все присутствующие боялись пошевелиться. С возвышений возле статуй на короля, усмехаясь отвратительными мордами, смотрели змеелюди с факелами в руках.

Король и его спутники зачерпнули по полному кубку красного напитка.

Кулл поднял кубок перед собой.

— Правитель Валузии должен умереть достойно, — громко, чтобы его слышало как можно больше людей, произнес он, понимая, что до балкона его голос не донесется. — Этот тост я посвящаю великим Валке и Хотату, покровителям Валузии и врагам Повелителя Змей! Вчера вечером я убил вашего союзника — чародея Тулсу Обреченного...

— Это — ложь, — перебил его человек в маске. — Тулса Обреченный погиб людской смертью тысячи лет назад. Теперь его невозможно убить.

— Но это так, — ответил Кулл. — Его смертный час пробил. Как пробьет вскоре и ваш час, гнусные лизоблюды и предатели рода людского!

Кулл залпом опрокинул в себя кубок. Его спутники тоже выпили красный напиток до дна, поддерживая тост короля.

Зал охнул, увидев, как все трое отбросили кубки, и зашумел, в ожидании редкого и удивительного зрелища.

Кулл стоял, высоко задрав подбородок, как и положено правителю огромного государства.

Все ждали.

Кулл посмотрел на Брула. Тот покачал головой — даже сейчас, когда все ожидают жуткой метаморфозы, пробиться через множество бойцов не было никакой возможности.

И только они трое во всем зале знали, что ничего с ними от выпитого вина не будет. Потому что Кровь

Мертвых Богов они лично слили в придорожную траву. Мерзкая жидкость мгновенно впиталась в землю. Кулл оставил себе на всякий случай лишь одну флягу страшной отравы. А бочки, сполоснув в ближайшем ручье, наполнили купленным по двойной цене у купцов прямо во дворе «Львиной берлоги» таким же красным, но совершенно обычным виноградным вином. Эта операция отняла много времени и сил, но сейчас Кулл благодарил Валку и Хотата за свою предусмотрительность.

Совершенно неожиданно — не только для Кулла и его друзей, и для всех присутствующих, но и для мужчины в маске — хрустнули огромные, такие прочные на вид, обитые золотыми листами, створки ворот.

Раздался крик, который был мгновенно подхвачен всеми — то ли вопль восторга, то ли ужаса.

Из выломанных чудовищной силой ворот выполз сам Повелитель Змей.

Он оказался не тем, что привиделся Куллу во сне. Скорее, он напоминал то чудище, что король видел на волшебной картине в пещере Раана. Это был змей, но таких поразительных размеров, что невозможно было и представить, не видя его воочию, — тело не менее двух ярдов диаметром и двадцати в длину, огромная морда, из которой исходил ядовитый дым, и на расстоянии ярдов четырех от морды из тела росли две огромные, как у слона, ноги.

Желтые глаза, с голову человека каждый, уставились на Кулла.

Мир вокруг атланта пропал, погрузился во мрак и тишину. Он больше не слышал криков — ничего не слышал. Он не видел ни Брула, ни нацеливших в него копья охранников. Он стоял на выжженной земле, освещенной багровым мрачным солнцем, и перед ним был лишь Повелитель Змей.

«Ты пришел на смертный бой! — беззвучно сказал Змей. — Я ждал тебя!»

«Я готов, но я безоружен! Дай мне меч!» — так же без слов ответил ему Кулл.

«Ты неплохо владеешь оружием. Но сейчас оно не поможет. Ты должен выдержать совсем другой бой!»

Кулл хотел было спросить, какой именно, но неожиданно (может, мудрый Раан, оберегая его, вновь подсказал, или врожденная интуиция варвара предложила правильное решение — кто ответит?) понял, что бой уже начался, что длится он долго, всю его жизнь, а что сейчас наступила всего лишь кульминация, в которой решится исход этой великой битвы.

Кулл знал, что стоит ему отвести взгляд — и все, он погибнет немедленно, и чудовище пожрет его. И вместе с ним — древнюю цветущую Валузию, тысячи счастливых людей и миллионы еще нерожденных младенцев. И он смело и открыто смотрел в черные узкие ромбы зрачков ужасной твари. Все остальное для него перестало существовать.

«Мы — великая раса и должны править землей, — сказал Повелитель змеелюдей. — Только мы — истинные хозяева мира».

«Вы изгадили свой мир... Вы выжгли его своим гнусным дыханием, — ответил Кулл. — Пришел человек — и загнал вас в недра земли, в подземелья, подальше от несущего жизнь солнечного света, от благодатного неба, от мерцающих звезд. Вам нет места под небом Валузии».

«Человек — обезьяна, научившаяся говорить. И ему никогда не понять всего глубинного смысла мироздания, взаимодействия мельчайших событий и их власти над миром. Человеку никогда не проникнуть в суть явлений, двигающих судьбами мира, и ему не под силу владеть миром. Человек должен быть уничтожен. Змеелюди, постигшие тайну добра и зла, должны владеть всем».

«Вы владели всем на протяжении столь долгого времени, что могли доказать свое право на власть, —

сказал Кулл.— И раз у вас ее отобрали, значит, вы ее были недостойны!»

«Человек рожден, чтобы быть рабом. Им он и будет — грязью, пылью вселенной. Ты — букашка предомной... Людей следует раздавить, чтобы идти дальше».

«Человек рожден, чтобы быть свободным. А я рожден — чтобы быть королем Валузии и защищать ее от любых посягательств. И я никому, тем более змеелюдям, не отдам свою Валузию».

«Ты рожден атлантом».

«Я рожден Куллом».

«Ты не знаешь тайны своего рождения».

«Не знаю,— согласился Кулл.— Так скажи. Проникни в эту тайну, покрытую мраком, и скажи».

«Ты рожден... Ты рожден... Ты рожден...»

Бездны всего мира отразились в желтых глазах Змея. И вдруг полыхнули зеленым пламенем, напомнившим скопления звезд в вещих снах, и Змей взорвался...

Звуки вновь обрушились на Кулла, и от неожиданности он чуть не присел.

Победно закричал Брул, но его клич потонул в тысяче криков ужаса. Перед Куллом на том месте, где только что возвышался Змей, полыхало быстро утихающее холодное пламя.

Змеелюди, что стояли на возвышении возле монументов, побросали факелы и корчились в предсмертной агонии. На трибунах творилось нечто невероятное — кто-то истошно кричал, кого-то тошнило, а многие на глазах утратили человеческий облик — вместо лиц проявлялись безобразные змеиные морды.

И вдруг, словно возмездие Валки и Хотата, стены подземного храма задрожали, пол стал ходить ходуном.

Кулл едва устоял на ногах. Если бы короля не поддержал Брул, он мог бы и упасть. Сверху, с потолка, чуть не задев привязанную к столбам девуш-

ку, рухнул огромный пласт земли, и дождь из мелких камней посыпался на трибуны.

Человек в маске, распорядившись действием, опомнился первым. Он сорвал с себя маску и бросился по останкам Повелителя в ворота.

— Бежим за ним! — крикнул Кулл.— Иначе мы все погибнем.

Он первым подскочил к столбу и бросил быстрый взгляд на руку девушки, затем на столб. Оковы расстегивались очень просто — чтобы быстро отдать жертву на пожирание чудовищу. Кулл освободил правую руку, подоспевший Брул — левую, и девушка упала в объятия Хеерста.

Последовал новый толчок, и еще один огромный пласт земли упал совсем рядом.

— Закинь девушку мне на плечо и бежим! — крикнул Хеерсту Брул.

— Нет,— упрямо сказал юноша,— я сам.

Он подхватил возлюбленную на руки и, слегка пошатываясь, стараясь обойти останки погибшего чудовища, поспешил в ворота, туда, куда убежал человек в маске.

Они вбежали в огромную пещеру, усеянную человеческими костями. Видно, здесь трапезничал повелитель змей. Шаги жреца стихли. Брул, несмотря на спешку, успел подхватить один из факелов — такой же, как те, что держали погибшие змеелюди. Добежав до конца пещеры, король и его спутники увидели длинный туннель.

Кулл со спутниками побежали вперед. Вскоре туннель повернул, и они увидели свет вдали. С потолка сыпалась какая-то дрянь, новый толчок сотряс землю. Они побежали еще быстрее.

У стены стоял человек, что был в маске. В руках он держал меч. Видимо, жрец понял, что ему не удастся убежать, и решил принять бой — в конце концов, врагов лишь трое. Правда, это были прославленные на весь цивилизованный мир бойцы — Кулл и

пикт Копьебой, но сбежать, когда ты прижат к стенке, выбора нет.

— Я убью тебя, Кулл из Атлантиды! — прошипел жрец.

— Это тор-Хаец, главный приспешник Тулсы Обреченного и Повелителя Змей! — крикнул подбежавший Хеерст.

Брул подхватил так и не пришедшую в себя девушку. Юноша с благодарностью посмотрел на пикта — бежать с такой ношей на руках, пусть даже это и самый дорогой в мире человек, тяжело даже самому выносливому бойцу.

У Кулла не было никакого оружия. Но в гладиаторской школе его учили защищать свою жизнь и без оружия.

Взмах меча, Кулл ловко ушел от удара, скользнул за спину противнику и с размаху ногой ударил в поясницу, вложив в это движение всю силу. Тут уж не до красоты боя, дорого каждое мгновение. Землетрясение может похоронить их под землей. Надо выбираться наверх, к небу.

Позвоночник тор-Хаеца хрустнул, и, растопырив руки, приспешник Змея упал лицом вперед.

Кулл быстро нагнулся, вынул из слабеющих пальцев меч, и провел клинком по горлу врага.

— И как мы будем отсюда выбираться? — спросил Брул.

Кулл огляделся. Они находились в огромном каменном мешке со стенами, выложенными ровными гладкими плитами.

— Нам конец, — прошептал юноша.

— Воин сражается до последней капли крови, — зло процедил Кулл. — Вернемся в туннель, может, мы пропустили какое-нибудь ответвление?

Поскольку другого выхода не было, они рванулись к туннелю.

Но путь им преградила призрачная фигура, словно вылепленная из белесого тумана. Привидение напоминало человека, но отчетливо различались лишь

черты лица — безмерно страдающего и перенесшего много горя мужчины.

Кулл сделал шаг назад.

— Я тебя знаю, призрак, — сказал Кулл. — Мы уже встречались в тайных переходах моего дворца, когда змеелюди предприняли самую первую попытку убить меня. Тогда меня спас Ка-ну, приславший Брула с волшебным перстнем-талисманом на руке. Ты — погубленный Змеем король Элал, погибший тысячи лет назад. С тех пор душа твоя была порабощена, и тебе нигде не найти приюта.

— Сегодня, — низким торжественным голосом произнес призрак, — ты освободил меня от векового плена. Вы последние, кто видит меня, я отправляюсь на свою звезду. Но перед этим я спасу вас.

— Как?! — в один голос спросили Кулл и Брул.

Призрак прошел прямо сквозь них — словно легкое дуновение воздуха обдало друзей — и приблизился к стене.

— Нажмите одновременно этот и этот камень, — сказал давно умерший король Валузии.

Брул поставил на пол наконец-то пришедшую в себя Фейру и поспешил выполнить указание. Каменная стена отошла в сторону, перед беглецами открылся выход на лестницу.

— Она выведет вас наверх, — сказал призрак. — Торопитесь. И пусть помогут вам Валка и Хотат. А тебе, Кулл, я хочу сказать, что ты достоин править моей древней страной. Прощай!

— Прощай, Элал, — произнес Кулл. — Я рад, что спас тебя от проклятого рабства Змея.

И вслед за Брулом, Хеерстом и Фейрой он устремился вверх по лестнице.

Выход с лестницы преграждала деревянная дверь. Хеерст подергал осторожно за ручку, но она оказалась запертой с другой стороны.

— Дай-ка я, — отодвинул юношу Брул и плечом со всего размаха вышиб дверь.

Путь был открыт. Беглецы оказались в просторном помещении. В щели ставен пробивались еще слабые солнечные лучи.

— Вперед! — крикнул Брул и вышиб ставни на одном из окон.

Хеерст вылез первым и подал руку возлюбленной. Последним вышел Кулл, и тут беглецы вновь ощутили сильный подземный толчок, и крыша дома, который они только что покинули, обвалилась.

— Ворота там, — сориентировавшись по встающему над умирающим городом солнцу, крикнул Кулл. — Бежим быстрее!

Город казался мертвым и пустым, словно и впрямь все жители собрались на чудовищном празднестве Повелителя Змей. Король и его спутники бежали все быстрее и быстрее, не встретив ни единого человека, не услышав ни единого крика. И вдруг плач младенца в доме неподалеку заставил Кулла остановиться. А потом его заглушил шум, исходящий из центра города. Подземный храм обвалился, и дома один за другим стали рушиться в пропасть.

— Бежим, Кулл, бежим! — поторопил Брул друга.

Но король решительно подбежал к дому, из которого доносился крик младенца, выбил ногой хлипкую дверь и рванулся внутрь, крикнув:

— Бегите, бегите, я вас догоню!

Брул повернулся к Хеерсту. Девушка опиралась на руку возлюбленного, с трудом переводя дыхание.

— Бегите! — приказал им пикт. — Мы с Куллом вас догоним.

Пикт стоял и ждал. В конце улицы, там, откуда они бежали, с оглушающим грохотом рухнул дом, за ним — второй.

Наконец Кулл появился в дверях дома. В руках он держал крошечный кулек белых пеленок, младенец истошно кричал.

— Быстрее, Кулл, быстрее! — поторопил Брул короля.

Хеерст с Фейрой были уже почти у самых городских ворот. Они дожидались Кулла с Брулом, опасаясь стражников.

Но оба караульных оказались мертвы. У одного вместо человеческого лица была отвратительная змеиная морда. Пришлось самим отодвигать засов и растворять тяжелые ворота.

Бескрайняя Валузия раскинулась перед ними. Пустынная дорога вела к свободе, к жизни, к счастью.

Беглецы стояли, обессиленные, счастливые, и не было для них ничего прекраснее этой дороги, этих деревьев и этого солнца в небе Валузии. А за спиной одна за другой рушились постройки города, околдованного и захваченного Тулсой Обреченным и Повелителем Змей.

— Отойдем немного от стены, вдруг она тоже начнет рушиться, — сказал Брул.

Хеерст обнимал свою возлюбленную. Девушка положила голову ему на плечо и сквозь слезы прошептала:

— Я знала, что ты придешь за мной, любимый. Ты спас меня.

— Нет, Фейра, — ответил юноша. — Это король Кулл спас нас обоих. Сперва — меня от колдовских чар, потом — тебя от Повелителя Змей. Я готов умереть за него.

— Лучше будет, — произнес Кулл, — если ты будешь жить. Ради короля, ради страны, ради любимой.

Фейра подняла голову и посмотрела на Кулла, в руках которого был младенец, успокоившийся и тихонько посапывающий.

— Дайте его мне, пожалуйста, — попросила она, и атлант передал ей ребенка.

Девушка осторожно взяла его на руки, как-то ловко, по-женски, привела в порядок пеленки. Малыш открыл глаза и улыбнулся ей.

— Это — мальчик, — сказала Фейра и посмотрела на короля.

Правитель Валузии взглянул в лицо младенца, затем неожиданно снял с пояса флягу с Вином Жизни и капнул в открытый ротик мальчика. Тот открыл глазки, посмотрел, словно все понимая, на короля и проглотил каплю. Кулл дал ему еще почти целый глоток. Даже если малыш и отведал уже отравленную Кровью Мертвых Богов воду (или молоко матери, пившей отраву), злые чары рухнули.

— Ваше Величество,— спросила Фейра,— можно, мы с Хеерстом его усыновим? Мы назовем его Куллоу, в вашу честь.

Кулл без слов кивнул и отвернулся, потому что у не знающего страха и жалости к врагам атланта на глазах навернулись слезы. Он сдержался, но что-то новое, дотоле неизведанное, ворвалось в его сердце.

Они шли пешком по дороге, ведущей в Хрустальный город, почти полдня, пока им навстречу не показалась первая повозка каравана трудолюбивого купца, выехавшего из «Львиной берлоги» с первыми лучами солнца.

Куллоу и Брулу было незачем больше скрывать свои имена.

Купец приказал своим спутникам перегрузить товары из последней телеги на первые четыре и отдал ее королю, отвергнув предложенную плату.

К вечеру Кулл со спутниками прибыл в «Король Львов» и потребовал позвать к себе Конопатого Крилла, хозяина постоянного двора. Тот, невзирая на простые одежды, сразу узнал повелителя Валузии и провел его в королевские апартаменты.

Все кончилось, Кулл победил. В очередной раз. Сколько еще сражений и побед нужно одержать ему ради Валузии? Об этом знают только Валка и Хотат... И они не оставят Кулла без своего покровительства.

Кулл едва нашел в себе силы снять куртку с сапогами и рухнул спать прямо на нерасстеленную постель.

Сон тут же сковал его веки.

Вновь знакомые зеленые звезды вспыхнули у него над головой. И, когда они рассеялись, голубое прозрачное небо Валузии увидел Кулл.

Сотни, тысячи людей в красивых праздничных одеждах спешили с цветами и фруктами в руках к издревле считавшемуся священным высокому холму, что недалеко от Хрустального города.

На этом холме возвышалась огромная — не менее тридцати ярдов высотой — мраморная статуя, изображавшая сидящего старца с прямой спиной и длинными волосами. На голове старца красовалась корона Валузии, в правой руке он сжимал рукоять меча, острием воткнутого в землю, левой придерживал тяжелую книгу, что лежала у него на коленях. Весь облик старца говорил о его беспощадности к врагам и радениях о судьбах страны, доверившейся ему.

В этом монументе Кулл узнал самого себя. Старым, да, но это был он, вне всяких сомнений.

А люди шли и шли, возлагая к подножию памятника цветы и лучшие плоды своих садов. И отходили, освобождая место другим, заполняя огромное поле перед холмом.

Возле памятника стоял красивый молодой светловолосый человек в такой же короне. Он говорил приходящим людям:

«Принимая власть над Валузией, я, Луук, сын прославленного Дула, потомок легендарного короля Кулла, клянусь так же заботиться о своей стране, как мои предки, так же отдавать служению Валузии все свои силы без остатка, так же быть беспощадным к врагам и умножать славу и богатство нашей страны!»

«Да здравствует король Луук, потомок великого короля Кулла!» — кричали отовсюду.

Кулл проснулся, грудь его вздымалась от волнения. Неожиданно ему захотелось выпить вина. Он

снял с пояса так и не отстегнутую флягу и с удовольствием глотнул Вина Жизни.

Затем он подошел к открытому окну и взглянул на ночное небо.

Новая, яркая звезда, затмевая все остальные, ободряюще подмигивала ему из неизведанных далей вселенной. И где-то далеко-далеко прозвучало довольное хихиканье старого мудреца.

Кулл знал, что этот вещий сон — последнее в его жизни чудесное видение, посланное свыше...

ГОВОРЯЩАЯ КОШКА

Король Кулл — правитель Валузии со своим главным советником Ту отправился взглянуть на говорящую кошку Делькарды. Всем известно, что любая кошка может посмотреть на короля, но ведь не каждому королю удастся посмотреть на такую кошку, как говорящая кошка Делькарды. Поэтому Кулл решил не думать о кознях некромансера Тулса Обреченного и отправился к Делькарде.

Кулл был настроен скептически, а Ту настороженно. Советника переполняли подозрения, хотя он и сам не знал почему. Годы заговоров и интриг научили его осторожности. Он мог поклясться, что говорящая кошка — это мошенничество, фокус и явный обман, и утверждал, что если бы такое чудо существовало, оно стало бы оскорблением для богов, устроивших мир так, что только человек мог наслаждаться силой слова.

Но Кулл знал, что на заре истории звери разговаривали с людьми. Он в детстве слышал много легенд о говорящих животных. Поэтому, при всем своем недоверии к подобным слухам, король Валузии был готов поверить в то, что кошка научилась говорить.

Один вид Делькарды наводил на мысли о самых невероятных чудесах. Обычно эта юная дама принимала гостей лежа на устланном шелками ложе. Двигалась она с ленивой грацией, словно огромная, прекрасная кошка.

Когда король вошел в апартаменты Делькарды, девушка уставилась на него из-под длинных густых ресниц, придававших невыразимое очарование ее узким,

чуть раскосым глазам. Губы красавицы были пухлыми и алыми. На лице ее, как обычно, застыла легкая задумчивая улыбка. Шелковые одеяния и украшения из золота и драгоценных камней почти не скрывали контуров ее пленительного тела. Но Кулла не привлекали женщины Валузии. Он правил этой страной, но в душе оставался атлантом, а значит, дикарем в глазах своих подданных. Больше всего Кулла думал о битвах, походах и о том, как бы удержаться на ненадежном троне древнего государства.

Королю-атланту Делькарда казалась загадочной и царственной, окутанной дымкой мудрости и укрытой вуалью женской магии. Для старого Ту она была обычной женщиной, а значит, потенциальным источником всевозможных неприятностей. Ка-ну, посланник пиктов и ближайший советчик Кулла, считал Делькарду без меры избалованным ребенком, готовым на любые проказы.

Однако Ка-ну не пошел с королем, когда тот отправился посмотреть на говорящую кошку.

Когда король пришел к Делькарде, кошка — виновница многочисленных слухов — растянулась на шелковой подушке, и уставилась на правителя Валузии зелеными глазами. Ее звали Саремес, и к ней был приставлен раб — тощий мужчина, нижнюю часть лица которого закрывала тонкая вуаль. Он, словно статуя, застыл рядом с кошкой, готовый исполнять любое ее желание.

— Ваше Величество,— обратилась к королю Делькарда,— я прошу вас об одной милости. Пообещайте мне одну вещь, прежде чем Саремес заговорит.

— Говори,— приказал ей Кулл.

Девушка широко улыбнулась и от радости захлопала в ладоши.

— Позволь мне выйти замуж за Кулру Тума из Зарфхана.

Тут вперед выступил советник Ту. Он заговорил, не дав Кулле и слова вымолвить.

— Мой господин, это дело обсуждалось уже много раз! Я так и знал, что за этим приглашением что-то кроется! В жилах Делькарды львиная доля королевской крови. Но девушки княжеского рода не могут выйти замуж за чужеземцев, которые по происхождению много ниже их. Это против обычаев Валузии!

— Однако король может рассудить иначе,— возразила Делькарда.

— Мой господин,— обратился Ту к королю с видом человека, терпение которого готово лопнуть в любой момент.— Если Делькарда выйдет замуж за Кулру Тума, то, скорее всего, в королевстве начнется война, мятеж и смута. Да мы за сотню лет не разберемся с неприятностями, которые принесет нам этот брак.

Советник уже собирался пуститься в длинные рассуждения о законах, генеалогии и истории, но Кулл, не терпевший подобных разговоров, прервал его:

— Валка и Хотак! Что я вам, старуха или жрец, чтобы лезть в такие дела? Решите все между собой и не втягивайте меня в брачные дела. В Атлантиде мужчины и женщины женятся и выходят замуж за кого они хотят, и никак иначе! Все эти условности «цивилизованного» мира мне не понятны.

Делькарда надула губки, скривившись. Ту состроил рожу ей в ответ. Но обида тут же сменилась доброжелательностью хозяйки. Женщина солнечно улыбнулась и с грацией кошки повернулась к Кулле.

— Поговорите с Саремес, Ваше Величество, а то она уже начинает обижаться на меня.

Кулл неуверенно повернулся к кошке и посмотрел на нее. У зверька был длинный, серый, шелковистый мех, вела она себя совершенно спокойно. Королю она показалась загадочным созданием.

— Она выглядит словно молоденький котенок, но на деле очень стара,— объяснила Делькарда.— Это кошка Древних. Говорят, она живет уже тысячелетия.

— И сколько же лет тебе на самом деле, Саремес? — насмешливым голосом спросил Кулл.

— Валузия была еще молода, когда я состарилась,— ответила кошка. Слова звучали отчетливо, но тембр голоса был непривычным.

Кулл вздрогнул и отступил.

— Валка и Хотак! — снова выругался он. — Она и в самом деле говорит!

Делькарда радостно рассмеялась, но кошка, похоже, оставалась совершенно невозмутимой.

— Я говорю, мыслю и сознаю, что существую,— заявила она. — Я была подругой королев и советницей королей задолго до того, как Атлантида поднялась со дна океана. Я видела предков валузийцев, пришедших в эти края с востока и вытеснивших Древних. Я же появилась здесь еще до того, как Древние приплыли из-за океана. Это случилось столько столетий назад, что у любого человека закружится голова, если он попытается подсчитать их. Я старше Тулсы Обреченного — вашего извечного врага. Шли века, и я наблюдала, как возносились империи и рушились королевства; как короли рвались в бой и возвращались на щитах. Когда-то меня чтили, как богиню, и странными были неофиты, поклонявшиеся мне. Ужасные ритуалы устраивали в мою честь... Издавна многие колдовские создания чтили мой род — существа столь же странные, сколь их деяния.

— Можешь ли ты читать по звездам и предсказывать события? — Варварский разум Кулла сразу же обратился к тому, из чего можно было извлечь пользу.

— Да. Книга прошлого и будущего открыта для меня. Но я говорю людям лишь то, что им нужно знать.

— Тогда скажи мне, куда вчера вечером делось мое тайное письмо Ка-ну.

— Вы засунули его в ножны своего кинжала и тут же позабыли об этом,— ответила кошка.

Кулл вытащил из ножен кинжал и, перевернув, потряс их. Тоненький листок пергамента вывалился оттуда.

— Валка и Хотак! — В третий раз повторил король. — Саремес, да ты настоящая колдунья, а не кошка! Видишь, Ту, я был прав!

Но советник неодобрительно поджал губы. Мрачно, исподлобья взглянул он на Делькарду. Женщина ответила ему невинным взглядом, и тогда, кипя от возмущения, Ту повернулся к Куллу.

— Поверьте, Ваше Величество, все это обычное мошенничество!

— Послушай, Ту, никто не видел, как я прятал это письмо. Я и сам позабыл об этом.

— Ваше Величество, во дворце множество шпионов...

— Шпионов? Не строй из себя дурака, Ту, ты ведь мой советник. Если послушать тебя, то выходит, кошка рассылает шпионов, чтобы те следили, куда я прячу письма?

Ту вздохнул. Он был старым человеком и с трудом принимал все новое и непонятное.

— Ваше Величество, вы лучше подумайте о тех людях, что могут скрываться за занавесями позади кошки!

— Господин Ту! — с вежливым укором обратилась Делькарда к советнику. — Вы позорите меня и оскорбляете Саремес! Нельзя отвергать очевидное, пусть даже оно непривычно вам.

Кулл почувствовал, что в этот раз Ту начинает слегка раздражать его.

— Не знаю, правда ли эта кошка обладает даром прорицательницы, но то, что она разговаривает, сомнению не подлежит,— сказал он советнику, стараясь говорить как можно мягче. — Уж этого-то вы отрицать не можете.

— Тут какой-то колдовской фокус,— упрямо возразил Ту. — Разговаривать могут люди, но не звери. Иначе звери были бы такими же разумными, как люди.

— Это не так,— ответил Кулл. Король Валузии уже убедил себя в реальности говорящей кошки и горел

желанием доказать советнику, что тот не прав.— Я слышал легенды о том, как лев говорил с Камброй. А то, что птицы разговаривают со стариками из племен горцев, сообщая им, где прячется дичь, я знаю совершенно точно. И никто не отрицает, что звери говорят друг с другом на своем, только им понятном языке. Много месяцев бродил я по лесистым склонам гор, по травянистым саваннам Валузии и часто слышал, как в ночи переговариваются, рыча, тигры... Так почему же какой-нибудь зверь не мог выучить язык людей? В те дни, ведя жизнь вольного охотника, я научился понимать рычание тигров. Именно тогда я стал считать тигра моим покровителем, с тех пор стараюсь без особой нужды не убивать их... Разве что защищая собственную жизнь...— добавил Кулл, чуть подумав.

Ту скривился. Подобные речи о тотемах и табу вполне подошли бы вождю дикарей, но слышать такие разговоры от короля Валузии — весьма странно.

— Ваше Величество, кошка ведь не тигр,— промямлил он.

— В этом ты прав,— согласился с ним Кулл.— Мне кажется, эта кошка мудрей всех тигров, вместе взятых.

— И это тоже верно,— спокойно подтвердила Саремес.— Возможно, вы все же поверите мне, господин советник, если я расскажу, что только что открылось при проверке казны Валузии?

— Нет! — рявкнул Ту.— Уж я-то знаю, что хитрые шпионы способны оклеветать кого угодно!

— Невозможно убедить человека, если он не желает принять очевидное,— невозмутимо промурлыкала Саремес старую валузийскую поговорку.— И все же знайте, уважаемый господин Ту, что казначей обнаружил излишек в двадцать талов золота. Посланец уже спешит сюда, чтобы сообщить вам эту приятную новость... Вот,— промурлыкала она, когда в коридоре послышались торопливые шаги,— он уже здесь.

Стройный придворный, облаченный в серые одеяния казначейства Валузии, вошел и поклонился вначале Куллу и советнику, потом хозяйке дома. Когда Кулл разрешил придворному говорить, тот еще раз поклонился и сказал:

— Ваше Величество и вы, господин советник! Только что при пересчете казны Валузии обнаружен излишек в двадцать талов золота.

Делькарда засмеялась и радостно захлопала в ладоши, но Ту нахмурился еще больше.

— Когда это открылось?

— Меньше чем полчаса назад.

— И сколько людей знают об этом открытии?

— Никто, господин мой. Только я и царский казначей знали об этом. Теперь я рассказал эту новость вам....

— Да-а! — Ту жестом приказал дворянину удалиться.— Можешь идти. Я займусь этим делом чуть позже.— Вид у советника был кислый.

Как только дворянин из казначейства вышел, Кулл вновь повернулся к красавице хозяйке.

— Делькарда, это ведь твоя кошка? — спросил Кулл.

— Ваше Величество, у Саремес нет хозяина.— ответила хозяйка.— Она всего лишь оказала мне честь, согласившись пожить в моем доме. Она — моя гостья. Эта кошка — сама себе госпожа, и так, судя по ее рассказам, было тысячи лет.

— Хотел бы я, чтобы она жила у меня во дворце,— объявил Кулл.

— Саремес, король Валузии предлагает тебе свое гостеприимство,— почтительно обратилась к кошке Делькарда.

— Я согласна пожить во дворце правителя Валузии,— с достоинством ответила кошка.— Я останусь в королевском дворце, пока мне не захочется отправиться куда-нибудь еще. Я, Ваше Величество,— великая странница. Мне нравится путешествовать, гулять по улицам городов, поднявшихся там, где столетия

назад зеленели дикie леса. Я люблю бродить по пескам пустынь, раскинувшихся там, где когда-то тянулись ввысь башни столиц огромных империй...

Вот так и случилось, что Саремес — говорящая кошка — оказалась в королевском дворце Валузии. Ее сопровождал раб-прислужник. Кошке предоставили просторные покои, пол которых был устлан шелковыми подушками. Ежедневно ей подавали лучшие яства с королевского стола. Вся королевская прислуга воздавала почести удивительному созданию. Все, кроме Ту, который ворчал, видя, что какой-то кошке, пусть даже и говорящей, оказывают подобную честь. Саремес же относилась к нему с презрительным равнодушием, зато с Куллом она держалась как с равным, но говорила с ним, как и подобает верноподданному.

Она часто появлялась в Тронном зале дворца и находилась там часами, возлежав на шелковой подушке. Раб, носивший эту подушку, должен был всегда сопровождать кошку, куда бы она ни отправилась.

Бывало, Кулл и сам приходил в покои своей странной гостьи, и они подолгу беседовали в сумрачные вечерние часы. Множество историй поведала королю кошка. Она знала уйму древних легенд и преданий, каждый ее рассказ был пропитан многовековой мудростью.

Кулл внимательно и с интересом слушал рассуждения колдовского создания, понимая, что эта кошка куда умней, чем все его советники, вместе взятые. К тому же она говорила королю правду, без лести и преувеличений. Иногда кошка вещала, словно пифия или оракул. Но почему-то она предсказывала лишь мелкие события будничной жизни. И еще она постоянно предупреждала короля, чтобы он остерегался Тулсы Обреченного. На вопрос же о том, что случится лет, скажем, через десять, кошка отвечала так:

— Я прожила большее число лет, чем вы, Ваше Величество, можете себе представить... Так вот, я точно знаю, что для любого человека благо не знать

того, что ему суждено Судьбой. Ведь чему быть, того не миновать. И человек не может избежать того, что ему на роду написано. Поверьте мне, Ваше Величество, лучше выходить на ночную дорогу, которую должен пересечь лев, закрыв глаза, если уж нет другой дороги.

— Да,— согласился Кулл.— С одной стороны, конечно, Судьбу не обманешь, но если честно, я в этом сильно сомневаюсь. Если человек будет предупрежден о том, что его ждет, это ослабит его или придаст ему сил. Все зависит от того, что это за человек. Но тогда получится, что и это тоже предопределено?

— Но если уж все так сложится, то человек будет предупрежден,— согласилась Саремес. И от этих слов сомнения Кулла стали еще сильнее.— Но все же Судьба неизменна, хотя у любого человека есть, пусть небольшая, свобода выбора.

— Тогда ничто не может быть заранее предопределено. Если перед человеком открываются разные дороги, никогда нельзя заранее сказать, какую он может выбрать,— возразил Кулл.— И как тогда могут быть истинными пророчества?

— У Судьбы много разных путей, Кулл,— ответила Саремес.— Я брожу по перепутьям этого мира и знаю, что ожидает путника на каждой из дорог... Однако даже боги не ведают, какую из дорог выберет человек, свернет ли он направо или налево, когда придет на распутье. Но, ступив на дорогу, он уже не может повернуть вспять.

— Тогда, во имя Валки, почему бы тебе не указать мне на опасности и преимущества каждого пути? Тогда ты помогла бы мне выбрать правильный путь? — спросил свою гостью Кулл.

— Потому что я не столь уж и всемогущая,— ответила кошка.— Боги не любят, когда смертные мешают исполнению их замыслов. Я не могу раскрыть судьбу ни одному человеку, иначе боги отнимут у меня мою силу. К тому же это может обернуться

несчастьем для того, кому я хочу помочь. Хотя от каждого перекрестка расходится много дорог, человек может выбрать лишь одну из них, и часто она в конце концов оказывается ничуть не лучше, чем другие... Надежда озаряет своим светочем одну из этих дорог, и человек, не задумываясь, сворачивает на нее, хотя она может оказаться хуже остальных... Все это очень сложно.

Кошка еще долго говорила, но Кулл то ли не мог понять, то ли не хотел принять ее рассуждения.

— ...Теперь, Ваше Величество, вы видите, что моя власть имеет свои границы, иначе я стала бы слишком могущественна и боги разозлились бы, не желая принять мое существование. Поэтому на меня и существ, обладающих подобным даром, наложено заклятие. Хотя мы можем читать книгу прошлого, нам разрешено кидать лишь мимолетные взгляды в будущее, спрятанное за густым туманом времени.

Кулл прекрасно понимал, что большинство доводов Саремес слабые и нелогичные. Ее слова пахивали колдовством. Но холодный, немигающий взгляд Саремес заставлял короля соглашаться помимо его воли.

— Ну ладно,— после долгих уговоров согласилась говорящая кошка.— Я отброшу завесу времени лишь на мгновение, но только ради вас, Ваше Величество... Делькарда вскоре выйдет замуж за Куллу Тума.

Кулл встал, раздраженно пожав плечами:

— Я не собираюсь становиться их сватом. Пусть Ту занимается брачными делами.

И все же пророчество кошки запало в голову Куллу. Саремес же, видя, что разожгла интерес короля, продолжала искусно плести паутину философских рассуждений. Упорство Кулла и желание его узнать свою судьбу стало слабеть.

Станными были их беседы: Кулл сидел, подперев подбородок громадным кулаком, и внимал речам кошки, развалившейся на шелковой подушке и томно

вытянувшейся во всю длину. Кошка же рассказывала королю о загадочных и удивительных вещах. Ее глаза странно поблескивали, а уста оставались неподвижными, в то время как раб — ученый Китулос — стоял рядом с кошкой подобно статуе, недвижимый и безмолвный.

Кулл высоко ценил мнение Саремес и охотно спрашивал ее совета в государственных делах. Кошка же давала эти советы неохотно или вообще не отвечала королю на его вопросы, а пускалась в пространные рассуждения. К тому же Кулл обнаружил, что советы кошки обычно совпадали с его собственными желаниями. Тогда у него зародилось подозрение: а не читает ли она его мысли?

Китулос же раздражал короля Валузии своей неподвижностью и безмолвием. Но Саремес не желала и слышать о том, чтобы кто-нибудь, кроме этого раба, ухаживал за ней. Куллу ужасно хотелось сорвать вуаль, скрывающую лицо этого таинственного человека. И только из уважения к Саремес он сдерживался, чтоб не содрать дурацкую тряпку.

* * *

Однажды Кулл пришел в покои Саремес, и она устала на короля и не сводила с него взгляда. Раб с закрытым лицом стоял словно идол рядом с подушечкой его госпожи.

— Ваше Величество, в этот раз я откину для тебя завесу тумана времени,— обратилась к королю Саремес.— Отвратительное чудовище только что утащило в глубины Запретного Озера вашего друга — Брула Копьебоя.

Кулл вскочил с проклятием, охваченный яростью. Он не на шутку встревожился за пикта.

— Брул? Во имя Валки, зачем он отправился на Запретное Озеро?

— Он хотел искупаться и отдохнуть от придворной жизни. Торопитесь, Ваше Величество. Вы еще

можете спасти Брула, даже если его утащили в Зачарованную Страну, лежащую под озером.

Кулл метнулся к двери. Он был удивлен, но не слишком сильно. Брул слыл непоседой и с легкостью мог попасть в переплет. Однако король Валузии встревожился. Он расценивал пиктов как самых надежных союзников, и понимал, сколь невосполнима будет утрата для Валузии, если с Брулом что-то случится. Кулл собрался уже позвать стражников, но Саремес остановила его:

— Нет, Ваше Величество. Вам лучше ехать одному. Даже ваш приказ не заставит людей нырять в глубины мрачного озера. Валузийцы считают, что купаться в этом озере — все равно, что совершить святотатство для любого, за исключением короля.

— Что ж, отправлюсь в одиночку,— грустно вздохнул Кулл.— Надо же кому-то спасти Брула от чудовищ... Расскажи обо всем Ка-ну и моему советнику Ту.

* * *

Проворчав что-то неразборчивое в ответ на почти-тельные расспросы стражников, Кулл оседлал своего громадного жеребца и ускорил из города. Он уехал один, приказав, чтобы никто не следовал за ним. То, что предстояло совершить королю, он должен был сделать в одиночку. Ведь Кулл не хотел, чтобы кто-нибудь из граждан Валузии увидел, как он вытаскивает Брула или его бездыханное тело из Запретного Озера. Король проклинал нахальную опрометчивость пикта и запрет, нарушение которого могло вызвать мятеж.

Сумерки уже напознали с гор Залгар, когда Кулл остановил коня на берегу озера, лежавшего посреди огромного глухого леса. С виду озеро казалось совершенно обычным. Его воды мирно накатывались на широкие белые пляжи, а крохотные островки, темнеющие вдали, казались украшениями из изумрудов и

нефрита. Слабый мерцающий туман распростер над озером свои крыла, создавая ощущение сверхъестественного, ленивого покоя. Кулл долго прислушивался и ему показалось, что из сапфировых глубин доносится слабая далекая музыка.

Кулл раздраженно выругался. «Уж не затевается ли здесь какое-то колдовство?» Потом король сбросил дорожные одежды и украшения, за исключением пояса и набедренной повязки. Сжимая меч, ступил он в мерцающую голубую воду и уверенно пошел вперед, пока вода не стала доходить ему до пояса. Зная, что дальше дно резко идет вниз, Кулл набрал полную грудь воздуха и нырнул.

Погружаясь в сапфировые глубины, Кулл подумал о том, что он, возможно, совершил ошибку. Ему следовало разузнать у Саремес, какое место на озере Брул выбрал для купания. Но потом король подумал, что кошка могла и не ответить ему. А даже если бы она стала уверять, что Куллу суждено потерпеть неудачу, король все равно попытался бы спасти друга. Так что Саремес была права, говоря, что человеку лучше не знать своего будущего. А что касается того места, где на Брула напали, то, пока Кулл добирался до озера, чудовище могло утащить Копьебоя куда угодно. Поэтому Кулл решил в первую очередь осмотреть дно озера...

Как раз, когда он подумал об этом, мимо него скользнула какая-то тень, нечто, чуть отличавшееся цветом от нефритового и сапфирового мерцания глубин озера. А через мгновение Кулл увидел, что тени приближаются к нему. Глубоко под ногами он начал различать странное свечение, исходящее со дна озера. Теперь тени окружали его со всех сторон. Они сплели вокруг короля причудливую сеть, постоянно меняющуюся, сверкающую паутину света, переливающуюся тысячами оттенков. Вода здесь светилась, словно пылающий топаз, и таинственные существа колыхались и искрились в волшебном великолепии подвод-

ного мира. Больше всего они напоминали разноцветные тени, туманные и призрачные и вместе с тем, без сомнения, материальные.

Однако Кулл вскоре решил, что тени не собираются нападать на него. Тогда он перестал обращать на них внимание и начал разглядывать дно озера. Опускаясь все глубже и глубже он наконец коснулся дна. Кулл мог бы поклясться: он наступил на что-то живое, так как почувствовал ритмичную вибрацию под ногами. Дно озера излучало свечение, но довольно слабое. Кулл видел шагов на тридцать, а дальше все терялось в сапфировом сумраке. Дно озера было плоским. Свечение то постепенно разгоралось, то угасало. Кулл посмотрел под ноги и увидел, что дно покрывает какая-то растительность, похожая на мох, светящаяся словно белое пламя. Казалось, на дне озера расселись мириады светляков, одновременно поднимающие и опускающие свои крылышки. Этот мох пружинил у Кулла под ногами, как живое существо.

Кулл начал подниматься к поверхности. Выросший среди прибрежных гор Атлантиды — далекого острова в Атлантическом море, он великолепно плавал и мог оставаться под водой в два раза дольше обычного ныряльщика. Но это озеро было большим, и Кулл решил беречь силы. Он вынырнул, наполнил свою мощную грудь воздухом и снова нырнул. Вновь тени закружились вокруг него, ослепляя короля своим призрачным блеском. На этот раз Кулл погружался быстрее и, достигнув дна, поплыл прочь от берега. Светящийся мох сиял, освещая дно, а разноцветные тени кружили вокруг короля. Но постепенно их сменили другие чудовищные, кошмарные тени, отбрасываемые невидимыми существами. Чуть подальше от берега дно устилали черепа и кости людей, осмелившихся нарушить покой Запретного Озера.

Неожиданно что-то огромное обрушилось на Кулла, словно шквал. В первый момент король подумал,

что это огромный осьминог, так как телом чудовище напоминало осьминога. У него были гибкие длинные щупальца... Но когда тварь оказалась рядом, Кулл увидел, что у нее есть ноги, как у человека. Жуткое лицо уставилось на короля из чащи изгибающихся, змеящихся щупальцев. Правитель Валузии встал на дно, уперся ногами в светящийся мох. Найдя точку опоры, он почувствовал, что страшные щупальца обвиваются вокруг его тела, и хладнокровно обрушил меч на дьявольский лик. Существо отступило и осело. Странная тварь сдохла у ног короля. Кровь расплылась вокруг алым туманом. Пора было вновь глотнуть воздуха. Кулл, сильно оттолкнувшись от дна, устремился вверх.

Выскочив из воды словно пробка, он бросил мимоletный взгляд на запад. Солнце уже готовилось нырнуть за горизонт.

Не успел Кулл отдышаться, как увидел огромную тушу, скользящую к нему по поверхности. Это был водяной паук, но размером побольше кабана. Холодные глаза гигантского насекомого сверкали адским пламенем. Кулл, держась у поверхности, работая ногами и свободной рукой, занес меч для удара и, когда паук бросился на него, рассек тварь надвое. Туша чудовища исчезла, опустившись на дно.

Легкий шум заставил Кулла обернуться. Еще один паук, покрупнее первого, был уже почти рядом.

Тварь попыталась сковать движения короля, оплести ему руки чудовищной паутиной. Но Кулл порвал жуткие липкие нити, словно гнилые веревки, и, схватив за лапу, нависшую над ним тварь, начал тыкать тварь мечом... Паук быстро вырвался и заскользил прочь, обогрив воду ядовитой кровью.

— Валка! — выругался король. — Похоже, озеро — настоящий рассадник самых гнусных тварей. Впрочем, убивать их легко. Как же им удалось пленить Брула, который считается после меня вторым воином во всех Семи Королевствах?

Но оказалось, что в водах Запретного Озера водятся чудища и пострашнее...

Кулл вновь нырнул, и на этот раз увидел лишь пляску разноцветных теней и кости безвестных мертвецов. Вынырнув, он глубоко вдохнул и опять нырнул, уже в четвертый раз. Теперь он был неподалеку от одного из островков. Плавая под водой, Кулл размышлял о том, какие странные тайны скрывают густые изумрудные заросли этих островов.

Король решил пока обойти их стороной.

Легенда утверждала, что храмы и святилища, высившиеся на этих островах, воздвигнуты руками ужасных тварей. Говорили, что иногда обитатели озера по ночам поднимаются из глубин и выходят на берег, чтобы исполнить отвратительные ритуалы.

Король собирался снова нырнуть, когда у него за спиной послышался слабый шорох. Кулл, предупрежденный врожденным чутьем варвара, вовремя обернулся, чтобы увидеть летящее на него огромное тело. Эта тварь отвратительным образом сочетала в себе черты и человека, и зверя.

Гигантские пальцы сомкнулись на предплечьях короля и потащили его ко дну. Он отчаянно сопротивлялся, но тварь зажала ту руку, в которой Кулл держал меч, мертвой хваткой. Когти чудовища глубоко впились в левое запястье короля. И все же Куллу удалось развернуться так, что теперь он, по крайней мере, мог разглядеть противника.

Голова чудовища чем-то напоминала голову огромной акулы, но ее морду венчал длинный жуткий рог, изогнутый, словно сабля. У твари оказалось четыре руки, но гигантского размера. Пальцы отвратительного создания заканчивались кривыми когтями. Двумя руками чудовище крепко держало Кулла, а двумя другими выгибало голову короля назад, видимо желая сломать ему шею.

Однако не так-то легко было справиться с Куллом из Атлантиды. Дикая ярость охватила короля.

Упираясь обеими ногами в дно, Кулл чудовищным усилием вырвал левую руку и попытался перехватить меч, зажатый в правой руке. Но ничего из этого не получилось. Тогда Кулл в отчаянии обрушил свой кулак на морду чудища. Но сапфировая вода, ослабила силу удара.

Человек-акула опустил голову, видно собираясь насадить жертву на рог. Но прежде чем он смог нанести удар, Кулл ухватился за его рог левой рукой. Мускулы короля напряглись словно стальные канаты.

Состязание в силе и выдержке продолжалось. Кулл не мог быстро двигаться в воде и знал, что единственная надежда на победу — держаться вплотную к чудовищу. Он снова попытался высвободить руку с мечом, и человеку-акуле пришлось вцепиться в нее всеми четырьмя руками.левой рукой Кулл по-прежнему держался за рог, чтобы тварь не прикончила его одним ужасным ударом. В свою очередь человек-акула так и не осмелился отпустить хоть одну из своих рук от руки, в которой Кулл сжимал меч.

Они боролись, кружась возле самого дна. И тут Кулл понял, что если так будет продолжаться и далее — он обречен. Король уже начал ощущать стеснение в груди. А блеск в холодных глазах человека-акулы явственно говорил: «Я знаю: мне достаточно лишь удержать тебя под водой еще на какое-то время. Каким бы замечательным пловцом ты не был, скоро ты захлебнешься».

Ни один обычный человек не смог бы победить в таком поединке. Но король Валузии не был обычным человеком. Он был варваром из Атлантиды и обладал стальными мускулами и трезвым рассудком, которые и делают человека великим воином. Кроме этого, Кулл никогда не ведал страха, и сейчас грудь его разрывалась от ярости. Понимая, что вот-вот проигрывает, Кулл в какое-то мгновение возненавидел себя за собствен-

ную беспомощность... И тогда он решился на отчаянный поступок.

Отпустив рог чудовища и одновременно метнувшись в сторону, насколько это возможно, он вцепился левой рукой в одну из рук твари. Человек-акула немедленно нанес удар. Его рог скользящим движением распорол бедро Кулла и — неслыханная удача — застрял в тяжелом поясе Кулла. Пока тварь пыталась выпутаться, король изо всех сил сдвигал руку чудовища и почувствовал, как кости хрустнули под его пальцами. Плоть чудовища начала расползаться под стальными пальцами Кулла, словно гнилой плод.

Пасть человека-акулы беззвучно распахнулась, морда скривилась от боли. Он вновь нанес удар рогом. И снова Кулл увернулся. Потеряв равновесие, противники перевернулись и, продолжая бороться, стали медленно опускаться на дно, в самую гущу светящихся мхов. Кулл наконец-то высвободил руку с мечом и ударом снизу вверх распорол чудовищу брюхо.

Вся схватка продолжалась считанные секунды, но Кулла, высвободившемуся из лап ужасной твари и рванувшемуся наверх, казалось, что он провел под водой несколько часов. В голове звенело, ребра болели, легкие жгло. Король заметил, что дно озера резко поднимается. Видимо его отнесло к одному из островков...

И тут вода вокруг короля вскипела. Он почувствовал, как гигантские кольца стиснули его с головы до пят. У Кулла не осталось сил, чтобы бороться. Он едва не потерял сознание. Его потащили куда-то со страшной скоростью. В ушах раздался звон далеких колоколов, и вдруг тело Кулла подняли над водой. Король широко раскрыл рот и живой вихрь воздуха хлынул в легкие.

Борясь с головокружением, Кулл хотел было рассмотреть, в плен какой твари он попал на этот раз,

но не успел, так как неведомый враг вновь утянул короля под воду.

В мягком пульсирующем свете подводного мира Кулл увидел далеко внизу дно, заросшее светящимся мхом. Оказалось, в этот раз тело короля сжимала своими кольцами огромная змея, обвившаяся несколько раз вокруг тела короля. Она тащила своего пленника неведомо куда.

Кулл не пытался сопротивляться. Он берег силы. Если змея не продержит его под водой слишком долго, у него, несомненно, будет возможность сразиться с нею в ее логове или там, куда она затащила его. К тому же Кулл был стиснут так, что не мог даже пошевелиться.

Змея, стремительно несущаяся сквозь голубую бездну, показалась Кулла самой огромной из всех, что он видел за свою жизнь. В ней было сотни две футов. Нефритовые и золотистые чешуйки складывались в причудливые красочные узоры. Глаза твари горели ледяным огнем. Но даже сейчас Кулл не пал духом, хотя оказался во власти огромного золотисто-зеленого чудовища.

Сияющее, как драгоценность, дно вновь стало повышаться. Возможно, впереди был островок, а может, и берег озера. И тут внезапно впереди открылся темный зев огромной пещеры. Змея устремилась туда. Заросли огненного мха кончились. Кулла окружила непроницаемая тьма. А через мгновение змея снова подняла его над водой. Казалось, путешествие продолжается бесконечно. Но вот чудовище вновь нырнуло.

И снова стало светло. Но это был свет, какого Кулл раньше никогда не видел. Бледное сияние тускло мерцало над темной, как эбонит, водной гладью. Это был неземной черный, колдовской свет. Он казался черней любой тьмы. Только теперь Кулл понял, что змея унесла его в Зачарованную Страну, сокрытую под дном Запретного Озера. Кольца змеи

неожиданно разжались, и тварь отбросила короля вперед, туда, где смутно вырисовывались очертания чего-то огромного...

Кулл поплыл вперед, изо всех сил работая руками и ногами. Вскоре он уже смог различить очертания домов и огромных башен. Перед ним раскинулся огромный город. Он стоял на краю равнины из черного камня и поднимался все выше и выше, пока шпили его мрачных строений не терялись в полутьме. Громадные, массивные кубические постройки из мощных глыб базальта встали перед королем Валузии, когда он вылез из воды и поднялся на набережную по высеченным в камне ступеням. Только тут Кулл заметил, что вдоль всего берега между зданий возвышаются колоссальные обелиски.

Ни один проблеск живого земного света не смягчал ужасающей мрачности подземного города. Именно от его стен и башен исходило черное мерцание, пульсирующее над сумрачными водами. Чуть отойдя от края причала, Кулл увидел, что перед ним, там, где здания расступались, образуя обширную площадь, собралась огромная толпа каких-то существ.

Король Валузии прищурился, пытаясь приспособиться к странному освещению. Существа подошли поближе. Они тихо перешептывались, разглядывая короля. Их голоса казались шелестом трав под порывами ночного ветра. Подземные жители выглядели призрачными, нематериальными. Но глаза их горели злобным огнем.

Одно из существ выступило вперед. Оно напоминало человека, и черты бородатого лица говорили о благородном происхождении, но густые брови были мрачно нахмурены.

— Ты явился сюда как и подобает вестнику твоего народа! — обратился к Куллу подземный житель. — Ты пришел окровавленным, с обнаженным мечом в руке!

Кулл сердито усмехнулся.

— Валка и Хотат! — выругался он. — Большая часть этой крови — моя собственная, и пустили мне ее гнусные твари из вашего проклятого озера!

— Смерть и разрушение идут по пятам за людьми, — мрачно продолжал незнакомец. — Нам ли не знать этого? Мы жили под Озером Голубых Вод еще задолго до того, как человечество узнало о богах.

— Никто из моих подданных не досаждал вам... — начал было Кулл.

— Они боятся. Когда-то люди земли попытались вторгнуться в нашу темную обитель. Мы убили их, и началась война между людьми и народом Озера. Мы ополчились на людей и посеяли ужас в их сердцах. Мы знали, что люди несут нам смерть. И плели чары, сплетали заклинания, сводящие людей с ума, калечащие их души. Тогда наши враги запросили мира... Все было точно так, как я говорю... По нашему повелению люди наложили запрет на Озеро. Ни один человек не может войти в наш город, кроме короля Валузии... Так было решено тысячелетия назад. И с тех пор любой человек, ступивший на берег Зачарованной Земли, умирает... Его тело всплывает в тихих водах Верхнего озера. Если ты не король Валузии, ты обречен!

— Не нужна мне ваша проклятая обитель! — возмущенно объявил Кулл. — Я ишу Брула, Копьебоя, которого вы похитили.

— Ты лжешь, — ответило создание мира тьмы. — Ни один человек не осмеливался нарушить покой Озера уже более столетия. Ты пришел в поисках сокровищ. А может, ты хочешь изнасиловать наших женщин и убить наших мужчин... Ты умрешь!

— Но я — король Валузии. А это значит...

— Это не имеет значения. Владыка людей должен явиться покорно склонившись, а не с обнаженным мечом в руке. Ты умрешь!

Кулл услышал зловеющий шепот. Подземные люди зашептали заклятия. Постепенно их слова начали об-

ретать материальную форму. Они проплывали в мерцающем свете, словно легкие паутинки, оплетали Кулла зыбкими щупальцами. Легким движением меча, сбросив с себя сонные покровы, король Валузии разразился проклятиями. Он без труда разорвал колдовские оковы. Древняя вырождающаяся магия оказалась бессильна против суровой примитивной логики дикаря.

— Ты молод и силен,— снова обратился к Куллу повелитель страны теней.— Гниль цивилизованных людей еще не проникла в твою душу, и наши чары не могут убить тебя. Ты не понимаешь их...

Тут обитатели подземного города обнажили кинжалы и стали наступать на Кулла.

Тогда король расхохотался. Отойдя на несколько шагов, он прижался спиной к одному изobeliskов. Пальцы Кулла сжали рукоять меча так крепко, что мышцы на его правой руке вздулись огромными узлами.

— Вот это игра, правила которой мне отлично известны! — усмехнулся король.

Люди-тени замерли.

— Не пытайся избежать собственной судьбы,— приказал Куллу старик.— Мы бессмертны, и нас нельзя убить оружием смертных.

— А вот теперь ты лжешь! — ответил Кулл с хитростью варвара.— Ведь, по твоим же собственным словам, ты боишься смерти, которую люди несут с собой. Ты можешь жить вечно, но стальной клинок с легкостью оборвет нить твоей жизни. Подумай сам. Все вы изнежены и слабы, не умеете обращаться с оружием... Я вижу, как вы держите кинжалы... А я был рожден для того, чтобы убивать. Может, вы и покончите со мной. Ведь вас в этом городе тысячи, а я один. Но ваши чары бессильны, и многие из вас погибнут прежде чем я паду под ударами ваших клинков... Я стану убивать вас десятками, сотнями... А теперь подумайте, стоит ли платить за мою жизнь такую цену?

Увидев, что у врагов есть кинжалы, Кулл понял, что раз у подземных жителей под рукой оказалось такое оружие, то, значит, они им пользуются и, скорее всего, сами могут погибнуть от его ударов.

Теперь король Валузии не боялся, он готов был обрушиться на своих врагов — страшный и окровавленный варвар из далекой Атлантиды. Тем не менее он предпочел бы остаться в живых.

— Выбирайте сами: или вы приведете ко мне Брула и отпустите нас, или, когда стихнет битва, мой труп будет покоиться на горе тел,— продолжал он.— К тому же среди моих наемников есть пикты и лемурийцы, которые отправятся на поиски моего тела даже в глубины Запретного Озера. Они зальют вашей кровью Зачарованную Страну... Ведь они дикие люди, живущие по собственным законам. Варвары не почитают запретов цивилизованных народов. Им наплевать на то, что потом может случиться с Валузией. Они будут думать только обо мне, таком же варваре, как и они сами.

— Старый мир предан забвению. Скоро придет и наш конец...— мрачно произнес владыка подземной страны.— Мы, обладавшие когда-то беспредельной властью, должны выслушивать дерзости дикаря!.. Клянись, что ты больше никогда не войдешь в воды Запретного Озера и не позволишь другим нарушить этот запрет. Тогда мы отпустим тебя.

— Вначале приведите ко мне Копьебоя.

— Такого человека никогда не было и нет в нашем городе.

— Но кошка Саремес сказала мне...

— Саремес?.. Мы знаем ее уже давно. Однажды она нырнула в зеленые воды и несколько столетий провела в Зачарованной Стране. Она обладает мудростью столетий, но я не знал, что она говорит языком людей... Я повторяю: человека, которого ты ищешь, здесь нет. Я клянусь...

— Можешь мне не клясться ни богами, ни дьяволами,— перебил его Кулл.— Дай мне честное слово, как настоящий человек.

— Я даю его тебе,— объявил правитель подземной страны, и Кулл поверил ему. В голосе владыки было что-то такое, отчего Кулл чувствовал себя маленькой щепкой в безбрежном бурном океане.

— И я даю тебе свое слово. Ни один человек отныне не преступит запретной черты и не станет досаждать вам,— ответил Кулл.

— Я верю тебе. Ты не похож на людей, которых я знал. Ты настоящий король и, я надеюсь, человек, верный своему слову.

Кулл поблагодарил владыку подземного города и, убрав меч в ножны, повернулся к ступеням, собираясь возвращаться тем же путем, что попал сюда.

— А знаешь ли ты, как выбраться во внешний мир, король Валузии?

— Нырну, поплыву вперед да уж как-нибудь выберусь. Змея тащила меня довольно долго...

— Ты храбр,— удивился подземный правитель,— но так ты можешь проплыть во тьме до самой смерти.

Он воздел руки к каменному своду, и появившийся неизвестно откуда-то бегемот подплыл к набережной и остановился у подножия лестницы.

— Не слишком грациозный конь,— продолжал правитель города,— но зато он быстро отнесет тебя на берег Верхнего озера.

— Минутку,— замешкался Кулл.— Все же скажите мне: где я сейчас? Под островом или под сушей? Может, эта земля и правда, согласно легендам, лежит в другом мире?

— Ты в самом центре Вселенной... Время и пространство — все это лишь иллюзия. Они не существуют, они — лишь порождение разума человека, который вынужден ставить себе ограничения и преграды.

Существует лишь абсолютная реальность. А то, что окружает нас,— только ее внешние проявления, точно также как Верхнее озеро лишь отдаленное подобие этого, истинного... Теперь же иди, король. Ведь ты же сдержишь свое слово...

Кулл слушал с почтением, мало что понимая из речей подземного жителя, но догадываясь, что в них содержится великая мудрость. На прощание король Валузии пожал руку правителю подземного города, слегка содрогнувшись от прикосновения нечеловеческой плоти. Он в последний раз окинул взглядом безмолвные громады черных зданий, перешептывающиеся, похожие на мотыльков фигуры у их подножия и сверкающую агатовую поверхность вод, по которой, словно пауки по паутине, пробегали волны черного света.

Повернувшись, Кулл спустился к воде и прыгнул на спину бегемота.

Они долго плыли по пещерам. Через водовороты и бурлящие пороги нес Кулла огромный зверь. Из темноты раздавались вздохи гигантских невидимых чудищ. Большей частью бегемот плыл так, что голова Кулла торчала из-под воды, и король мог дышать, но иногда зверю приходилось нырять и плыть по подводным лабиринтам. Наконец Кулл увидел светящийся волшебный мох, устилавший дно озера.

Бегемот вынес короля из подводной пещеры. Он отнес Кулла к тому месту, где король вошел в воду. Жеребец Кулла терпеливо стоял там, где король оставил его. Луна едва начала подниматься над озером. Кулл даже воскликнул от удивления.

— Клянусь Валкой! Похоже, что все путешествие заняло не больше часа! А я-то думал, что с тех пор прошло много часов или даже дней.

Он вскочил в седло и поскакал в столицу Валузии, раздумывая о том, что в словах правителя подземного мира о времени и впрямь кроется истина.

Кулл устал, был сердитым и чувствовал себя одуроченным. Воды озера смыли с него кровь, но долгая скачка заставила рану на бедре вновь открыться, и кровь потекла снова. Более того, у короля онемела нога и это его раздражало. Но больше всего он сердился из-за того, что кошка Саремес солгала ему. То ли она сама ошиблась, то ли послала короля к озеру с каким-то злым умыслом, чуть не отправив его на тот свет... Но зачем ей было так поступать?

Король ругнулся, вообразив, что скажет ему советник Ту. Конечно, даже говорящая кошка может ошибаться, но отныне Кулл решил, что впредь никогда не станет следовать ее советам.

Кулл промчался по молчаливым улицам древнего города, залитым серебристым лунным светом, и стражи у ворот разинули рты при его появлении, но, поступили мудро, воздержавшись от расспросов.

Когда Кулл появился во дворце, там царило смутное. Ругаясь, Кулл пробрался в Зал Совета, а оттуда в покои кошки Саремес. Кошка невозмутимо лежала, свернувшись калачиком на подушке. А вокруг, стремясь перекричать друг друга, толпились советники короля.

Раба Китулоса нигде не было видно. Кулла встретил настоящий взрыв восклицаний и вопросов, но он, ни слова не говоря, направился прямо к подушке Саремес и устался на кошку.

— Саремес! — обратился король к животному. — Ты солгала мне.

Кошка холодно посмотрела на короля, зевнула и ничего не ответила. Кулл пришел в замешательство, и тут Ту схватил за руку своего повелителя.

— Ваше Величество, во имя Валки, где вы были? Откуда эта кровь?

Кулл раздраженно отмахнулся.

— Оставим это, — рявкнул он. — Эта кошка отправила меня к черту в зубы. Где Брул?

— Кулл!

Король тут же обернулся и увидел, что Брул только что вошел в комнату. Одежда пикта была в дорожной пыли. Бронзовое лицо пикта оставалось бесстрастным, но в его темных глазах горели радостные огоньки.

— Во имя всех дьяволов! — выругался воин, пытаясь скрыть свои чувства. — Мои всадники прочесали все холмы и леса в поисках тебя. Где тебя носило?

— Бродил по дну Запретного Озера, разыскивая твою ничемную душу, — угрюмо ответил Кулл, хотя он очень обрадовался, увидев, что пикт жив и здоров.

— Запретное Озеро! — удивился Брул с непосредственностью дикаря. — Ты что, спятил? Что бы я стал там делать? Вчера я отправился с Кану к границе Зарфханы, а когда мы вернулись, то первое, что услышали, — это вопли Ту. Советник собирался отправить всю армию на твои поиски. Мои люди посккали во всех направлениях, кроме дороги на Запретное Озеро. Нам и в голову не пришло искать тебя там.

— Саремес солгала мне... — начал было Кулл.

Но его слова утонули в шуме возбужденных голосов советников, требовавших, чтобы король никогда больше не исчезал, бросив Валузию на произвол судьбы.

— Тише! — проревел Кулл, воздев руки к потолку. В его глазах загорелся опасный огонек. — Валка и Хотат! Что я вам — младенец, чтобы меня отчитывали за шалости? Ту, что здесь произошло?

В тишине, наступившей после вспышки королевского гнева, снова заговорил Ту:

— Ваше Величество, нас с самого начала водили за нос. Говорящая кошка — сплошной обман. Это — мошенничество.

— Что?

— Ваше Величество, разве вы никогда не слышали о людях, которые могут говорить так, что кажется, будто говорит совсем другой человек?

Кулл густо покраснел.

— Да, во имя Валки! Я настоящий дурак, раз позабыл об этом! Старый колдун из Лемурии обладал этим даром... Но кто же говорил за...

— Китулос! — воскликнул Ту. — И я оказался таким же дураком, не принимая его в расчет. Пусть он и раб, но он же величайший ученый Валузии и мудрейший человек во всех Семи Королевствах. К тому же он раб этой злодейки Делькарды, которая — слава богам! — уже корчится на дыбе.

Кулл громко чертыхнулся.

— Да, — помрачнев уверил Ту своего господина. — Когда я узнал, что вы ускакали неведомо куда, я заподозрил измену. Тогда я и припомнил, что Китулос обладает способностью чрево вещания, а также то, что кошка всегда рассказывала вам лишь о мелочах, но никогда не произносила великих пророчеств, придумывая путанные отговорки. Тогда-то я понял, что Делькарда подсунула вам эту кошку и Китулоса, чтобы одурачить вас и втереться в доверие, а потом обречь вас на смерть. Я послал за Делькардой, приказал пытать ее и она во всем созналась. У нее были коварные планы... И подумайте только, раб должен был день и ночь сопровождать Саремес. Как же иначе, раз ему приходилось чрево вещать и морочить вам голову.

— А где же Китулос? — спросил Кулл.

— Он исчез, когда я явился в покои Саремес и..

— Эй, Кулл! — донесся до короля чей-то жизнерадостный голос, и в дверях появился мужчина, похожий на бородатого эльфа. Его сопровождала стройная испуганная девушка.

— Ка-ну и Делькарда! Так, значит, палачи еще не выпытали все твои тайны!

— Ваше Величество! — воскликнула красавица, бросившись к королю и упав на колени пред ним. Она обвила руками могучие ноги Кулла. — Ваше Величество, они обвинили меня в ужасных вещах! Может быть я и виновата в том, что обманула вас, господин мой, но я не желала вам ничего плохого! Я хотела только выйти замуж за Кулла Тума!

Кулл поднял девушку на ноги. Он еще сердился, но ему было жаль красавицу. Видно было, что девушка очень испугана и раскаивается.

— Кулл, — воскликнул Ка-ну. — Хорошо, что я вернулся именно сейчас, а не то ты с Ту перевернул бы все королевство с ног на голову!

Советник скривился, но ничего не сказал. Он постоянно ревновал к посланнику пиктов, который тоже был ближайшим советником Кулла.

— Я возвращаюсь и что же вижу? Во дворце суета, люди бегают, вопят и толкаются, непонятно зачем. Я отправил Брула и его всадников поискать тебя, а сам заглянул в камеру пыток — куда же мне еще было идти, раз уж Ту здесь раскомандовался...

От этих слов советник скривился еще сильнее.

— Да, в камеру пыток, — продолжал Ка-ну совершенно невозмутимо. — Там я обнаружил, что куча дураков собирается пытать маленькую Делькарду. Она рыдала и готова была признаться во всех смертных грехах. Только вот палачи Ту почему-то ей не верили. А ведь она всего лишь шаловливый ребенок. Вот я и притащил ее сюда. Послушай, Кулл, Делькарда говорила правду, утверждая, что Саремес — ее гостя и что эта кошка невероятно стара. Правда и то, что она кошка Древних, и что умней других кошек. Она приходит и уходит, когда ей это угодно. И все же она обычная кошка. У Делькарды были друзья среди придворных. Они-то и сообщили девушке о таких мелочах, как письмо, спрятанное в ножнах клинка, и об излишке в казне. Придворный, принесший весть, был одним из друзей Делькарды. Обнаружив излишек, он

вначале сообщил об этом Делькарде, а потом королевскому казначею. Ее «шпионы» были самыми верными твоими сторонниками. Их сообщения не приносили тебе вреда. Они знали, что Делькарда не может замыслить ничего дурного. Девушка же думала, что Китулос, говоря устами Саремес, завоюет твое доверие мелкими пророчествами. А потом убедит тебя разрешить ей выйти за Кулла Тума, она хотела добиться осуществления ее единственного заветного желания.

— Тогда выходит, что Китулос оказался предателем,— объявил Ту.

В этот миг у дверей покоев раздался шум и вошли стражники. Они тащили за собой высокого тощего человека со связанными за спиной руками. Лицо его было скрыто вуалью.

— Китулос!

— Да, это он,— подтвердил Ка-ну немного растерявшись.

Китулос носил вуаль, прикрывая лицо, чтобы скрыть движение губ и работу шейных мышц, когда он говорил вместо Саремес.

Кулл разглядывал безмолвную фигуру, стоявшую перед ним, подобно статуе. Все умолкли, как если бы по комнате пронесся порыв ледяного ветра. В воздухе повисла напряженная тишина. Делькарда глядела на своего бывшего раба расширившимися от страха глазами. Стражники сбивчиво рассказали, что раб был схвачен при попытке покинуть дворец. Он хотел воспользоваться одним из потайных выходов.

Вновь наступило напряженное молчание. Кулл шагнул вперед и протянул руку, чтобы сорвать вуаль с лица пленника. Король спокойно встретил взгляд двух горящих глаза. Никто не заметил, как Ка-ну стиснул кулаки и напрягся, словно готовясь к яростной схватке.

Кулл уже коснулся к вуали, когда странный звук неожиданно нарушил молчание. Похоже было, что

кто-то всем телом бьется об пол. Шум, казалось, доносился из стены, и Кулл, перелетев через комнату одним прыжком, навалился на панель, из-за которой доносился этот шум. Потайная дверь распахнулась, открыв вход в пыльный коридор. Там на полу лежал человек с заткнутым ртом, связанный по рукам и ногам. Слуги вытащили его оттуда и, освободив несчастного, помогли ему подняться на ноги.

— Китулос! — воскликнула Делькарда, узнав своего раба.

Кулл вздрогнул. Черты лица этого человека, уже не скрытые вуалью, были утонченными и добродушными. Больше всего он напоминал мудреца из детской сказки.

— Да, господа,— поклонился ученый-раб, приветствуя короля и собравшихся в комнате придворных.— Тот, на ком теперь моя вуаль, набросился на меня, выскочив из-за потайной двери. Он повалил меня и связал. Я долго лежал в этом пыльном коридоре. Я слышал, как самозванец отослал короля на Запретное Озеро. Видимо, он надеялся, что король Валузии погибнет... Я не мог ничего сделать.

— Тогда кто же этот злодей?

Все взоры обратились к пленнику в вуали. Кулл вновь подошел к нему.

— Ваше Величество, берегись! — воскликнул подлинный Китулос.— Это...

Одним движением Кулл сорвал вуаль и отпрянул, вскрикнув. Делькарда завопила и упала в обморок, советники отступили, побледнев, а стражники, испугавшись, окаменели, пораженные ужасом.

Вместо лица у самозванца белел голый череп, глазницы которого пылали адским огнем!

— Тулса Обреченный! Так я и думал! — воскликнул Ка-ну.

— Да, это я — Тулса Обреченный. Трепещите, глупцы! — прозвучал голос, доносившийся словно из глубины пещеры.— Я — величайший из всех колду-

нов и твой извечный враг, Кулл из Атлантиды. В этот раз ты победил, но берегись! Я не собираюсь отступать.

Одним решительным движением колдун разорвал оковы на руках и пошел к двери сквозь расступившуюся толпу. Никто не посмел встать у него на пути.

— Ты чудовищный глупец, Кулл,— промолвил колдун уже у самой двери.— Иначе ты никогда бы не спутал меня с Китулосом, таким же дурнем, как и ты...

Кулл вынужден был согласиться с этим. Хотя мудрец и чародей были схожи ростом и обликом, плоть ужасного колдуна напоминала тело мертвеца. Король застыл на месте. Но не от испуга, как остальные. Он был поражен столь неожиданным поворотом событий. Потом, когда все очнулись, словно пробуждаясь от сна, Брул ринулся вперед, охваченный безмолвной яростью. Его изогнутый меч сверкнул, как молния, и вонзился меж ребер Тулсы Обреченного, проткнув колдуна насквозь, так что конец клинка выступил из живота.

Брул отпрянул, рывком высвободил меч. Затем замахнулся, чтобы нанести, если нужно, еще один удар. Однако ни капли крови не выступило из раны, которая для обычного смертного была бы смертельной. Колдун повернулся и снисходительно усмехнулся.

— Я умер много столетий тому назад! — пробормотал он сквозь крепко сжатые зубы.— Я покину этот мир лишь когда пробьет мой час, не раньше. Видите, я не истекаю кровью. Она давно высохла в моих венах. Я чувствую лишь легкий холодок... Да и он пройдет, когда рана затянется... А теперь, шут, прочь с моего пути! Сейчас я покину вас, но я еще вернусь, и ты умрешь в мучениях, когда это случится... А пока подлечись, Кулл... и приготовься ко встрече со мной!

И пока Брул пытался понять, что же все таки происходит, а Кулл стоял, остоленев от удивления,

Тулса Обреченный перешагнул порог комнаты и у всех на глазах растворился в воздухе.

* * *

— По крайней мере, ты победил в этой схватке. Тулса Обреченный сам это признал,— сказал Ка-ну, обращаясь к Куллу.— В другой раз мы должны быть осторожнее. Этот колдун — воплощение Зла. Он владеет черной, нечестивой магией и ненавидит тебя. И еще он слуга Великого Змея, жрецов которого ты уничтожил.

— Я не боюсь его,— ответил пикту Кулл.— Но в другой раз буду настороже и награжу колдуна ударом доброго меча, даже если его и в самом деле нельзя убить. Хотя лично я в этом сомневаюсь... У живого мертвеца должно быть уязвимое место.— Потом король повернулся к Ту: — Почтеннейший советник, похоже на то, что у цивилизованных народов тоже существуют табу, раз люди не бывают на берегах Запретного Озера.

— Ваше Величество, это ведь не языческое табу, такое, как в твоём племени.— Ту отвечал сердито, ибо был возмущен тем, что Кулл разрешил Делькарде выйти замуж за ее избранника.— Это дело государственное. Запрет наложен, чтобы сохранить мир между Валузией и обитателями озера, которые сплошь отвратительные колдуны.

— Мы в Атлантиде уважаем табу, стараемся не оскорбить невидимых духов тигров и орлов,— кивнул Кулл.— А раз так, то нет никакой разницы между обычаями варваров и табу цивилизованных народов.

— Ваше Величество, вы должны опасаться Тулсы Обреченного. Пусть он пока скрылся, незрим и безвреден для нас, но он вернется,— попытался перевести разговор на другую тему старый советник.

— Ах, Кулл,— вздохнул Ка-ну,— Как трудна наша жизнь в сравнении с твоей. Брул и я в этом Зарфхане напились вдрызг, я свалился с лестницы и теперь

хожу весь в синяках. А ты тем временем, залечивая раны, нежился в нечестивой лени на царственных шелках.

Кулл лишь наградил пикта кислым взглядом и, ничего не сказав, повернулся к нему спиной, уставившись на дремлющую Саремес.

— В этой кошке нет колдовства, Кулл,— подошел к своему другу и господину Брул Копьебой.— Она мудра, но вся ее мудрость в ее взгляде. Говорить она не умеет, зато глаза у нее поразительные. А в остальном это самая обычная кошка.

— Да, Брул,— вздохнул король Кулл, любовно поглаживая ее шелковистую шкурку.— И все же — она волшебное существо... Очень древнее...

ЗАМОК ТИШИНЫ

И, нанеся десяток ран смертельных,
Поверг врага на землю Кулл король.
Он постучался в двери замка Череп
И рассмеялся...

Летописи Валузии

До сих пор этот день называют Днем Великого Страха.

В тот день испугался даже сам король Валузии — Кулл. Но ведь и он был всего лишь простым смертным. Хотя трудно было бы найти другого, столь же отважного человека...

Задолго до того дня Кулла посещали дурные предчувствия. Иногда спина его совершенно неожиданно покрывалась гусиной кожей, и холодный пот заливал лоб, а порой его охватывало странное чувство, скорее даже предчувствие какой-то ужасной надвигающейся беды. Однако это были лишь краткие мгновения душевной слабости. Короля окружали тайны, вокруг него плелись заговоры, да и в самом дворце владыки Валузии таилось что-то сверхъестественное...

Вначале Кулл чувствовал скорее отвращение, а не настоящий страх. Варвар с севера, король Кулл слыл человеком бесстрашным, поэтому люди надолго запомнили День Великого Страха.

В тот день Кулл испугался. Страшный ужас обрушился на него, проникнув до самых костей. Он превратил горячую кровь варвара в лед... Люди надолго

запомнили тот день, но, рассказывая о том, как Кулл испугался, они не испытывали презрения. Да и сам Кулл вспоминал тот день без стыда. Ведь все, что произошло в тот день, еще больше прославило великого воина...

* * *

В тот день Кулл праздно восседал на троне, лениво прислушиваясь к беседе своих друзей. В Тронном зале собрались Ту — главный советник короля, Кану — посланник пиктов, Брул, правая рука Кулла, а также раб Китулос — величайший ученый всех Семи Королевств.

— Весь мир вокруг нас иллюзия, — объяснял своим слушателям Китулос. — Все, что нас окружает, лишь внешние проявления глубинной Сути, лежащей за пределами человеческого понимания. Ведь не существует единиц измерения, с помощью которых человек мог бы измерить безграничное. Весь окружающий нас мир может по сути своей быть единым целым. Все в мире может произрастать от одного корня... Это отлично знал Раан, величайший мудрец Древности. Легенды говорят, что это именно он освободил людей от ига предрассудков и указал путь к величию.

— Он считался могущественным некромантом, — согласился Кану.

— Раан не был волшебником, — возразил Китулос. — Он не завывал, не бормотал заклинания, не гадал по потрохам змеи. Раан не любил шарлатанов. Он постиг основные принципы устройства вселенной, разгадал тайну стихий и понял, что, воздействуя на окружающий мир естественными силами, нельзя получить ничего сверхъестественного. Его творения могут показаться чудесами, но они являлись лишь результатом долгого труда и изобретательности ученого. Он всегда использовал только естественные силы. И делал он это с той же легкостью, с какой

мы можем разжечь огонь. Но все открытия Раана были недоступны обычным людям.

— Почему же он не раскрыл свои тайны? — удивился Ту.

— Знания не принесут людям добра. Пользуясь открытиями Раана, какой-нибудь злодей с легкостью мог бы поработить целый народ, нет, даже весь мир. Человечество должно постигать тайны природы постепенно, одновременно развиваясь духовно...

— Так ты говоришь, что все окружающее нас лишь иллюзия? — недоверчиво пробормотал Кану, искусный в интригах, но невежественный в философии и науке. Посланник пиктов с большим уважением относился к Китулосу. — Как же так? Ведь мы можем слышать, видеть и ощущать...

— Что такое внешний вид и звук? — возразил раб. — Что есть звук? Его можно рассматривать как состояние, обратное тишине. Тогда тишина — всего лишь отсутствие звука? Отсутствие чего-то не является материальной вещью. Это — пустота. А как может существовать пустота?

— А материальные предметы? — спросил Кану, озадаченный, словно ребенок, увидевший и вовсе невообразимую игрушку.

— Они — проявление реальности... Но рассмотрим тишину, как таковую. Если отталкиваться от теории Раана, то где-то существует некая сублимация — душа тишины. Ничто, ставшее чем-то материальным, отсутствие столь абсолютное, что оно приобрело вещественную форму. Кто из вас слышал полную тишину? Никто. Всегда существуют какие-то посторонние звуки — шепот ветра, гудение насекомых, даже шорох растущей травы или шепот песчинок в пустыне. Но в месте, где царит полная тишина, вообще нет звуков...

— Говорят, Раан, когда-то заключил духа тишины в огромной древней крепости и запечатал его навсегда, — сказал Кану.

— Да,— поддакнул Брул.— Я видел эту крепость. Огромная черная цитадель на вершине одинокой скалы в самой глуши Валузии. С незапамятных времен ее называют Черепом Тишины.

— Забавно! — вмешался в разговор Кулл. Похоже, разговор наконец-то заинтересовал его — Друзья мои, я был бы не прочь поглядеть на эту крепость!

— Одумайтесь, Ваше Величество,— возразил Китулос,— не стоит пренебрегать предостережениями Раана. Ведь он до сих пор считается самым мудрым ученым мира.

— Я слышал легенду о том, что он при помощи магии заточил демона в этом замке.

— Магия тут ни при чем. Он пользовался своими знаниями сил природы. И не демона заточил он там, а стихию, угрожавшую существованию людей. У этой стихии невероятная сила, и подтверждается это тем, что даже самому Раане не удалось уничтожить ее. Он смог лишь заточить ее на долгие века.

— Довольно сказок!— с недоверием отмахнулся Кулл.— С тех пор как умер Раан прошло много тысяч лет, но при одной мысли об этом у меня голова кругом идет. Я сам отправляюсь осмотреть Череп Тишины... Кто поедет со мной?

* * *

Через несколько дней, на рассвете, все участники спора в сопровождении сотни Алых Стражей, могучих воинов Валузии, выехали из столицы. Они отправились в горы Залгара. После многодневных поисков путники добрались до одинокой скалы, мрачно поднимавшейся посреди обширного плато. На вершине скалы замерла угрюмая крепость, черная, мрачная, словно вестник Зла.

— Это то самое место,— объявил Брул.— Никто не живет в окрестностях, да и не жил никогда. Тут не сыщешь ни одного человека на сотню лиг. Этот край считается проклятым.

Кулл осадил своего огромного жеребца и огляделся. Все молчали, и Кулл почувствовал странное, почти невыносимое безмолвие. Когда он вновь заговорил, все вздрогнуло. Кулле казалось, что от крепости исходят волны смертоносной тишины. В этих краях не пела ни одна птица, даже самый легкий ветерок не шевелил ветви застывших, словно окаменевших, деревьев.

Когда всадники стали подниматься по серпантину дороги, ведущей на вершину скалы, стук подков их коней доносился, казалось, из бескрайней дали и не давал эха. Путники остановились перед крепостью. Она нависла над ними, словно темное чудище, и Китулос вновь попытался переубедить короля:

— Ваше Величество, одумайтесь! Если вы сорвете печать Раана, вы можете выпустить на свободу чудовище, которое не сможет одолеть ни один человек!

Кулл, сгорая от нетерпения, вновь отмахнулся. Он был весь во власти своенравной причуды, тайной слабости всех властителей. Хотя обычно Кулл вел себя благоразумно, в этот раз, приняв решение, он ни за что не хотел отступать.

— Смотрите-ка, на дверях печать с древними письменами,— удивился король.— Прочтите их мне.

Китулос неохотно спешил. Кулл, Ту и Брул последовали его примеру, а воины остались сидеть на своих конях, застыв словно бронзовые статуи под бледными лучами солнца. Крепость нависла над ними, словно незрячий череп. В ее стенах не было ни одного окна. Лишь одна огромная железная дверь вела внутрь, но она оказалась закрыта засовами и опечатана. У Кулла создалось впечатление, что здание внутри представляет из себя единое огромное помещение.

Кулл приказал воинам отъехать подальше. Королю пришлось кричать, чтобы его слышали. Ответы Алых Стражей тоже звучали тихо и неразборчиво.

И вот король Валузии приблизился к двери. Следом за ним подошли четверо его спутников. У входа

висел гонг необычного вида. Казалось, он сделан из нефрита странного зеленоватого цвета. Но Кулл не был уверен в оттенке. Цвет гонга постепенно менялся. То королю казалось, что его взгляд погружается в бездонные морские глубины, то — скользит по прозрачному мелководью. Рядом висел молоточек из того же странного вещества. Король слегка ударил им в гонг и ахнул, почти оглушенный громовым грохотом.

— Прочитай письма, Китулос,— вновь приказал Кулл.

Раб неспешно подошел к двери и начал разглядывать таинственные иероглифы. Он не сомневался, что эти письма начертал великий Раан.

— «Катастрофа может случиться вновь,— напевно прочитал он.— Страх может вернуться».— Ученый отступил и скривился.— Это предостережение! Предостережение Раана! Думаю, нам стоит послушать совета мудреца Древности. Подумайте, Ваше Величество, опомнитесь!

Король хмыкнул, обнажил меч и, сорвав печать, начал рубить огромный металлический засов. Кулл вновь и вновь наносил удары, смутно дивясь тому, насколько слабый звук получается при ударе железа о железо. Но вот затворы рухнули, и дверь широко распахнулась. Китулос завопил от страха.

Кулл осторожно шагнул вперед и заглянул в дверной проем. Подозрения короля оказались правильными — внутри замка оказался лишь один гигантский зал. И он был пуст. Но королю почудилось, что воздух внутри зала пульсирует, словно живое существо, вздымаясь волнами.

Китулос что-то прокричал на ухо Куллу, но король едва смог разобрать слова ученого, словно тот кричал, находясь далеко-далеко.

— Тишина! Это душа Тишины!

Все звуки стихли. Лошади стражников разом встали на дыбы, и всадники повалились на землю. Отважные воины, не раз смотревшие в лицо смерти,

теперь ничком лежали в пыли, зажимая уши ладонями. Они, словно рыбы, выброшенные на сушу, развалили рты в беззвучном крике. Друзья короля тоже опустились на колени. На ногах остался один Кулл. Король застыл, словно каменная статуя, выставив вперед бесполезный меч. Тишина! Полная и абсолютная! Пульсирующие, набегающие волны безмолвного ужаса. Алые Стражи отчаянно вопили, но на горе царил мертвая тишина!

Тишина превратила Кулла в камень. Она стиснула клешнями страха сердце бесстрашного воина, сжала стальными щупальцами голову короля. Не выпуская из руки меч, Кулл прижал ладони к вискам. Его голова раскалывалась от боли. И тут королю открылись кровавые и ужасающие видения.

Тишина распростерла свои крыла над миром, над всей вселенной! Люди умирали в удушающей тишине. Рев рек, грохот морей и завывания ветров исчезли. Все звуки поглотила колдовская тишина. Она разрушала души, сводила с ума. За несколько часов она уничтожила всю животную жизнь на земле. А потом, чудовищно разрастаясь, достигла небес, стараясь дотянуться до иных, далеких миров!

И вот тогда Кулл познал страх — всепоглощающий, невероятный, сводящий с ума страх.

Потрясенный чудовищностью своих видений, король Валузии покачнулся, словно пьяный. Боги! Король Кулл готов был отдать все что угодно за звук, за самый тихий, едва различимый шорох!

Кулл разевал рот словно безумец. Сердце едва не вырвалось из груди, когда он попытался выдавить из себя хоть какой-нибудь звук. Пульсирующая тишина накатывалась на него. Собравшись с силами, Кулл ударил мечом по металлическому порогу, но ничего не изменилось. Волны тишины истекали из зала, сжимая виски короля стальными клешнями, впиваясь и терзая его, будто некое существо, живое и враждебное.

Ка-ну и Китулос замерли, сидя на земле. Ту скорчился, обхватив руками голову, и беззвучно выл, словно умирающий шакал. Брул извивался в пыли, подобно раненому волку, в агонии отважный пикт сжимал рукоять своего меча. Только один Кулл все еще держался на ногах...

А тишина вырвалась из темницы. Она клубилась, змеилась почти неразличимыми струями... Она потешалась над людьми. Она была живой!

Кулл пошатнулся и упал но, падая, задел рукой гонг. Король не услышал ни звука, но почувствовал, что тишина дрогнула и неохотно отпрянула на мгновение, словно человек, отдернувший руку от пламени.

«Значит, мудрый Раан оставил людям оружие против демона тишины!»

Неожиданно Кулл разрешил загадку гонга.

Гонг был подобен морю, переливающемуся всеми оттенками зелени; морю — то глубокому, то мелкому, никогда не замирающему, никогда не умолкающему.

Нефритовое море! Живое, бурное, грохочущее днем и ночью — величайший враг тишины!

Пошатываясь, действуя скорее инстинктивно, чем по велению разума, Кулл отшвырнул меч, схватив нефритовый молот. Колени короля подогнулись было, но он ухватился рукой за край дверного проема. Тишина, словно понимая, что затеял Кулл, обрушилась на него яростной волной.

«Кто ты такой, смертный, что смеешь противиться мне? Ведь я древнее богов? Я появилась в этом мире раньше, чем родилась жизнь. Я существовала и буду существовать, когда вся жизнь в этом мире умрет. Я царила во вселенной, пока не родился первый звук, и когда стихнет последний звук, я воцарюсь вновь. Я снова овладею всем космосом и убью звук... убью звук... убью звук... убью звук!»

Безмолвное послание, слова которого сами собой возникли в голове Кулла, оглушило его. Но, не обра-

щая внимания на речи стихии, король ударил в гонг и стал бить в него вновь и вновь!

С каждым ударом гонга тишина отступала. Дюйм за дюймом пятилась она. Видя, что он не ошибся, Кулл удвоил силу ударов. Теперь он мог уже слышать тихий, удва различимый звон. Звуки плыли, рассекая невообразимые бездны тишины. Казалось, что кто-то на другом конце вселенной стучит по серебряной монете гвоздем от подковы. И с каждым еле слышным звуком тишина вздрагивала. Щупальца ее становились все короче и волны опадали. Тишина отступала.

Назад... назад... назад...

Теперь тишина билась в дверном проеме. Люди за спиной Кулла со стонами стали подниматься на колени. Тогда Кулл сорвал гонг с крюка и шагнул к двери. Он всегда сражался до конца и не собирался уступать противнику. Теперь уже и речи не было о том, чтобы оставить чудовище, снова заперев его в замке Череп Тишины. Казалось, весь мир застыл, наблюдая за человеком, стремящимся искупить свою вину и спасти человечество от ужасной напасти.

Кулл вошел в двери крепости, безостановочно колотя в гонг, пытаясь справиться с напором той стихии, что долгие годы находилась в заточении в этом гигантском зале. Перед королем Валузии разверзся ад тишины. Кулл пытался взять приступом последнюю цитадель этой чудовищной силы. И вот тишина вновь собралась в зале, загнанная обратно силой звука — звука, вобравшего в себе все звуки мира и заключенного в гонг рукой мудреца Древности, покорившего и звук, и тишину.

Однако стихия собрала все свои силы для последнего удара. Преисподняя беззвучного холода и невидимого пламени обрушилась на Кулла. Человек противостоял стихии. Китулос говорил, что тишина — лишь отсутствие звука... Но теперь ученый не мог дать королю никакого совета, он корчился на земле и стонал под ударами волн тишины.

Сама же тишина оказалась чем-то большим, чем отсутствие звука. Внутри замка Череп она была столь полной, что стала сама по себе чем-то пусть нематериальным, но реально ощутимым. Абстрактное понятие, ставшее вещественной реальностью. Кулл пошатывался, полуслепый, оглушенный, немой, почти потерявший сознание под напором природных сил, сокрушающих его душу, тело и разум. Заглушенный змеяющимися щупальцами тишины, звон гонга вновь начал затихать. Но Кулл не отступал. Переборов страх, Кулл, словно в омут головой, рванулся к середине зала.

Кулл ощущал сопротивление чудовища, подобно волне плотного огня, более горячего, чем настоящее пламя, и более холодного, чем лед. И все же король шел вперед. Он чувствовал, что стихия уступает под его напором... Шаг за шагом, фут за футом приближался он к центру зала, гоня тишину пред собой. Каждый шаг казался Куллу пыткой. Каждый фут — настоящим адом. Из последних сил, ни на миг не прекращая колотить в гонг, Кулл теснил врага. От напряжения у короля из носа пошла кровь...

Оставшиеся снаружи воины медленно приходили в себя после пытки тишиной. Со страхом смотрели они на двери замка, внутри которого их король продолжал сражаться за их мир. Брул слепо пополз вперед, волоча за собой меч Кулла. Пикт еще не пришел в себя окончательно, и его вел вперед лишь слепой инстинкт. Брул готов был следовать за королем Валузии, даже если бы Кулл отправился в ад.

Шаг за шагом король теснил тишину, чувствуя, что она становится все слабее и слабее. Удары гонга становились все громче и громче. Звук постепенно заполнял зал, землю, небеса. И вот, сгустившись до предела, тишина приобрела жуткий облик, став полуматериальным существом. Кулл заметил какую-то тень. Руки короля онемели, но, собрав

последние силы, он стал еще быстрее молотить по гонгу.

Тишина отступила из центра зала, забилась в темный угол и съежилась.

И вот король нанес последний удар! Все звуки мира слились в одном ревящем, вопящем, оглушающем звуке! Гонг разлетелся на мириады осколков.

И тишина умерла!

«СИМ ТОПОРОМ Я БУДУ ПРАВИТЬ!»

Глава первая

«И пусть мои песни гвоздями вопьются
в гроб короля!»

Король должен умереть в полночь! Так заявил высокий, худой и смуглый мужчина. Кривой шрам в уголке рта придавал его лицу зловещее выражение. Собравшиеся внимательно слушали его речи и одобрительно кивали. Слушателей было четверо: первый — толстый, на первый взгляд трусливый коротышка с безвольным ртом и бегающим взглядом; второй — волосатый великан, хмурый и глупый на вид; третий — высокий и гибкий мужчина в одежде шута — в его поблескивающих ярко-голубых глазах горел огонек безумия; и последний — коренастый карлик, невероятно широкоплечий и длиннорукий...

Губы оратора скривились в ледяной улыбке.

— Дадим обет. Принесем клятву, которую ни один из нас не нарушит, — Клятву Клинки и Пламени!.. Конечно, верю вам... И все же будет лучше, если мы сможем доверять друг другу... Я вижу, как все вы дрожите.

— Вам легко говорить, Ардион, — заговорил толстый коротышка. — Вы ведь всего лишь отверженный изгнанник, за голову которого назначена награда. Вы

можете все поставить на кон, потому что терять вам нечего. А мы...

— Да, вам есть что терять, но зато вы можете выиграть куда больше, чем я, — невозмутимо ответил Ардион. — Вы вызвали меня из ссылки, чтобы я помог вам свергнуть короля. Я все обдумал, расставил силки, наживил приманку и готов прикончить дикаря-узурпатора. Но я должен быть уверен в вашей поддержке. Принесете ли вы клятву?

— Прекратите все эти глупости! — воскликнул шут. — Да, мы принесем клятву на рассвете, а вечером свергнем короля! *И пусть прогремят колесницы, и крыльями коршуны бьют. В ночи прошагают убийцы!..*

— Побереги свои песни для праздника победы, Ридондо, — рассмеялся Ардион. — Теперь пришло время для клинков, а не для стихов.

— *И пусть мои песни гвоздями вопьются в гроб короля!* — воскликнул шут, взмахнув длинным тонким кинжалом. — Ай, слуга, принеси свечу! Я первым принесу клятву!

Молчаливый, угрюмый раб принес длинную тонкую восковую свечу, и Ридондо проколол себе запястье. На пол упали первые тяжелые капли крови. Один за другим остальные четверо заговорщиков последовали его примеру. А потом они соединили руки над зажженной свечой так, чтобы кровь из ран начала капать на пламя. Огонек свечи шипел и трещал. И тогда каждый из заговорщиков повторил слова клятвы:

— Я, Ардион-изгнанник, клянусь хранить нашу тайну. И клятва моя нерушима.

— И я, Ридондо, первый придворный певец Валузии! — воскликнул певец.

— И я, Дикалон, граф Конахары, — объявил карлик.

— И я, Энарос, командир Черного Легиона, — прогремел бас великана.

— И я, Кануб, барон Блала, — последним произнес клятву толстый коротышка слегка дрожащим фальцетом.

Свеча зашипела и погасла, залитая рубиновыми каплями крови.

— Вот так же угаснет жизнь нашего врага,— объявил Ардион, отпуская руки своих сообщников. Он глядел на них, стараясь не скривиться от презрения.

Изгнанник знал, что можно нарушить любую клятву, даже «нерушимую». И еще он знал, что Кануб — тот, кому он доверял меньше всего, был очень суеверен. Не стоило пренебрегать любой предосторожностью, пусть даже столь глупой, как эта клятва.

— Завтра, или, точнее, сегодня — на улице уже светает — Брул Копьебой, правая рука Кулла, отправляется в Грондар вместе с Кану, посланником пиктов. Их будет сопровождать эскорт пиктов и отряд Алой Стражи — царских телохранителей,— продолжал Ардион.

— Да,— согласился Дикалон.— Все точно так, как вы спланировали, Ардион, Но устроил-то все это я. У меня есть родственник, занимающий высокий пост в Совете Грондара, и ему было нетрудно убедить короля Грондара пригласить Кану. Ну, а раз Кулл ставит Кану выше всех остальных, он дает ему надежный эскорт.

Изгнанник кивнул:

— Прекрасно. С помощью Энароса мне удалось подкупить одного из начальников Алой Стражи. Этот человек уведет стражу от дверей царской опочивальни сегодня вечером, перед самой полуночью. Один из наших людей устроит шум, и стражники со всего дворца сбегутся туда, выяснять, в чем же там дело. А мы будем ждать. Мы и еще шестнадцать отчаянных головорезов, которых я привел с гор. Пока они скрываются в разных местах по всему городу... Двадцать один против одного...

Он рассмеялся.

Энарос кивнул. Дикалон ухмыльнулся. Кануб побледнел. Ридондо взмахнул кулаком и воскликнул звенящим голосом:

— Клянусь Валкой! Лизоблюды Кулла запомнят эту ночь! Свергнем тирана, убьем деспота! Какую песню я сложу об этой ночи! — В его глазах пылало безумие фанатика, и остальные с сомнением косились на него — все, кроме Ардиона.

Изгнанник опустил голову, чтобы скрыть усмешку. Затем он неожиданно поднялся со своего места.

— Довольно! Расходитесь и ни словом, ни делом своим, ни взглядом не выдайте того, что у вас на уме.— Он внимательно посмотрел на Кануба: — Барон, вы побледнели. Больше хладнокровия. Если вы столкнетесь с Куллом, и он заглянет вам в глаза, вы, чего доброго, упадете в обморок. Уезжайте в свое имение и ждите. Если мы победим, то пошлем за вами гонца. Четверых для этого дела больше чем достаточно.

Кануб чуть не лишился чувств от неожиданной радости. Что-то неразборчиво пробормотав, он поспешил к выходу. Остальные заговорщики ушли неспешно, попрощавшись с изгнанником.

Ардион потянулся, словно огромный кот, и улыбнулся. Он позвал слугу, и появился хмурый человек с шрамом на плече. Такие шрамы остаются, если срезать клеймо вора.

— Завтра я объявлю о том, что вернулся из ссылки,— пробормотал Ардион, взяв поднесенную ему чашу.— Завтра я разрешу народу Валузии лицедреть своего нового короля. Уже много месяцев, с тех самых пор, как заговорщики призывали меня из ссылки, я вынужден прятаться, подобно крысе. Я живу под носом у моих врагов, прячусь от дневного света. Я вынужден носить грим, пряча свое лицо, и лишь по ночам пробираться по темным улицам и еще более темным коридорам. И все же я добился того, что эти глупцы не смогли сделать долгие годы. Повелевая ими и теми, кто даже не подозревал о том, что происходит, я раздул пожар недовольства. Деньгами подкупал я чиновников, переманивая их на свою сторону. Я сеял раздоры между людьми... Оставаясь в тени,

я подготовил страну к смене власти. Народ с радостью приветствует нового короля... Ах, я почти позабыл, что когда-то занимал высокое положение при дворе. Как давно это было! И я оставался бы изгнанником, если бы Кануб и Дикалон не послали за мной.

— У вас, мой господин, неприятные и ненадежные сообщники,— осмелился вставить свое слово раб.

— Да. Они — порочные, слабые люди, но каждый из них по-своему силен,— лениво пробормотал изгнанник.— Дикалон хитер, смел и нахален. Его родственники занимают высокие посты, но сам он обнищал... Энарос — грубое животное. Он силен и храбр, как лев, к тому же пользуется авторитетом среди воинов, однако он бесполезен, когда дело доходит до интриг и заговоров, потому что слишком глуп... Кануб хитер, подл и постоянно строит козни. Главная черта его — трусость. Он скуп, хоть и очень богат. Его деньги помогли мне подготовить переворот... Ридондо всего лишь безумный поэт и тоже глуп как пробка. Хотя, в отличие от остальных, отваги ему не занимать. К тому же он любимец народа. Его песни нашли путь к сердцам простолюдинов. Только он может зажечь в сердцах людей любовь к новому королю, если, конечно, дело выгорит.

— Но кто же взойдет на трон после смерти Кулла?

— Конечно Кануб. Или, по крайней мере, так думают остальные заговорщики! В жилах барона есть немалая доля крови прежней королевской династии. Я имею в виду ту династию, последнего представителя которой Кулл убил голыми руками. Варвар, ныне восседающий на троне, совершил грубую ошибку. Он знал, что еще есть люди, которые и по сей день гордятся родством с прежними правителями Валузии, и оставил их в живых... Кануб рвется к трону. Дикалон хочет вернуть себе привилегии, которые он имел при старом короле, хочет восстановить свои поместья, вернуть им прежнее величие. Энарос ненавидит Келкора — командира Алой Стражи. Он считает, что это

место должно было достаться ему. После переворота он станет верховным военачальником Валузии. А Ридондо... Забавный это человек! Я презираю его и одновременно восхищаюсь им. Он — идеалист. Видит в Кулле лишь грубого дикаря с окровавленными руками; варвара и чужеземца, явившегося из-за моря в мирную и счастливую страну! Он обожествил убитого Куллом короля, позабыв о его злодеяниях, о притеснениях, от которых стенала вся страна, и, главное, заставил забыть об этом народ. Люди поют «Плач по царю», в котором Ридондо превознес злодея до небес. А Кулла он изобразил в своих балладах жестоким дикарем. Король-варвар лишь посмеялся над его песнями и отпустил Ридондо все грехи, напаялив на поэта шутовской наряд. Кулл и не заметил, что, послушав Ридондо, простолюдины начали косо смотреть на него.

— За что же Ридондо ненавидит Кулла?

— Дело в том, что Ридондо — поэт, а поэты всегда ненавидят тех, кто стоит у власти. Таким, как он, прошлое всегда кажется лучше настоящего. Он считает себя героем, рыцарем без страха и упрека, свергающим тирана.

— А вы?

Ардион рассмеялся и осушил чашу.

— У меня есть свои планы. Поэты опасны, поскольку верят в то, о чем поют. Ну а я реально смотрю на положение вещей. Думаю, что Кануб недолго просидит на троне. Несколько месяцев назад я думал лишь о том, как ограбить пару караванов... Я считал, что до конца дней мне придется влачить жалкую жизнь разбойника. Но теперь... Теперь — посмотрим!

Глава вторая

«Тогда я был освободителем...»

Дорогие занавеси на стенах и мягкий толстый ковер на полу подчеркивали отсутствие мебели. Лишь посреди комнаты стоял маленький стол. Человек, сидевший за ним, был личностью заметной. И не только из-за огромного роста и мощного телосложения, хотя это усиливало общее впечатление. Его лицо, смуглое и бесстрастное, притягивало, а взгляд узких глаз подавлял волю собеседника ледяным спокойствием.

Каждое движение этого человека, даже самое незаметное, говорило о великолепно развитой мускулатуре и было исполнено грации. Сейчас он сидел неподвижно, словно бронзовая статуя, но в любой момент готов был вскочить с кошащей стремительностью.

Со стороны казалось, что гигант отдыхает. Он положил подбородок на сложенные руки, лежащие на столе, и насупившись разглядывал воина, стоявшего перед ним. А воин этот был занят собственными делами — завязывал ремешки кирасы. При этом он беззаботно насвистывал, что было, по меньшей мере, странно и неприлично, ведь он стоял перед королем.

— Брул,— наконец заговорил король,— государственные дела утомляют меня. Лучше было бы сразиться с кем-то...

— Правила игры, Кулл,— отозвался Брул.— Ты король, и тебе нужно соблюдать правила.

— Хотел бы я отправиться с тобой в Грондар,— с завистью сказал Кулл.— Кажется, уже целую вечность я не ездил верхом. Но Ту утверждает, что дела требуют моего присутствия здесь. Демоны бы его побрали!..— Не дождавшись ответа, он с раздражением продолжал изливать приятелю свою душу.— Я сверг короля старой династии и захватил трон Валузии. Еще мальчишкой, живя среди дикарей, я мечтал об этом. Захватить трон было легко. Теперь годы борьбы, битв и приключений кажутся мне волшебным сном... Я был дикарем и вырос в Атлантиде, потом провел два года в рабстве на веслах лемурийских галер, сбежал и долго скитался среди гор Валузии. Меня схватили и бросили в темницу. Гладиатором вышел я на арене. А потом стал воином, полководцем и, наконец, королем... Моя беда в том, что я не заглядываю далеко вперед. Я живу одним днем... Готовясь захватить трон, я и не задумывался о том, что стану делать дальше. Когда король Борн пал мертвым к моим ногам и я сорвал корону с его окровавленной головы, в тот миг мне казалось: свершились мои мечты. И тут я попал в лабиринт указов и интриг. Сколько же я совершил ошибок! Я сумел захватить трон, но не могу удержать его... Когда я сверг Борна, люди с радостью приветствовали меня. Тогда я был освободителем. А теперь они косо поглядывают на меня и хмуро перешептываются за моей спиной. Они плюют мне вслед и установили в Храме Змея статую Борна. Представляешь, поставить памятник этой дохлой свинье!.. И, что самое удивительное, люди приходят рыдать к его подножию. Он стал чуть ли не святым — владыкой, замученным кровожадным варваром. Когда я вел войско к победе, жителям Валузии было наплевать на то, что я чужеземец, а теперь они не могут мне этого простить. Ныне в Храме Змея курятся благовония в память Борна... Те люди, которых ослепили и изувечи-

ли палачи Борна; отцы, чьи сыновья погибли в его темницах; мужья, чьих жен забрали ему на забаву... они молятся Борну. Как же слепы и глупы люди!

— Во всем этом виноват Ридондо,— ответил королю пикт, поправляя перевязь меча.— Его песни затуманили разум многих. Подвесь его за ноги на самой высокой башне города. Пусть читает свои стихи стервятникам.

Кулл покачал головой:

— Нет, Брул. Я не сделаю этого. Великий поэт стоит выше любого короля. Пусть он ненавидит меня, я не причиню ему вреда. Если говорить честно, я хотел бы стать ему другом. Гений Ридондо могущественней моего скипетра, и, когда поэт снисходит до того, чтобы петь для меня, мое сердце готово выскочить из груди... Я умру и буду позабыт, точно также как и другие короли, а песни Ридондо будут жить вечно.

Пикт пожал плечами:

— Поступай как знаешь. Ты — король, и никто не посмеет свергнуть тебя. Алая Стража предана тебе, за твоей спиной стоит армия пиктов. И ты, и я — мы оба варвары, пусть и прожили большую часть жизни в цивилизованных странах... Сегодня я уезжаю. Конечно, кто-нибудь из старых правителей Валузии может попробовать убить тебя и устроить переворот, но этого бояться не стоит, учитывая, что день и ночь тебя сторожит отряд Алых Стражей.

Кулл жестом попрощался с другом, и пикт ушел.

Слуга доложил, что аудиенции ожидал следующий посетитель. Это напомнило Куллу о том, что корона — тяжкая ноша.

Посетителем оказался молодой городской аристократ — Сино валь Дор. Прославленный дуэлянт, он прожигал жизнь в праздных развлечениях. Но в этот раз он казался чем-то очень взволнованным. Его бархатная шляпа была измята, и, когда он швырнул ее на пол, преклонив колени перед своим монархом, плю-

маж шляпы жалко поник. Богатые одеяния валь Дора были сильно помяты, словно страдания заставили дворянина позабыть о своей внешности.

— Ваше Величество!.. Король!.. Владыка Валузии!..— начал он, и в голосе его звучала глубокая искренность.— Если славное прошлое моей семьи хоть что-нибудь значит для вас, если что-нибудь значит моя верность, то во имя Валузии — исполните мою просьбу!

— Изложи ее.

— Ваше Величество, я люблю одну девушку. Мне нет жизни без нее, а ей — без меня. Я не ем и не сплю, думаю о ней. Ее лицо стоит передо мной дни и ночи — она прекрасна, как настоящая богиня...

Кулл раздраженно заерзал на троне. Он ни разу не был влюблен.

— Тогда, во имя Валки, женись на ней!

— Ах! — тяжело вздохнул юноша.— В том-то и дело! Ее зовут Ала. Она рабыня Дикалона, барона Конахари. А в книгах законов Валузии сказано, что человек благородного происхождения не может жениться на невольнице. Так повелось с древних времен. К кому бы я ни обращался, везде я слышал один и тот же ответ: «Рабыня никогда не станет женой аристократа. Это чудовищно!» Они говорят мне, что еще ни разу за всю историю Валузии аристократ не женился на невольнице. Что же мне делать? Вы моя последняя надежда.

— А этот Дикалон не продаст ее тебе?

— Продаст. Но покупка не решит дела. Ведь девушка по-прежнему останется рабыней, а дворянин не может жениться на собственной невольнице. Я же хочу, чтобы эта девушка стала моей женой. Иначе моя любовь превратилась бы в глупую насмешку. Я хочу, чтобы все знали о моем чувстве, чтобы моя избранница нежилась в горностаях, и по праву носила драгоценности! Но это станет несбыточной мечтой, если вы не поможете мне. Родители моей возлюбленной были рабами. Она родилась рабыней, и по зако-

нам Валузии останется ею на всю свою жизнь. Ее дети станут рабами. Поэтому она не может стать женой свободного человека.

— Тогда сам становись рабом,— предложил Кулл, пристально глядя на юношу.

— Я уже пытался,— ответил валь Дор так твердо, что Кулл тут же поверил ему.— Я пошел к Дикалону и сказал ему: «У тебя есть рабыня, которую я люблю. Я хочу жениться на ней. Позволь мне стать твоим рабом, чтобы я мог всегда быть рядом с ней». Но барон пришел в ужас и выгнал меня. Он продал бы мне девушку или даже подарил бы ее, но он и помыслить не мог о том, чтобы обратить меня в рабство. А мой отец поклялся нерушимой клятвой убить меня, если я запятнаю имя валь Доров, став рабом. Нет, владыка, только вы можете помочь мне...

Тогда Кулл пригласил своего главного советника Ту и изложил ему суть дела. Ту лишь покачал головой:

— В книгах наших законов — огромных фолиантах, чьи переплеты окованы железом,— все записано именно так, как сказал валь Дор. Так гласит закон, и никто не имеет власти менять его. Человек благородного происхождения не может жениться на рабыне.

— А почему я не могу изменить этот закон? — спросил Кулл.

Ту положил перед Куллом древнюю, огромную книгу:

— Этот закон существует уже тысячелетия. Видите ли, Ваше Величество, его записали первые законодатели так много столетий назад, что человек может считать их целую ночь и все же не сосчитает. Ни ты, ни любой другой король не может изменить эти законы.

От полной беспомощности на Кулла неожиданно нахлынула волна болезненной слабости. Последнее время такое случалось с ним все чаще и чаще. Ему начинало казаться, что королевская власть всего лишь

еще одна форма рабства. Кулл, как варвар, всегда пробивал себе путь сквозь ряды врагов огромным мечом. Но как мог он пробиться сквозь ряды заботливых и уважаемых друзей, кланявшихся и льстивших ему, но упрямо отрицавших любое новшество. Они заперли себя в темнице древних обычаев и отчаянно сопротивлялись любым переменам.

— Иди,— сказал Кулл, устало махнув рукой валь Дору.— Мне жаль, но я ничем не могу помочь тебе.

Сино валь Дор покинул комнату для аудиенций. Он вышел опустив голову. Взгляд его потупился, плечи опустились.

Глава третья

«А я-то думала, вы — тигр,
на время ставший человеком!»

Зеленый лес шелестел на прохладном ветру. Ручей серебряной нитью вился между стволов огромных деревьев, оплетенных гибкими лозами. Где-то неподалеку пела птица, и мягкие солнечные лучи, пронзая переплетение ветвей, расчертили черно-золотым бархатным узором света и тени землю, заросшую травой...

На поляне лежала маленькая рабыня, уткнувшись лицом в ладони. Не обращая внимания на красоту природы, она рыдала навзрыд, словно у нее было разбито сердце. Для нее пели птицы, но она, погрузившись в свое горе, не слышала чудных мелодий. Ручьи звали ее, обещая нежную прохладу, но девушку они не интересовали. Светило солнце, но рабыня не радовалась жизни.

Мир стал для девушки черной бездной, где существовали только слезы и боль. Поэтому она не слышала тихих шагов, не увидела высокого широкоплечего мужчину, выскользнувшего из-за кустов. Незнакомец подошел и остановился возле несчастной. Девушка же не подозревала о его присутствии, пока мужчина не встал на колени возле нее и не приподнял ее, вытерев слезы.

Маленькая невольница увидела смуглое бесстрастное лицо с холодными, узкими, серыми глазами. Но сейчас их взгляд был переполнен состраданием. По внешности незнакомца девушка поняла, что он не валузец.

В то время в королевстве наступили тревожные времена и было опасно встречаться в глухом лесу с незнакомцами, а тем более чужеземцами. Но горе несчастной затмевало страх. К тому же гигант показался девушке добрым человеком.

— Что с тобой, дитя? — спросил незнакомец.

Девушки в сильном горе часто доверяют свои печали и тайны любому постороннему, кто проявляет интерес и сочувствие. Поэтому неудивительно, что рабыня прошептала:

— Господин мой, я несчастна... Я люблю молодого аристократа...

— Сино валь Дора?

— Да, господин.— Рабыня удивленно посмотрела на незнакомца.— Откуда вы знаете? Он хочет жениться на мне, и сегодня, уже испробовав все другие пути, пошел к королю Куллу. Но король отказался помочь ему.

Тень набежала на смуглое лицо чужеземца.

— Сино сказал, почему король отказал ему?

— Да. Король пригласил главного советника Ту и долго спорил с ним, но вынужден был уступить.— Девушка всхлипнула.— Я знала, что все это будет бесполезно. Законы Валузии неизменны, пусть даже они жестоки и несправедливы... Даже король ничего не может с ними поделать....

Тут девушка почувствовала, что рука незнакомца окаменела, мышцы напряглись словно толстые стальные канаты. На лице мужчины появилось выражение уныния и безнадежности.

— Да,— пробормотал он, словно говорил сам с собою.— И даже король ничего не может поделать с законами Валузии..

Тяжело вздохнув, девушка вытерла слезы. Маленькие рабыни привыкли к обидам и страданиям, хотя именно к этой рабыне хозяева относились необычно хорошо.

— И Сино возненавидел царя? — спросил незнакомец.

Девушка покачала головой:

— Он понимает, что король бессилен ему помочь.

— А ты?

— Что — я?

— Ты ненавидишь короля?

Ее глаза вспыхнули.

— Я? Да кто я такая, чтобы ненавидеть короля? Нет... нет... Я даже и не думала о таком.

— Я рад, — угрюмо вздохнул незнакомец. — Должен сказать тебе, что король всего лишь раб государства. Он принадлежит ему точно так же, как ты своему господину. Я бы сказал, что король опутан даже более тяжелыми узами, чем оковы рабства.

— Бедняга, — жалостливо вздохнула девушка. Король-раб. Она так и не поняла, что хотел сказать незнакомец. Потом в ее голосе неожиданно послышались гневные нотки. — Как я ненавижу жестокие законы, по которым живет Валузия! Почему эти законы нельзя изменить? Время ведь не стоит на месте. То, что было справедливо раньше, теперь может оказаться несправедливым. Почему люди должны повиноваться законам, которые были выдуманы предками-варварами тысячи лет назад... — Она внезапно замолчала и испуганно осмотрелась по сторонам. — Но не рассказывайте никому о моих словах, — прошептала девушка, доверительно прислоняясь к плечу собеседника. — Не подобает женщине, а тем более, рабыне, так бесстыдно говорить о таких вещах. Меня высекут, если моя госпожа или господин услышат об этом.

Незнакомец усмехнулся:

— Успокойся, дитя. Даже король не обиделся бы на твои слова. Более того, я думаю, что он согласился бы с тобой.

— А вы знаете короля? — удивленно спросила девушка.

Детское любопытство на миг заставило рабыню забыть о своих обидах.

— Вижу иногда.

— А он восьми футов роста, как говорят? — продолжала расспрашивать рабыня. — А правду говорят, что у него под короной рога?

— Вряд ли, — рассмеялся незнакомец. — Чтобы соответствовать твоему описанию, ему не хватает добрых двух футов. Ну а если забыть о рогах, то в остальном он мог бы оказаться моим братом-близнецом. Издали мы очень похожи.

— И он добрый, как вы?

— Иногда. Если его не раздражают дела государства, в которых он ничего не может понять, и причуды людей, которые не желают понимать его самого.

— А король и в самом деле варвар?

— Да. Самый настоящий. Наш король родился и провел детство среди язычников-варваров, населяющих большой остров, лежащий на севере, — Атлантиду. Еще мальчиком он увидел пророческий сон и сделал его явью. Король Кулл великий полководец и отважный воин. За это варвары-наемники валузийского войска полюбили его... А потом случилось так, что он стал королем... Но, поскольку он воин, а не политик, ныне меч уже не может ему помочь. Трон качается под его ногами и вот-вот выскользнет...

— Значит, наш король — несчастный человек?

— Нет, — улыбнулся незнакомец. — Иногда он удирает от своей свиты и несколько часов бродит в лесной глуши. Тогда он счастлив. Особенно если встречает милую маленькую девушку вроде...

Рабыня, охваченная внезапным ужасом, упала перед ним на колени:

— Ваше Величество, помилуйте меня! Я ведь не знала, что это вы!

— Не бойся.— Кулл присел рядом с рабыней и обнял ее, чувствуя, как она дрожит всем телом.— Ты сказала, что я добр...

— Да. Вы добры, Ваше Величество — тихо прошептала она.— Я... А я-то думала, вы — тигр, на время ставший человеком! Но вы добрый и нежный... И все же... Вы — король, а я...

Внезапно рабыня вскочила и рыдая бросилась прочь. Она исчезла, скрывшись среди густых зарослей папоротника. То, что человек, которому она открыла свою душу, оказался королем Куллом, кого она лишь мечтала увидеть когда-нибудь издали, привело ее в смятение, граничившее с настоящим ужасом.

Кулл вздохнул и поднялся на ноги. Дела государства не могли ждать. Король должен был возвратиться во дворец и попытаться разобраться в делах, о сути которых имел лишь смутное представление. А как разрешить их — Кулл не мог себе и представить.

Глава четвертая

«Господа, кто из вас умрет первым?»

Двадцать человек бесшумно крались по коридорам дворца короля Валузии, где в тот поздний час царила мертвая тишина. Их ноги в мягких кожаных туфлях беззвучно ступали по толстым коврам и по голым мраморным плитам. Факелы в нишах бросали красные отблески на обнаженные кинжалы, мечи и лезвия боевых топоров.

— Тише, тише! — прошипел Ардион, оглядывая своих сообщников.— Кто это там дышит, словно буйвол? Начальник ночной стражи обещал вывести из дворца всех своих людей. Одним он приказал оставить свои посты — отправиться в сад на поиск несуществующего вора, а других напоил... И все же мы должны быть осторожны. Счастье еще, что проклятые пикты — эти дохлые волки — либо остались в своем дворце, либо отправились в Грондар... Тише! Назад! Стража идет.

Заговорщики столпились за огромной колонной, где мог спрятаться целый отряд, и замерли в ожидании. Вскоре из-за угла коридора появился десяток воинов, великанов в алой броне, казавшихся ожившими железными статуями. Все они были тяжело вооружены, хотя выглядели как-то неуверенно. Лицо их начальника казалось бледным и перекошенным. Когда отряд проходил мимо колонны, за которой прятался

лись заговорщики, командир поднял руку, вытирая пот со лба. Он был молод, и предательство давалось ему нелегко.

Гремя броней, стражники миновали заговорщиков.

— Отлично! — пробормотал Ардион. — Глупец сделал все точно, как я приказал. Кулл спит, и у дверей его опочивальни нет охраны. Нам надо поскорее покончить с этим делом! Если нас схватят, мы пропади. Но мертвого короля быстро забудут. Поспешим!

— Да, поспешим! — согласился Ридондо.

Заговорщики не таясь побежали по коридору, пока не оказались у двери спальни короля.

— Это здесь! — радостно объявил Ардион. — Энарос, ломайте дверь!

Великан всем своим весом навалился на створки дверей. Со второй попытки засовы затрещали, застонала древесина, дверь подалась и распахнулась.

— Вперед! — воскликнул Ардион, охваченный жадой крови.

— Вперед! — поддержал его Ридондо. — Смерть узурпатору!

Заговорщики ворвались в спальню и застыли. Перед ними стоял Кулл — но не раздетый, сонный и безоружный король, которого можно было бы зарезать, как барана, а Кулл-воин — разъяренный гигант, уже частично облачившийся в доспехи Алого Стража. В руке короля сверкал грозный меч...

* * *

Куллу в эту ночь не спалось, и он тихо поднялся несколько минут назад, решив попросить начальника стражи зайти к нему поболтать. Однако, заглянув в глазок двери, король увидел, как офицер уводит охрану, выставленную у дверей его спальни. Подозрительный, как все варвары, Кулл решил, что его предали. Он и не подумал остановить воинов, решив, что

все они причастны к заговору. Не было никакой другой причины для того, чтобы стражи оставили свои посты. Поэтому Кулл начал бесшумно и быстро облачаться в доспехи, которые всегда держал под рукой. Не успел он покончить с этим, как дверь затрещала под натиском Энароса...

Немая сцена длилась мгновение — четверо аристократов-заговорщиков в дверях и шестнадцать отчаянных головорезов, столпившихся за их спинами, застыли в дверях, а напротив них посреди королевской спальни с мечом наготове замер Кулл. Первым молчание нарушил Ардион:

— Вперед! Убейте его! Нас двадцать против одного!.. К тому же король без шлема!

И в самом деле Куллу не хватило времени, чтобы надеть шлем. Да и снять со стены большой щит король не успел. Но даже так он оказался защищен лучше, чем любой из убийц, за исключением Энароса и Дикалона. Эти заговорщики явились в спальню короля в полных доспехах и в шлемах с опущенными забралами.

С криками, от которых задрожали стены дворца, заговорщики бросились вперед. Энарос бежал первым. Он несли, словно разъяренный бык, пригнув голову и выставив меч, чтобы нанести удар снизу вверх в живот Кулла. Король не стал ждать, он сам метнулся навстречу врагу, как тигр на быка. Вся мощь была вложена в этот удар Кулла. Огромный меч сверкнул, описал в воздухе свистящую арку и обрушился на шлем воина. И клинок, и шлем разлетелись в куски. Энарос безжизненно рухнул на пол, а Кулл отскочил, сжимая в руке обломок меча. Разбитый шлем соскользнул, открыв лицо убитого.

— Энарос! — удивился король, узнав мертвого воина. И тут остальные заговорщики набросились на короля. Кулл почувствовал, как клинок кинжала скользнул по его ребрам. словно котенка отшвырнул он нападающего левой рукой. Другому он всадил про-

меж глаз обломок меча, и убийца, потеряв сознание, покатился по полу, обливаясь кровью.

— Четверо — к двери! — приказал Ардион, издали следя за схваткой. Изгнанник боялся, что Кулл, сможет прорваться сквозь ряды убийц и ускользнуть.

Четверо наемников отступили и замерли, загоразживая единственный выход из спальни. В тот же миг Кулл метнулся к стене и сорвал старинный боевой топор, висевший там уже более столетия. Прижавшись спиной к стене, король мгновение разглядывал своих противников, а потом прыгнул в самую гущу. Варвар предпочитал не обороняться, а нападать.

Первый же удар топора отшвырнул одного из убийц на пол с разрубленным плечом, а когда Кулл вырвал из раны ужасное оружие, то заостренным концом деревянной рукояти пробил череп еще одного заговорщика. Железный нагрудник короля отразил удар меча третьего противника. Если бы не доспехи, это была бы последняя схватка Кулла из Атлантиды. Но доспехи надежно защищали его тело, и королю оставалось лишь прикрывать голову и щель между грудной и спинной пластинами — валузийская броня была составной, и у короля не хватило времени как следует затянуть все завязки. Кровь уже струилась из неглубоких ран на щеке, руках и ногах Кулла, но он двигался по-прежнему стремительно и оставался опасным противником. Несмотря на значительный численный перевес, нападавшие дрогнули. К тому же их было слишком много, и они мешали друг другу.

В какое-то мгновение убийцы все разом навалились на короля, размахивая оружием, потом отхлынули и окружили кольцом, пытаясь достать противника длинными выпадами. Но из этого ничего не вышло.

— Труссы! — багровея от ярости, закричал Ридондо. Он сорвал свой шутовской колпак. Глаза его безумно сверкали. — Вы что, боитесь его, глупцы? Смерть деспоту!

Ридондо рванулся к королю, но Кулл, узнав поэта, отразил его удар и оттолкнул так, что тот кувырком покатился по полу. Король перехватил левой рукой меч. Ардиону едва удалось спасти свою жизнь. Топор Кулла пронесся у него над головой. Один из злодеев бросился на пол и попытался схватить Кулла за ноги, чтобы повалить на пол, но с таким же успехом он мог бы попробовать повалить железную башню. У него едва хватило времени поднять голову и взглянуть вверх, чтобы увидеть топор, готовый обрушиться на него со страшной силой. Тут один из заговорщиков ухватился за рукоять меча обеими руками и, размахнувшись, изо всех сил ударил Кулла по плечу. Наплечник разлетелся, и король почувствовал, как под нагрудную пластину стекает кровь.

Дикалон, расталкивая нападавших, бросился вперед к Куллу. Он занес меч, целя в незащищенную голову короля.

Кулл пригнулся. Хотя человеку его роста было трудно таким образом избежать удара Дикалона, меч карлика просвистел над головой короля, срезав лишь прядь волос. Кулл же молниеносно развернулся и нанес удар сбоку. Его меч прочертил широкую ровную дугу. Его противник рухнул, почти рассеченный надвое.

— Дикалон! — удивился Кулл. — Странно, что я сразу не узнал этого карлика, гори он в аду!

Но разглядывать убитого графа времени не было. Королю снова пришлось отражать натиск обезумевшего Ридондо, который, придя в себя, вновь напал на короля, вооруженный лишь одним кинжалом.

Кулл отскочил и остановился, занеся топор.

— Ридондо! — окликнул поэта король. — Отойди! Я не хочу убивать тебя...

— Умри, тиран! — закричал сумасшедший поэт, бросившись на короля Валузии.

Кулл медлил с ударом, а потом стало уже слишком поздно. Только почувствовав укус стали, король

в слепом отчаянии обрушил топор на голову заговорщика. Ридондо повалился с разрубленным черепом, а Кулл прижался к стене, зажав рукой глубокую рану.

— Вперед! Вперед! Тигр ранен! Покончим с ним! — завопил Ардион, готовясь возглавить атаку.

Кулл, по-прежнему прижавшись спиной к стене, занес топор. В это мгновение король выглядел настоящим варваром. Он стоял, широко расставив ноги, набывшись, сжав окровавленной рукой топор, с лезвия которого капала кровь, другой рукой он опирался о стену. Его лицо кривилось от боли. Ледяные глаза сверкали, словно у хищника, загнанного в угол. Его противники колебались — тигр, может, и был ранен, но все еще мог унести не одну жизнь.

— Господа, кто из вас умрет первым? — прорычал Кулл сквозь разбитые, окровавленные губы.

Ардион прыгнул на короля, как волк, и, развернувшись уже в воздухе, упал на пол, чтобы избежать смерти. Топор короля просвистел над ним, рассекая воздух.. В следующее мгновение изгнаннику пришлось быстро подобрать ноги. А потом он откатился в сторону, чтобы избежать следующего удара. На этот раз топор ушел дюйма на четыре в полированные доски пола. Если бы удар достиг цели, заговорщик, без сомнения, лишился бы ног.

Теперь вперед выскочил один из наемников, а за ним неохотно последовали его товарищи. Убийца рассчитывал добраться до Кулла и прикончить его раньше, чем король вытащит топор из пола, но он не учел силы своего противника и на секунду опоздал. Топор взлетел над головой короля, опустился, и мертвый наемник отлетел под ноги своим сообщникам.

Тут слышались торопливые шаги, один из четверых убийц, оставшихся у дверей, завопил:

— Бежим! Стража!

Ардион разразился проклятиями, понимая, что сейчас наемники бросят его, спасая свои шкуры, и убегут, словно крысы с тонущего корабля. Так и случи-

лось. Наемники, хромя и оставляя кровавые следы, бросились наутек. Из коридора слышались крики и шум схватки. Если не считать мертвых и умирающих на полу спальни, Кулл и Ардион остались одни. У короля подгибались колени. Он стоял, привалившись к стене, разглядывая лицо заговорщика.

Даже в миг поражения Ардион продолжал цинично улыбаться.

— Кажется, мы проиграли,— пробормотал он себе под нос.— Однако король еле стоит на ногах и...

Какой новый коварный замысел обдумывал изгнанник, так и осталось неизвестным. Видя, что король вытирает кровь с лица той рукой, в которой был зажат топор, Ардион с диким криком метнулся к Куллу. Человек с занесенным мечом может нанести удар очень быстро. Раненный, усталый воин, вооруженный топором, движется намного медленнее... Но едва лишь Ардион замахнулся, Сино валь Дор, появившись в дверях, метнул нож в заговорщика. Клинок, сверкнув, просвистел в воздухе и застрял в горле Ардиона.

Изгнанник пошатнулся, выронил меч и рухнул к ногам Кулла. Кровь фонтаном ударила из рассеченной сонной артерии, окатив красным ноги короля... Сино валь Дор метал ножи без промаха.

Кулл с недоумением уставился на труп. На лице мертвеца застыла улыбка, словно он все еще насмеялся над королем. Сино, шагнув вперед, поддержал Кулла, не дал королю ничком повалиться на тела поверженных врагов. Комнату заполнили вооруженные люди в одеждах слуг славного дома валь Доров.

Король увидел, что вместе со свитой валь Дора появилась и маленькая рабыня, с которой он случайно столкнулся в лесу.

— Ваше Величество, вы живы? — Валь Дор был очень бледен.

— Кажется, да,— хрипло пробормотал Кулл.— Заткните мне дырку в левом боку. Если я отчего и

помру, то только от потери крови. Ридондо начертал на моей шкуре эпитафию очень острым пером. Остальные раны — чепуха. перевяжите меня. Мне нужно еще закончить одно дело.

Люди валь Дора выполнили приказ короля, и, когда рану перевязали, Кулл, побледнев от потери крови, объявил, что чувствует себя лучше.

Дворец к этому времени полностью проснулся. Придворные дамы, дворяне, воины, советники снова ли по коридорам... Дворец походил на растревоженный муравейник. Появились и Алые Стражи. Воины бесновались от ярости — ведь их короля спасли другие. А предатель — молодой начальник стражи, охранявший двери спальни, улизнул под шумок. Его так и не нашли. Позже ходили слухи, что он, опасаясь мести Кулла, покинул Валузию.

Кулл же отказался лечь в постель. Сжимая окровавленный топор в одной руке, а другой опираясь на плечо валь Дора, он обратился к Ту и приказал:

— Принеси мне книгу, в которой записан закон о рабах и супружестве.

— Но, Ваше Величество...

— Исполни, что я приказал! — взревел Кулл, замахнувшись тспором. Видя, что король рассержен не на шутку, Ту поспешил исполнить приказ.

Кулл застыл, ожидая возвращения своего советника. Придворные дамы хлопотали вокруг него, обрабатывая раны и тщетно пытаясь разжать железные пальцы короля, сомкнувшиеся на окровавленной рукояти топора. Тем временем валь Дор начал объяснять, что привело его во дворец в столь поздний час. Кулл внимательно слушал сбивчивый рассказ своего спасителя:

— Ала услышала, как Кануб и Дикалон обсуждали свои замыслы. Она спряталась в маленьком чулане, чтобы поплакать над... нашими бедами, а тут к ее господину явился Кануб. Барон собирался отбыть в свое загородное поместье. Он трясся от страха при

мысли, что планы заговорщиков могут сорваться, и решил до отъезда еще раз обсудить с Дикалоном все детали заговора... Они болтали допоздна, и только после его отъезда Але удалось выбраться из дома и предупредить меня. Но от дома Дикалонов до особняка валь Дора довольно далеко... Ала всю дорогу бежала... Я мигом собрал людей и бросился во дворец, но мы едва не опоздали.

Кулл коснулся окровавленной рукой плеча юноши:

— Я не забуду этого.

Тут появился Ту с огромной книгой законов и почтительно положил ее на стол. Кулл жестом приказал всем отойти.

— Слушай, народ Валузии! — воскликнул он громовым голосом. — Вот я стою перед вами! Я — Кулл, король Валузии, ваш король! Меня пытались убить, но назло врагам, я остался жив. Так вот слушайте меня, люди Валузии! Слушайте! Я устал от бесконечных заговоров и глупых законов. Я не король, я раб! Я связан бесчисленными бессмысленными законами! Я не могу ни наказать злодеев, ни вознаградить друзей, следуя законам и обычаям давно усопших предков. Я устал от этого!.. Но теперь все будет по-другому, клянусь Валкой. Я стану настоящим королем, а не марионеткой древних традиций. Вот стоят двое, спасшие мою жизнь: рабыня Ала и дворянин Сино валь Дор... Так вот, отныне Ала — не рабыня. Она и ее дети — свободные люди! И она может выйти замуж за валь Дора, если пожелает!

Сино и Ала с радостным криком кинулись друг другу в объятия.

— Но закон!.. — начал было Ту.

— Я — король, и отныне я — закон! — взревел Кулл. Размахнувшись, он обрушил топор на книгу и одним ударом разрубил ее надвое.

Советник в ужасе стал ломать руки, ожидая, что вот-вот рухнут небеса, но ничего подобного не случи-

лось. Кулл отступил и обвел собравшихся грозным взглядом.

— Я — король, я — закон! — повторил он, схватил похожий на жезл скипетр, лежавший рядом со столом на специальной подставке, и, переломив его пополам, отшвырнул обломки. — Вот что отныне станет моим скипетром! — объявил Кулл, взмахнув окровавленным топором.

Капли крови полетели в испуганных придворных. Сделав шаг назад, король покачнулся и вновь прислонился к стене. Ноги варвара-короля подкашивались, но в его руках еще таилась сила льва.

— Либо я стану королем, либо погибну! — проревел он, и мышцы его вздулись узлами, а глаза страшно блестели. — Если кому-то из моих подданных не нравится, как я правлю страной, — пусть приходит и попробует отобрать у меня корону!

Схватив левой рукой корону, он водрузил ее себе на окровавленную голову, а правой занес над головой свой грозный топор.

— Сим топором я буду править! Он — мой скипетр! Я сражался и проливал кровь не для того, чтобы стать марионеткой замшелых законов. Раньше я правил так, как хотели вы. Теперь все изменится. Справедливые законы останутся неизменными, а те, что пережили свое время, я отменяю. Я — король! Теперь я буду править по-своему. Не хотите пасть от моего топора — повинуйтесь.

Побледневшие и испуганные дворяне дрожа преклонили колени в страхе и — почтении — перед обгаренным кровью гигантом, возвышавшимся над ними с горящими глазами.

— Я — король!

УДАР ГОНГА

Щ то-то стало пульсировать в обжигающей красной тьме. Беззвучная, но ощутимая вибрация становилась все сильнее....

Мужчина пошевелился, слепо пошарил вокруг себя руками и сел. В первый момент ему показалось, что он качается на волнах черного океана. Эти волны неспешно поднимали и опускали его, следуя друг за другом монотонной чередой. Но человеку было почему-то неприятно. Он ощущал пульсацию и дрожь воздуха. Его руки сами пришли в движение, словно у пловца, пытающегося побороть неумолимую стихию. Но вот дрожал ли воздух на самом деле или это разыгралось воображение, мужчина не мог сказать. Никогда не мог он в этом разобраться. И тут у него родилась безумная мысль: «Уж не схожу ли я с ума?»

Постепенно пульсация ослабла, сошла на нет, превратившись в раскаленную иглу, впившуюся в затылок. Мужчина сжал руками раскалывающуюся от боли голову. Он попытался вспомнить... Но что?

— Странно... — пробормотал он. — Кто же я такой, где нахожусь? Что случилось и почему я здесь? Может, я тут так давно, что уже и забыл обо всем на свете?

Мужчина поднялся на ноги и попытался оглядеться. Его окружала полная тьма. Он попытался разглядеть хоть что-то, но вокруг не было ни проблеска света. Кромешная тьма. Тогда мужчина осторожно пошел вперед, то и дело останавливаясь и вытягивая перед собой руки. Его движения казались инстинк-

тивными. Он напоминал пробивающийся росток какого-то экзотического растения.

— Очень странно,— задумчиво прошептал он.— Тут должно быть что-то еще... Но что же именно? Свет! Я знаю... Я помню... Значит, где-то там есть иное место, где все по-другому...

Вдали возникло слабое сероватое сияние.

Мужчина побежал к нему. Постепенно становилось все светлее и светлее. И вот человеку стало казаться, что он движется по длинному расширяющемуся коридору. Потом он неожиданно выскочил на площадку, залитую тусклым звездным светом. Порыв холодного ветра заставил его содрогнуться.

— Вот и свет,— пробормотал мужчина.— Но и это еще не все...

У мужчины появилось ощущение, что он находится на огромной высоте. Высоко над его головой, вровень с глазами и у самых ног горел величественный звездный океан. Огромные звезды складывались в удивительные созвездия. Мужчина задумчиво нахмурился, разглядывая звездный круговорот.

Тут он почувствовал, что уже не один. Высокая, едва различимая фигура появилась перед ним. Рука мужчины инстинктивно метнулась к левому бедру в поисках оружия, но коснулась лишь холодной кожи.

Туманная фигура приблизилась, и мужчина увидел, что перед ним старец. В свете звезд лицо незнакомца казались маской теней.

— Ты впервые попал сюда? — спросил старец глубоким, чистым голосом, похожим на звон нефритового гонга. Звук этого голоса всколыхнул что-то в голове мужчины. К нему постепенно начали возвращаться воспоминания...

Некоторое время они стояли молча. Потом мужчина задумчиво потер подбородок и первым нарушил молчание.

— Теперь я вспомнил,— объявил он.— Я — Кулл... король Валузии. Но почему я без оружия, нагишом очутился здесь?

— Сквозь Врата нельзя пронести ничего материального,— загадочно ответил старец.— Напряги-ка память, Кулл из Валузии! Разве ты не помнишь, как очутился тут?

— Я стоял у входа в Зал Совета,— медленно проговорил Кулл, припоминая.— Страж на башне как раз ударил в гонг... И неожиданно звук этого гонга яростным потоком обрушился на меня... В глазах потемнело... Я потерял сознание, а потом проснулся в пещере, больше напоминавшей туннель. Вокруг царил крошечная тьма. Я пошел вперед в поисках света и оказался здесь....

— Ты прошел Врата Смерти. Тут всегда темно..

— Значит, я мертв? Клянусь Валкой, должно быть, кто-нибудь из моих врагов затаился за колоннами дворца и вонзил нож мне в спину, пока я говорил с пиктом Брулом.

— Не спеши... Я ведь не сказал, что ты умер,— возразил старец.— Возможно, Врата Смерти еще не полностью затворились... Такое порой случается.

— Но куда я попал? Рай это или ад? Это не тот мир, который я знал с рождения... Созвездия имеют совсем другие очертания, и звезды горят много ярче, чем обычно. Я никогда не видел таких звезд.

— Существует много различных миров и вселенных,— вздохнул старец.— Ты на другой планете, не на той, где был рожден. Ты в ином мире и, скорее всего, в ином измерении.

— Тогда я уж точно умер.

— Разве ты знаешь, что такое смерть? Ведь это всего лишь переход из одного мира в другой, путешествие через космический океан...

— Если так, то, во имя Валки, куда же я попал? — взревел Кулл. Его терпение давно уже истощилось.

— Ты варвар и поэтому цепляешься за материальные приметы,— не спеша начал объяснять старец.— Какая разница, куда ты попал, мертв ты или нет? Ты лишь часть великого океана жизни, омывающего бе-

рега вселенной. Ты не принадлежишь какому-то конкретному месту или миру. Твое естество стремится воссоединиться с источником, порождающим все живое. Тебе точно так же, как любому дереву, зверю, птице суждена вечная жизнь. А ты столь невежествен, что называешь разлуку со своей крохотной планетой и материальным миром — смертью!

— Но я по-прежнему обладаю телом...

— Я ведь не сказал, что ты мертв. Это ты придумал сам! На самом деле ты можешь по-прежнему существовать в одном из маленьких миров... Ведь существуют миры внутри миров, вселенные порой скрывают в себе множество иных вселенных необъятного космоса. Но это вещи слишком сложные и слишком масштабные для твоего разума... Каждый камешек на побережье Валузии скрывает в себе бесчисленные вселенные и сам, в свою очередь, часть большой вселенной, хорошо известной тебе... Пойми же, Кулл из Валузии, что твой мир лишь камешек на берегу другого мира... Но тебе повезло. Ты сбросил оковы плоти и теперь можешь путешествовать по мирам и вселенным. Однако только на путешествие среди миров, сокрытых в одном драгоценном камне на твоей мантии, у тебя уйдет несколько тысяч лет. Время и пространство относительны и на самом деле не существуют...

— А ты, конечно, бог? — с издевкой поинтересовался Кулл.

— Обилие знаний и большой жизненный опыт не делают человека богом, — вздохнул старец. — Гляди!

Призрачной рукой указал он на звезды — огромные, сверкающие драгоценности.

Кулл присмотрелся и только теперь заметил, как быстро изменяется их узор. Звезды находились в постоянном движении, они непрерывно перемещались по бархату космической тьмы.

— Звезды тоже не вечны. Они изменяются. Здесь это происходит слишком быстро. Они проходят раз-

личные циклы развития. Часть их вещества, оторвавшись, остывает и превращается в каменные шары — планеты. На этих планетах из первичной слизи возникают разумные существа. Им предстоит пройти долгий путь к высотам культуры и знаний. А потом они погибают вместе со своими умирающими мирами, когда звезда, полыхнув сверхновой, забирает назад то, что раньше принадлежало ей. Порой жизнь звезды длится миллионы лет, порой всего лишь мгновение...

Кулл заворуженно следил, как огромные звезды и величественные созвездия вспыхивали, тускнели и исчезали, а через несколько минут другие, столь же яркие, вспыхивали на их месте, чтобы, в свою очередь, потускнеть и раствориться в черном бархате ночи...

И тут неожиданно горячая красная тьма вновь окутала Кулла. Все звезды потухли.словно сквозь плотный туман услышал Кулл знакомый слабый звук.

Пошатнувшись, он едва не потерял равновесие, но неожиданно в глаза ему ударил солнечный свет...

И снова вокруг него поднялись высокие мраморные колонны, стены дворца, затрепетали занавеси на широких окнах. Тонкие ткани превращали лучи солнца в расплавленное золото.

Неуверенным движением Кулл начал ощупывать свое тело, с облегчением обнаружив облегающие богатые одеяния и меч на бедре. Но одежды оказались залиты кровью.

Красная струйка стекала по голове Кулла. Кровь сочилась из неглубокого пореза. Значит, большая часть крови, испачкавшей одежды, не принадлежала ему. У его ног в ужасной алой луже плавали куски мяса — то, что совсем недавно было человеком. Все звуки стихли...

— Брул, что это? Что случилось? Где я был?

— Ты едва не отправился во владения Смерти, — с невеселой ухмылкой ответил пикт, вытирая окровавленный клинок своего меча. — За колонной притаился убийца. Он набросился на тебя, словно леопард,

когда ты обернулся в дверях, чтобы поговорить со мной. Кто все это подстроил, не знаю, но он должен был обладать огромной властью. Сложно уговорить человека пойти на верную смерть. Если бы меч не вывернулся в его руке и удар пришелся прямо, а не вскользь, ты бы валялся сейчас с расколотым черепом, а не стоял тут, пытаюсь понять, что же случилось!

— Но ведь прошло несколько часов...— пробормотал Кулл.

Брул рассмеялся:

— У тебя лишь на мгновение помутилось в глазах. Убийца бросился на тебя, ты упал, а я пронзил ему сердце. Все это заняло пару секунд. Никто не успел бы даже пересчитать пальцы на одной руке. Ты едва не упал в эту кровавую лужу. Ты побежал за бинтами и еще не вернулся. Он только что вышел из зала.

— Да, ты прав,— согласился Кулл.— Странно... Но как раз перед тем, как мне был нанесен удар, я услышал звон гонга... И он все еще звенел, когда я очнулся. Брул!.. Выходит, старик прав: не существует ни времени, ни пространства. Ведь я совершил самое долгое в жизни путешествие и прожил несчетные миллионы лет, пока звенел гонг!

ЗЕРКАЛА ТУЗУН ТХУНА

Край, унылый, как стон,
Погружен в вечный сон,
Вне пространства и времени он.

Эдгар По¹

И короли порой чувствуют себя очень усталыми. И в такие часы золото трона кажется им медью, дворцовые шелка — грязным тряпьем. Драгоценности короны тускнеют, словно льды замерзшего моря, речь человеческая превращается в бряцанье шутовских бубенчиков и появляется ощущение нереальности окружающего. Даже солнце становится всего лишь медной монетой, повисшей в небесах, и морской ветер не приносит свежести.

В таком вот настроении восседал Кулл на троне Валузии. Было время аудиенций, и придворные шли мимо короля бесконечной толпой: мужчины, женщины, жрецы. Они рассказывали о тех или иных событиях, что-то просили у своего короля. Все они возникали перед тронном и исчезали, словно тени, не оставив и следа в душе своего повелителя, лишь принося страшную опустошенность. И все же Кулл не чувствовал себя утомленным. В сердце его жило страстное желание того, что было превыше его самого. Беспокойство росло в сердце короля, и странные, опустошающие грезы посещали его в эти часы.

¹ Перевод Ады Оношкович-Яцына.

По его приказу явился Брул Копьебой, воин-пикт с островов Запада.

— Король, ты устал от придворной жизни. Прокаймись на галере, сразимся с бурными волнами, и радость жизни вернется к тебе.

— Нет.— Кулл в задумчивости подпер подбородок могучей рукой.— Мне все надоело. Города не привлекают меня. На границах Валузии все спокойно... Меня не радуют песни морей, которые раньше я слышал в реве прибоя, когда мальчишкой бродил по берегам Атлантиды под сияющим звездным небом. Что-то странное происходит со мной, меня сжигает неземная жажда... Оставь меня.

Брул вышел, покачивая головой. Он оставил короля, погруженным в унылые размышления.

Тут к Куллу подошла девушка-служанка и прошептала:

— Ваше Величество, отыщите Тузун Тхуна. Он знает тайны жизни и смерти звезд в небе и разгадал множество загадок бездн морских. Быть может, он развеет вашу печаль.

Кулл внимательно посмотрел на девушку. Волосы ее были как чистое золото, а ее глаза — настоящие фиалки, чуть раскосы. Она была прекрасна, но Куллу не было дела до ее красоты.

— Тузун Тхун,— повторил он странное имя.— Кто это?

— Волшебник Древнего Народа. Он живет здесь, в Валузии, у Озера Видений, в Доме Тысячи Зеркал. Он знает многие тайны, и, Ваше Величество, он говорит с мертвыми, беседует с демонами Погибших Земель.

Кулл встал.

— Я поищу этого фигляра. Но помни: ни слова о том, куда я иду. Ты поняла?

— Я ваша рабыня и повинуюсь вам, господин.— С этими словами служанка почтительно опустилась на колени, но, когда Кулл повернулся к ней спиной, ее алые губы расплзлись в зловещей улыбке, а раскосые глаза коварно блеснули.

И вот Кулл отыскал обитель Тузун Тхуна у Озера Видений.

Широко раскинулись голубые воды этого озера. Много роскошных дворцов высилось на его берегах. Бесчисленное множество прогулочных лодок лениво скользило по тихой глади. Повсюду звучала тихая музыка.

Дом Тысячи Зеркал оказался высоким и просторным зданием, но ничем особенным не выделялся среди других. Огромные двери стояли распахнутыми настежь. Кулл без помех поднялся по широкой лестнице и вошел в гостиную, никого не встретив по пути. Внутри дома, в огромном зале, со стенами, выложенными из зеркал, он нашел Тузун Тхуна.

Колдун был стар, как горы Залгара. Кожа его казалась сухой, как древний пергамент и морщинистой, но внимательный взгляд холодных серых глаз выдавал пытливый ум.

— Ваше Величество, рад вас видеть. Я весь к вашим услугам — приветствовал чародей короля. Со старомодной учтивостью он отвесил поклон и жестом пригласил Кулла опуститься на кресло, напоминающее трон.

— Я слышал, что ты — волшебник,— прямо начал Кулл, мрачно взглянув на стоявшего перед ним старика.— Можешь ты творить чудеса?

Чародей протянул руку. Его пальцы разжались и сжались, как когти птицы.

— Разве не чудо, что эта плоть повинуется приказам моего мозга? Я хожу, дышу, говорю — и это настоящее чудо.

Кулл поразмыслил немного, а затем спросил:

— А демонов ты можешь вызвать?

— Конечно. Я могу вызвать демона более ужасного, чем все обитатели страны духов... ударив вас по лицу.

Король вздрогнул, а потом кивнул:

— Люди говорят, что ты знаешь тайны некромантии. Ты можешь общаться с мертвецами?

— Я часто говорю с мертвецами, точно как же как сейчас говорю с тобой... Дело в том, что смерть начинается с рождением, и любой человек начинает умирать в тот миг, когда появляется на свет. В первое же мгновение жизни, вы, Ваше Величество, тоже ступили на путь смерти.

— Ну а как же ты сам? Ты старше всех тех людей, которых я видел в своей жизни. Разве волшебники не умирают, как обычные люди?

— Люди умирают, когда приходит их час. Ни раньше, ни позже. Мой час еще не пробил.

Кулл замолчал, обдумывая ответы чародея.

— Мне кажется, что величайший волшебник Валузии оказался самым обычным человеком. Выходит, я даром потратил время, явившись сюда.

Тузун Тхун покачал головой:

— Люди — есть люди. Величайшие из людей лишь те, кто быстрее всего познает самые простые вещи... Вы, Ваше Величество, лучше загляните в мои зеркала.

Потолок и стены состояли из множества зеркал, точно подогнанных друг к другу, хотя и самых различных по форме и размерам.

— Зеркала — это целый мир, — с глубоким убеждением сказал волшебник. — Загляните в мои зеркала и постигнете мудрость.

Кулл выбрал зеркало наугад и внимательно вгляделся в него. Так как напротив этого зеркала на противоположной стене висело точно такое же зеркало, Куллу показалось, что он смотрит в бесконечный коридор из отражений, в дальнем конце которого двигалась крохотная фигурка. Король долго разглядывал изображение, пока не сообразил, что фигурка — его отражение. Он продолжал вглядываться и вдруг почувствовал досаду. Ему показалось, что эта крохотная фигурка была им самим, подлинным Куллом, уменьшенным расстоянием. Поэтому король отошел от зеркала и встал перед другим.

— Смотрите внимательно, Ваше Величество. Это зеркало прошлого, — сказал Куллу чародей.

Серый туман струился в зеркале перед королем Валузии, клубился, растекаясь и изменяясь, словно воды огромной реки. В его просветах Куллу раскрывались отрывочные странные и ужасные видения. Порой туман рассеивался, и появлялись люди, звери и фигуры, не похожие ни на людей, ни на зверей. Огромные экзотические цветы мерцали в серой мгле, высокие тропические деревья нависали над зловонными болотами, где с ревом барахтались огромные рептилии. В небе парили огромные драконы, а не знающие покоя моря обрушивались ревущими валами на болотистые побережья. Человека еще не существовало. Боги только задумывались над его созданием. Странными были те кошмарные фигуры, что бродили по шумным джунглям. Они сражались, пожирали друг друга, дико любили друг друга и умирали. Ведь жизнь и смерть всегда идут рука об руку. Над слизистыми пологими берегами рычали чудовищные твари, и неописуемые существа бродили под непрерывно моросящим дождем.

— А вот это — зеркало будущего.

Кулл повернулся и заглянул в зеркало, на которое показывал колдун.

— Что вы видите, Ваше Величество?

— Станный мир, — с трудом пробормотал Кулл. — Семь Королевств обратились в прах и позабыты. Зеленые волны сомкнулись над горами Атлантиды, а пики Лемурии на востоке стали островами бескрайнего моря. Люди вновь вернулись к дикости... и через столетия новые континенты поднялись из морских глубин. Древние святилища оказались осквернены. Валузия исчезла, вместе с народами, населяющими известную нам часть мира. На их место явились чужеземцы... Даже памяти о нас не осталось...

— Смотрите, смотрите, Ваше Величество... Время быстро шагает вперед, — тихо нашептывал Тузун Тхун. —

Мы живем лишь сегодняшним днем. Увы, но это так... Зачем нам заботиться о том, что случится завтра, или вспоминать о вчерашнем? Колесо вертится, и народы возносятся и исчезают, мир изменяется, и человечество возвращается к дикости для того лишь, чтобы через столетия вновь подняться по лестнице цивилизации... Валузия существовала еще до возникновения Атлантиды, а до того на месте существовали Государства Древних. Ведь мы тоже шли к высотам цивилизации, повторяя путь давно исчезнувших племен. Вы же, Ваше Величество, спустились с зеленых приморских холмов Атлантиды, завоевали корону Валузии и считаете наш народ древним. Но люди жили здесь до того, как племена Древних пришли сюда из пустынь юга. А перед теми людьми были и другие. Племя смеяло племя... Народы уходят, и их забывают, ибо такова судьба человеческая.

— Да,— тяжело вздохнув, согласился Кулл.— Но разве не жаль, что красота и слава человека должны исчезнуть, словно легкий морской туман?

— Зачем жалеть их, раз такова их судьба? Я не скорблю о былой славе моего народа, не помогаю возвеличиться тем народам, что пришли нам на смену. Постарайтесь жить одним днем, Ваше Величество. Мертвые мертвы, а те, кто еще не родился, не существуют. Какое тебе дело до того, что люди позабудут тебя, раз ты сам растворишься в безмолвных мирах смерти? Смотри в мои зеркала и будь мудр.

Кулл повернулся к другому зеркалу и заглянул в него.

— Это зеркало великого волшебства. Что вы видите в нем, Ваше Величество?

— Ничего, кроме себя самого.

— Приглядитесь внимательнее. Это и вправду вы?

Кулл взгляделся в огромное зеркало, и двойник короля уставился на него из туманных глубин.

— Встав перед этим зеркалом, я вызвал из зеркального мира свое отражение,— задумчиво прошептал Кулл.— Все, что касается зеркал и отражений, непонятно и странно мне... Впервые я увидел собственное отражение в спокойных водах озер Атлантиды. А потом, в Валузии, часто встречал взгляд своего двойника в оправленных золотом зеркалах. Отражение — это я сам, точнее, моя тень, часть меня... Не я создаю его и я не могу заставить его исчезнуть. Повинуясь моей прихоти, он может лишь спрятаться, затаиться...

Король замолчал.

Станные мысли приходили в голову Куллу. Они скользили, словно призрачные летучие мыши во тьме пещеры...

— И все же где бродит мой двойник, когда я не стою перед зеркалом? Я не верю, что человек может так легко создать и уничтожить тень жизни? Откуда я знаю, что, когда я отхожу от зеркала, мое отражение исчезает? И, клянусь Валкой, порой мне самому сложно определить, кто же из нас настоящий? Кто человек, а кто призрак? Быть может, эти зеркала — только окна, сквозь которые мы можем заглянуть в другой мир... Интересно, мое отражение думает то же, что и я? Быть может, я для него лишь тень, отражение, точно также как он для меня. Но если я для него всего лишь призрак, то выходит, что по другую сторону зеркала существует иной мир? Интересно, какие армии сражаются на его просторах и какие цари правят? Этот мир — все, что я знаю. Но ведь, ничего не зная о других мирах, как могу я объективно судить об этом?.. Наверное, там, в зазеркалье, тоже зеленеют холмы и гремят прибои, а на бескрайних равнинах люди сходятся в битве... Скажи мне, колдун, существуют ли иные миры, помимо нашего?

— Человеку даны глаза, чтобы видеть, но чтобы увидеть, нужно сперва поверить,— ответил колдун.

Шли часы, а Кулл все еще сидел перед зеркалом Тузун Тхуна, пристально вглядываясь в собственное отражение.

Иногда королю казалось, что он смотрит в мелкий ручей, а иногда взгляд его тонул в неизмеримых безднах черного омута. Морская гладь — вот с чем можно было сравнить это зеркало. Оно то переливалось сверкающей рябью, как морская вода под косыми лучами солнца или в свете звезд лунной ночью. Иногда оно становилось совсем прозрачным... И тогда у наблюдателя захватывало дыхание от вида невероятных бездн, открывающихся его взгляду. Вот каким было то зеркало, в глубины которого вглядывался Кулл.

Наконец король со вздохом встал и закрыл глаза.

Через несколько дней он вновь вернулся в Дом Тысячи Зеркал и стал день за днем приходить туда и часами сидеть перед зеркалом. Король подолгу смотрел в глаза отражению, и все же ему казалось, что есть какое-то отличие между ним и отражением — есть у его двойника какая-то черта, которой нет у него.

Час за часом пристально вглядывался Кулл в зеркало, час за часом отражение разглядывало его. Государственные дела были заброшены. Среди придворных ходили самые невероятные слухи. Жеребец Кулла скучал в стойле, а воины распустились, беспечно препираясь и ссорясь друг с другом. Но Кулла все это не интересовало. Временами ему казалось, что еще чуть-чуть и ему откроется некая огромная, необразимая тайна. Он больше не думал об отражении в зеркале как о своей тени. Оно стало для короля личностью, подобной ему внешне, но столь же далекой внутренне. Королю Валузии казалось, что отражение обладает собственной индивидуальностью, что оно зависит от Кулла ничуть не больше, чем Кулл от него. День за днем король Валузии все больше сомне-

вался в том, в каком из миров он живет. Возможно, он лишь призрак, подчиняющийся воле того, кого он считал всего лишь своим отражением? Может, он сам живет в мире отражений, в мире призрачном, а не реальном?

Порой Куллу хотелось пройти сквозь зеркало, очутиться в ином мире. Но если бы ему удалось пройти сквозь эту дверь, смог бы он возвратиться или нет? Обнаружил бы он по ту сторону зеркала такой же мир, как его собственный? Мир, чьим призрачным отражением оказался бы знакомый ему мир? Какой из миров был реальностью, а какой — иллюзией? Временами Кулл, отогнав наваждение, удивлялся, как такие мысли могли прийти ему в голову. В такие минуты он задумывался о том, рождаются ли они в его собственном сознании по его желанию или... Но дальше его мысли начинали путаться... В душе Кулла всегда оставался варваром и сложные философствования были ему не под силу.

Кулл так и не пришел ни к какому решению. Чем дальше он углублялся в рассуждения, тем сильнее запутывался в лабиринте философских рассуждений. Теперь эти мысли преследовали Кулла во сне и наяву, так что временами ему казалось, что он блуждает в тумане, и сны его оказались насыщены странными, чудовищными кошмарами.

— Скажи, колдун, могу ли я пройти через эту дверь между мирами? — однажды спросил король. Он, как обычно сидел перед зеркалом, впевнив взгляд в отражение. — Я уже не знаю, какой из миров призрачен, а какой реален. Ведь должно же то, что я вижу, где-то существовать.

— Смотри и верь, — ответил королю Тузун Тхун. — Человек должен верить, если хочет достичь своей цели. Материальная форма лишь тень, реальность ее — иллюзия, а действительность — сон. Человек существует, потому что верит, что существует. Да и что такое человек? Лишь каприз богов? И все же каждый из

нас может стать, кем хочет быть. Ведь реальность на самом деле — иллюзии. Разум и личность — порождения фантазии богов — вот что реально, вот что бессмертно. Смотрите и верьте, если хотите достичь своей цели, Ваше Величество.

Король не понял, что хотел этим сказать Тузун Тхун. Он никогда до конца не понимал загадочных речей колдуна. Однако они находили смутный отзвук в его душе. Поэтому день за днем Кулл просиживал перед зеркалами Тузун Тхуна. И всякий раз волшебник возникал, словно тень, за спиной короля, стоило лишь Куллу засомневаться в реальности зазеркального мира. И вот настал день, когда Куллу на мгновение показалось, что за спиной отражения промелькнули странные земли. Этот мимолетный образ пробудил в короле Валузии смутные мысли и воспоминания. День за днем его связь с реальным миром становилась все слабей. С каждым прошедшим днем окружающее начинало казаться все более призрачным и нереальным. Реальным для Кулла оставался лишь человек в зеркале.

Теперь королю Куллу казалось, что он стоит на пороге неких величественных миров. Ему смутно мерещились фантастические пейзажи, туманная дымка постепенно таяла.

— Форма — лишь тень, реальность — иллюзия, они не более, чем призраки, — доносился до него, словно издалека, голос колдуна.

Кулл помнил слова старика, и ему казалось, что теперь он начинает понимать их. Материальность и реальность... Не может ли он по собственному желанию изменить себя, если отыщет ключ к этой двери? Какие миры ожидают его по ту сторону зеркала?

Куллу казалось, что его отражение постоянно улыбается ему. Лицо двойника Кулла было все ближе, ближе... Туманная дымка поглотила весь мир... и отражение внезапно исчезло.

Король почувствовал, что он падает, тонет в тумане грез, изменяется, тает...

— Кулл!

Вопль раздробил тишину на бессчетные острые осколки. Горы обрушились, и миры содрогнулись, когда король Валузии сверхчеловеческим усилием метнулся назад сквозь дымку, ориентируясь на крик, как на луч маяка. Кулл и сам не знал, почему он отступил.

Эхо крика стихло, и Кулл вновь оказался в покоях Тузун Тхуна перед расколотым зеркалом. Он был в смятении, наполовину ослеп от потрясения. Перед ним лежал мертвый Тузун Тхун. Видно, час колдуна наконец пробил. А над телом колдуна стоял Брул Копьебой. С меча его капала кровь, а глаза воина округлились от ужаса.

— Кулл, ты жив! — воскликнул пикт. — Вовремя же я пришел!

— Что тут случилось? — с трудом проговорил король.

— Спроси эту предательницу, — ответил пикт, указывая на девушку, в ужасе застывшую перед королем. Кулл сразу узнал рабыню, которая посоветовала ему побывать у Тузун Тхуна. А Брул продолжал свой рассказ: — Когда я вошел, то увидел, что ты таешь в этом зеркале, как дым в небе. Клянусь Валкой! Если бы я не видел этого своими глазами, я, наверное, не поверил бы. Ты почти растаял в зеркале, и я закричал от отчаянья...

— Да, — пробормотал Кулл. — Я уже был почти по ту сторону двери...

— Колдун обставил все очень ловко, — объяснял Брул. — Разве ты не замечал, как он оплетает тебя паутиной чар? Кануб барон Блала сговорился с этим чародеем. Старый аристократ хотел покончить с тобой, отомстив за смерть своих друзей, а эта шлюха, девчонка Древнего Народа, рассказала тебе о старом некроманте... Не знаю, что ты видел в этом зеркале, но с его помощью Тузун Тхун поработил

твою душу, и ты едва не оказался пленником кус-ка стекла.

— Да.— Сознание Кулла все еще было затуманенным.— Но ведь Тузун Тхун был чародеем. Он хранил древние знания и презирал золото, славу и положение в обществе... Что мог пообещать ему Кануб?

— Золото, власть и положение в обществе,— эхом ответил королю Брул.— Чем скорее ты поймешь, что все люди, будь то колдуны, короли или рабы, подвержены одним и тем же страстям, тем лучше ты будешь править... И еще, Кулл, я не знаю, что делать с этой шлюхой?

— Не стоит ее наказывать, Брул,— сказал король, глядя, как от рыданий вздрагивают плечи девушки.— Она оказалась всего лишь орудием в руках негодяев. Встань, дитя, и ступай с миром. Никто не причинит тебе вреда.

Оставшись наедине с Брулом, король Валузии бросил последний взгляд на зеркала Тузун Тхуна:

— Может, этот старик и был заговорщиком, может, он пытался околдовать меня, Брул... Я верю тебе, и все же... Я не знаю, то ли это его колдовство чуть не заставило меня растаять, или я в самом деле стоял на пороге иного мира. Не пробуди ты меня своим криком, я бы рассеялся легким дымком и попал в иной мир...

Брул скользнул взглядом по зеркалам и равнодушно пожал плечами.

— Да, Тузун Тхун собрал в своих зеркалах мудрость черного колдовства... Идем отсюда, Кулл, а не то эти зеркала околдуют и меня.

— Ну что же, идем,— с грустью ответил Кулл.

Бок о бок вышли они из Дома Тысячи Зеркал. Зеркал, многие из которых, быть может, служили темницами для человеческих душ.

* * *

Никто больше не вглядывался в зеркала Тузун Тхуна. Люди избегали мыса, на котором возвышалась

обитель чародея. Никто не входил, и высохший, сморщенный труп Тузун Тхуна остался лежать перед зеркалами иллюзий. Люди стали считать проклятым это место, и пусть дом простоит там еще тысячу лет, человеческие шаги никогда не пробудят эха в его пустующих залах.

И все же Кулл, восседая на своем троне, часто размышлял над нераскрытыми тайнами мира зазеркалья. Ему по-прежнему хотелось убедиться, что помимо нашего существуют иные миры. Пытался ли волшебник околдовать его словами или гипнозом... Но многое открылось взору Кулла, когда он попытался заглянуть за ту странную дверь...

И долго еще терзали Кулла сомнения. Даже спустя много лет король Валузии так и не смог решить, реален ли окружающий его мир.

МЕЧИ КРОВАВОГО КОРОЛЕВСТВА

Глава первая ЗАГОВОР

Зловещая тишина саваном окутала Хрустальный город — столицу Валузии. Стояла жара и из-за поднимающихся от земли потоков раскаленного воздуха казалось, что пурпурные башни и высокие хрустальные шпили дрожат в мутном жарком мареве. Широкие мощенные булыжниками улицы погрузились в сон, который лишь иногда нарушал стук копыт. Редкие пешеходы спешили поскорее укрыться в прохладе домов. Город казался царством призраков.

Король Валузии Кулл сидел у окна в своих покоях. Откинув тонкую занавеску, он наблюдал за двором с искрящимся фонтаном. В дальнем его конце замерли аккуратно подстриженные кусты и деревья. А за ними, много дальше, за стеной дворцового парка поднимались крыши домов горожан.

— У меня создается ощущение, что все дворяне этой страны только и заняты тем, что строят заговоры у меня за спиной, Брул, — пробормотал король.

Его собеседник — мускулистый, смуглолицый воин среднего роста — насмешливо улыбнулся.

— Ты слишком мнителен. Сейчас слишком жарко, вот народ и разбежался по домам.

— Нет... Нет... Мне кажется, в королевстве опять зреет заговор, — пробормотал Кулл.

Король был высоким человеком — настоящим воином. Широкие плечи, могучая грудь, узкие бедра. Из-под густых черных бровей сверкали холодные серые глаза. Черты лица выдавали в нем чужеземца — Кулл был родом из Атлантиды и не так давно захватил трон Валузии.

— Пусть безумцы плетут заговоры в такую жару, если им больше нечем заняться. Народ Валузии вероломен, придворные любят заговоры... Многим из них безразлично, кто сидит на троне... Я бы не стал беспокоиться.

Но Кулла слова пикта ничуть не успокоили. Он, наоборот, еще больше нахмурился.

— Я постоянно чувствую себя чужим в этой стране. Я — первый и, насколько мне известно, единственный дикарь, которому удалось захватить трон Валузии. Пока я водил в походы армии этой страны, никто не обращал внимание на мое происхождение. Но теперь они только об этом и говорят. «Король-варвар! Король-узурпатор!» Я слышу это со всех сторон.

— Не обращай внимания! Я тоже родился в другой стране. В наши дни Валузией правят чужеземцы, раз уж ее аристократы и дворяне не способны на то. Атлант восседает на троне, спину ему охраняют пикты... Ведь наши воины — твои самые давние и могущественные союзники. При твоём дворе полно иностранцев, армия набрана из варваров-наемников. Даже Алые Стражи — твоя личная гвардия — скорее не валузийцы, а горцы из отрогов Залгара.

Кулл в ответ покачал головой.

— Мне хорошо известно, о чем говорят в народе. Простые люди относятся ко мне с отвращением и ненавистью. Отпрыски влиятельных семейств готовы в любой момент вонзить мне кинжал в спину... Почему так происходит, а Брул? Когда на троне сидел мой предшественник Борн, настоящий валузиец, наследник древней династии, дела в королевстве шли на-

много хуже, чем сейчас. Старый король погряз в пороках и плевал на своих подданных. Вот тогда-то в стране и стали появляться могучие чужеземцы, которые, в конце концов, с легкостью захватили власть... Я создал армию, набрал полки наемников, вернул Валузии бывшее величие и авторитет. Разве не лучше иметь одного варвара на троне, чем сотню тысяч дикарей, свободно разъезжающих по стране, грабящих и убивающих всех подряд? А ведь это непременно случилось бы, останься на троне король Борн. В то время Валузия готова была расколоться на части. Королевство дрожало под пятой тирана. Враги подступали со всех сторон. Малые Княжества уже собрали армию, чтобы... Да! И мне пришлось задушить Борна в ту безумную ночь. После этого у меня появилось немало врагов. Но за каких-нибудь полгода я объединил королевство, создал армию, сплотил народ воедино и сломал спину союзу Малых Княжеств. Теперь Валузия нежится в мире и покое, но дворяне продолжают строить заговоры. А ведь за все время моего правления в стране ни разу не было голода. Склады ломятся от зерна, торговые суда ходят тяжело груженными товаром, кошельки торговцев полны, народ разжирел,— но люди по-прежнему недовольны. Они проклинают меня и плюют на мою тень. Чего же им не хватает?

Пикт оскалился и печально усмехнулся.

— Им не хватает еще одного Борна! Кровавый тиран — вот о ком они мечтают! Забудь об их благодарности. Не во имя их ты захватил трон, не им в угоду удерживаешь его. Ты осуществил мечту всей своей жизни. Так что теперь можешь не обращать на своих подданных никакого внимания. Пусть себе корчат рожи и строят заговоры. Ты — король Валузии.

— Да... Я король этого кровавого королевства,— печально кивнул Кулл.— И пока я дышу и дух мой не отправился вниз по долгой тенистой дороге в

Страну Мертвых, я останусь королем!.. Ну, что еще там?

Перед Куллом в поклоне склонился раб.

— Ваше Величество, Нелиса, наследница барона Балина, просит аудиенции.

Тень набежала на лицо Кулла.

— Опять эти амурные дела. У меня такое впечатление, что главное занятие короля — женить своих подданных,— со вздохом обратился король к Брулу.— Наверное, тебе лучше выйти.

Когда Брул Копьебой ушел, Кулл приказал рабу:

— Пусть войдет.

Замерев на оббитом бархатом троне, Кулл внимательно наблюдал за тем, как открылись двери и вошла Нелиса. Наследнице барона было около девятнадцати. Она была одета дорого и строго по моде знатных дам Валузии и представляла поистине восхитительное зрелище. Благодаря многочисленным молочным и винным ваннам, кожа этой высокородной дамы отличалась удивительной белизной. Изящный рисунок бровей, нежный румянец щек, полные яркие губы и корона вьющихся черных волос, охваченных золотой лентой...

Встав на колени перед троном, Нелиса, потянувшись, коснулась руки короля, лежавшей на рукояти меча. Нежные пальцы коснулись грубой кожи варвара. Девушка посмотрела снизу вверх в глаза правителю Валузии, но во взгляде ее, как показалось Куллу, была не столько мольба, сколько вызов.

Как и многие мужчины Валузии, Кулл с опаской заглянул в глаза красавице, зная об их тайной власти. Девушка тоже знала о силе своих женских чар... Неожиданно Кулл, искушенный в вопросах взаимоотношений мужчин и женщин, осознал, каким могуществом и влиянием при дворе со временем будет обладать Нелиса.

— Ваше Величество, пожалуйста, дайте мне разрешение на брак с Далгаром из Фарсуна,— заговорила

девушка тоном ребенка, выпрашивающего у строгого родителя любимую игрушку.— Мой возлюбленный давно стал гражданином Валузии. Он пользуется расположением при дворе. Почему же...

— Я уже говорил тебе, что лично мне все равно, кто станет твоим супругом,— терпеливо начал объяснять Кулл красавице.— Выходи замуж хоть за самого дьявола! Но твой отец против! Он не хочет смешивать свою кровь с кровью безродного искателя приключений.

— Но ведь вы, Ваше Величество, можете приказывать ему. Ведь вы — король! — возразила девушка.

— Но я не стану вмешиваться в семейные дела твоего отца,— устало проговорил король.— Твой отец — Мирам Балин — мой друг. Впервые он помог мне, когда я был никому не известным гладиатором. Он поддерживал меня финансово и принял мою сторону, когда я захватил трон Валузии. Я не хочу принуждать его делать то, что ему не нравится, и не хочу вмешиваться в его семейные дела.

Но Нелиса была еще слишком молода и не знала, что некоторые мужчины могут с легкостью противостоять женским чарам. Она принялась упрашивать короля, капризно надувала губки, молила, даже немного поплакала. Красавица даже целовала руки королю... но все напрасно. Кулл искренне сочувствовал ей, но оставался непреклонен. На все призывы и мольбы девушке у него был один ответ: «Это не мое дело. Твой отец лучше знает, как нужно поступить. Я не собираюсь портить с ним отношения...»

Наконец Нелиса сдалась. Она покинула зал, печально опустив голову.

Выйдя же из Тронного зала, она нос к носу столкнулась с отцом. Барон Балин сразу догадался, зачем дочь приходила к королю, но не сказал дочери ни слова. Однако брошенный исподлобья взгляд красноречиво свидетельствовал о том, что так просто барон этого не оставит. Девушка, зная тяжелую руку отца,

еще сильнее расстроилась и понуро залезла в свой паланкин. Бремя горя казалось ей невыносимым. Но скоро наследственная твердость характера взяла свое. В темных очаровательных глазках вспыхнул огонек бунта. Девушка отдала краткий приказ, и рабы подняли ее паланкин...

Тем временем барон Мирам Балин, склонив голову, приблизился к трону своего повелителя. На лице барона застыла лицемерная маска почтительности. Король ответил ему точно такой же улыбкой, хотя при этом он ощутил болезненный укол в сердце. Кулл давно свyksся с придворным этикетом, нарушать который разрешалось лишь Брулу и посланцу пиктов Ка-ну. Барон Мирам обычно соблюдал все придворные формальности, но в этот раз, похоже, он превзошел всех церемониймейстеров королевства. И Кулл понимал, почему барон так ведет себя.

— Твоя дочь только что заходила ко мне,— опустив положенные по этикету приветствия, честно признался Кулл.

— Да, я знаю, Ваше Величество.— Барон произнес эти слова бесстрастно, словно невинно осужденный, ожидающий вынесения приговора.

— Ты, вероятно, знаешь, зачем она приходила? — спросил Кулл и, не ожидая реакции барона, сам ответил на свой вопрос: Она рвется замуж за Далгара.

Барон кивнул.

— Если Ваше Величество желает, достаточно только сказать слово...— При этих словах лицо барона окаменело.

Разозлившись, Кулл вскочил с трона. Широкими шагами подошел он к окну и замер, уставившись на спящую столицу. Потом, не оборачиваясь, он сказал:

— Даже за половину своего королевства я не стал бы влезать в твои семейные дела. Я не стану заставлять тебя принимать неприятные решения.

Барон с облегчением вздохнул. Вся его помпезность разом исчезла. Глаза радостно засверкали.

— Простите, Ваше Величество, я был несправедлив к вам. Я должен был догадаться...

Он подошел к королю и попытался встать на колени перед Куллом, но король остановил его.

— Не стоит, мой друг. Запомни: твои семейные проблемы — твое дело. Тут я не могу ни помешать, ни помочь кому бы то ни было... Я же вызвал тебя, так как хотел поговорить совсем о другом. В королевстве зреет заговор. Я чувствую это, точно так же, как в юности чувствовал близость тигра в лесной чаще или змеи в высокой траве.

— Мои шпионы прочешут весь город, Ваше Величество,— быстро проговорил барон.— Вы же знаете, народ порой недоволен при любом правителе. Он никогда не доволен тем, что имеет... Недавно я побывал в посольстве Ка-ну. Посланец пиктов попросил меня предупредить тебя о больших суммах в иностранных золотых, которые появились в городе. Ничего определенного ему не известно, но тревожные слухи расползаются из посольства Верулии... Ходят разговоры о перевороте...

— Вероломство Верулии мне хорошо известно,— проворчал Кулл.— Но мне кажется, их посол Ян Яла — человек верный своему слову.

— Посол — лишь фасад. Чем меньше он знает о планах своих повелителей, тем лучшим прикрытием становится для их грязных делишек.

— Чего же добиваются эмиссары Верулии?

— Гомла — дальний родственник короля Борна — бежал в Верулию, когда ты сверг прежнего монарха. Он считает, что после вашей смерти Валузия распадется на части, союзники откажутся от нее, а армия — Алые Стражи — разбежится. Варвары, которых только ты можешь удержать в узде, обратят свои клинки против Валузии. Тогда королевство окажется легкой добычей для любой державы. Тогда армия Верулии вторгнется в Валузию, и на трон взойдет Гомла...

— Понятно,— тихо проговорил Кулл.— Видно и правда от меня больше пользы на поле битвы, чем на Советах и переговорах... Но каким же способом ты предполагаешь устранить надвигающуюся опасность?

— Я подумаю об этом, Ваше Величество.

— Ничего, в конце концов мы выкорчем все ростки измены.— Король заставил себя улыбнуться. Пальцы его поглаживали рукоять огромного меча, с которым Кулл никогда не расставался.

— Ту, главный советник. С ним Дондал — племянник Ту! — объявил раб.

В зал вошли двое мужчин.

Главный советник Кулла вошел в зал. Он был представительным мужчиной среднего роста, едва перешагнувшим рубеж, отделяющий зрелость от старости. Внешне он выглядел торговцем, а вовсе не Главой королевского совета: жидкие волосы, вытянутое, вечно чем-то недовольное лицо, взгляд, полный подозрения.

Годы легли тяжелым бременем на его покатые плечи. Рожденный в одном из бедных кварталов столицы Валузии, Ту пробил себе дорогу к вершинам власти с помощью дьявольских интриг. Он уже пережил трех королей, не считая Кулла. И каждому из правителей Валузии он служил верой и правдой. Племянник главного советника — щеголеватый юноша с приятной, открытой улыбкой и проницательными черными глазами — в отличие от своих сверстников умел держать язык за зубами. Именно поэтому он бывал в тех местах, попасть куда не смог бы помочь ему даже влиятельный дядюшка.

— У меня, Ваше Величество, всего лишь одно крошечное дельце,— сказал Ту.— Вы должны одобрить проект порта на западном побережье. Вот здесь мне нужно поставить восковую печать с узором вашего кольца, но я не могу сделать этого без вашего согласия.

Кулл кивнул.

Тогда тот капнул на край пергамента расплавленного сургуча и, вытащив из-за пазухи перстень-печатку, скрепил документ. Не было в мире другого перстня, подобного этому, и Ту, не снимая, носил его на шее днем и ночью. Кроме того, никто, кроме Кулла, Ту и еще нескольких сообо приближенных к королю, не знал, где хранится королевская печать.

Глава вторая ТАИНСТВЕННОЕ НАПАДЕНИЕ

 аркий день сменила тихая, безмятежная, прохладная ночь. Луна еще не поднялась на небосклоне, и маленькие серебряные звездочки только начинали мерцать в темнеющем небе. Казалось, что их лучи с трудом пробиваются сквозь раскаленную небесную твердь.

По пустынной улице громко простучали копыта коня — в ночи скакал одинокий всадник. Если за улицей кто-то и наблюдал, то Далгар из Фарсуна этого не заметил.

Юный аристократ был в полном боевом облачении: гибкое тело атлета закрывала кольчуга с металлическим нагрудником, голову венчал островерхий шлем-морион, на поясе висел длинный, узкий меч, рукоять которого была отделана драгоценными камнями. Поверх кольчуги Далгар повязал игривый шарф с изображением алой розы. Но, несмотря на это, он выглядел внушительно.

Он ехал и разглядывал лист пергамента, на котором было начертано:

«Мой любимый!

Встретимся в полночь за городом, в Проклятых Садах. Мы вместе упорхнем из Валузии».

Далгар снова и снова перечитывал записку. Что ж, зная Нелису, он давно ожидал чего-то в таком роде.

Она была очень порывистой девушкой и часто действовала по велению сердца, а не разума.

Если же все сложится удачно, к восходу солнца он и его избранница пересекут границу с Верулией. Пусть тогда бушует барон Мирам Балин! Он уже никак не сможет помешать своей дочери выйти замуж за Далгара. На территории Верулии они окажутся в полной безопасности. Сердце молодого аристократа учащенно билось в предвкушении встречи со своей возлюбленной. Ему хотелось совершить ради Нелисы какой-нибудь и вовсе невообразимый подвиг.

До полуночи оставалось еще больше часа, но юноша все подгонял коня и озирался по сторонам, надеясь с помощью какого-нибудь чуда сократить дорогу к месту свидания.

— И пусть все серебро луны прольется мне на грудь...— напевал он себе под нос любовные песни безумного поэта Ридондо, давным-давно погибшего от руки Кулла.

Вдруг конь молодого аристократа, громко всхрапнув, шархнулся в сторону. Потом в ночной тишине прозвучал чей-то приглушенный стон и бесформенная, темная масса у обочины зашевелилась.

Обнажив меч, Далгар выскользнул из седла и подошел к лежавшему на земле человеку. Подхватив несчастного под мышки, Далгар выволок его на освещенное место. Под пальцами юноша почувствовал что-то мокрое и липкое.

Незнакомец, на которого он наткнулся по воле судьбы, оказался стар, судя по редким волосам и седой бороде. Одет он был в лохмотья нищего, но даже в скупом ночном свете было видно, что руки его изнежены и непривычны к тяжелой работе. Из раны на голове сочилась кровь, глаза старика были закрыты. Время от времени незнакомец начинал громко стонать.

Далгар оторвал лоскут от своего шарфа, чтобы промокнуть рану, и тут перстень на его среднем пальце

запутался в бороде старика. Юноша нетерпеливо дернул рукой, и... борода оторвалась, оголив хорошо выбритое лицо. Молодой аристократ непроизвольно вскрикнул и отпрянул. Он замер, окончательно сбитый с толку, уставившись на таинственного незнакомца. Теперь он узнал раненого!.. И тут грохот подков по булыжнику вернул его к реальности.

Повернувшись в сторону приближающегося звука, Далгар бросился наперерез всаднику. Тот резко остановил коня и выхватил меч. Сноп искр взвился из-под стальных подков поднявшегося на дыбы рысака.

— Я сейчас...— возмущенно начал было всадник, но, не договорив, изменил тон: — А, это ты, Далгар.

— Брул Копьебой! — радостно воскликнул юноша. — Скорее помогите мне! Главный советник Ту без сознания лежит на той стороне улицы. Может, он уже умер!

Пикт спешил, его меч исчез в ножнах. Перебросив поводья через голову коня, он спокойно пошел вслед за Далгаром, видимо не слишком доверяя словам впечатлительного юноши. Вдвоем они еще раз осмотрели раненого. Да, без сомнения, это был советник Ту.

— Череп вроде бы цел, — наконец проворчал пикт. — Хотя точно сказать нельзя. Тут такая темень... Ни черта не видно! Когда ты его нашел, он был без бороды?

— Нет, — ответил Далгар. — Я не знал, кто это. Хотел помочь несчастному, случайно зацепился перстнем, потянул...

— Ладно. — Пикт остановил сбивчивые объяснения юноши. — Тогда, похоже, это работа какого-нибудь уличного грабителя. Скорее всего он не признал советника. Иначе выходит, что в Валузии зреет черная измена... А ведь я предупреждал Ту, что все эти переодевания до добра не доведут. Но разве его в чем-нибудь можно было убедить? Он утверждал, что, бродя по городу под чужой личиной, он узнает обо

всем, что происходит из первых рук, «держит руку на пульсе королевства»... Да, именно так он и говорил.

— Но если на советника напал грабитель, то почему же он его не ограбил? — удивился Далгар. — Вот кошелек господина Ту. Ого! Да в нем несколько серебряных монет! Скажите-ка мне, Брул, кому придет в голову грабить нищего?

Пикт злобно выругался.

— Однако, парень, ты прав. Но кто же, во имя Балки, мог знать, что под личиной нищего скрывается Ту? Главный советник каждый раз принимал новый образ, и помогали ему в этом лишь Дондал и еще один верный раб. И чего мог добиваться тот, кто оглушил старика?.. Черт возьми! Надо нам поторапливаться, а то старик умрет, пока мы тут рассуждаем... Помоги-ка мне забросить его на лошадь.

Закинув поперек седла безвольное тело советника, Брул и Далгар, взяв коней под уздцы, направились ко дворцу короля. Пройдя мимо изумленных стражей, они сняли раненого с седла и на руках внесли его во внутренние покои. Там Ту уложили на мягкие подушки, и его ранами занялись рабы и служанки. Скоро советник пришел в себя, сел и, обхватив голову, застонал.

Ка-ну — посол пиктов, который, прослышав о несчастье, сразу прибыл в королевский дворец, склонился над стариком.

— Ту! Кто напал на тебя?

— Не знаю, — слабым голосом отвечал старик, еще не вполне придя в себя. — Я ничего не помню.

— У тебя с собой были какие-нибудь важные документы?

— Нет, — покачал головой советник.

— Подумай, может, у тебя все-таки что-то украли?

Ту неуверенными движениями стал ощупывать свое одеяние. Его мутный взгляд начал постепенно проясняться. И вдруг старик вздрогнул всем телом.

— Перстень! Перстень с королевской печатью! Он исчез!

Ка-ну в сердцах выругался.

— Да, не стоило тебе таскать такую ценную вещь с собой! Я же предупреждал тебя об этом!.. Господа, — с этими словами Ка-ну повернулся к Брулу и Далгару, — похоже, король был прав. Я чувствую запах измены! Поспешим в королевские покои!

У дверей в королевскую спальню, словно каменные статуи, замерли десять Алых Стражей — личных воинов короля. На вопрос запыхавшегося Ка-ну они ответили, что король отправился отдыхать час назад или около того. С тех пор к повелителю Валузии никто не входил. Из-за двери не доносилось ни звука.

Тогда посланец пиктов постучал. Но никто ему не ответил. Придя в смятение, пикт толкнул дверь ногой. Оказалось, двери спальни заперты изнутри. Лицо пикта побелело.

— Ломайте! — не своим голосом приказал он стражам.

Двое огромных воинов обрушились на дверь, но та устояла. Она была сделана из прочного дуба, окованного стальными полосами. Солдаты попробовали еще раз, и вновь их попытка не увенчалась успехом.

Тогда вперед вышел Брул Копьебой. Не спеша обнажил пикт меч и под ударами его клинка во все стороны полетели куски дерева и металла. Через несколько секунд Брул вломился в спальню и, пораженный, замер на пороге. Заглянув через его плечо, Ка-ну тоже окаменел, впившись пальцами в свою седую бороду.

Кровать короля была в беспорядке, но Кулла не было в спальне. Комната оказалась пуста, и лишь открытое окно подсказывало, каким путем скрылся Кулл.

— Скорее всего предатели выманили короля из дворца, — взревел Ка-ну. — Прочесать улицы! Келкор,

подымай всех Алых Стражей! Брул, собери своих людей!.. Возможно, этой ночью нам предстоит кровавая битва. Скорее, Далгар...

Но юного аристократа нигде не было. Он решил исчезнуть, вспомнив, что скоро наступит полночь. Возлюбленная ждала его, а это для юноши было намного важнее, чем поиски пропавшего короля. Со всех ног понесся Далгар к Проклятым Садам...

Глава третья КОРОЛЕВСКАЯ ПЕЧАТЬ

Чуть больше часа до описываемых событий, король Кулл удалился на покой, как обычно, перед тем как войти в спальню, он задержался на пороге поболтать со стражами, его старыми боевыми товарищами, вспомнить былые битвы и сражения. Потом, отпустив слуг, Кулл сам разделся и лег, собираясь уснуть.

Он уже собирался потушить свечу, когда внимание его привлек стук. Что-то ударило в подоконник забранного решеткой окна. Вспомнив все свои дурные предчувствия, король обнажил меч и подошел к окну. Это окно выходило в дворцовый парк. В слабом мерцании звезд Кулл с трудом мог разглядеть очертания кустов и деревьев. Где-то дальше во мраке, у самой стены дворцового сада, прохаживались стражники. Было тихо, только издали доносился плеск фонтанов.

Но за окном было что-то нарушающее обычный ход событий. Цепляясь за побеги ползучих растений, покрывающих стену по обе стороны от окна, висел маленький, весь сморщенный человечек, на вид какой-то высохший и сморщенный, судя по внешнему виду — профессиональный нищий. Тощие руки и ноги, обезьянье личико — он казался совершенно безобидным. Увидев его, Кулл нахмурился.

— Похоже, мне придется поставить стражу под каждым окном или оборвать эти чертовы растения,— вздохнул король.— Как тебе удалось проскользнуть мимо охранников?

Карлик молча приложил тонкий палец к губам, окруженным сетью морщин, призывая Кулла к молчанию. Потом он вытащил что-то из-за пазухи и протянул Кулла сквозь металлические прутья. Король взял в руку какой-то маленький предмет. Это оказался свиток пергамента. Кулл развернул его и прочел:

«Ваше Величество! Если вам дорога жизнь и благополучие королевства, следуйте за проводником, куда бы он вас ни отвел. Постарайтесь сделать так, чтобы об этом не узнала ваша охрана... В ряды Алой Стражи пробралась подлая измена. Если хотите сохранить жизнь и трон, действуйте точно, как я говорю. Подателю сего письма можете полностью доверять.

Ту, главный советник короля Валузии».

Кулл еще больше нахмурился. Все это выглядело весьма подозрительно, но король узнал руку Ту... только у советника были такие характерные каракули, особенно незаметный завиток на последней букве «И». К тому же внизу свитка стоял оттиск печати, существующей в единственном экземпляре,— оттиск королевской печати!

Кулл покорно вздохнул.

— Ладно. Подожди, пока я соберусь,— приказал он нищему.

Одевшись в легкую кольчугу, Кулл вернулся к окну. Схватившись за два соседних прута, атлант напряг могучие мышцы. Он почувствовал, как прутья поддались, и, раздвинув их так, чтобы могли пройти его широкие плечи, выбрался наружу, соскользнул вниз по побегам вьюна с не меньшей ловкостью, чем бродяга.

Присев у основания стены, Кулл схватил за руку своего спутника.

— Так как же ты миновал стражей? — прошептал он.

— Тому, который остановил меня, я показал оттиск королевской печати.

— Теперь это нам не поможет,— проворчал Кулл.— Ступай за мной. Похоже, я знаю, как проскочить мимо постов.

Минут двадцать они пробирались через сад. Им приходилось лежать в кустах, пережидая, пока мимо пройдет патруль, и двигаться вперед короткими перебежками.

Наконец они добрались до стены, опоясывающей дворцовые сады.

Тут Кулл поступил истинно по-варварски: он взял своего проводника за лодыжки и поднял над головой. Нищий ухватился за верхний край стены, мигом оседлал ее и протянул руку вниз, чтобы помочь королю. Кулл лишь отмахнулся. Он отступил на несколько шагов, разбежался, высоко подпрыгнул и мгновенно очутился рядом с бродягой. Тот открыл рот от удивления. Не каждый воин мог повторить прыжок повелителя Валузии. Секунду спустя Кулл и его спутник спрыгнули с другой стороны стены и растворились среди ночных теней.

Глава четвертая ПРОКЛЯТЫЕ САДЫ

Нелиса — дочь барона Балина — была напугана и нервничала. Скользя на крыльях любви, она ничуть не раскаивалась в безрассудных действиях последних нескольких часов. Она с нетерпением ждала наступления ночи и появления своего возлюбленного.

Все получалось на удивление легко. Нелиса выскользнула из отцовского дома незадолго до заката, сказав матери, что собирается навести больную подругу. На ее счастье, женщины в Валузии могли вести себя достаточно свободно, в отличие от Малых Княжеств, где царили иные обычаи. Там женщин держали взаперти, в гаремах и домах, больше похожих на тюрьмы.

Нелиса беспрепятственно выехала через Восточные ворота и напрямик направилась к Проклятым Садам. Эти сады некогда принадлежали загородному поместью одного знатного дворянина. Но потом по городу поползли рассказы о мерзких развратных ритуалах поклонения дьяволу, творившихся там. В конце концов, горожане, доведенные до безумия регулярными исчезновениями детей, ворвались в поместье и повесили хозяина на воротах его дома. Прочесывая сады, люди обнаружили множество следов проведения отвратительных ритуалов... В испуге и ужасе они

принялись крушить особняк и летние беседки, рубить деревья. Но постройки, сложенные из добротного мрамора, не так-то просто оказалось разломать. Многие постройки перенесли как ярость толпы, так и нелегкое испытание временем. Уже несколько столетий стояли они в запустении. Внутри полуосыпавшихся стен разрослись настоящие джунгли. Буйная зелень скрывала руины от глаз людей...

Добравшись до садов, девушка отыскала не слишком разрушенную беседку, привязала коня и устроилась на растрескавшемся мраморном полу. Она приготовилась ждать.

Нежное золото заката омыло землю, смягчив и сгладив очертания всех предметов. Вокруг колыхалось зеленое море с разбросанными тут и там белыми пятнами — островками стен и крыш мраморных строений.

Но когда тени сгустились и ночь вступила в свои права, Нелиса почувствовала себя неуютно. Звезды казались холодными и ужасно далекими. Ночной ветер тихо подвывал и шелестел в листве деревьев. Девушке припомнились легенды и жуткие истории. Ей чудилось, что ужасные твари медленно подкрадываются со всех сторон. Над головой шелестели черные крылья...

Девушка страстно молилась, ожидая наступления полуночи. Если бы в этот миг ее увидел Кулл, он никогда бы не подумал о ее странной власти и большом будущем. Нелиса выглядела лишь напуганной девушкой, нуждавшейся в защите и опеке.

И все же мысль о бегстве так и не возникла в ее сознании.

Время тянулось нескончаемо. Медленно поднялась на небе луна. Приближалась полночь. И вдруг до девушки донесся какой-то странный звук. Она тут же вскочила на ноги. Где-то в садах, по поверьям обитаемых, тишину разорвал крик и бряцанье стали. Кровь застыла в ее жилах... И снова воцарилось удушающее, как саван, безмолвие.

«Далгар! Далгар!»

Имя влюбленного молотом грохотало в ее голове. Ее любимый, приехав за ней, пал жертвой кого-то...

Стараясь двигаться бесшумно, девушка покинула свое убежище. Она двигалась очень осторожно, прячась в тених, прижав руки к трепещущему сердцу. Ей казалось, что из тьмы к ней тянутся руки оживших призраков ужасного прошлого.

Впереди появились руины особняка — груды белых камней. И тут на пути у нее бесшумно выросли две фигуры. Девушка попыталась закричать, но язык ее онемел от ужаса. Она хотела бежать, но ноги окаменели. Прежде чем Нелиса пришла в себя, одна из теней — огромная, как гора, шагнула к ней. Это оказался мужчина. Он подхватил девушку — беспомощную, как младенец.

— Женщина, одолжи-ка мне свой кинжал,— прорычал он на верулийском языке.

— Некогда,— перебил его второй по-валузийски.— Бросим ее туда же, а потом обоих прикончим. Придется дожидаться Фандара. Он хотел задать пленному несколько вопросов.

— Фандар наивен,— громовым басом ответил гигант-верулиец, шагая следом за своим товарищем.— Не станет он с ним говорить, уверяю тебя. С тех пор как мы схватили его, он если и открывает рот, то лишь затем, чтобы послать в наш адрес проклятие.

Нелиса, которую гигант, словно куклу, нес, зажав под мышкой, только и могла, что тихонько подвывать от страха. Она пыталась понять, что происходит. Кто такой неведомый пленник, о котором говорили эти странные люди? Кого собирались допросить и убить? Быть может, ее возлюбленного Далгара? Но зачем он верулийцам?

Мысли об этом вытеснили все остальное. Девушка даже не думала о себе. Один раз она решила попробовать высвободиться, задержалась с дикой, отчаянной яростью. Тут же гигант наградил ее звонкой уве-

систой оплеухой. Слезы покатались из глаз красавицы. Крик боли вырвался из ее горла, но тащивший ее гигант никак на это не отреагировал.

Вскоре они подошли к белому мраморному сооружению. Открыв дверь сохранившегося подвала, гигант бесцеремонно швырнул свою пленницу в темноту. Девушка упала на что-то мягкое.

— Может, нужно было ее связать? — задумался гигант.

— Зачем? Удрать она никуда не сможет. Пошли, нам еще многое предстоит сделать.

Когда дверь закрылась, Нелиса села и огляделась. Она оказалась в небольшом грязном помещении. Пол устилали толстый слой пыли и обломки мрамора. Часть крыши отсутствовала. Через отверстие в потолке в подвал лился лунный свет. Но вот девушка заметила человека. Видимо, разбойники, захватившие ее, говорили именно о нем. Сердце красавицы сжалось от ужасного предчувствия. Нелиса крепко прикусила нижнюю губу. И тут же красавица вздохнула с облегчением, потому что поняла: пленный мужчина намного крупнее ее возлюбленного. Тогда Нелиса подползла поближе к нему и попыталась рассмотреть его лицо. Человек оказался связан по рукам и ногам. Рот его был заткнут кляпом... В ответ на девушку уставились серые глаза незнакомца...

— Король Кулл? Ваше Величество! — Нелиса прижала руки ко рту. Весь мир закружился перед ней. Но через какое-то мгновение, взяв себя в руки, она стала развязывать узлы. Через несколько минут Кулл освободился от кляпа. Король пошевелил челюстями и принялся ругаться на чем свет стоит.

— Ваше Величество, как вы очутились здесь? — спросила девушка, когда поток сквернословия Кулла иссяк.

— То ли мой главный советник стал предателем, то ли вокруг меня сплели очень тонкую паутину заговора,— ответил ей король.— Я уже собирался ло-

житься спать, когда ко мне явился бродяга с письмом, написанным почерком Ту и заверенным царской печатью. Я последовал за ним, как было написано в письме. Из города я выбрался через потайную дверь, о существовании которой даже не подозревал. У меня подозрение, что, кроме заговорщиков, никто не знает о ее существовании. По другую сторону городской стены нас поджидал раб с лошадьми. На полной скорости прискакали мы в Проклятые Сады. Спешившись, я покорно отправился за посланником Ту. Он, словно барана на бойню, завел меня в этот разрушенный особняк. Только я перешагнул порог, откуда ни возьмись появился здоровенный детина с сетью. Пока я пытался выпутаться, на меня навалилась целая дюжина заговорщиков. Двое повисли на моей правой руке, и я никак не мог выхватить меч. Одно-го я точно пнул в бок и, вероятно, переломал ему все ребра. Вспоров сеть кинжалом, я прикончил мерзавца. Тяжело же он умирал. Вопил, словно сам дьявол явился из ада за его душой... Но, Валка тому свидетель, врагов было слишком много. В конце концов они повалили меня, отобрали оружие, сорвали доспехи...

Только тут Нелиса обратила внимание на то, что король сидит перед ней в одной набедренной повязке из львиной шкуры.

— ...Им все-таки удалось связать меня... Нет, можешь не пытаться,— остановил король девушку, когда она потянулась к веревкам,— сам дьявол не смог бы распутать эти узлы. Один из бандитов точно был моряком. Это он постарался... Что такое морские узлы, я узнал еще в молодости, когда попал в рабство и трудился на галерах...

— Но что же мне тогда делать? — заплакала девушка.

— Поищи обломок мрамора с острым краем,— попросил Кулл.— Ты должна попробовать перепилить эти веревки.

Девушка отыскала подходящий кусок камня. Его скол был острым, словно бритва.

— Я боюсь порезать вам руку, Ваше Величество,— забормотала она, не решаясь взяться за дело.

— Не обращай внимания, пусть даже пойдет кровь! — прорычал Кулл.— Ты должна как можно скорее освободить меня! — Глаза короля безумно сверкали.— Как я мог попасться в такую простую ловушку? Надо же быть таким глупцом! Валка меня поberi!.. Ну, дайте мне только до вас добраться... Послушай-ка, красавица, а ты-то как попала сюда?

— Это долгая история, Ваше Величество. Я расскажу вам об этом чуть позже,— тяжело дыша, ответила Нелиса.— Нам надо спешить.

Оба на какое-то время замолчали. В комнате слышался лишь скрип камня по волокнам веревки. Нежные ладони Нелисы покрылись порезами и сильно кровоточили, но она не обращала на это никакого внимания. Веревки поддавались, но очень медленно. Когда же за дверью зазвучали тяжелые шаги, до конца работы было еще очень далеко.

Нелиса замерла.

— Он там, Фандар. Мы связали его, а глотку заткнули кляпом. С ним какая-то девчонка. Она гуляла по садам, когда уже стемнело. Мы наткнулись на нее совершенно случайно, но не оставлять же свидетельницу...

— Чтобы бродить по этим садам, нужна немалая отвага,— ответил незнакомый Куллу надменный и раздражительный голос. Явно говорил человек, привыкший всю свою жизнь повелевать другими.— Наверное, эта девчонка спешила на свидание, а ты...

— Не называйте имени! Никаких имен! — вмешался третий вкрадчивый голос.— Помните о нашем соглашении. Пока Гомла не сядет на трон, все мы — люди в масках.

— Да... Да... Конечно. Ты хорошо поработал этой ночью. Никто, кроме тебя, не смог бы сплести та-

кой заговор... Этой ведь ты придумал, как раздобыть королевскую печать, и написал письмо Ту так, что коронованный варвар ничего не заподозрил... Да, чуть не забыл спросить: ты ведь прикончил старого Ту?

— По-моему, нет... Но какая разница. Старик умрет так и так, или сейчас от раны на голове, или чуть позже, когда Гомла окажется на троне.

Кулл задумался. Он попытался вспомнить, кому же принадлежит этот удивительно знакомый голос. К тому же Фандар... Король Валузии нахмурился. Да, видно, в этой игре были большие ставки, раз правители Верулии послали сюда своего лучшего полководца. Кулл хорошо знал Фандара, не раз он принимал его во дворце.

— Приведите короля,— наконец распорядился Фандар.— Отведем его в прежнюю комнату пыток, расспросим о том о сем.

Дверь в подвал отворилась, пропустив только одного человека — гиганта, поймавшего Нелису,— и закрылась за ним. Он пересек комнату, едва взглянув на девушку, забившуюся в угол, склонился над связанным Куллом. Он схватил короля за руку и за ногу, собираясь закинуть его на спину. Но в этот миг Кулл одним резким движением разорвал путы, подпиленные девушкой, и стиснул стальными руками горло врага.

Гигант упал на колени. Одной рукой он попытался оторвать пальцы Кулла, сжавшие его горло, другой схватился за рукоять кинжала, висевшего у него на поясе. Ему удалось наполовину вытянуть кинжал из ножен, и тут глаза его вылезли из орбит, язык вывалился изо рта, руки безвольно упали. Заговорщик обмяк в руках короля. Кулл одним могучим движением сломал шею гиганту. Опустив на землю бездыханное тело, он ловким движением вынул меч из ножен врага. Нелиса забрала кинжал убитого.

Вся схватка продлилась всего несколько секунд.

— Быстрее! — раздался из-за двери раздражительный окрик Фандара, а Кулл, слегка пригнувшись, как тигр перед прыжком, стал лихорадочно соображать.

Число заговорщиков ему было неизвестно, но король знал, что в настоящий момент их за дверью было всего двое или трое... И прежде чем остальные заговорщики зашли в комнату посмотреть, что вызвало задержку, Кулл принял решение и дальше действовал без промедления.

Он позвал девушку.

— Как только я выскочу, выбегай следом и беги вверх по лестнице, что слева отсюда.

Нелиса кивнула. Кулл нежно похлопал девушку по изящному плечу, успокаивая ее. Потом он отвернулся и рывком распахнул дверь.

Заговорщики, стоявшие снаружи и ожидавшие гиганта с беспомощным королем на плече, оказались застигнутыми врасплох. В дверях появился Кулл — настоящий тигр в человеческом облики. Глаза короля сверкали, он оскалился в яростном боевом рычании. В руке он сжимал меч, который сверкал в лунном свете, словно серебряный.

Перед королем оказался Фандар, двое слуг и стройный человек, лицо которого было скрыто под черной маской. Мгновение... И король бросился на них. И начался танец смерти. Фандар погиб первым. Меч Кулла расколол его голову, как орех, даже несмотря на то, что на войне был крепкий шлем. Неизвестный в маске выхватил меч. Острие его клинка разодрало щеку короля. Один из рабов атаковал Кулла с копьем наперевес. Через секунду он мертвым повалился на тело Фандара. Раб, оставшийся в живых, повернулся и бросился бежать, отчаянным голосом созывая своих товарищей. Человек в маске отвлек внимание Кулла на себя. Отбиваясь, он парировал удары короля с удивительным мастерством. Кулл же не давал ему ни малейшей возможности перейти в атаку. Он наносил удары, словно кузнец, бьющий молотом

по наковальне. Казалось, вот-вот, и меч Кулла разрубит голову заговорщика. Но всякий раз тонкий клинок вставал на его пути, отводя удар в сторону, или останавливая острое на расстоянии волоса от кожи атланта.

Кулл услышал шаги множества воинов, спешивших на место схватки. Зазвенела броня... Воины, высыпав с разных сторон, стали окружать Кулла, решив затравить его, словно волка. Король Валузии обернулся и побежал вверх по ступеням лестницы. Он поднялся на площадку, где уже стояла Нелиса.

Очутившись рядом с девушкой, король остановился. Оба беглеца оказались на выступе, чем-то похожем на большой искусственный мыс. Дальше пути не было. Следующий пролет лестницы давным-давно обвалился. Кулл понял, что оказался в западне.

«Что-ж, здесь нам придется умереть,— подумал король.— Но я заберу с собой много врагов».

Верулийцы собрались у основания лестницы. Теперь, после смерти Фандара, ими командовал таинственный человек в маске.

Кулл застыл на вершине лестницы, поудобнее ухватившись за рукоять меча. Король Валузии не боялся смерти, он и сам бы бросился на врагов с победным кличем, если бы не одна мелочь... Он обрадовался бы смертельной битве, как старинному другу. Но вместе с королем была девушка. Взглянув на свою дрожащую спутницу и белое, как мел лицо, король неожиданно принял решение и прокричал:

— Эй, вы! — обратился он к убийцам, собравшимся у подножия лестницы.— Многие из вас сдохнут, прежде чем я погибну. Но если вы пообещаете мне, что без всякого вреда отпустите эту девушку, я не стану защищаться. Вы сможете снова скрутить меня...

Нелиса вскрикнула. Она не ожидала от короля такого благородства.

У подножия лестницы на мгновение воцарилось молчание, потом вперед выступил человек в черной маске.

— Я не стану заключать сделок с тем, кто уже обречен. Девчонка умрет, так как она будет единственной свидетельницей тому, что случится нынче ночью в Проклятых Садах. Я не стану давать лживых обещаний... Вперед, убейте их! — приказал он своим воинам.

Убийцы хлынули вверх по лестнице черной смертоносной волной. Обнаженные клинки засверкали в лунном свете. Один рослый воин с огромным боевым топором намного обогнал своих товарищей. Двигаясь с недюжинной прытью, он в один миг оказался возле короля. Кулл не мешкая поднырнул под занесенный топор, перехватил левой рукой тяжелое топориче и остановил на полпути ужасное лезвие. В то же время король мечом в правой руке нанес сокрушительный боковой удар. Острый клинок разрубил доспехи. Как сквозь масло прошел он через мышцы, кости и застряв в позвоночнике, переломился у самой гарды. Кулл отшвырнул бесполезную рукоять и вырвал топор из пальцев умирающего воина, а потом ударом ноги швырнул тело вниз по лестнице, под ноги нападающим.

Король крутанул в руке ужасное оружие. Да, с таким топором ему был не страшен сам дьявол! Жутким звуком разнесся над Проклятыми Садами хохот Кулла.

Убийцы остановились в нерешительности. Но снизу их подгонял голос человека в маске.

Потом один из воинов закричал:

— Фандар мертв! Почему мы должны исполнять приказы этого незнакомца! Там наверху не человек, а настоящий дьявол! Нам надо спасать свои шкуры!

— Глупцы! — пронзительно завопил человек в маске.— Разве вам не ясно, что вас послали сюда, чтобы вы убили короля Валузии! Если вы сейчас отступите, то вас ждет смерть. Король устроит на вас настоящую охоту. Вперед, трусы! Пусть кто-то из вас погибнет, но лучше несколькими умереть в честной схватке,

чем погибнуть всем вместе от рук палача! Вперед! Я собственноручно убью того, кто отступит!

Человек в маске, словно желая доказать истинность своих слов, взмахнул мечом.

Растерянные, опасаясь таинственного незнакомца и понимая, что он прав, два десятка воинов снова стали подниматься вверх по лестнице. Они не спешили нападать.

Неожиданно внимание Нелисы привлекло какое-то движение у стены особняка. Кто-то выскользнул из переплетения теней и начал взбираться на отвесную стену, явно стремясь взобраться на площадку, где стояли Кулл и девушка. Этот человек использовал как опоры для рук и ног узоры, вырубленные на стене неведомым мастером. Стена, которую выбрал этот человек, находилась в тени, и Нелиса с трудом могла рассмотреть контуры его тела.

Ничего не сказав королю, застывшему на краю лестницы в ожидании врагов, Нелиса скользнула к краю площадки и замерла, сжимая в руке кинжал. Она спряталась за обломками, некогда служившими парапетом. Теперь она ясно видела, что человек, взбиравшийся по стене, облачен в доспехи. Лицо его закрывало забрало огромного шлема.

Незнакомец был совсем рядом. Нелиса уже занесла кинжал, чтобы нанести смертельный удар. Сердце девушки учащенно билось... Вот рука в кольчужной перчатке ухватила за край площадки. Нелиса быстро и беззвучно метнулась вперед и ударила кинжалом, целя в прорезь шлема. На мгновение лицо воина попало в полосу лунного света. Нелиса отчаянно закричала. Она уже не могла отвести удар...

Но в последнюю секунду она узнала своего возлюбленного. Она ударила кинжалом Далгара из Фарсуна...

Глава пятая СХВАТКА НА ЛЕСТНИЦЕ

Выскользнув из королевского дворца, Далгар вскочил на коня и поскакал к Восточным воротам столицы. Он слышал как Ка-ну приказал закрыть ворота и не выпускать никого из города, поэтому гнал коня как сумасшедший. Ему необходимо было обогнать посыльного.

Ночью всегда было сложно покинуть город, но в этот раз Восточные ворота охраняли не Алые Стражи, а варвары-наемники. Далгар рассчитывал подкупить стражу. Однако в последний момент в голове его родился другой план.

— Открывайте! — закричал он, подъезжая к воротам. — Я немедленно должен выехать к верулийской границе!.. Скорее! Король исчез! Пропустите меня!

Видя, что караульные заколебались, Далгар продолжал:

— Да скорей же, болваны! Королевство в опасности!

Далеко-далеко у него за спиной в королевском дворце ударили в набат. Сердце юноши сжалось от ужаса. Если он не успеет выскользнуть из города и его схватят, то ему очень сложно будет объясниться. Ведь именно он нашел раненого Ту.

А над городом разносился громкий, гулкий голос огромного бронзового колокола. В него звонили лишь

тогда, когда королевству и в самом деле угрожала серьезная опасность. Наемники у ворот зашевелились. Они знали, что Далгар пользуется всеобщим расположением при дворе. Поверив ему, они наконец исполнили его волю. Массивные стальные ворота приоткрылись, и всадник молнией пронесся сквозь них.

Далгар очень надеялся, что с Куллом не случилось ничего плохого. Этот грубоватый король-варвар нравился юноше куда больше, чем развращенные владыки Малых Княжеств. Далгар охотно принял бы участие в поисках правителя Валузии, но где-то там, в Проклятых Садах его ожидала возлюбленная Нелиса.

Добравшись до Проклятых Садов, Далгар еще издали заметил каких-то людей. Не желая выставять себя на всеобщее обозрение, юноша спешил в укромном уголке и, прячась в тени, стал пробираться вперед, решив узнать, что же все-таки тут происходит, а заодно, не привлекая лишнего внимания, отыскать Нелису.

Издали слышал он звон стали, топот множества ног, яростные ругательства и крики на верулийском языке. Обнажив меч, Далгар осторожно подкрался к руинам особняка. Там его взору открылась зловещая картина: на верхней площадке широкой, полуразрушенной лестницы стоял полуголый окровавленный великан с огромным топором в руках. В нем юноша безошибочно узнал короля Валузии. Рядом с ним замерла девушка...

Тут Далгар едва не закричал от ужаса. Он сразу же узнал свою возлюбленную Нелису. Но кто же были те вооруженные люди в темных одеждах, толпой поднимавшиеся вверх по лестнице? Какая разница? Их намерения не вызвали сомнений. Они собирались убить девушку и Кулла. Юноша слышал, как король бросил им вызов, предложив свою жизнь в обмен на жизнь Нелисы...

Присмотревшись к зданию, юноша, несмотря на темноту, разглядел резьбу, покрывающую стену до

самой верхней площадки лестницы. Через мгновение он уже карабкался наверх, не думая об угрожающей ему опасности. Он решил помочь королю и попытаться спасти любимую.

В какой-то миг Далгар потерял Нелису из виду. Их встреча вышла несколько необычной. Когда Далгар ухватившись за край уступа, попытался взобраться на верхнюю площадку лестницы, он неожиданно услышал крик Нелисы и увидел блеск стального клинка в ее руках. Резко пригнув голову он подставил шлем под удар и изо всех сил впился пальцами в камни, чтобы не сорваться вниз. Кинжал с треском сломался. Одним прыжком Далгар выскочил на площадку и подхватил на руки Нелису, лишившуюся чувств.

Кулл обернулся. Улышав крик девушки, но, узнав Далгара, довольно усмехнулся. Теперь король понял почему девушка оказалась в такой час в Проклятых Садах, овеванных столь жуткой славой.

Убийцы остановились, заметив появившегося на площадке воина. Но, поняв, что он один, снова стали подниматься по ступеням. Жажда крови сверкала в их глазах. Кулл встретил первого противника рубящим ударом. Он рассек его череп вместе со шлемом. Тут же рядом с ним, плечом к плечу встал Далгар. Меч юноши, словно жало змеи, метнулся вперед и пронзил горло другого противника. Так началась «Схватка на Лестнице», позднее увековеченная многими поэтами и певцами Валузии.

Кулл уже приготовился к смерти, но он собирался унести в могилу как можно больше врагов. Теперь же у него появился шанс уцелеть и победить.

Огромный топор Кулла описывал смертоносные круги. Лезвие топора с легкостью крушило сталь, кости и плоть. Кровь заливала лестницу. Вся она оказалась завалена телами, но убийцы продолжали наступать, карабкаясь по телам своих товарищей.

Далгар оказался не слишком опытным бойцом, но он делал что мог. Стараясь не мешать Куллу, юноша

прикрывал короля, не защищенного доспехами. Он сплел вокруг Кулла паутину жалящей стали. Снова и снова отбивал он удары, нацеленные в сердце короля Валузии, раз за разом доспехи юноши принимали на себя удар, предназначенный Куллу. Дважды он подставлял под удары, нацеленные в голову Кулла, свой щем.

Юноше сложно было защищать одновременно и себя и огромного атланта. Кулл был залит кровью, сочащейся из многочисленных царапин на лице и груди, пореза у виска и глубокой раны на левом плече. Пика пробила кольчугу Далгара, и ее острие разодрало ему бок. Юноша почувствовал, как сила его убывает. Еще один безумный натиск врагов, и Далгар повалился на ступени у ног короля. Дюжина копий готовы были оборвать его жизнь. Со львиным криком Кулл расчистил лестницу одним могучим взмахом окровавленного топора. Король встал над поверженным юношей, и убийцы поняли, что он не отступит ни на шаг.

Кольцо врагов начало сжиматься. На мгновение над полем битвы воцарилась мертвая тишина. И тут где-то далеко простучали копыта.

В Проклятые Сады хлынул поток всадников. Варвары-наемники завывали, как волки в лунную ночь. Дождь стрел залил лестницу, неся с собой смерть убийцам. Те немногие, кто избежал топора Кулла и стрел варваров, бросились вниз по ступеням. Но там их встретили клинки пиктов Брула Копьебой. Убийцы погибли все, но сражались они до последнего. Отправившиеся в бесславный поход вместе со своим вождем Фандаром, они приняли бесславную смерть.

Лишь один из заговорщиков избежал смерти у подножия лестницы. Человек в маске бежал, едва слышав стук подков. Теперь он скакал через сады на роскошном жеребце. Он почти добрался до внешней стены, когда Брул Копьебой догнал его.

Замерев на вершине лестницы, наблюдал Кулл их поединок.

Человек в маске в отчаянии бросился на пикта. Очевидно, ему нечего уже было терять. Всадники столкнулись. Зазвенели клинки. Оба воина были великолепными наездниками. Их кони, послушные приказам всадников, поворачивались, кружились, вставали на дыбы. Ни один из воинов никак не мог одержать победу над противником. В отличие от своих соплеменников, Брул пользовался таким же прямым мечом, как и его противник. По силе, ловкости и быстроте противники не уступали друг другу. Не раз Куллу казалось, что Копьебой вот-вот падет. Видно было, что сошлись два прирожденных воина. С изяществом опытных ветеранов они наносили колющие и рубящие удары. Но вот Брул промахнулся. Его меч рассек воздух. Брул раскрылся, и тут же человек в маске рванулся вперед, вонзив шпоры в бока лошади. Клинок скользнул по кирасе пикта, Брул отклонился в сторону. Кони столкнулись и рухнули в траву, увлекая за собой седоков. И из этой кучи переплетенных тел поднялся лишь Брул. Заговорщик остался лежать на земле, пронзенный мечом пикта.

И в тот же миг Кулл словно пробудился от глубокого сна. Пикты вокруг него завывали по-волчьи, но король поднял руку, призывая к тишине.

— Довольно, мои герои! Кто-нибудь займитесь Далгаром. Он серьезно ранен. Когда закончите с ним, займитесь моими царапинами... А теперь скажи-ка мне Брул, как ты нашел меня?

Пикт жестом позвал Кулла к тому месту, где остался лежать заговорщик в маске.

— Старуха-нищенка видела, как ты перемахнул через стену дворца. Из чистого любопытства она проследила за тобой. Она видела, как ты покинул город через потайную дверь в городской стене. Неподалеку от того места находились Проклятые Сады. Вот мы и решили заглянуть сюда.

— Сними-ка с него маску,— приказал Кулл.— Судя по тому что я слышал, именно этот человек подделал почерк Ту и отобрал у канцлера перстень с печатью.

Брул ловким движением сдернул маску.

— Дондал — племянник Ту! — воскликнул пораженный Кулл.— Послушай, Брул, Ту никогда не должен узнать об этом. Старик не перенесет такого позора. Пусть думает, что Дондал был с тобой и погиб, как герой, защищая меня.

Пикт, недоумевая, устался на короля.

— Дондал! Предатель! Зачем он так поступил? Сколько раз мы пили вместе...

Кулл кивнул.

— Мне он тоже нравился.

Копьебой вытер клинок своего меча и в сердцах со звоном вогнал его в ножны.

— Нужда может толкнуть человека на путь предательства,— печально сказал он.— Дондал был всем должен, а Ту отличался страшной скупостью. Он всегда говорил, что деньги портят молодых людей. Дондал, чтобы вести светскую жизнь, вынужден был занимать деньги у родственников. Так он и продался за долги. Так что если уж быть до конца честным, это Ту — главный изменник... Именно он толкнул мальчишку на путь предательства. Хотел бы я проткнуть и его грудь...

— Не стоит винить старика. Он честно служит мне...

Но Брул отвернулся. Он не хотел слышать последних слов короля. Понурившись, с мрачным видом побрел он прочь.

Кулл же с тяжелым вздохом вернулся к Далгару. Юноша был без сознания, но умелый лекарь пиктов уже наложил повязку на его рану. Потом пришел черед Кулла.

Когда короля перевязали, к нему подошла Нелиса.

— Ваше Величество, может быть, вы проявите милость и снизойдете к моим мольбам...— Девушка го-

ворила очень тихо. Она прятала за спиной свои изящные маленькие руки, покрытые ссадинами и запекшейся кровью.

Кулл обхватил худенькие плечи красавицы и с болью в голосе ответил:

— Милая моя, ты можешь просить у меня всего, чего хочешь, кроме того, что я не могу сделать. Попроси у меня половину царства или мою правую руку... и ты их получишь... Я попрошу Мирама Балина позволить тебе выйти замуж за Далгара. Я стану умолять его, но не смогу заставить...

В это время к руинам подъехали рослые всадники, словно скалы посреди бушующего моря, возвышались они среди дикарей-пиктов. Высокий человек, возглавлявший кавалькаду, спешился и поспешил к королю, подняв забрало шлема.

— Отец!

Барон Мирам Балин прижал дочь к груди, бормоча благодарности богам, и тут же повернулся к королю:

— Ваше Величество! Вы серьезно ранены!

Кулл покачал головой.

— Ничего серьезного. Но вот там лежит тот, кто принял на себя удар, предназначавшийся мне; тот, кто стал моим щитом и шлемом. Не будь его, вы бы уже подыскивали себе нового короля.

Мирам повернулся к юноше, распростертому на траве.

— Далгар! Он мертв?

— Нет, надеюсь,— ответил смуглокожий жилистый пикт-лекарь, все еще трудившийся над телом юноши.— Да этот парень сделан из стали и при надлежащем уходе быстро встанет на ноги.

— Он явился сюда, чтобы встретиться с твоей дочерью и бежать вместе с ней,— продолжал Кулл. При этих словах Нелиса виновато опустила голову.— Он увидел, что мне придется в одиночку сражаться за свою жизнь и жизнь его возлюбленной. Мы оказались

на верхней площадке этой лестницы... Никто не нуждал этого парня, но он не раздумывая поспешил нам на помощь. Он бросился в битву, встав со мною плечом к плечу. А ведь он даже не мой подданный.

Слушая рассказ короля, Мирам непроизвольно сжимал и разжимал кулаки. Потом он повернулся к дочери.

— Нелиса,— прошептал барон, прижимая девушку к груди рукой в стальной перчатке.— Бедная моя девочка. Ты все же хочешь стать женой этого безрассудного юнца?

Взгляд девушки оказался достаточно красноречивым ответом.

Тем временем Кулл отошел к раненому.

— Осторожнее поднимайте его,— приказал король.— Понесете его во дворец на руках, иначе раны могут открыться. Мальчишка и так потерял достаточно крови. Несите его в королевский дворец...

— Ваше Величество,— неожиданно обратился к королю старый барон,— если позволите, я хотел бы забрать юношу в свой замок. За ним будут ухаживать лучшие врачи, а когда он поправится, конечно, если вы позволите, мы сыграем свадьбу.

Нелиса вскрикнула от радости, захлопав в ладоши. Она закружилась, потом бросилась к отцу и расцеловала его, а потом подбежала к Далгару.

Барон Балин ласково улыбнулся.

— Кровавую ночь сменил радостный рассвет.

Король-варвар закинул на плечо окровавленный, зазубренный топор и печально хмыкнул.

— Такова жизнь, барон. Кровь одного человека обрывается счастьем для другого...

АЛТАРЬ СКОРПИОНА

— **Д**ог вековой тьмы, обрати на меня внимание! Помоги мне!

Стройный юноша с телом, блестящим и белым, как слоновая кость, стоял на коленях посреди темного помещения. Полированный мраморный пол леденил его колени, но сердце юноши сковал лед. Над головой молящегося нависал лазуритовый свод. Вдоль стен, укутанные тенями, застыли мраморные колонны. Перед юношей сверкал золотой алтарь, и на нем сияло огромное изображение Скорпиона, выполненное с мастерством, недоступным смертным.

— Великий Скорпион, помоги своему последователю! — продолжал юноша свою молитву.— Ты знаешь, как в прошлые годы Гонра из рода Меча, мой великий предок, пал пред твоим святилищем на груду убитых варваров. Они хотели осквернить твою обитель. После этого ты устами жрецов обещал помогать потомкам Гонры во веки веков... Великий Скорпион! Еще ни разу ни один человек моего рода не напомнил тебе о твоём обещании. Но теперь, в этот страшный час, я припадаю к твоим стопам. Молю тебя: вспомни о своём обещании, вспомни о крови, выпитой мечом моего предка, и крови, пролитой им самим! Великий Скорпион! Турон, Верховный жрец Черной Тени,— мой враг... Кулл, король Валузии, уже выехал из Города Пурпурных башен, чтобы покарать нечестивца. Он хочет огнем выжечь гнездо жрецов, противящихся ему и приносящих человеческие жертвы божествам древности. Но до того как Алые Стражи явятся, чтобы спасти нас,

и я, и моя возлюбленная будем брошены на черный алтарь в Храме Великой Тьмы. Так пожелал Турон! Он хочет скормить наши тела древним, ужасающим тварям, а наши души — божеству, прячущемуся в Черной Тени... Кулл, король Валузии, спешит к нам на помощь, но он не успеет. Но Турон правит нашим городом, затерянным в горах, его воины скоро схватят меня. Великий Скорпион, помоги нам! Вспомни Гонру, отдавшего жизнь за тебя, когда дикари Атлантиды предали Валузию огню и мечу.

Голова юноши поникла, склонилась к груди. Огромное мерцающее изображение на алтаре испускало сияние, казавшееся очень ярким в вечерней полутьме. Бог не подал никакого знака о том, что услышал мольбы несчастного.

Неожиданно юноша выпрямился. Кто-то торопливо поднимался по широким ступеням храма. Девушка появилась в темной арке входа. Она казалась белым язычком пламени, трепещущим под порывами ветра.

— Турон! Его люди окружили храм! — выдохнула девушка, падая в объятия возлюбленного. Лицо юноши побелело, и он еще крепче обнял красавицу, встревоженно уставившись на двери, через которые она только что вошла. Шаги, тяжелые и зловещие, прогремели по мраморным ступеням, и могучая фигура выступила из тьмы. Это был сам Турон — Верховный жрец ужасного культа. Он был высоким и тощим — настоящим великаном. Его глаза сверкали из-под тяжело нависших бровей. Они походили на озера пламени. Узкие губы жреца кривились в высокомерной усмешке. Его единственным одеянием была шелковая набедренная повязка, за которую был заткнут огромный кинжал. В костлявой руке жрец сжимал короткий тяжелый кнут. Молодые люди прижались друг к другу, уставившись на своего врага расширившимися от страха глазами, словно кролики на змею. Турон направился к влюбленным. Его медленная, покачива-

ющаяся походка напоминала движения змеи, подбирающейся к незащитной жертве.

— Турон, остановись! — воскликнул юноша. Его голос дрожал от страха. — Если ты не боишься короля Валузии и в тебе нет жалости, то подумай о том, что ты оскорбляешь Великого Скорпиона... Сейчас мы пребываем под его защитой...

Турон захохотал. Он отлично сознавал свою силу и власть.

— Король Валузии! — ухмыльнулся жрец. — Что мне твой король? Мне, кто могущественней любого короля! Ты, молокосос, утверждаешь, что вы находитесь под защитой Великого Скорпиона? Ха-ха-ха! Ваш Скорпион — забытый божок, о котором помнят лишь женщины и дети. Неужели ты думаешь, что он спасет тебя от Черной Тени? Ты молод и глуп! Сам Валка — бог всех богов не сможет спасти тебя! Я пообещал скормить твою душу твари из Черной Тени.

Жрец, заткнув кнут за пояс рядом с кинжалом, шагнул к влюбленным и схватил их за плечи, глубоко вонзив ногти в мягкую плоть. Его жертвы пытались сопротивляться, но жрец рассмеялся им в лицо и с легкостью поднял их в воздух. Некоторое время он держал влюбленных на весу на вытянутых руках, как обычный человек мог бы держать младенцев. Его хриплый, злобный смех многократным эхом отразился от стен зала. Зажав юношу между колен, как маленького ребенка, жрец связал руки и ноги девушки, хотя она и пыталась вырваться из цепких, сильных рук. Затем, грубо швырнув ее на пол, жрец точно также связал и юношу. Отступив, он полюбовался делом своих рук. Наступила тишина. Лишь иногда отрывисто всхлипывала девушка. Затем Верховный жрец снова заговорил:

— Глупцы, вы надеялись убежать от меня! Люди твоего рода, мальчишка, всегда противостояли мне и в городском совете и при дворе... Но теперь ты заплатишь за это... Ха-ха-ха!.. Я правлю этим городом, и

плевать мне на этого дикаря Кулла, который по тропам залез на трон Валузии! Мои жрецы наводнили улицы, и никто не осмелится сказать мне «нет»! Если бы даже король явился сюда сию минуту, я бы успел прикончить вас, до того как он одержал бы победу.

Верховный жрец еще раз осмотрел зал храма. Его взгляд остановился на золотистом алтаре и светящемся изображении скорпиона.

— Ха-ха-ха!.. Только дураки могут верить в божка, которому люди давным-давно перестали поклоняться! У этого бога нет даже своих жрецов... Его святилище оставили в покое лишь в память о его былом величии. Ныне Скорпиона почитают только простолюдины и глупые женщины! Настоящие боги сокрыты во тьме. Они жаждут крови! Припомните мои слова, когда вас уложат на эбеновый алтарь Черной Тени. Прежде чем вы умрете, вы увидите настоящих богов, могущественных, ужасных тварей, выходцев из забытых миров — владений Тьмы. Они были рождены на замерзших мирах в свете черных солнц и скитались там, где не увидишь света других звезд. Вы увидите самого Неназываемого, внешность которого нельзя описать словами. Ведь Черная Тень — это его символ...

Девушка перестала плакать. Она застыла, словно погрузившись в гипнотический транс. Верховный жрец пророчил влюбленным судьбу много худшую, чем простая смерть. Несчастных ждала ужасная, чуждая человеку бездна, полная чудовищных тварей...

Турон протянул руку, большую, похожую на клешню, чтобы взвалить несчастных себе на плечи. Его пальцы вновь сомкнулись на нежном плече девушки...

Дикий вопль разбил безмолвие на миллионы звенящих, хрустальных осколков. Турон отступил. Извиваясь и вопя, он рухнул на пол. Какое-то крохотное существо пробежало по полу зала и исчезло во тьме. Вопли Турона превратились в высокий, тонкий визг и неожиданно оборвались.

Тишина воцарилась в древнем храме.

Наконец юноша благоговейно прошептал:

— Что это было?

— Скорпион! — ответила девушка тихим дрожащим голосом.— Он прополз по моей груди, не причинив мне вреда, а когда Турон схватил меня за плечо, он его ужалил.

И снова наступило молчание. Прошло еще несколько минут, прежде чем юноша снова зашептал:

— В наших краях не водятся скорпионы...

— Наверное. Великий Скорпион выбрал одного из своих подданных и послал нам на помощь! — прошептала девушка.— Боги никогда и ничего не забывают!.. Великий Скорпион сдержал свое слово. Возблагодарим же его!

И связанные по рукам и ногам влюбленные распростерлись ниц перед сияющим алтарем. Они долго лежали на каменном полу, вознося хвалу огромному, безмолвному, сверкающему изображению Скорпиона. Но вот послышался отдаленный стук множества серебряных подков... Звон мечей возвестил им о прибытии армии короля Валузии...

КОРОЛЕВСТВО ТЕНЕЙ

Глава первая КОРОЛЬ ПРИНИМАЕТ ПАРАД

Все громче ревели трубы, но их заглушал гомон толпы, напоминающий рокот прибоя на серебристых песчаных берегах Валузии. Женщины бросали цветы с крыш. Ритмичный стук серебряных подков слышался все отчетливей, и вот уже первые ряды могучей армии вступили на широкую, светлую улицу, огибавшую Башню Великолепия.

Первыми ехали трубачи — стройные юноши в алом облачении. Изюм всех сил дули они в длинные, узкие золотые фанфары. За ними двигались лучники — рослые горцы, а дальше шла тяжелая пехота. Широкие щиты могучих воинов бряцали в такт шагам. В том же ритме покачивались длинные копья. Вслед пехотинцам ехали самые прославленные воины в мире — Алые Стражи.

Их одежды были красного цвета. Гордо восседали они на конях, не глядя по сторонам, не обращая внимания на крики толпы. Издали они напоминали бронзовые статуи, которые непонятно зачем выкрасили в красный цвет и усадили на коней. Копья их высились подобно лесу. У каждого всадника на левом боку висел огромный меч в ножнах, а справа покачивался боевой топор, притороченный к седлу.

За гордыми всадниками шло пестрое воинство наемников, суровых, закаленных воинов-варваров, в по-

исках заработка спустившихся с гор Востока и приплывших с островов Запада. Они были вооружены копьями и огромными мечами. Лучники Лемурии маршировали плотной группой отдельно от остальных. Последними мимо Башни Великолепия проществовали легкие пехотинцы ополчения. Еще одна группа трубачей замыкала шествие. Армия Валузии являла собой величественное зрелище, находившее отклик в душе Кулла — правителя этой огромной страны. Не на Топазовом троне перед королевской Башней Великолепия восседал он. Кулл встречал своих воинов у подножия башни, в седле могучего жеребца, как и подобает настоящему королю.

Его правая рука то и дело поднималась и опускалась — король отдавал салют, отвечая на приветствия воинов. Суровым взглядом награждал Кулл разодетых трубачей. Чуть дольше задержался его взгляд на воинах пехоты, облаченных в тяжелые доспехи. Но огнем восторга вспыхнули глаза Кулла, когда Алые Стражи остановились перед своим повелителем, загремев щитами и осадив коней. Всадники отдали салют правителю Валузии... Чуть прищурившись, с недоверием, оценивая изучал король наемников. Варвары никому не отдавали салюта. Они шли, расправив плечи, гордые собой, глядя на Кулла отважно и прямо, хоть и с известной долей уважения. Их глаза не мигая разглядывали короля, сверкая из-под буйных грив волос и насупленных бровей.

И Кулл ответил им тем же. Он не стал отдавать салюта наемникам, однако смотрел на них как на равных. Король уважал храбрость, а храбрее этих воинов не сыскать было в целом мире, даже среди диких племен его Антлантиды. Однако в Кулле было слишком много от дикаря, чтобы он испытывал к своим сородичам какую-либо привязанность. Слишком уж глубокая пропасть старой вражды отделяла его народ и другие дикие племена. Многие из варваров были вековыми врагами народа Кулла. И хотя

имя его стало ныне проклятием на родине короля — в Атлантиде, сам Кулл постарался забыть старые обиды, однако симпатии и антипатии молодости все еще таились в дальних уголках его сердца.

Войско скрылось с глаз, свернув за сверкающую драгоценностями громаду Башни Великолепия, и Кулл, развернув коня, направил его легкой рысью по дороге в сторону королевского дворца. Проезжая по улицам столицы, Кулл обсуждал парад с военачальниками. Не тратя лишних слов, король лаконично объявил:

— Армия — как меч. Она не должна ржаветь в ножнах.

Кулл не обращал внимания на крики, доносившиеся из гущи толпы, все еще заполнявшей улицы, по которым они проезжали.

— Смотри, это сам Кулл!

— Валка!

— Что за король!

— Что за воин!

— Поглядите только на его руки! На его плечи!

Но порой крики становились более зловещими:

— Кулл! Проклятый узурпатор, варвар!

— Кулл! Ты — позор Валузии!

— Дикарь восседает на троне королей...

Однако на подобные оскорбления Куллу было наплевать. Твердой рукой взялся он за подгнившую узду власти древней Валузии и твердо держал бразды правления. Один человек против целого народа!

* * *

Спешившись во дворе королевского дворца, Кулл прошел в Зал Совета. Начинался дворцовый прием. Королю-варвару пришлось отвечать на формальные льстивые речи придворных, втайне посмеиваясь над праздным пустословием. Потом придворные откланялись, и король смог передохнуть, откинувшись на отделанную мехом горностаея спинку трона. Кулл задумался о государственных делах Валузии...

Его размышления прервал слуга, попросивший у короля позволения обратиться. Потом он сообщил о прибытии посланника из посольства пиктов.

Когда посланник вошел, Кулл еще с трудом выбрался из темного лабиринта государственных проблем. Без особой радости уставился Кулл на пикта. Однако тот, не моргнув, встретил хмурый взгляд короля. Пикт был широкоплечим воином среднего роста, крепко сложенным, темноволосым, как и все представители его народа. На смелом бесстрастном лице блестели непроницаемые глаза.

— Ка-ну, посланник пиктов, правая рука повелителя всех племен пиктов, шлет свои приветствия и говорит так: «На празднике Восходящей луны приготовлен трон для Кулла, короля королей, владыки владык, повелителя Валузии».

— Хорошо, — кивнул Кулл. — Передай Ка-ну, посланнику с западных островов, что король Валузии прибудет отвесть вин, когда луна встанет в небе над пиками Залгара.

Пикт помедлил.

— У меня есть еще одно послание для тебя. Но я не доверяю этим... рабам. — Он сделал презрительный жест рукой в сторону нескольких придворных и стражей, столпившихся в дальнем конце зала в ожидании распоряжений короля.

Кулл недоверчиво взглянул на пикта и приказал слугам, придворным и стражам удалиться. Гонец подошел к самому трону и сказал очень тихим голосом:

— Ты должен прийти на праздник один. Так просил мой вождь Ка-ну.

Глаза короля сузились, блеснув холодным серым отблеском стали, словно клинок меча.

— Я должен прийти один?

— Да.

Король и пикт уставились друг на друга. Древняя вражда их племен кипела под доброжелательными масками наигранной вежливости. Они говорили как

цивилизованные люди, но их речь была кружевом лживой любезности. Так говорили коренные жители Валузии. Но в венах и короля, и пикта текла кровь варваров. В глазах их горела первобытная вражда, какую испытывают друг к другу дикари разных племен. И пусть Кулл был королем Валузии, а пикт — посланником Ка-ну, здесь, Тронном зале, встретились два варвара — жестокие и недоверчивые. Призраки древних обид и кровь старой вражды стояли за спиной каждого из них.

Однако сейчас преимущество было у короля, и он наслаждался им в полной мере. Подперев рукой подбородок, разглядывал Кулл пикта, замершего с гордо поднятой головой. Не было во взгляде посланника придворного раболепия, он не опускал глаз, давая королю знак о том, что готов смириться с его волей... И вдруг на губах Кулла заиграла усмешка, больше походившая на гримасу.

— Так значит, я должен прийти — один?

Жизнь в цивилизованной стране давно научила Кулла говорить намеками. Темные глаза пикта загорелись, и хотя посланец понял, что король посмеивается над ним, он не рискнул ответить Куллу дерзостью.

— Откуда мне знать, может, тебя послал вовсе не Ка-ну? — продолжал король. — Пикты лживый народ, — презрительно фыркнул Кулл, прекрасно зная, что пикты никогда не лгут. Он хотел вывести воина из себя.

— Я понимаю, чего ты добиваешься, — невозмутимо ответил пикт. — Ты хочешь меня разозлить. Клянусь Валкой, не стоит продолжать! Я разозлился и вызываю тебя на поединок. Тебе выбирать условия. Как мы будем сражаться: на копьях, мечах или кинжалах, конными или пешими? Принимаешь мой вызов?

В глазах Кулла блеснуло тайное восхищение, которое настоящий воин испытывает к храброму врагу, и все же он решил еще немного позлить пикта.

— Король не примет вызова от безвестного варвара, — с презрением ответил гонцу Кулл. — Да и правитель Валузии не станет нарушать неприкосновенности. Можешь идти... А Ка-ну передай, что я приеду один.

Глаза пикта загорелись смертоносным огнем. Едва сдерживаясь от ярости, он повернулся спиной к королю Валузии, пересек зал и скрылся за огромной дверью...

И вновь Кулл откинулся на покрытый горностаем трон и погрузился в размышления.

«Значит, глава Совета пиктов хочет, чтобы я пришел один. Но что скрывается за этим странным предложением? Предательство?» Нахмурившись, Кулл коснулся рукояти своего грозного меча. «Нет, сомнительно». Пикты слишком ценят союз с Валузией, чтобы порвать из-за старой вражды племен. Пусть Кулл — атлант; пусть он извечный враг всех пиктов, но ведь он еще и правитель Валузии, самого могущественного королевства Запада.

Кулл долго размышлял о превратностях Судьбы, сделавших его союзником старых врагов и врагом старых друзей. Наконец, поднявшись с трона, король начал расхаживать по залу быстрой и беззвучной львиной поступью. Он разорвал узы дружбы, отрекся от обычаев своего племени, чтобы насытить свое честолюбие. И — пусть станет свидетелем Валка, бог моря и суши — Кулл добился, чего хотел. Он стал правителем Валузии — угасающего, вырождающегося королевства, живущего воспоминаниями о минувшей славе, но все еще самого могущественного и великого из Семи Королевств... Страна Снов, так называли Валузию его бывшие соплеменники. И иногда Куллу казалось, что он живет словно во сне. Воин в душе, он не привык к интригам, придворным, жизни во дворце... Жизнь короля казалась Куллу маскарадом, где мужчины и женщины прятали настоящие лица и мысли за искусными масками. Захватить трон было легко —

отвага, решительность, удачный поворот событий, убийство тирана, залившего кровью собственную страну. А потом пришлось разбираться с честолюбивыми аристократами Валузии... И Кулл — бродяга и искатель приключений, варвар из Атлантиды — вознесся на головокружительную высоту... Он стал повелителем Валузии, королем королей. Но теперь ему начало казаться, что удержать трон — намного тяжелее, чем захватить его. Встреча с пиктом пробудила воспоминания юности. Кулл вспомнил бескрайние просторы Атлантиды. И опять странное ощущение смутного беспокойства, нереальности окружающего охватило Кулла, как это часто случалось в последнее время. Да кто он такой, чтобы править столь древним народом, предки которого постигли ужасные тайны колдовства? Обычный варвар из Атлантиды...

— Я — Кулл! — прорычал король, вскинув голову, словно лев, и потряхивая гривой. — Я — Кулл!

Орлиным взором обвел король древний зал. Уверенность в себе постепенно возвращалась к нему.

Глава вторая

ПИР

уна еще не взошла. Сад был залит светом факелов, пылающих в серебряных подставках. Кулл занял свое место за столом Ка-ну — посланника западных островов. Старый пикт сидел по правую руку короля. Внешне он ничуть не походил на пикта. Ка-ну был стар и умудрен в делах государственных.

Он внимательно разглядывал Кулла, и взгляд его не был переполнен ненавистью, как у большинства его соотечественников. Никакие племенные предрассудки не могли изменить симпатий и антипатий Ка-ну. Долгое общение с правителями цивилизованных государств сильно сказалось на мировоззрении старого пикта. Он не задавал себе вопроса: какого рода-племени человек? Первое, о чем он спрашивал себя: могу ли я влиять на него и как? Племенную вражду Ка-ну использовал лишь для укрепления собственных позиций...

Кулл, разглядывая Ка-ну, вяло поддерживал беседу, размышляя о том, не изменит ли его цивилизация точно так же, как пикта. Ведь Ка-ну растолстел и обрюзг из-за чревоугодия. Много воды утекло с тех пор, как он последний раз брался за меч. Конечно, пикт был стар, но Куллу приходилось видеть воинов-ветеранов и постарше... Пикты считались народом долгожителей...

За спиной Ка-ну стояла прекрасная девушка. То и дело наполняла она вином кубок своего повелителя. Тем временем Ка-ну непрерывно сыпал шутками и остроумными замечаниями. Кулл втайне презирал подобное пустословие. Тем не менее он не пропустил мимо ушей ни одного слова из грубоватого юмора пикта.

На пиру собрались все вожди пиктов и лучшие воины их свит. Вожди непринужденно шутили, а воины держались вежливо, не задирая друг друга, как обычно. Однако старая межплеменная вражда не исчезла, она лишь затаилась на время, не давая о себе знать. Король Кулл, завидуя беззаботности варваров, наслаждался ощущением свободы. Для него этот пир стал настоящим праздником. Такая свобода напоминала ему походный лагерь атлантов.

Иногда Куллу казалось, что Ка-ну и вовсе позабыл, что он пикт. Хотя и ему самому лучше было бы стать цивилизованным человеком.

Когда луна достигла зенита, Ка-ну, наевшись и напившись за троих, откинулся на спинку кресла и с удовлетворением вздохнул.

— А теперь оставьте нас, друзья,— обратился Ка-ну к пирующим.— Мне надо поговорить с Куллом. И это вовсе не праздные разговоры. Ступай и ты, моя девочка, но перед этим дай-ка я поцелую тебя в рубиновые губки... Вот так... А теперь лети, моя бабочка.— Глаза Ка-ну заблестели, когда он оценивающим взглядом окинул Кулла, по-прежнему восседавшего мрачно и державшегося напряженно и непримиримо.— Наверное, Кулл, ты считаешь меня старым развратником,— обратился к королю Валузии старый советник.— Ты думаешь, Ка-ну — никчемный старый распутник и годится лишь на то, чтобы кубками пить вино и тискать девок?

Эти слова настолько совпадали с мыслями Кулла и были высказаны так прямо, что Кулл вздрогнул, хотя и постарался скрыть это.

Ка-ну захохотал так, что у него затряслось брюхо.

— Терпкое вино, красивые женщины,— продолжал пикт с усмешкой,— не думай, что старому Ка-ну это мешает.

Пикт снова засмеялся. Куллу стало неудобно, и он заерзал на сиденье. Это уже становилось оскорбительным. Горящие глаза короля засветились, словно глаза льва.

Ка-ну потянулся за кувшином, наполнил свой кубок и вопросительно взглянул на Кулла. Король Валузии отрицательно покачал головой.

— Старики не боятся крепких напитков,— уныло продолжал Ка-ну.— Старею я, Кулл. И почему же вы, молодые, отказываете мне в тех маленьких удовольствиях, которые нам, старикам, еще доступны? Да, старею я, живу один без друзей...

Однако хитрое выражение лица пикта полностью опровергало его последние слова. Ка-ну выглядел очень довольным. Глаза его горели. Седая борода казалась приклеенной. «Удивительно похож на доброго колдуна»,— подумал Кулл, почувствовав себя слегка уязвленным. Старый мошенник утратил все добродетели варваров, и все же в свои дряхлые годы выглядел счастливым.

— Послушай, Кулл,— продолжал Ка-ну, назидательно поднимая палец,— хоть и негоже хвалить мне тебя, но я должен сказать тебе правду, чтобы завоевать твоё доверие.

— Если ты надеешься завоевать меня лестью...

— Ерунда! Кто говорит о лести? Я хвалю собеседника лишь для того, чтобы обезоружить его.

В глазах Ка-ну появился хитрый блеск, холодный расчет, который ничуть не смягчала его ленивая улыбка. Пикт знал людей и отлично понимал, что с королем-варваром он должен говорить честно и прямо. Кулл, словно волк, в один миг чутьем распознает фальшь в словах собеседника.

— В тебе, Кулл, есть — сила,— медленно произнес Ка-ну, осторожно выбирая слова.— Ты можешь стать

могущественнейшим из всех королей и возродить былую славу Валузии... Хотя лично мне нет никакого дела до этого королевства, но должен признать: женщины и вино здесь великолепны. И еще я помню о том, что чем сильнее становится Валузия, тем сильнее народ пиктов. Более того, если атлант останется на ее троне, то, быть может, Валузия с течением времени присоединится к Атлантиде...

Кулл горько усмехнулся. Ка-ну задел старую рану варвара.

— В Атлантиде мое имя стало проклятием. Я стал изгнанником, когда отправился на поиски славы и удачи, покинув землю предков. Теперь атланты — мои враги. Тебе самому это хорошо известно.

Ка-ну пригладил бороду и загадочно ухмыльнулся.

— Ну-ну... Не будем об этом. Я знаю, о чем говорю. Со временем войны станут редкими. Они перестанут приносить выгоду. Мне кажется, у Валузии впереди годы мира и процветания. Запад превратится в райский уголок... Ты можешь добиться этого, если останешься в живых!

Кулл схватился за рукоятку меча. Он стремительно выскочил из-за стола и замер в ожидании нападения. Пикт, ценивший людей, словно породистых лошадей, почувствовал, как его старая кровь быстрее побежала по жилам. Валка, что за воин! Да, Кулл обладал столь редким врожденным инстинктом воина. Однако ни одна из подобных мыслей не отразилась в холодном спокойном голосе Ка-ну.

— Чего вскочил... Ты же среди друзей... Лучше садись и оглянись по сторонам. Сад и зал пусты. Здесь нет ни наемных убийц, ни заговорщиков, лишь мы вдвоем. Надеюсь, ты меня не боишься?

Кулл уселся на прежнее место, настороженно озираясь.

— В тебе проснулся дикарь,— проговорил Ка-ну.— Если бы я замышлял измену, то совершил бы убий-

ство не здесь. Тут же все подозрения сразу пали бы на меня! Какая глупость! Вам, молодежи, еще многому предстоит поучиться. Здесь сидели мои соплеменники. Они не могли расслабиться, находясь рядом с тобой. А все потому, что ты родился в горах Атлантиды... Ведь ты же втайне презираешь меня, потому что я пикт... Тьфу! В тебе, Кулл, я вижу короля Валузии, а не Кулла, атланта-беглеца, предводителя разбойников, грабивших острова Запада. Так и ты должен видеть во мне не пикта, а своего друга, не принадлежащего ни к одному из известных тебе народов... Ну а теперь перейдем к делу! Если бы тебя завтра убили, кто бы занял трон Валузии?

— Кануб, барон Блала.

— Я так и думал. Мне он не нравится по многим причинам. К тому же он всего лишь пешка.

— То есть? Кануб мой самый сильный противник, но я никогда не думал, что он плетет интриги, чтобы посадить на трон кого-то другого.

— И у стен есть уши,— неожиданно промолвил Ка-ну.— В жизни все намного сложнее, чем кажется на первый взгляд. В этом ты можешь верить мне и Брулу, Копьебою. Смотри! — Пикт вытащил из складок одежда золотой браслет, изображающий свернувшегося кольцами крылатого дракона с тремя рубиновыми рогами на голове.— Запомни его хорошенько. Он будет на руке Брула, когда Копьебой придет к тебе завтра ночью. Так ты сможешь узнать его. Верь Брулу и делай то, что он тебе скажет. А чтобы ты не сомневался в моих словах — смотри!

Старик стремительно выхватил что-то из складок одежды. Эта вещь зеленовато сверкнула в свете факелов. Но пикт, не дав Куллу хорошенько рассмотреть эту вещь, быстро вновь спрятал ее.

— Этот камень был украден! — воскликнул Кулл, отпрянув.— Зеленая драгоценность из Храма Змея. Валка всемогущий! Так вором был ты? Но для чего ты показал его мне?

— Я хочу спасти твою жизнь и доказать тебе, что ты можешь доверять мне. Если я предаю, ты сможешь отомстить мне тем же. Теперь ты держишь мою жизнь в своих руках. Я не смогу солгать тебе, даже если захочу. Одно слово, сорвавшееся с твоих уст, станет моей гибелью.

Несмотря на эти устрашающие речи, старый пикт выглядел очень довольным.

— Но почему ты так откровенен? — недоумевал Кулл. Он не понимал, куда клонит Ка-ну.

— Я уже все объяснил тебе. Мне нужно, чтобы ты доверял мне. Теперь ты видишь, что я не собираюсь предать тебя. И завтра ночью, когда Брул придет к тебе, ты последуешь его совету, не боясь предательства... Но довольно тайных разговоров... Эскорт ждет снаружи. Он довезет тебя до дворца.

— Я так ничего и не понял. Ты мне так ничего и не объяснил, — промолвил Кулл, вставая.

— Как ты еще молод и нетерпелив! — Ка-ну еще больше, чем обычно, напоминал толстого, доброго волшебника. — Тебе пора погрузиться в грезы о тронах, власти и новых королевствах... Я буду видеть сны о вине и нежных женщинах Валузии. Мне осталось лишь пожелать тебе удачи, король Кулл.

Покидая дворец пикта, Кулл, обернувшись, еще раз взглянул на Ка-ну. Пикт сидел, по-прежнему лениво развалившись на своем ложе. Старик, казалось, светился от радости.

* * *

Всадник ожидал короля у ворот сада. Кулл был слегка удивлен, обнаружив, что это все тот же пикт, что принес ему приглашение Ка-ну. Кулл молча забрался в седло, и также молча поскакали они по пустым улицам.

Краски и веселье дворца уступили место призрачному спокойствию ночи. В серебристом свете ущербной луны город казался еще древнее. Огромные ко-

лонны величественных зданий и дворцов возносились к звездам. Широкие ступени уходили к верхним площадкам зиккуратов. Лестницы, казалось, не имели конца. Они исчезали в темной вышине. «Лестницы к звездам», — подумал Кулл. Варвара всегда поражало величие подобных пейзажей.

В мире царила тишина. Стук серебряных подков эхом отдавался на широких улицах, затопленных половодьем лунного света. Древность города, его невообразимый возраст угнетал короля. Иногда ему казалось, что огромные безмолвные здания смеются над ним, смеются беззвучно, с затаенной издевкой. Какие тайны хранили эти каменные гиганты?

«Ты молод, а мы — старые, — шептали дворцы, храмы и святилища. — Когда нас воздвигли, мир был диким и юным. Ты — варвар из Атлантиды — скоро исчезнешь вместе с другими дикарями, а мы будем стоять вечность. Мы возвышались над улицами этого города еще до того, как Атлантида и Лемурия поднялись из морских глубин, и будем также выситься, когда зеленые воды скроют шпили городов Лемурии и горы Атлантиды. Тогда острова Запада станут горами неизвестной земли... Много королей проехало по этим улицам задолго до того, как Ка — птица Творения создала твою душу. Проезжай, Кулл из Атлантиды... Великими были короли — твои предшественники. Еще более великие короли явятся миру после того, как ты уйдешь. Но все вы обратитесь в прах, будете забыты... А мы останемся стоять... Проезжай, проезжай, Кулл из Атлантиды, король Кулл, Кулл — шут!»

Варвару казалось, что топот копыт коней вторит этим словам, превращая их в насмешливое заклинание, глухо разносящееся в ночи:

— Кулл — король! Кулл — шут!

«Сияй, луна! — продолжали нашептывать старинные дома. — Сегодня ты освещаешь дорогу королю Валузии! Мерцайте, звезды, вы — факелы свиты великого воина! Звените, серебряные подковы, — вы поете о том, что Кулл шествует по Валузии... Эй! Проснись, Валузия! Идет Кулл,

варвар Кулл! Мы повидали много королей...» — не унимались дворцы Валузии и начинали заново свою речь.

Кулл был в смятении, когда добрался до своего дворца. Сбежались телохранители — Алые Стражи. Они помогли Куллу спешиться и проводили в королевские покои...

Только когда они исчезли за массивными дверями дворца пикт, по-прежнему не промолвив ни слова, резким рывком поводьев развернул коня и словно привидение растворился во тьме. Кулл представил себе, как он мчится по молчащим улицам, подобно призраку давно исчезнувшего мира.

А Кулл так и не заснул в эту ночь. К тому времени, как король, раздевшись, собрался лечь, стало уже светать — остаток ночи Кулл провел, расхаживая по Тронному залу и обдумывая слова Ка-ну. Посланник пиктов так ничего и не рассказал королю Валузии и все же вверил себя в его полную власть.

«...На что намекал он, заявив, что барон Блала всего лишь пешка в чьей-то игре? И кто такой этот Брул, который должен явиться завтра ночью с таинственным браслетом в виде свернувшегося дракона? Зачем все это? И самое главное, почему Ка-ну показал мне ужасную зеленую драгоценность, украденную неведомо кем из храма Змея... В королевстве началась бы гражданская война, если бы то, что узнал я, стало известно загадочным и всесильными жрецам этого храма. Даже воинственные соплеменники Ка-ну не смогли бы спасти его от мести фанатиков. Но Ка-ну был уверен, что он в полной безопасности, — размышлял Кулл. — Старый пикт — хитрая лиса. Он не станет рисковать просто так. Возможно, он пытался отвлечь мое внимание, чтобы легче было подготовить покушение?..»

Когда на востоке разгорелась заря, Кулл пожал плечами, отбросил тягостные думы и уселся на трон, приготовившись к приему просителей...

Глава третья ТЕ, КТО ПРИХОДЯТ НОЧЬЮ

Нуна еще не взошла на небо, когда Кулл, сжимая рукоять меча, подошел к окну. Отсюда открывался вид на огромные внутренние сады королевского дворца. Ночной ветерок, пропитанный пьянящими ароматами цветущих деревьев, играл тонкими занавесями.

Король выглянул из окна. Дорожки и рощицы были пустынные. Тщательно подстриженные деревья казались бесплотными призраками. Фонтаны серебрились в лунном свете. Тихо звенела вода. По этому саду не расхаживали стражники. Наружные стены так тщательно охранялись, что мысль о том, будто какой-то злодей может проникнуть во дворец, никому и в голову не приходила.

Стены дворца были увиты виноградными лозами...

Как раз в тот самый миг, когда Кулл подумал о том, как легко по ним можно было бы забраться наверх, что-то мелькнуло во тьме под окном и чья-то смуглая рука ухватила за подоконник. Грозный меч Кулла со свистом выскользнул из ножен. Но в последний миг король замер. На мускулистом запястье незнакомца сверкал браслет в форме свернувшегося дракона, который Ка-ну показывал ему минувшей ночью.

Посланец вождя пиктов перелез через подоконник. Он двигался с грацией настоящего леопарда.

— Ты — Брул? — удивился король Валузии, и тут же замолчал. В сердце его вновь вспыхнуло подозрение. Над этим пиктом Кулл насмехался два дня назад. Этот пикт проводил Кулла назад в королевский дворец после пира у Ка-ну.

— Я — Брул, Копьебой, — сдержанно подтвердил пикт, а потом глядя Кулла в глаза, шепотом добавил: — *Кэй нэама каа ладжерама!*

Кулл вздрогнул.

— Что ты сказал?

— А ты не знаешь?

— Нет, эти слова мне незнакомы. Их нет ни в одном языке, который я слышал... И все же, клянусь Валькой, где-то я слышал подобную речь...

— Да, — подтверждая подозрения короля, кивнул пикт. Его глаза обшаривали комнату, служившую библиотекой: несколько столов, два дивана и огромные шкафы с гигантскими книгами, стойки с древними свитками пергамента... Помещение выглядело пустым и скромным по сравнению с роскошью остальных помещений дворца. — Скажи, король, кто охраняет двери этой комнаты?

— Я вижу, ты забыл, что к правителю Валузии нужно обращаться, говоря: Ваше Величество?

— Сейчас нет времени для выяснения тонкостей придворного этикета. Мы — воины, и лишь когда во всех королевствах Запада воцарится мир, мы сможем тратить время на праздные забавы... А теперь все же скажи мне, король, кто охраняет двери этой комнаты?

— Восемнадцать Алых Стражей. Но как ты попал во дворец? Ты прокрался по саду, искусно скрываясь в ночных тенях, и, когда часовые отвлеклись, ты перелез через стену дворца?

Брул пренебрежительно хмыкнул.

— Воины Валузии не лучше слепых быков. Я мог бы выкрасть их девиц и жен прямо у них из-под носа. Я проскользнул между ними, а они не увидели

и не слышали меня... А стены дворца... — Пикт пренебрежительно сплюнул. — Я мог бы перелезть через них даже без помощи виноградных лоз. Я охотился на тигров на дальних островах. Порывистые восточные ветры нагоняли туманы с моря, но, преследуя коварных хищников, я взбирался на самые высокие пики... Однако сейчас не подходящее время для воспоминаний. Идем... Нет... Вначале дотронься до этого браслета.

Брул протянул руку и, когда Кулл выполнил просьбу пикта, посланец облегченно вздохнул.

— Теперь сбрось дорогие одежды. Нам предстоят такие дела, о каких ни один атлант никогда и не мечтал.

Сам Брул в этот вечер был облачен только в узкую набедренную повязку, за которую был заткнут короткий кривой меч.

— Да кто ты такой, чтобы приказывать мне? — возмутился недоумевающий Кулл.

— Разве Ка-ну не предупредил тебя, что ты должен доверять мне во всем? — удивился пикт. Его глаза на мгновение сверкнули. — Я не испытываю любви к тебе, Кулл из Атлантиды, но сейчас не время нам думать о вражде... Выполни то, что я прошу. Нам надо торопиться.

Бесшумной поступью пикт пересек комнату и подошел к двери. Через дверной глазок можно было рассмотреть коридор, оставаясь невидимым снаружи. Пикт поманил Кулла, чтобы тот заглянул в глазок.

— Что ты видишь?

— Восемнадцать стражников.

Пикт кивнул и потянул Кулла за собой к противоположной стене. Подойдя к одной из деревянных панелей, Брул нагнулся и нажал на какой-то выступ. Затем он отступил от стены и обнажил меч. Кулл едва не вскрикнул, когда панель беззвучно отошла в сторону, открывая тускло освещенный коридор.

— Потайной ход!.. — воскликнул Кулл. — А я ничего не знал о нем! Клянусь Валкой!..

— Тише! — зашипел пикт.

Брул застыл, словно бронзовая статуя, весь обратившись в слух. Волосы на голове у Кулла зашевелились, но не от страха, а скорее, от какого-то мрачного предчувствия. Потом решившись, Брул шагнул в полутемный коридор. Там никого не оказалось, но не было и пыли на полу, как это бывает в заброшенных тайных ходах. В потайном коридоре царила полутьма, но откуда берется свет, было непонятно. Через каждые несколько шагов Кулла встречались двери. Ни одну из них не было видно снаружи — Кулл знал это. Зато они оказались четко различимые изнутри.

— Дворец — настоящий лабиринт, — пробормотал он.

— Да, — согласился Брул. — Враги день и ночь следят за тобой. И поверь, врагов у тебя немало.

Осведомленность Брула в тайных делах, творящихся во дворце, поразила Кулла.

Пикт же, кивком предложив королю следовать за ним, пошел вперед по коридору. Он двигался медленно, осторожно, почти крадучись и держал меч наготове. Говорил он только шепотом и постоянно оглядывался по сторонам.

Впереди коридор резко сворачивал, и Брул осторожно заглянул за угол.

— Взгляни! — прошептал он, подзывая короля. — Но помни: ни слова, ни звука! Иначе мы оба можем погибнуть!

Король, двигаясь не менее осторожно, чем его проводник, последовал примеру пикта. Почти сразу за поворотом коридор опускался на несколько ступеней. У их подножия лежало восемнадцать Алых Стражников, которые должны были в эту ночь стоять на страже у дверей королевской библиотеки. Лишь предупреждение пикта удержало Кулла от того, чтобы не ринуться вниз по ступеням.

— Тише, Кулл! Тише, во имя Валки! — прошептал пикт. — Сейчас коридоры пусты, и все же я страшно рисковую, заведя тебя сюда. Но чтобы ты поверил тому, что я должен тебе рассказать, убедись во всем своими глазами. Теперь вернемся в библиотеку.

Брул пошел назад, и Кулл в смятении последовал за ним.

— Измена... — бормотал король. Его глаза горели холодным серым пламенем стали. — Грязное предательство! Все было сделано так быстро... Ведь и нескольких минут не прошло, как я видел этих бедняг на страже у дверей...

Когда они вернулись в библиотеку, Брул тщательно закрыл тайную панель и жестом попросил Кулла снова поглядеть в глазок наружной двери. Кулл заглянул и ахнул. Снаружи стояли на часах те же восемнадцать стражников!

— Колдовство! — прошептал король, хватаясь за меч. — С каких это пор мертвые могут нести караул?

— Нет. Дело не в этом... — чуть слышно ответил ему Брул.

В мерцающих глазах пикта появилось странное выражение. Несколько мгновений король и воин внимательно разглядывали друг друга. Кулл напряженно хмурился, пытаясь прочесть мысли пикта на его невозмутимом лице. Наконец после невероятно затянувшейся паузы он снова заговорил:

— Змей, что владеет человеческой речью...

— Тише! — прошептал король, прикрывая ладонью рот пикта. — Говорить такое — значит обресть себя на смерть!.. Это имя проклято!

Бесстрашно встретил Брул взгляд короля.

— Взгляни еще раз, Кулл. Может, была смена стражи?

— Нет! Это те же самые люди... Во имя Валки, здесь замешано колдовство! Безумие какое-то! Несколько минут назад я своими глазами видел тела этих людей... А теперь они стоят тут!

Пикт отошел от двери. Кулл последовал за ним.

— Скажи мне, король, что знаешь ты об истории страны, которой правишь?

— Не так уж много. Валузия стара как...

— Да.— В глазах Брула загорелся странный огонек.— Мы, варвары, всего лишь дети в сравнении с народами Семи Королевств... Жители Валузии и сами не знают, когда появился их народ. Ни память человеческая, ни летописи историков не уходят так глубоко в прошлое. Ничто не в силах поведать нам о тех временах, когда первые люди пришли из-за моря на те земли, что ныне мы зовем Западом, и построили города на этих побережьях. Но... Кулл, *люди не всегда правили этим миром!*

Король вздрогнул.

— Да. У народов Атлантиды есть предания...

— И у пиктов они существуют! — перебил короля Брул.— То, о чем они рассказывают, случилось задолго до того, как мы, островитяне, стали союзниками Валузии. Это случилось в дни правления Львиного Клыка, седьмого вождя пиктов, так давно, что никому и не сосчитать, сколько лет прошло с тех пор. Наши предки приплыли с островов Заката. Мы пересекли бурное море, обогнули Атлантиду и обрушились на побережье Валузии. Белые прибрежные скалы ходили ходуном от гула сражений. Ночами было светло как днем от зарева пылающих замков... Король Валузии погиб на одном из белых песчаных пляжей...

На несколько секунд пикт замолчал. Посланец и король уставились друг на друга, не говоря ни слова. Выдержав паузу, они обменялись кивками, давая понять друг другу, что старинная вражда забыта ими по обоюдному согласию.

— Стара Валузия! — пробормотал Кулл.— Когда-то эта страна была юной. В те дни горы Атлантиды и Му были лишь островками среди бескрайнего моря.

Шаловливый ночной ветерок ворвался в открытое окно. Это был не вольный свежий морской ветер, хо-

рошо знакомый атланту и пикту, а тот, чье дыхание подобно шепоту древних могил. Он принес запах мускуса и вонь давно позабытых тварей. Он нес на своих крылах тайны, которые стали дряхлыми, когда мир был еще юн.

Зашелестели занавеси. Неожиданно Кулл почувствовал себя ребенком, очутившимся на берегу бескрайнего океана мудрости загадочного прошлого. Вновь чувство нереальности окружающего мира охватило варвара. В глубинах души атланта зашевелились призраки детских страхов. Они нашептывали королю о чем-то ужасном.

Кулл чувствовал, что пикт, стоящий рядом с ним, ощущает то же, что и он. Брул не спускал взгляда с лица правителя Валузии. Их взгляды вновь встретились. И тут Кулла охватило теплое чувство по отношению к этому воину враждебного племени. словно два леопарда-соперника, загнанные охотниками в ловушку, два дикаря объединились против темных сил прошлого...

Брул вновь поманил Кулла к потайному ходу. Молча вошли они в темный коридор. В этот раз они отправились в противоположную сторону. Через некоторое время пикт остановился и заглянул в глазок на одной из потайных дверей.

— Отсюда видна лестница, которой редко пользуются. Она ведет в коридор, куда выходили двери библиотеки,— прошептал пикт.

И тут они увидели темную фигуру, беззвучно поднимающуюся по ступеням.

— Это же Ту! Мой главный советник! — воскликнул Кулл.— Ночью, с обнаженным кинжалом! Что все это значит, Брул?

— Заговор! Подлая измена! — прошептал Брул.— Нет! Не надо! — воскликнул он, когда Кулл хотел распахнуть дверь и ринуться на убийцу.— Если ты нападешь на него, мы погибли. Множество этих тварей скрывается у подножия лестницы. Идем!

Почти бегом король и пикт устремились назад по коридору. Оказавшись в библиотеке, Брул тщательно закрыл потайную дверь и потащил короля к арке, за которой располагалась небольшая комната, куда редко кто заходил. Пикт отодвинул одну из штор в дальнем темном углу, и они с Куллом спрятались позади нее.

Время тянулось бесконечно. Минуты казались часами. Кулл слышал, как ветерок шелестит занавесами в библиотеке, и этот шелест казался королю головами призраков. Потом в дверном проеме появился Ту, главный советник короля. Двигался он очень осторожно, крадучись. Очевидно, он зашел в библиотеку и, не найдя там короля, продолжал поиски.

Ту вошел в комнату беззвучно, с занесенным кинжалом. На какое-то мгновение он остановился, в недоумении оглядывая пустое помещение, тускло освещенное единственной свечой. Потом он решил осторожно обойти комнату, явно не понимая, куда пропал король. Наконец убийца остановился прямо напротив занавеси, за которой спрятались Кулл и Брул и...

— Бей! — крикнул пикт королю.

Кулл одним могучим прыжком выскочил на середину комнаты. Ту обернулся, но по-тигриному стремительные движения короля лишили советника возможности защититься. Меч блеснул в тусклом свете свечи. Клинок со скрежетом разрубил кости, и Ту рухнул на пол. Меч Кулла застрял в его груди.

Король наклонился над поверженным врагом, оскалив зубы, словно настоящий дикарь. Тяжелые брови нависли над узкими глазами короля, подобными серым льдинам северных морей. Потом Кулл выпустил рукоять меча. Он был потрясен. Ему показалось, что он сходит с ума, а сердце его сжала холодная рука смерти.

А дело в том, что черты лица Ту вдруг стали странно меняться, плыть, словно восковая маска. Хо-

рошо знакомое Куллу лицо Ту исчезло, и вместо него появилась чудовищная чешуйчатая голова змеи.

— Валка! — только и смог произнести Кулл. На лбу его выступил холодный пот. Немного придя в себя Кулл повторил: — Валка, помилуй!

Брул подошел к королю и склонился над трупом. В горящих глазах пикта отразился тот же ужас, что и в глазах Кулла.

— Освободи меч, король, — приказал пикт. — Ему еще не раз предстоит отвесть крови этой ночью.

Кулл нерешительно ухватился за рукоять меча. Короля передернуло, когда ему пришлось упереться ногой в растянувшуюся перед ним на полу мертвую тварь. И тут какое-то предсмертное сокращение мышц раскрыло чудовищную пасть гигантской змеи. Кулл отпрянул и сплюнул от отвращения. Наконец, разозлившись на собственную слабость, он вырвал клинок из тела и начал пристально разглядывать чудовище, притворявшееся Ту. Не считая головы, тело твари было человеческим.

— Человек с головой змеи! — пробормотал Кулл. — Так, значит, вот как выглядят на самом деле жрецы бога Змей?

— Да. Тебе не откажешь в проницательности. Настоящий Ту спокойно спит в своей постели, ничего не подозревая... Эти твари могут принять любой лик по своему желанию. Они плетут паутину чар, меняя внешность, как актер меняет маску. Они могут выдавать себя за кого угодно.

— Значит, старые легенды говорят правду, — задумчиво проговорил Кулл. — Мрачные старые сказки, которые не осмеливаются рассказывать даже шепотом, чтобы не умереть за святотатство, не выдумки. Клянусь Валкой, я думал... я предполагал... Нет, не могу поверить во все это... А те стражники за дверью? Они тоже...

— Тоже змеелюди, — кивнул Брул Копьебой. — Постой, Кулл! Что ты собираешься делать?

— Я убью их! — процедил Кулл сквозь крепко сжатые зубы.

— Их слишком много, и они чересчур живучи. Если уж и бить их, то непременно в голову, — начал объяснять королю посланник Ка-ну. — За дверью их почти два десятка, да еще столько же в коридорах дворца... Ты погибнешь раньше, чем Алые Стражи разберутся, в чем дело и смогут прийти тебе на помощь... Послушай, король, Ка-ну разузнал об этом заговоре. Его шпионы проникли в самое сокровенное святилище жрецов Змея... Посол пиктов давно знал и о тайных проходах во дворце. По его приказу я изучил план дворца и расположение тайных дверей и коридоров. Я явился к тебе этой ночью, чтобы ты не погиб, как погибли другие короли Валузии, неудобные змеелюдям. Я пришел один. Увидев большой отряд, наши враги заподозрили бы неладное... К тому же немногие могут проникнуть во дворец так, как я... Теперь мне удалось показать тебе, кто твои истинные враги. Сегодня ночью змеелюди сторожат двери твоих покоев. Поэтому тварь, выдававшая себя за Ту, смогла беспрепятственно проникнуть в любую из комнат. Утром, если бы заговор не удался, настоящие стражники вновь заняли бы свои места, ничего не зная и ничего не помня. А если бы заговор удался, на них свалили бы всю вину... А теперь подожди, пока я избавлюсь от этой падали.

Сказав это, пикт взвалил труп убийцы на плечо и скрылся за другой тайной панелью. Кулл остался один в полном смятении. Его врагами оказались жрецы могущественного Змея. Сколько их в городах Валузии? Как отличить ложь от истины? Может быть, кто-то из его верных советников и военачальников не настоящие люди? В ком он может быть уверен? Но Кулл так и не успел все хорошенько обдумать.

Потайной ход открылся, и вновь появился Брул Копьебой.

— Ты быстро справился.

— Похоже на то. — Пикт шагнул вперед, внимательно разглядывая пол. — А вот тут на ковре осталась кровь. Видишь?

Кулл наклонился, и в тот же миг уголком глаза уловил какое-то движение и блеск стали.словно лук с лопнувшей тетивой, король мгновенно распрямился, нанеся удар мечом снизу вверх. Брул напоролся на меч, выронив свой кинжал. Кулл обрадовался, отметив, что предатель встретил смерть от скользящего, направленного снизу вверх удара — излюбленного приема пиктов. Но лишь только тело Брула соскользнуло с меча и недвижимо распростерлось на полу, черты лица убитого стали расплываться... Не успел Кулл перевести дух, как перед ним лежал еще один мертвый змееловек. Холодные глаза рептилии остекленели. Даже мертвой тварь казалась очень опасной.

— Значит, ты тоже жрец Змея! — ахнул Кулл. — Валка! Поистине чудовищный заговор! А Ка-ну? Человек ли он? С настоящим ли Ка-ну говорил я после пира?.. Валка всемогущий!

Неожиданно Кулла прошиб холодный пот: что, если все люди Валузии — змеи? Король стоял в нерешимости... И тут он заметил, что на руке твари, выдававшей себя за Брула, не было браслета в форме дракона.

Скрип открывающейся потайной двери заставил короля стремительно обернуться.

Из потайного хода вышел живой и здоровый Брул.

— Стой! — грозно приказал владыка Валузии.

Пикт вытянул руку в сторону короля, и тот увидел поблескивающего кольцами дракона.

— Хвала Валке!

Пикт застыл на месте. Он опустил взгляд и когда увидел еще одного мертвого убийцу, мрачная улыбка искривила его губы.

— Клянусь богами морей! Ну и хитры же эти демоны! Тварь, наверно, пряталась в одном из боковых

ходов. Увидев, как я тащу тело его друга, она, скорее всего, прикинулась мною. Теперь мне придется убрать еще один труп.

— Постой! — Голос Кулла по-прежнему звучал угрожающе. — Двое людей обернулись змеями у меня на глазах... Откуда я знаю, что ты — настоящий человек?

Брул улыбнулся.

— Ты должен мне верить по двум причинам. Ни один змеечеловек не может надеть это. — Тут пикт показал браслет в форме дракона. — И никто из них не может произнести этих слов: *кэй нэма каа ладжерама!*

— *Кэй нэма каа ладжерама,* — повторил Кулл машинально. — Где, во имя Валки, мог я слышать эти слова? Не помню. И все же... И все же...

— Напряги память, Кулл, — подзадорил короля Брул. — Эти слова сами всплывают из глубины памяти, хоть ты и не слышал их ни разу в жизни. В древние времена они так отчетливо запечатлелись в душах людей, что никогда не забудутся. Они всегда колоколом будут звучать в твоей памяти, даже если тебе суждено перевоплощаться еще не одну тысячу лет. Эти слова дошли до нас из мрачных эпох прошлого. Они служили паролем для людей, сражавшихся с жуткими тварями древнего мира. Только люди могут произнести эти слова... Челюсти, язык и гортань у человека устроены иначе, чем у змеелюдей. Ныне забыто значение этих слов, но не сами слова. Они превратились в своего рода заклинание.

— Пожалуй, ты прав, — согласился Кулл. — Я тоже вспоминаю легенды... Валка!

Его голос задрожал. Неожиданно перед королем словно распахнулась какая-то таинственная дверь, туманные безмерные пространства открылись его сознанию. Куллу показалось, что он видит картины прошлого. Ветер унес туманную и призрачную дымку времени, и образы минувшего ожили. Тогда, на заре

истории, люди сражались с ужасными тварями, очищая мир от доисторических ужасов... В сером колеблющемся тумане перед Куллом копошились странные, кошмарные существа... Человек — игрушка богов, слепой, невежественный, только поднявшийся из праха, начинал идти долгой и кровавой тропой Истории. Тогда он был больше похож на зверя, словно большой жестокий ребенок. Но в отличие от других разумных чудовищ Земли он чувствовал в себе искру божественного огня...

Кулл, вздрогнув, вытер рукой выступивший на лбу пот. Такие внезапные приступы, прогулки в бездны памяти предков, уже случавшиеся с ним раньше, всегда тревожили его.

— Видения исчезли, — улыбнулся Брул, словно читая мысли Кулла. — А вместе с ними растаяли чудовища прошлого. Исчезли крылатые женщины — гарпии, люди — летучие мыши, вампиры, демоны, драконы, — все, кроме таких тварей, как та, что лежит у твоих ног. Да еще, пожалуй, в лесах можно отловить нескольких волков-оборотней... Долгой и страшной была война, тянувшаяся множество столетий, с тех самых пор, как первый человек восстал против тех, кто правил тогда нашим миром. Человечество победило. И случилось это так давно, что о той поре до нас дошли лишь смутные легенды... Змеелюди сопротивлялись дольше всех, но люди сокрушили их и загнали в самые глухие уголки мира. Мудрецы древности утверждали, что нужно совсем немного времени и ужасные твари исчезнут окончательно... Прошло много веков, род людской размягчился, выродился, позабыл старинных врагов... и твари вернулись. Уже давно пикты и дворяне Валузии вели тайную войну!.. В ночи по земле еще крадутся страшные чудовища старого мира. Они владеют тайнами ужасной магии и могут принимать любые образы, совершать ужасные вещи. Их нельзя отличить от настоящих людей. Из-за них ни один человек не может доверять другому.

Однако со временем люди нашли способ, как отличать ложь от истины. Они избрали своим знаком и знаменем изображение летучего дракона, крылатого ящера, чудовища древних веков, которое было величайшим врагом змей. А потом один мудрец придумал те слова, которые я произнес как пароль... Никто, кроме настоящих людей, не может повторить их. Но твари, выждав столетия, вновь вернулись. А человек и ныне славится короткой памятью... Люди погрязли в роскоши и наслаждаются своим могуществом. Но они не перестали верить в древние религии, и потому змеелюди в этот раз одели личины жрецов, учителей древней веры. Они исказили религию, заставляя людей поклоняться змееголовому божеству. Ныне они обладают огромной властью. В наши времена повторять старые предания о змеелюдях опасно... Мы вновь поклоняемся Змею, но в этот раз в новом облике. Люди слепы. Они не видят связи между этой религией и той силой, которую сокрушили их предки в незапамятной древности. Змеелюди могли бы удовлетвориться властью над умами людей. Но они...— Тут Брул неожиданно замолчал.

— Продолжай! — потребовал Кулл, чувствуя, как по спине ползут мурашки.

— Все считали, что Валузией правили настоящие люди, — подчинился приказу короля пикт. — И все же, пав в битве, короли умирали, превращаясь в змей. Точно также умер и король, павший от копья Львиного Клыка на залитом кровью берегу, когда мои предки ограбили Семь Королевств... Как могло такое случиться, владыка Кулл?.. Короли Валузии рождались из чрева женщин. Они жили, как люди... Такое могло произойти, только если настоящих королей всякий раз тайно убивали. И тебя могли бы убить этой ночью... А потом жрецы Змея правили, приняв обличие королей, и никто бы ничего не заподозрил.

Кулл выругался сквозь зубы.

— Да, наверное, все так и было. Ведь никто еще не сумел обидеть жреца Змея и остаться после этого в живых. Это знает каждый. Они окружают себя глубокой тайной. Строят из себя непобедимых, высших созданий.

— Все это очень запутанно, — вздохнул Брул. — Часть людей знает, что среди них скрываются змеелюди. Но есть среди нас и такие, кто становится союзниками Змея, — предатели вроде Кануба, барона Блала. Никто из людей не рискует говорить о своих подозрениях, боясь, что его постигнет возмездие. Ни один человек не может доверять даже своим друзьям. Придворные не осмеливаются говорить друг другу о том, что и так видно. Если бы они могли стать хоть чуточку храбрее... если бы хоть одного змеечеловека или весь их заговор разоблачили у всех на глазах, тогда власть Змея оказалась бы сокрушена более чем наполовину. Люди объединились бы и вывели предателей на чистую воду. А так лишь у Ка-ну хватает решимости и мужества бороться с чудовищами. Но даже ему очень мало известно об их делах. Хорошо, что он вовремя узнал о заговоре и успел предупредить тебя. А так как я один из доверенных лиц Ка-ну, я был готов к тому, что произошло. Однако теперь нам придется положиться на нашу удачу и хитрость. Думаю, на несколько часов мы в безопасности. Змеелюди не осмелятся оставить свой пост, опасаясь, что неожиданно могут подойти настоящие стражники. Но можешь быть уверен, завтра они придумают что-нибудь еще. Что именно... этого никто не знает. Поэтому пока мы должны держаться вместе... — до тех пор, пока не победим или не погибнем от предательских ударов. А теперь пойдем со мной. Спрячем этот труп понадежней.

Король пошел вслед за пиктом, согнувшимся под тяжестью жуткой ноши, в сумрак потайного хода.

Словно привидения, они бесшумно скользили в призрачном свете. Кулл не слишком доверял завере-

ниям Брула о том, что коридоры должны быть пусты. За каждым поворотом король ожидал засады. В сердце его вновь закралось подозрение. Может, пикт вел его прямо в руки к врагам? Чуть приотстав, Кулл обнажил меч и пошел дальше, держа его нацеленным в незащищенную спину Брула. Если пикт замыслил предательство, то первым погибнет он. Однако если Брул и заметил недоверие короля, то не подал виду. Он продолжал спокойно идти вперед, пока они не добрались до пыльной заброшенной комнаты, где со стен свисали тяжелые заплесневелые драпировки. Брул откинул одну из них и спрятал за ней труп змеелюда.

Они уже выходили из комнаты, когда пикт неожиданно остановился. Он сделал это так резко, что Кулл с выставленным вперед мечом чуть не налетел на него — нервы короля были на пределе.

— Кто-то идет по коридору, — прошептал пикт. — Ка-ну уверял меня, что эти проходы будут пусты, но...

Пикт обнажил меч и выглянул в коридор. Кулл осторожно последовал его примеру.

Неподалеку впереди появилось странное свечение. Оно приближалось к королю и его спутнику. Напрягаясь, вжавшись в стену коридора, король и посланник ждали, сами не зная чего. Кулл слышал, как взволнованно дышит его спутник, и еще раз уверился в верности Брула.

Свет стал ярче. Теперь можно было различить призрачную фигуру. Она отдаленно напоминала человека, но казалась сотканной из дымки. Казалось, что по мере приближения туман уплотняется и фигура как бы обретает материальность. Лицо незнакомца было обращено к Куллу. словно свечи горела пара огромных глаз, в которых, как казалось, отражались столетия жутких мук. Лицо не таило угрозы, в его чертах была лишь безмерная печаль. Это лицо... Это лицо...

— Всемогушие боги! — выдохнул Кулл, чувствуя, как ледяная рука сдавливает его сердце. — Это же Элал — король Валузии, погибший тысячу лет назад!

Брул вжался в стену. Его глаза выпучились от ужаса, меч впервые за эту ночь дрогнул в его руке. Кулл стоял гордо и прямо, по-прежнему держа клинок наготове. Волосы на голове у атланта встали дыбом, кожу будто бы обожгло легкое дыхание зимней стужи. В один миг из короля превратился он в дикаря — бесстрашного варвара, готового схватиться даже с мертвецом.

Призрак шел, не обращая никакого внимания на Кулла и его спутника. Когда он проходил мимо, король отпрянул, ощутив ледяной ветерок и могильный запах. Призрак двигался беззвучной поступью, но такими крошечными шажками, словно тяжесть всех минувших веков непосильным грузом сковала его слабые ноги. Вскоре он исчез за углом коридора.

— Валка! — только и смог сказать пикт, вытирая капли холодного пота со лба. И уже чуть позже, придя в себя он добавил: — Это же не человек!.. Призрак!

— Да... — согласился Кулл и покачал головой. — Разве ты не узнал лица? То был Элал, правивший Валузией тысячу лет назад. Его нашли убитым в его же собственном Тронном зале, который теперь зовут Проклятым Залом. Ты разве не видел его статуи в Зале Славы?

— Кажется, припоминаю эту историю. Но клянусь богами, Кулл, это никакой не призрак. Скорее всего, это была еще одна тварь из жрецов Змея! А может и нет... Если тот король был убит змеелюдьми, то его душа попала к ним в рабство... Мудрецы всегда утверждали, что, если человек становится жертвой змеелюдей, его дух превращается в их раба.

От таких разговоров Кулл вздрогнул всем телом.

— Валка! Какая страшная судьба!.. Послушай. — Его пальцы сомкнулись железной хваткой на руке Брула. — Поклянись, что ты пронзишь мечом мое сердце,

если я буду смертельно ранен этими мерзкими чудовищами... Не хочу чтобы моя душа попала им в рабство.

— Клянусь,— спокойно ответил Брул.— А ты сделаешь то же самое для меня, Кулл?

— Да!

Они крепко пожали друг другу руки, молчаливо скрепляя эту клятву.

Глава четвертая МАСКИ СОРВАНЫ

Кулл замер на троне. Он задумчиво разглядывал обращенные к нему лица придворных. Один из них говорил что-то ровным, хорошо поставленным голосом, но король не слушал его. Возле трона стоял Ту, главный советник Кулла. Он ждал распоряжений своего господина. Каждый раз, бросая на него косой взгляд, Кулл незаметно вздрагивал. Все шло как обычно, казалось ничто не предвещает бури.

События минувшей ночи рисовались Куллу кошмарным сном. И чтобы отогнать эту иллюзию, Кулл то и дело бросал взгляд на подлокотник трона, о который опиралась смуглая мускулистая рука Брула. У пикта на запястье блестел колдовской браслет в форме дракона. Посланник Ка-ну стоял возле трона, и каждый раз, когда королю начинало казаться, что он спит, тихий шепот пикта возвращал его к реальности.

То, что случилось прошлой ночью, не было сном. Это было чудовищно, ужасно... Разглядывая придворных с высоты своего трона, Куллу казалось, что лица всех людей, собравшихся в зале,— иллюзия, нечто нереальное, обман зрения. Лица людей всегда казались атланту масками. Но прежде он заставлял себя мириться с ними, думая, что может разглядеть мелкие страсти, скрывающиеся под этими масками: тру-

сость, лезть и честолюбие. Теперь все подозрения Кулла приобрели мрачную окраску, зловещее значение. Теперь король знал, что ужас таился за этими масками. Обмениваясь любезностями с каким-нибудь аристократом или советником, Кулл был напряжен. Он боялся, что улыбающееся лицо собеседника может внезапно растаять, словно дым, обнажив змеиную морду.

Сколько змеечеловек сейчас собралось в зале? Кто из придворных скрывает свой истинный, ужасный лик под невинной человеческой личиной?

Валузия — его страна — оказалась обителью ужасов и кошмаров, королевством теней, где правили чудовищные твари. Эти истинные правители всегда оставались в тени и смеялись над жалким королем, восседающим на троне. Он оказался всего лишь марионеткой в их искусных руках.

И тенью стоял рядом с ним Брул Копьебой. Он не двигался, и только глаза горели на его окаменевшем лице. Уж он-то был настоящим! Кулл чувствовал, что его дружба с пиктом растет и крепнет. Королю казалось, что Брул испытывает по отношению к нему те же самые чувства, а не просто выполняет поручение своего господина.

«Что же реально в этой жизни? — думал Кулл, Честолюбие, власть, гордость? Дружба мужчины, любовь женщины? Битва, трофеи?... Что? Может, и я сам не настоящий Кулл? Настоящим, наверное, был тот, кто взбирался на горы Атлантиды, грабил далекие Острова Заката и смеялся над грохотом зеленых валов прибоя на берегах Атлантического моря? И таких, настоящих и ненастоящих, Куллов было великое множество. Жрецы Змея продвинулись лишь на шаг дальше меня, да и то при помощи магии... Все люди носят маски, и маски эти постоянно меняются».

Кулл дорого отдал бы за то, чтобы узнать — не таится ли под одной из его масок змея.

Король восседал на троне, пытаясь разобраться в этой путанице мыслей, странных для него — в глу-

бине души варвара и дикаря. Придворные подходили и удалялись, и вот наконец все обыденные вопросы были решены. Кулл с Брулом остались одни в зале, если конечно не считать клюющих носом стражников.

Кулл очень устал. Они с Брулом так и не сомкнули глаз всю ночь. А король к тому же не спал и позавчерашнюю ночь. Ведь он тогда был на пиру Ка-ну и впервые услышал о заговоре, который ему еще предстояло раскрыть. Минувшей ночью, после того как они вернулись в библиотеку из потайных ходов, ничего особенного не случилось. Но Кулл с Брулом не осмелились заснуть. Королю-варвару в дни дикой юности не раз приходилось проводить по несколько суток без сна, однако теперь его голова разламывалась от напряженных мыслей, нервы были на пределе. Куллу нужно было выспаться, но он знал, что не сможет заснуть.

Из всего того, что случилось прошлой ночью, больше всего короля потрясло то, что хоть они с Брулом неотрывно следили за стражниками у дверей, ожидая увидеть, когда же будет совершена обратная подмена, они так ничего и не заметили. Утром те, кто стоял на страже, смогли повторить магические слова Брула. И они не могли припомнить ничего необычного. Все воины считали, что простояли всю ночь на страже, никуда не отлучаясь. Кулл не стал им говорить о том, что большую часть ночи они словно мертвые лежали в потайном коридоре. Король верил, что все стражи были настоящими людьми, но Брул посоветовал сохранить все в полной тайне, и Кулл тоже решил, что так будет лучше...

Но вот Брул наклонился над тронном и заговорил, понизив голос так, что его никто не смог бы услышать:

— Скоро они снова попробуют нанести удар, Кулл. Ка-ну во время приема подал мне тайный знак. Жрецы знают, что тебе известно об их заговоре, но они

теряются в догадках, пытаюсь разобраться, что именно ты знаешь. Теперь мы должны быть готовы к самому худшему. Ка-ну и вожди пиктов будут поблизости, пока маски не будут сброшены. Если дело дойдет до драки, то улицы и дворцы столицы Валузии зальют реки крови!

Кулл мрачно усмехнулся. Он предпочел бы нападение пассивному ожиданию. Блуждание в лабиринте интриг и магии давно ему надоело. Кулл соскучился по звону мечей и радости битвы.

Неожиданно распахнулись двери, и в зал снова вошли Ту и остальные советники.

— Ваше Величество, пора созвать Совет. Мы явились, чтобы сопроводить вас в Зал Совета.

Кулл поднялся с трона. Советники преклонили колени, освободив королю проход, потом поднялись и последовали за ним. Они изумленно поглядывали на пикта, шагавшего рядом с королем, но никто не проронил ни слова. Брул скользил вызывающим взглядом по спокойным лицам придворных с наглостью истинного дикаря.

Они прошли по длинной анфиладе залов и оказались у дверей Зала Совета. Когда король вошел, советники по обычаю заперли дверь, и расположились согласно чинам перед возвышением, на котором стоял король. Брул, словно бронзовая статуя, застыл за спиной Кулла.

Король внимательно оглядел комнату. Он был уверен, что здесь ему не грозит измена. В зале присутствовали семнадцать советников, каждый из них поддерживал Кулла, когда атлант захватил трон.

— Люди Валузии...— начал было король и вдруг замер в недоумении.

Советники, встав как один человек, стали надвигаться на него со всех сторон. Их лица оставались совершенно равнодушными. Но такое поведение было неподобающим в Зале Совета. Кулл застыл. Королю показалось, что он очутился в кошмарном сне. Один

из советников был уже возле короля, когда Брул, словно леопард, метнулся вперед.

— *Кэй нэама каа ладжерама!* — Голос Брула разорвал зловещую тишину зала. Советник неожиданно отпрянул. Его рука нырнула в складки одежды, но Брул двигался стремительно, словно спущенная тетива. Убийца рухнул, напоровшись на сверкнувший меч пикта. Мгновение, и седой муж неподвижно распростерся на полу. Тотчас черты его лица расплылись, и голова человека превратилась в голову змеи.

— Руби их, Кулл! — закричал пикт. — Тут, кроме нас, нет ни одного человека!

И начался кошмар...

Кулл увидел, как знакомые лица растаяли, словно дымка, обнажив уродливые головы рептилий. Толпа советников рванулась вперед. Мысли короля смешались, но тело не подвело. Оно действовало само по себе.

Звон мечей наполнил зал. Вал нападающих разбился кровавыми брызгами. Но враги, на мгновение отхлынув, вновь бросились вперед, готовые умереть, лишь бы убить короля. Твари щелкали ужасными клыками... Сверкали холодные, нечеловеческие глаза. По залу поползла отвратительная вонь — запах змей. Кулл познакомился с ним, скитаясь в джунглях юга. Воздух со свистом рассекали клинки, но король не замечал легких ран — царапин. Он очутился в родной стихии в центре кровавой битвы. В мгновение ока превратился он в кровожадного берсерка. Никогда еще не приходилось ему сражаться с такими жуткими противниками, но все это не имело большого значения. Твари были живыми, хоть и колдовскими созданиями. В их жилах текла кровь. Их можно было убить... Они умирали, когда грозный меч Кулла разрубал их черепа или пронзал их тела...

Размахнуться, ударить, высвободить меч, замахать — снова...

Однако Кулл пал бы в этой схватке, если б не пикт, сражавшийся рядом с ним. Брул отражал предательские удары змеелюдей. Кулл сражался, как настоящий атлант, ищущий смерть в битве. Он даже не пытался избежать нацеленных в него ударов и рвался вперед с единственным желанием — убивать. Не так уж часто забывал Кулл искусство воина в приступе первобытной ярости, но сейчас словно какая-то плотина рухнула в его душе, заливая весь мир красной волной жажды уничтожения. Каждый удар Кулла поражал врага, но противников было слишком много. Раз за разом Брул, не заботясь о себе, отражал удары, которые могли стать смертельными. Он сражался рядом с атлантом, защищая спину короля, хладнокровно и умело убивая врагов. И если взбешенный Кулл рубил врагов широкими взмахами и мощными ударами меча, то Брул предпочитал прямые выпады, нанося излюбленный удар пиктов — снизу вверх.

То и дело перекрывая звон стали, по залу разносился громовой смех Кулла. Змеиные морды кружились вокруг него в алой дымке.

Король почувствовал, как сталь врагов впилась в плоть, и с размаха описал мечом сверкающую дугу, вспоров тело врага, словно пузо дохлой рыбы...

И тут туман развеялся, и король увидел, что они с Брулом стоят в одиночестве над грудой ужасных, залитых кровью тел, неподвижно распростертых на полу.

— Валка! Что за бойня! — пробормотал Брул, вытирая забрызганное кровью лицо. — Кулл, будь это воины, умеющие управляться со своим оружием, мы бы не вышли из этого зала. Но жрецы Змея ничего не смыслят в воинском искусстве. Их убивать легко, как младенцев... И все же, если бы их было чуть больше, думаю, нам пришлось бы скверно.

Кулл кивнул. Дикая ярость берсерка покинула короля, навалились усталость и боль. Кровь сочилась

из многочисленных ран на груди, плече, руках и ногах короля. Брул, которому тоже изрядно досталось в схватке, с беспокойством поглядел на повелителя Валузии.

— Послушай, Кулл, поторопимся. Пусть женщины перевяжут твои раны.

Кулл отстранил пикта.

— Нет. Осмотрим-ка все тут хорошенько, прежде чем уйти. Впрочем, ты иди, и пусть твои раны перевяжут... Это мой приказ!

Пикт мрачно улыбнулся.

— Твои раны опаснее моих, — возразил пикт и неожиданно вздрогнул. — Клянусь Валкой, Кулл. Это же не Зал Совета!

Кулл огляделся, и неожиданно его осенила догадка. Будто с глаз спала туманная пелена.

— Это тот зал, где тысячу лет назад убили Элала. С тех пор в него никто не входил. Его называют Проклятым.

— Выходит, твари все же провели нас! — вскричал Брул в ярости, пиная труп у своих ног. — Словно последних дураков нас заманили в ловушку. Своей магией они создали у нас иллюзию...

— Снова дьявольские штучки! — отозвался Кулл. — Если в Совете Валузии есть настоящие люди, они должны уже собраться в настоящем Зале Совета... Поспешим!

Оставив груды тел на полу, Кулл и пикт покинули зал. Они пробежали по пустынным анфиладам залов, пока не добрались до настоящего Зала Совета... И тут Кулл замер... Из Зала Совета доносился чей-то голос... Его собственный голос!

Дрожащей рукой раздвинул Кулл занавеси и заглянул в зал. Там сидели советники — двойники тех, кого они с Брулом только что убили, а на возвышении стоял Кулл, король Валузии.

Вытирая холодный пот со лба, атлант отступил и смятения.

— Безумие! — прошептал он. — Ведь это же я — король Кулл! Но я стою здесь! А может, настоящий тот Кулл, а я — всего лишь его тень?

Брул, тряхнул короля за плечо, попытался привести в себя.

— Во имя Валки, не будь дураком! Чему ты удивляешься после того, что мы уже увидели? Ты что, не понимаешь, что это настоящие люди, околдованные змеечеловеком, принявшим твой образ. Он оборотень, одевший твою личину. Ведь по замыслу заговорщиков ты уже мертв. Теперь чудовище стало бы править вместо тебя. А твои советники ни о чем и не подозревали бы... Тебе придется прикончить его самому, или мы пропали. Алые Стражи окружают его... Только ты можешь пробиться и убить оборотня. Скорей!

Взяв себя в руки, Кулл откинул голову и гордо распрямил плечи. Он глубоко вдохнул, как пловец перед прыжком в воду, и, сорвав занавеси, львиными прыжками бросился к возвышению. Брул был прав. Возле самозванца стояли Алые Стражи, и любой, кроме настоящего Кулла, был бы убит на месте раньше, чем смог бы дотянуться до змеечеловека. Но вид окровавленного атланта, как две капли воды похожего на короля, сбил воинов с толку. На мгновение они остолбенели... Этого оказалось достаточно. Самозванец схватился за меч, но не успели его пальцы сомкнуться на рукояти, как клинок Кулла пронзил ему грудь. Тварь, исполнявшая роль короля, рухнула на пол.

— Стойте! — Кулл поднял руку и его громовой голос заставил всех остановиться в замешательстве. Пока все стояли остолбенев, Кулл указал на тварь, лежавшую у его ног. В тот же миг черты лица самозванца расплылись и теперь на возвышении лежало существо с телом человека и головой змеи. Все отпрянули. Тут в зал следом за Куллом вошел Брул, а через другую дверь вошел Ка-ну. Пикты по очереди пожалы окровавленную руку короля.

— Люди Валузии! — воскликнул Ка-ну. — Вы своими глазами видели, что тут случилось... Вот настоящий Кулл, могущественнейший из королей, когда-либо повелевавший этой страной. Власть Змея рухнула. Маски сброшены! Скоро мы окончательно освободимся от мерзких тварей. Теперь слово за тобой, Кулл!

— Подберите эту падаль, — приказал Кулл. Стражники подняли труп. — А теперь следуйте за мной, — продолжал король. Он повел всех советников в Проклятый Зал. Брул, волнуясь о здоровье Кулла, попытался помочь королю, но Кулл отвел руку пикта...

Кулл истекал кровью. Прогулка по дворцу показала ему бесконечной, но наконец он добрался до нужной двери и рассмеялся сурово и мрачно, услышав восклицания ужаса, вырвавшиеся у советников.

По его приказу стражники бросили свою ношу на грудь мертвых змеелюдей. А потом король жестом приказал всем покинуть Проклятый Зал. Он вышел последним и закрыл за собой дверь.

Волна головокружения накатила на Кулла. Бледные, пораженные ужасом советники устали на него. Король чувствовал, как кровь из ран стекает по телу, но знал, что должен завершить то, что задумал... Или он проиграет.

Резким движением выхватил Кулл меч из ножен.

— Брул, где ты?

— Я здесь!

Лицо пикта выглянуло из кровавого тумана, потихоньку затягивающего весь мир. Куллу казалось, что голос пикта доносится из далека.

— Помни о нашей клятве, Брул... А теперь — прикажи всем отойти.

Левой рукой Кулл отстранил толпившихся рядом с ним советников и из последних сил размахнулся мечом. Клинок пробил дверь, пригвоздив ее к косяку и намертво запечатал вход. Король замер, широко расставив ноги. Он качался, словно пьяный, глядя на испуганных советников.

— Пусть этот зал отныне будет проклят дважды. Пусть эти гниющие останки лежат там во веки веков как знак того, что люди вновь освободились от власти Змей... Я клянусь, что буду преследовать змеелюдей по всей земле, от моря до моря, пока последний из них не будет уничтожен и во всем мире не восторжествуют королевства людей, пусть колдовские создания останутся в прошлом... Я клянусь вам в этом! Я, Кулл,— король... Валузии...

Тут колени короля подогнулись. Лица советников закружились у него перед глазами. Брул бросился к королю, но не успел подхватить его. Кулл соскользнул на пол, потеряв сознание.

Советники столпились над телом своего господина, стеная и причитая. Ка-ну, отчаянно ругаясь, разогнал их, действуя больше кулаками, чем словами.

— Назад, глупцы! Вы что, хотите его прикончить?.. Скажи, Брул, мертв он или будет жить?

— Мертв? — ухмыльнулся Брул. — Такого, как он, не так-то легко убить... Бессонница и большая потеря крови ослабили его. Клянусь Валкой! Кулл получил десятков глубоких ран, но ни одна из них не смертельна... Пусть эти дураки позовут женщин, чтобы перевязать короля. Валка! Разве я мог подумать, Ка-ну, что в наше время карликов и уродов мне доведется встретить такого человека?.. Несколько дней — и раны его затянутся, а уж тогда пусть дрожат все змеи в мире... Вот это будет охота! А потом наступят долгие годы мира...

КРОВАВЫЙ СОН

Однажды царь Кулл пришел к мудрецу и спросил:

— Что есть сон?

— Все,— ответил мудрец.

— А что же тогда явь? — удивился Кулл.

— Это сон.

— А смерть?

— Тоже сон.

— Тогда что же такое жизнь?

— Это сон, в котором тебе снится, что есть сон и явь.

Из устных преданий о царе Кулле

“**С**пи, великий король, закрой усталые глаза, опусти тяжелые веки. Приди в объятия лучшей из любовниц, преданнейшей из жен, могущественнейшей из колдуний. Ибо ни одно смертное, да и бессмертное существо не устоит перед чарами царицы ночи. Спи, и сладким запахом гниения наполнят твою душу дворцы Валузии, ледяным дыханием бесчисленных столетий успокоят они жар твоей крови».

Сад под окнами дворца жил своей загадочной ночной жизнью и в струящемся свете луны, казалось, постоянно менял очертания, превращаясь то в каменистые пустоши Юга, то в болотистые чащобы Запада. Легкий ветерок лениво перебирал упругие листья в кронах неведомых деревьев. Фонтаны притворились ручьями, стремительно несущими холодные воды на-

встречу стеклянным волнам свинцового моря. И ночные птицы переговаривались словно над зелеными холмами и галечными пляжами Атлантиды — мира, более знакомого Куллу, чем эта изнеженная земля с ее странным народом.

В звуках внезапно одичавшего и безмерно разросшегося сада чуткое ухо охотника невольно выискивало поступь мягких могучих лап крадущегося за добычей властелина сумерек — тигра.

Лунный свет, неестественно яркий и призрачный одновременно, порождал такие плотные тени, что в глубине зарослей чудились существа, чей мир давно стигнул с лица земли и чьим последним прибежищем оставалась ночная тьма или забытые подземелья.

Все шевелилось, бормотало, жаловалось, словно торопилось поведать случайному слушателю тайное знание, которым нельзя поделиться днем...

Порывом ветра ночь дохнула в комнату. Неожиданно ожившие занавеси присоединились к беседе за окном. Факел, укрепленный в кованом держателе на стене, замерцал и уронил уголек в кубок с вином. Казалось, все пришло в движение, заметалось, запылало по стенам.

Огромная неподвижная фигура шевельнулась, серые глаза тускло блеснули. Проклятие, Кулл страдал от бессонницы, словно придворные неженки-валузийцы. Что за неясная тревога охватывала его по ночам, не давая заснуть? Могучие пальцы короля механически поглаживали таинственные резные узоры на черных — эбенового дерева — столбиках балдахина кровати. Странно, но ни раньше, ни сейчас Кулл не стремился к подобной роскоши... Что за колдовская сила заключена в этих кусочках дерева? Зачем — о, Валка и Хотат! — он притащил сюда эти трофеи: они выпивают его душу, они возвращают его на темные улицы странного города, который он так хотел бы забыть...

Откинув покрывало, Кулл лег и — который раз за ночь — закрыл глаза, надеясь, что сон, наконец, смилостивится и придет.

...Алая когорта мчалась по узким улицам затаившегося города. Станный город, и странным был путь сюда...

Долгие дни, высекая серебряными подковами искры из древних камней, они уходили все дальше от приветливых лесов и полей Валузии, от надоевших государственных дел, сплетен и пересудов обленившихся придворных, от тягостных обычаев чуждой страны... от скуки. Топот копыт ласкал слух, он предвкушал музыку боя, кровь и богатую добычу.

Его любимые воины — всадники Алой Стражи — были передовым отрядом войска. Тяжело вооруженные пехотинцы следовали за ними — солнце играло на их широких щитах, воздух пронзали длинные копья. Лучники обрамляли колонну пехоты, они шагали, закинув за плечи изогнутые луки, готовые в любой момент спустить натянутой тетивой боевую стрелу. С тыла колонну прикрывали разнообразные отряды наемников — пестрый, многоликий, ненадежный народ, однако лучший в воинском деле, особенно для внезапных набегов.

В кончиках пальцев Кулла осталось воспоминание о древнем папирусе. Раб прочитал по старинным, уже забытым знакам таинственную повесть о городе, похороненном в самом сердце пустыни. Древний народ построил его в незапамятные времена, за тысячи лет собрав богатства и знания множества поколений. Дворцы его славилась роскошью, женщины — красотой, ювелиры — искусством, но ни один завоеватель никогда не ступал на плиты его площадей. Тайна этого города манила и требовала разгадки.

Казалось, все предвещало удачный поход. Но постепенно радость покинула сердце Кулла: мохнатые звезды на черном небе соперничали в яркости с солнцем, не опускавшимся за горизонт, белый песок заме-

тал дорожные плиты. Сухо и пусто — только тягостная тишина, которую нарушало лишь пение ветра.

И вот когда, казалось, лопнут натянутые нервы, из песка поднялся сверкающий мираж: крепостные стены рассыпались мириадами солнечных зайчиков, шпили из горного хрусталя пылающими факелами впились в беззащитное небо.

Кулл придержал коня — его смутили распахнутые ворота — но все же, помедлив, отдал приказ, и Алая Стража рванулась вперед.

Узкие кривые улицы отходили друг от друга под немислимыми углами, то скатываясь вниз, то взбираясь на невероятную кручу, подобно ловчей сети безумного паука. Угрюмые дома, с украшениями из черного обсидиана и агатов, с мраморными лестницами и черными тенями внутри порталов, безмолвно взирали на незваных гостей.

Здесь было еще неуютней и страшней, чем снаружи. Но воины Кулла повидали немало и лишь плотнее сомкнули ряды, опасаясь нападения из засады. Беспрепятственно миновав еще несколько перекрестков, Кулл остановил отряд и, осмотревшись, приказал воинам обследовать ближайшие здания.

Он сам и десяток наемников вошли в густую тень маленького дворика. Прохладная лестница привела их в просторный зал, служивший обитателям дома, скорее всего, трапезной: на накрытых столах исходили паром аппетитные на вид яства, в кубках алело вино. Судя по всему, обед был в самом разгаре, о чем свидетельствовали обглоданные кости и винные пятна на полу. Шелковые занавеси надежно защищали от слепящего света дня. В огромной вазе нежно благоухали только что срезанные цветы.

— Клянусь Валкой! — Кулл потерял дар речи.

Воины обыскали весь дом от крыши и до подвала. Никого. И так было везде: в спальнях помятые покрывала, в мастерских — неоконченная работа, в печах — огонь... Нет только людей...

— Они удрали, жалкие трусы! — презрительно бросил Брул Копьебой.— Ну, если они не дали нам потешиться битвой, то уж награду-то за свою победу мы получим сполна!

Алчно загорелись глаза наемников: украшения, зеркала, золотая утварь, драгоценная мебель... — и так в каждом доме. Кулл свысока смотрел на возню потерявших достоинство воинов, пока случайно не наткнулся на странно обставленную комнату. Ее середину занимала огромная кровать с балдахином, а вдоль стен стояли резные сундуки. Красота резьбы и невероятное изящество форм настолько ошеломили его, что он приказал немедленно присоединить все это к прочим трофеям.

«Интересно, кому принадлежал этот дом? Или — принадлежит? И что, хотелось бы знать, скажет хозяин, когда вернется? А кстати, где они все прячутся? Вокруг пустыня...» — размышлял король, неторопливо шагая по отшлифованным до зеркального блеска плитам мостовой. Задумавшись на мгновение, он окликнул Брула и решительно шагнул в открытую дверь ближайшего дома.

Их встретила тишина. Но не угрюмое безмолвие заброшенного склепа, а просто сонное молчание уютного семейного счастья. Завоеватели переходили из комнаты в комнату и находили все те же свидетельства остановленной мгновение назад бурной жизни. Остановленной?..

Но если прислушаться, если встать совсем тихо и подождать, то рядом начинали звучать чьи-то голоса. Горожане ссорились, смеялись, пели. Лаяли собаки, мяукали кошки, плакали дети. А затаившись в непроницаемой тени, можно было увидеть, как невидимые руки переставляют бокалы или поправляют драпировку. Привидения? Город мертвых...

Это было похоже на сумасшествие: за каждым их шагом наблюдали тысячи невидимых глаз, их обсуждали тысячи непонятных голосов. Брул Копье-

бой, верный пикт, ходил за царем по пятам, выискивая безумными покрасневшими глазами возможного противника. И вот, словно почуяв добычу, словно заметив неуловимое движение, он выхватил меч и рубанул воздух. О, ужас! — окровавленное тело прекрасной девушки рухнуло к его ногам... Обезумев от ярости и страха, он закружился по комнате, неистово размахивая мечом. И каждый удар его находил новую жертву. Кулл с содроганием смотрел на кровавую жатву.

Казалось, воздух в комнате сгустился и зашептал что-то невнятное и угрожающее. Меч пикта увяз будто в патоке — король рванулся к Брулу, но, чувствуя удушье, взревел, как раненый тигр. Его голос потонул в грохоте чудовищной невидимой волны. Она подхватила людские тела, как жалкие щепки, и все набирая мощь, подобно стремительной реке, поволокла их, швыряя из стороны в сторону, к провалу ворот — в белые пески пустыни...

...Захлебнувшись собственным криком, Кулл открыл глаза. Горло саднило. Он потянулся к кубку и глотнул вина. словно наяву, он видел захлопнувшиеся ворота — бесконечно черные, в отвратительных разводах запекшейся крови. О боги, как мчались они тогда прочь! Пыльные бури шли по пятам, солнце сжигало плоть. Воины бросали повозки и теряли людей...

Многие валузийцы из его войска потом избавились от трофеев: они рассказывали, что по ночам к ним приходят призраки из пустынного города и манят их вернуться. К королю никто не явился, так же как и к наемникам-варварам. Забавно! Хрупкая магия Древних могла короля напугать, но, похоже, не могла ему повредить.

Печалило Кулла другое. Потеряв столько времени и людей, он так и не раскрыл секрет таинственного города, он даже не убедился в истинности слов старинного папируса.

Отпив еще вина король вдруг почувствовал странную слабость: язык отказывался повиноваться, руки онемели, и неприятный холод побежал вниз по позвоночнику. Отрава! Последним движением Кулл швырнул кубок, и тот покатился по полу, оставляя за собой кровавый след в форме полумесяца. Кулл повалился навзничь, глаза его закрылись, все поглотила тьма...

Мгла постепенно рассеивалась, в тумане начали проступать очертания знакомых предметов. Правда, пропорции казались странно искажены — король вновь увидел свою спальню, но только так, как если бы находился под потолком возле двери. Свет факела, необъяснимо размытый, терялся в глубине комнаты. Из сада же проникали лучи столь яркие, что казалось, они могли поджечь деревянную мебель. Виноградные лозы, выющиеся по стенам, с любопытством охотящихся змей заглядывали в окно.

С ужасом Кулл понял, что видит собственное тело, распростертое на постели... И пятна ядовитого вина на полу. Грязное колдовство! Но нет, он не умер — хриплое дыхание вырывалось из полуоткрытого рта, грудь тяжело вздымалась, пальцы судорожно сжались в кулаки. Он, Кулл, правитель Валузии, утопит в крови проклятый заговор, он сам отыщет и уничтожит... Только — кто же он сам? Кулл, мальчик с Атлантиды, жалкий раб на галере, удачливый пират с Западных островов, завоеватель Валузии или вот этот, монарх лежащий там, внизу, как растоптанная жаба? Нет, все они собраны в нем, он — единственный и бессмертный, он — Кулл!

Ветер донес до короля острый запах опасности, и он, предполагая выследить неведомого отравителя, силой своего желания мгновенно перенесся в незнакомый сводчатый зал.

Под каменными сводами звучали слова:

— Итак, Кулл повержен. Вы можете выполнить ваше предназначение.

Чей-то голос с грубыми интонациями возразил:

— Мы знаем тебя, колдун, и верим тебе, насколько можно верить магу и колдуну. Но как ты докажешь, что этот миг настал?

Ужасный звук разорвал гулкую тишину зала — колдун смеялся.

— Я вижу его! Он здесь!

— Он здесь... — в испуге зашевелились, зашептали придворные, забряцало оружие, заплясали по стенам чудовищные тени.

— Не бойтесь, глупые черви! Великий Кулл — такая же игрушка в руках судьбы, как и вы. Он лежит в своей спальне, словно жертвенное животное, недвижимый и безмолвный. Идите и прикончите его, и вашей наградой станет жалкая золотая пыль короны короля Валузии. Вы обратились ко мне за помощью — но не забудьте об оплате!

Свет факелов на стенах озарял группу людей, окружавших тощее существо — получеловека, полутруп. Тулса Обреченный!

«Так вот чье зелье попало в мой кубок!»

Чудовищные видения помчались перед глазами Кулла: разверзалась земля, и огненная лава хлестала из трещин, огромные деревья пылали, как факелы, море вскипало — пена и пар вздымались к небесам. Грязевые потоки затопляли долины, покрывая их толстым слоем серой массы, как коростой. Неведомые существа, мерзкие и громадные, в бессильной злобе разевая зубастые пасти, корчились и умирали. Среди всего этого хаоса стоял человек и смеялся от радости. Он был юн, красив и счастлив, но взгляд его огненных глаз сметал в бездонную пропасть целые народы. Тулса Обреченный — воплощенное зло, соратник великого Змея, творец безмолвного ужаса и страданий.

Кулл с содроганием понял, о какой оплате говорил колдун, — кровь! Его кровь. В темноте подземелья, под заклинания, слова которых не может произнести ни один человеческий язык, он устроит магический

ритуал. И Кулл, атлант, варвар, король Валузии, будет ввергнут в вечное рабство.

Перед мысленным взором Кулла распахнула жадную пасть бездна: он казался себе беспомощнее червяка перед ревущим ураганом.

Но все-таки кое-что король еще мог сделать. Он стал внимательно приглядываться к заговорщикам. Их было пятнадцать, они толпились в тени и переговаривались вполголоса. Но вот один, видимо предводитель, выступил вперед, и блики от факелов заплясали на броне Алой Стражи. Воин взмахнул рукой и подал шепотом какую-то команду. Повинуясь приказу, люди поодиночке стали выходить из тени и скрываться в проеме, который открыл перед ними колдун. И доспехи на каждом из них были алого цвета.

Своих телохранителей — Алых Стражей — король знал в лицо. Он помнил их манеру двигаться, их походку, их стать, особенности вооружения. Он мог бы узнать их даже в темноте — по голосам, в бою — по ударам меча. Он знал их, как отец знает своих сыновей. И теперь пристально вглядывался он в спины этих негодяев. Предатели!

Но нет, ни одного известного ему воина не увидел Кулл в веренице теней. Заговорщики толкались и шикали, бормотали вполголоса какие-то ругательства, неловко цеплялись мечами за выступы стен, но это были чужие голоса, нелепые манеры. Что-то знакомое почудилось ему — крючковатый нос одного, срезанный подбородок другого... Члены Совета? Изгнанники? Или наемники? Так или иначе, но они шли убивать, шли тайными коридорами, подгоняемые мечтой о власти и ненавистью к нему — завоевателю.

Конечно, только проклятый Тулса Обреченный знает все хитросплетения переходов и туннелей, проложенных еще первыми строителями дворца. С тех пор минули века, тысячи правителей канули в прошлое, оставив потомкам лишь свое изображение в Зале Статуй. Тайна лабиринтов переходила к очередному царю вме-

сте с короной. Впрочем, этот обычай был нарушен достаточно давно — когда первый удачливый завоеватель вступил на землю Валузии. По крайней мере Кулл — последний владелец Топазового трона — не имел ни малейшего представления о схеме переходов и не мог даже предположить, из какого закоулка появятся заговорщики.

Как хорошо продуман их план! Любой раб, или слуга, или воин, увидев такой отряд, даже не заподозрит злого умысла: решит, что идет смена караула, или король отправил телохранителей по только ему ведомому делу.

Кулл решил было проследить за отрядом, надеясь привлечь к ним внимание в каком-либо людном месте, но неожиданно чудовищная тяжесть придавила его к земле. Взвыл ветер, перед глазами стремительным калейдоскопом замелькали тысячи лиц: придворные, воины, нищие на улицах, купцы с кораблей — живые и мертвые — и всю эту круговерть заслонял чудовищный череп с горящими глазами.

Король, весь во власти кошмарного сна, метался на кровати. Он хотел и не мог проснуться, оторвать голову от подушки, схватить кинжал. Там, по тайным коридорам, сюда — в спальный покой — бряцая оружием и сверкая броней, шла смерть. Бессильными пальцами снова и снова он пытался нащупать рукоятку меча, но случайно наткнулся на столбик балдахина. И, о чудо! Пальцы обрели былую гибкость и мощь. Вслепую Кулл подтянулся к краю кровати и, придерживаясь за резную поверхность, встал на ноги. Взяв с сундука меч, он прислонился к стене возле окна — инстинкт воина заставил его выбрать именно эту позицию: отсюда отлично просматривалось все помещение и единственная дверь, ведущая в коридор.

Обрывки сновидений вновь хлынули на него: костлявые пальцы тянулись к нему из-за занавесей, стены угрожающе нависали над его головой. Внезапно

сдвинулась плита, прикрывающая потайной ход, и убийцы гурьбой кинулись к кровати. Свет факела блеснул на алой броне.

«Совсем как в моем сне». И Кулл, не дожидаясь атаки, взмахнул мечом. Удар достиг цели, и один из заговорщиков повалился на пол с разрубленным шлемом.

Остальные, оправившись от неожиданности, образовали широкий полукруг, не давая жертве вырваться в коридор за подмогой. Подбадривая друг друга воинственными криками, они, впрочем, не торопились проверить на себе мощь разящего меча атланта и пытались достать его длинными выпадами.

Взревев как раненый зверь, Кулл воспользовался замешательством и, схватив меч двумя руками, обрушился на противника, как стальной ураган. Он наносил удары и справа и слева, стараясь не подпустить убийц на опасно близкое расстояние. Конечно, шансы были не равны: он был без доспехов — и один. Нападавшие лезли со всех сторон, неловко тыкая мечами и мешая друг другу, но их количество с лихвой перекрывало недостаток ратного опыта. Куллу оставалось только надеяться на свой меч да на то, что шум боя привлечет какого-нибудь часового. В любом случае король готовился дорого продать свою жизнь.

Резкие свистящие удары широкого меча всякий раз достигали цели — кто-то лишался оружия, а кто-то — и жизни. Но и сам король получил множество ранений, стараясь в основном прикрывать голову в этом хаосе взбесившейся стали.

Ряды нападающих заметно поредели. В живых остались самые умелые и опасные — теперь толчея не мешала им, и Куллу становилось все трудней отбиваться от опьяненной кровью стаи.

Громадный и ловкий воин, управляющийся с боевым топором так, как будто он с ним родился, отвлек внимание атланта на мгновение дольше, чем это можно было допустить, и тут же Кулл почув-

ствовал резкую боль в боку — чей-то кинжал вонзился в его плоть. С удвоенной от боли яростью, король направил свой меч по дуге вниз, разрубив ловкача почти пополам.

Пол стал липким от крови, ноги скользили по каменным плитам, не давая надежной опоры телу. Скорее всего именно поэтому Кулл пропустил прямой удар в грудь и лишь в последнее мгновение успел слегка отклониться. Красные круги поплыли перед глазами, правая рука повисла плетью. Атлант чуть присел и, перехватив меч здоровой рукой, коротким выпадом снизу вверх всадил его в горло обидчика. С предсмертным хрипом тот повалился на Кулла, чуть не сбив его с ног. И в этот момент чудовищный удар боевого топора обрушился на его спину.

Истекая кровью, атлант рухнул на трупы поверженных врагов. Оставшиеся в живых негодяи с воплями бросились на него, словно стая голодных шакалов. Конвульсивным движением король перевернулся на спину, его тело выгнулось в нечеловеческом усилии приподняться — и тут же чей-то кинжал пронзил его сердце.

...Вокруг мертвеца стояли уцелевшие заговорщики, сбросив шлемы и отирая с лиц кровь и пот.

— А он был могучим воином и, кстати, не таким уж плохим правителем. Жаль, что нам не нашлось места среди его сторонников. К счастью, теперь ошибка исправлена... Собирайте оружие, трупы, да зовите этого ублюдка. Если ему так нужна кровь, пусть подлижет то, что осталось.

Широко открытые мертвые глаза Кулла навеки запечатали лица убийц. Когда-нибудь в этом или другом мире, но он непременно отыщет их и уничтожит!..

Король застонал и открыл глаза. Тяжелые удары сердца неопровержимо свидетельствовали — он жив. Какой яркий сон. Предостережение? Бывают вещи

сны. По крайней мере, именно такой сон привел его в Валузию.

Кулл шевельнулся и поморщился от боли. Повернув голову, осмотрел саднящее плечо, взмахнул правой рукой — никаких ран! Но отчего же все тело ломит — и именно в тех местах, куда вонзилась вражеская сталь там, во сне. Тревога снова нахлынула на него.

Атлант обвел глазами помещение. Мир и покой царили вокруг. Лунный свет вместе с ночной прохладой струился в комнату, успокаивая и лаская. И все равно надо быть настороже — не каждый день тебя убивают, хоть и во сне. Мысль о колдуне заставляла содрогаться все его существо. Где-то здесь, за стеной, зреет измена. Каждый нерв кричал об этом.

Король поднялся с постели и стал мерить комнату легкими пружинящими шагами хищника, припоминая подробности видений этой ночи, и вдруг поймал себя на том, что старательно обходит след от пролитого во сне вина. Проклятые заговорщики, он был освободителем Валузии — и все приветствовали его, он стал королем — и его возненавидели. Неблагодарные твари. Скоро они нанесут удар.

Кулл осмотрел стену, из которой — в его сне — появились убийцы. Он знал, что где-то здесь скрыт выход в тайный коридор. Весь дворец был пронизан ходами, как трухлявый пенёк, и, при желании, любая тварь могла проникнуть куда угодно. Хотя, конечно, найдется сотня других способов расправиться с благородным атлантом.

Послышался слабый стук в дверь.

Кулл схватился за меч и хрипло спросил:

— Какого черта?

Вошедший стражник отвесил почтительный поклон.

— Ваше Величество, прибыл гонец с восточной границы — там неспокойно. Собрался Совет. Тебя нижайше просят почтить его своим присутствием.

— В эту пору? Хорошо, обожди за дверью.

Как все странно складывается: Кулл только что видел сон о заговоре и думал о нем, и вдруг неожиданно собирается Совет! Может быть, настал час по квитаться с теми, кто посеял в его душе семена подозрительности и страха. Вероятно, они боятся сунуться сюда — проведали, что король предупрежден об опасности, и не рискнут напасть на волка в его собственном логове. Вспомнив с невероятной отчетливостью приснившуюся схватку, Кулл ухмыльнулся и потянулся за доспехами — там, во сне, они не мешали бы ему. Вложив в ножны меч и заткнув за пояс кинжал, он решительно шагнул за порог.

Угрюмые коридоры освещались тускло горящими факелами. Кулл внимательно оглядывал все темные закоулки, смутно ожидая нападения. В колеблющемся свете люди превращались в неясные тени, а призраки вполне могли бы сойти за людей. Замершие, как изваяния, Алые Стражи своей неподвижностью только усиливали тревогу атланта.

Король миновал библиотеку — за тяжелыми занавесями ему померещилось какое-то движение, пересек Тронный зал и по длинной анфиладе комнат прошел к залу Совета. Кулл остановился в дверном проеме и окинул помещение взглядом. Все лица повернулись в его сторону. Советники поднялись и склонились в почтительном поклоне. Все было как обычно, исключая неурочный час. Как всегда, дверь надежно заперли изнутри, король подал знак садиться и прошел на свое место на возвышении.

— Валузийцы, что заставило вас потревожить короля глухой ночью? — грозно спросил он и, бросив привычный взгляд налево, с запоздалым сожалением подумал: «Глупец, я не взял с собой Брула. Их семнадцать... Кого же из них я видел сегодня с колдуном?»

— Ваше Величество, — заговорил первый советник — угрюмый старик, с покрасневшими от бессонницы глазами, — на восточной границе неспокойно. Орды ко-

чевьиков вторглись в пределы империи, разметав наши сторожевые посты. Их предводитель, могучий воин и страшный колдун, по описанию — лемуриец, прислал тебе оскорбительное письмо...

«Значит, война, — подумал Кулл. — Ну, что ж. Это прекрасно — войска застоялись и обленились, утратив былую стремительность и силу. Оружие ржавеет без употребления. Вдыхать полной грудью пьянящий воздух битвы, скакать на горячем коне по неведомым землям и даже страдать от полученных ран — все лучше, чем гоняться за призраками в древнем дворце».

Беспокойство не покидало короля. Старик все бормотал, читая вражеское послание... И дрема медленно навалилась на Кулла. Услышав возбужденные голоса, он приоткрыл глаза и с изумлением увидел, как неузнаваемо исказились лица советников в ставшем вдруг зеленоватым освещении сводчатого зала.

Он почувствовал что-то неладное и вспомнил, что иногда — после тяжелого потрясения — люди погружаются в состояние зыбкого безумия: они действуют и говорят, подчиняясь лишь своим грезам. Кулл попытался стряхнуть морок, вырваться из сновидения, и это ему почти удалось: ему приснилось, что он проснулся.

Чтение письма меж тем закончилось, возникла пауза, и король, вскинув голову, увидел, что все пристально смотрят на него. «Я должен разозлиться и заорать? — подумал он. — Неужели мои любезные подданные ждут именно этого?»

— Ваше Величество, оглянитесь, кто стоит за вашей спиной! — с испугом вскрикнул кто-то.

Все прежние подозрения нахлынули на Кулла.

«Они хотят, чтобы я повернулся к ним спиной! Чтобы я не увидел их ликующих лиц и оружия, которое они прячут в своей одежде!» И краем глаза Кулл взглянул через плечо — никого, как и предполагалось.

Советники между тем начали подниматься с мест, возбужденно переговариваясь и указывая то в один конец зала, то в другой. Но большинство с недоумением и ужасом уставилось на короля. Кулл сделал шаг вперед и обвел собравшихся взглядом, полным ярости.

— Клянусь Валкой, вы не выйдете отсюда живыми, если не скажете, что у вас на уме! — прорычал он, сжимая рукоятку меча.

Но негодяи уже выхватывали мечи, и, в лязге и шуме, Кулл расслышал только один голос:

— Измена! Под видом короля нами правит колдун!

Атлант отшатнулся и тут же увидел прямо перед собой скалящийся череп с пылающими глазами: вместо главного советника перед ним стоял Тулса Обреченный.

— Ах, вот как! Ловушка! Ну погоди же, змеиное отродье! Напрасно ты считаешь себя неуязвимым. Ты так же смертен, как и все мы! И, клянусь всеми богами, здесь и сейчас я уничтожу тебя! — С этими словами Кулл вытащил меч, поднял его над головой и ринулся вперед. Разрубленное тело старика рухнуло к его ногам, заливая мраморные плиты кровью.

Недоумевая — кровь колдуна высохла много столетий назад! — король опустил клинок и тут же получил удар по плечнику. Он резко развернулся к нападавшему и за его спиной заметил все тот же оскаленный череп.

— Не уйдешь! — проревел Кулл и направил острие прямо в горящие глаза, а в ответ услышал дьявольский хохот.

Ярость застала красной пеленой глаза атланта, он пригнулся и принялся крушить мечом все вокруг, широко и размахисто. Получая и нанося удары, он с удовлетворением слышал чавкающий звук входящего в плоть клинка, понимая в то же время, что оборотень опять ускользнул от него.

Как обезумевший от запаха крови тигр, Кулл метался по залу, почти не встречая сопротивления и видя перед собой только чудовищный лик. Споткнувшись о чей-то труп, он на мгновение остановился и перевел дыхание, со свистом втягивая в себя воздух. Легкий ветерок коснулся его разгоряченной щеки, он поднял голову и увидел, что дверь зала распахнута. Насмешливый голос, подобный завыванию ветра над зимними холмами Атлантиды, окликнул его:

— Я здесь, правитель Валузии! Кажется, ты хотел покататься со мной? Что же медлишь?

Кулл кинулся на зов. В соседних залах было темно, не горел ни один факел, словно дыхание колдуна погасило их. Только где-то под сводами гремело эхо шагов, заставляя Кулла оглядываться в поисках невидимого врага. В дальнем конце анфилады на миг сверкнули пылающие глазницы, и король бросился следом.

«Как странно, что нигде не видно стражников, — подумал он, минуя Тронный зал. — Я вынужден гоняться за этим чудовищем в одиночку. Но, клянусь богами, я устал». В изнеможении Кулл прислонился к стене и опустил тяжелые веки, наслаждаясь мгновением покоя. И провалился в черную бездну.

...Он открыл глаза и с удивлением обнаружил мирно потрескивающий факел на противоположной стене. «Интересно все-таки, где это я — в доспехах, с мечом?» Атлант осторожно заглянул за угол и понял, что стоит возле дверей собственной спальни, в коридоре — на обычных местах — застыли воины в алых доспехах. Спокойствие и тишина.

Он бесшумно отворил дверь спальни и со вздохом облегчения вошел внутрь. Усталыми руками он развязал и стащил доспехи, бросил меч на сундук. Страдая от жажды, Кулл взял со стола кубок с вином, с наслаждением отпил из него и замедленным движением поставил на прежнее место. Смутное воспоминание об упавшем кубке и пролитом вине коснулось

его сознания, но, не в силах сосредоточиться, Кулл отмахнулся от него и, повалившись на кровать, мгновенно заснул.

Когда он открыл глаза, солнечные лучи заливали комнату. Кулл приподнялся и сел на постели, чувствуя, что совсем не отдохнул. Он встряхнул головой, прогоняя остатки сна, и вспомнил о ночных кошмарах, донимавших его до самого утра. Возбужденный мозг услужливо подсовывал ему картины недавних сновидений.

«О, боги, пожалуй лучше бы я не ложился. Эти проклятые дворцы со своими замшелыми тайнами и фамильными призраками, эти бесчисленные радетели за свободу собственного народа, эти бессмысленные государственные дела сведут меня с ума! Я вижу вещицы сны, мне повсюду мерещатся убийцы».

Он машинально погладил столбик кровати, привычно ощутив затейливую вязь деревянных узоров.

«Черт бы побрал этого колдуна! Он так долго существует на земле, так поднатерел в своем ремесле, что может, вероятно, и по-настоящему погубить человека, ворвавшись в его сон. А вдруг все дело в этом? — И Кулл похлопал рукой по эбеновому дереву кровати. — Мне кажется, что до того злополучного похода у меня не было ни бессонниц, ни кошмаров».

Внезапно что-то привлекло его внимание: грязные, помятые, окровавленные доспехи кучей валялись на полу. Что бы это значило? Кулл поднял со стола кубок, заглянул в него — там оставалось еще немного вина — и выпил остатки. На язык попал уголек. Король выплюнул его, тщетно пытаясь поймать какую-то ускользающую мысль.

Стук в дверь прервал его размышления.

— Брул? Входи.

Дверь распахнулась, и на пороге появился коренастый темноволосый воин-пикт.

— Плохие новости?

— Да, владыка Кулл. В палате Совета ночью была кровавая бойня, все убиты... Страшно смотреть на это, клянусь Валкой!

Кулл окаменел. Серые холодные глаза сверкнули из-под нахмуренных бровей, и он коротко бросил:

— Пойдем — покажешь.

Сердце короля сдавила неясная тяжесть, какой-то отзвук вины или раскаяния коснулся души. Сны?..

Король и его верный телохранитель в считанные минуты достигли зала Совета. Возле закрытых дверей стояла стража. При виде Кулла воины расступились. Король остановился в дверном проеме, словно пораженный громом: изуродованные тела советников в торжественных белых одеждах лежали в громадной кровавой луже, обломки легких парадных мечей валялись среди убитых. Их открытые в безмолвном крике рты, их остановившиеся глаза взывали о мщении.

«Совет в полном составе. Лучшие умы королевства. Преданнейшие люди... Они всегда поддерживали меня... и защищали. Кто это сделал?» И Кулл, правитель Валузии, бесстрашный воин и гордый властелин, бессильно оперся о притолоку двери — он знал кто. Он все вспомнил...

ПОДАРОК

Во дворце Кулла шел пир — король праздновал годовщину своего восхождения на трон древней Валузии. Десять лет назад он убил деспотичного Борна и сорвал корону с его окровавленной головы. Много воды утекло с тех пор.

Кулл правил Валузией мудро и умело. В стране повысились урожаи, амбары ломились от зерна, бойко шла торговля с соседними и дальними землями, кошельки торговцев и других жителей наполнились золотом и серебром.

Хотя царь и был чужеземцем — родом из Атлантиды, — народ его уважал и любил, правда, для этого Куллу пришлось приложить немало усилий. Ему удалось вернуть древней Валузии ее бывшее величие и авторитет: враги больше не угрожали со всех сторон королевству, как при Борне, а, наоборот, боялись даже приближаться к границам могучей империи. Народ был сыт и богат, а поэтому доволен.

Но если раньше король в основном думал о битвах и походах, о том, как удержаться на троне древней Валузии, то теперь он задумался, кому передать этот трон. Кто станет его наследником. Кулл был молод и силен, никто не мог сравниться с ним в умении владеть мечом. Высокий, широкоплечий и неустойчивый, он, несомненно, не собирался умирать, однако мысль о наследнике посещала его все чаще и чаще. Каждый правитель когда-нибудь задается этим вопросом, в особенности тот, кого волнует судьба его страны. Куллу нужен был достойный преемник, ко-

торого следовало должным образом подготовить к управлению огромной древней страной.

Король поделился своими мыслями с верным Брулом, пиктом, бок о бок сражавшимся с ним последние годы, делившим с ним радости и горести, вместе праздновавшим победы и веселившимся на пирах. Брул с Куллом были очень похожи друг на друга и в то же время разными. Оба — прекрасные воины, великолепно сложенные, умело владевшие мечом, но король больше напоминал льва, а сухощавый и жилистый Брул — пантеру...

Внимательно выслушав правителя Валузии, давно уже размышлявшего о наследнике, Брул заявил:

— Вначале тебе нужно жениться. Пошлем гонцов во все концы — к королям и правителям — и найдем тебе красивую девушку из благородного древнего рода.

— Женщины, конечно, источник интриг и неприязностей, — вздохнул Кулл, которому не очень хотелось связывать себя узами брака. Женщины его всегда мало интересовали, он больше думал о схватках и поединках, походах и завоеваниях новых земель.

— Но для того, чтобы родить тебе наследника, нужна женщина, — заметил Брул.

Король кивнул.

— Может, объявить на пиру в ознаменование десятилетней годовщины моего восхождения на трон Валузии, что я ищу невесту? — спросил Кулл. — Ведь мы разослали приглашения правителям всех окрестных и дальних земель. Лучше, если все они услышат о моих намерениях от меня.

Брул согласился с ним. Ему понравилось предложение короля.

И вот начался пир. Гости собрались в самом большом зале дворца Кулла, специально предназначенном для торжеств. И зал, и дворец, и город, и вся страна были празднично украшены. Все жители Валузии и чужеземцы облачились в нарядные одежды,

блеск золота, серебра и драгоценных камней слепил глаза.

В назначенный день стояла великолепная погода. Казалось, что и боги на небесах решили отпраздновать десятилетие правления Кулла. На лазурном небе не было ни единого облачка, светило яркое солнце. В его лучах всеми цветами переливались алмазы, рубины и сапфиры, украшавшие одежды, медальоны и перстни, подвески и серьги. Деревья, кустарники и трава зеленели, подобно изумрудам. Распустились цветы, распространявшие великолепные ароматы. Все жители Валузии были веселы, кругом слышался смех.

С самого утра во дворце трудились слуги — готовились к пиру. Кто-то расставлял столы и скамьи, на которых должны были разместиться гости, кто-то жарил баранов и поросят, кто-то выкатывал из погребов бочки с вином. Блюда с заморскими и валузийскими фруктами украшали столы. Здесь были и оранжевые апельсины, и сочные персики, и темно-синие сливы, и огромные яблоки. Работы хватало всем. И все с нетерпением ждали вечера.

Трубачи, стройные юноши в алом облачении, объявили фанфарами о начале пира. Гости со всех концов древней Валузии, из ближних и дальних государств стали занимать за столами места в соответствии со своим рангом. Наиболее почетные и старейшие граждане Валузии, правители дружественных государств усаживались поближе к правителю Валузии.

По правую руку от Кулла сел верный Брул, по левую — главный советник Ту, пожилой мужчина, среднего роста, больше похожий на торговца, чем на главу Совета короля огромного королевства. Он был умен, исключительно хитер и ко всем относился с подозрительностью. Как и Брул, он верой и правдой служил нынешнему королю, который был четвертым на памяти Ту правителем Валузии.

Свои места в зале заняли и Алые Стражи — самые могущественные воины короля Кулла, сильные и вы-

носливые валузийские горцы, закованные в сверкающую алую броню от шлемов до шпор. Несмотря на праздничную атмосферу, царившую в стране, городе и дворце, Кулл не забывал и об охране своих владений. Алые Стражи разместились и у входа, где должен был состояться пир, чтобы следить за гостями и не дать ни одному врагу проникнуть внутрь и нарушить торжество. Король не хотел ничем омрачать этот праздничный день, так что Алым Стражам были отданы недвусмысленные приказы останавливать всех подозрительных, пытающихся пробраться на праздник.

Начали прибывать заморские гости с богатыми дарами правителю древней Валузии. Кулл велел освободить два зала, соседних с тем, где гости собирались на пир, чтобы складывать там многочисленные дары. Ему преподнесли великолепные, расшитые золотом одежды из бархата и парчи, украшенные мехом леопарда и гривой льва. Один валузийский купец, полгода отсутствовавший в стране, специально постарался вернуться к празднованию десятилетия восхождения Кулла на престол.

— Король королей, владыка владык, — обратился он к Куллу, — прими от меня в дар эти заморские одежды. Специально для вас искал я их в дальних краях. Хочу поблагодарить вас за то, что вы очистили наши моря от пиратов и что нам, купцам, теперь не боязно плавать по ним со своим товаром. Мы приносим богатство родной Валузии и прославляем ее за морем и всем рассказываем, что благодаря вам идут наши суда беспрепятственно и везут товары в дальние страны. Оттуда же мы привозим домой заморские диковины. Даже если в других водах попадаете нам на пути пиратское судно, оно обходит нас стороной, завидя флаг Валузии, гордо развевающийся над мачтой, потому что слава о вас разнеслась далеко за пределами нашего королевства.

— Да, помню я, как мне лет пять назад довелось сразиться с известным пиратом Кадом, — кивнул ко-

роль.— Долго он не давал покоя нашим купцам. Нещадно грабил, убивал и наших торговых людей, и заморских, что хотели торговать с нами. Сколько судов потопил он, сколько богатств забрал себе, сколько невинных жертв на его совести! Боялись тогда наши моряки выходить в море, а заморские купцы перестали с нами торговать.

— Какая была битва! — вспомнил Брул, сражавшийся тогда бок о бок с Куллом.— Мы вышли в море на десяти кораблях, и у Када их тоже было десять, все под черными пиратскими флагами с черепом и костями. Наши brave воины бились с его пиратами. Трещали палубы, ломались копья, а море превратилось из синего в рубиновое от залившей его крови.

Брул замолчал. Молчал и Кулл, перед глазами которого встала картина сражения. Казалось, что произошло оно только вчера, а на самом деле с того дня минуло уже больше пяти лет. Вначале силы были равны и Кулл пожалел, что вышел в море с малым флотом, но часть его войска отправилась тогда в поход на запад, а ждать было нельзя. За несколько дней до того, как он отправился в поход, к нему во дворец привели раненого, с трудом спасшегося моряка, который два дня провел в воде, держась за какое-то бревно. Его выбросило на берег неподалеку от рыбацкой деревни. Рыбаки-валузийцы подобрали его, выходили, и он попросил отвести его во дворец, чтобы повести Кулла о судьбе двух торговых судов, что везли товар из Валузии в заморские страны.

Три корабля под предводительством Када атаковали суда валузийского купца Мерканта. Бой оказался неравным. На торговом судне не было того оружия, что у пиратов. Разбойники перебили всех валузийцев, один корабль спалили, а второй забрали себе. Спасся лишь этот моряк. Ему удалось схватиться за бревно и он прятался за ним, пока пиратские корабли не уплыли в неизвестном направлении. Он уже не чаял, что выживет, но, видимо, боги слышали его молит-

вы и решили, что кто-то должен сообщить королю Валузии о том, что произошло. Моряк не ел и не пил два дня. Завидя берег, он вначале подумал, что он ему только мерещится. Несчастного выбросило на песок, к рыбацким лодкам. Вначале его заприметили игравшие неподалеку дети, они позвали отцов, те подобрали моряка, перевязали его рану. Женщины напоили и накормили его. Придя в себя, моряк рассказал им о том, что ему довелось пережить.

Король велел оставить жертву пиратов во дворце и послал к нему своего лекаря, а сам тут же стал собирать отряд, чтобы выступить против обнаглевшего Када, навсегда заставить его покинуть моря Валузии и научить далеко обходить валузийские суда, даже если он и столкнется с ними где-нибудь в других морях...

Кулл столкнулся с самим Кадом на палубе горящего пиратского корабля. Кад великолепно владел мечом, недаром его слава разносилась так же, как слава Кулла, и известен он был всем торговым людям, когда-либо выходившим в море.

Пират атаковал стремительно и яростно. Битва была его стихией. Кулл парировал удары и вначале отступал. Воздух наполнился звоном металла. Языки пламени охватили палубу пиратского корабля и уже лизали мачты, так что противникам приходилось все время лавировать, уворачиваясь от смертельных ударов и стараясь избежать смертоносных объятий огня.

У Када была своеобразная тактика ведения боя: он непрерывно нападал, не давая противнику перевести дух и не уделяя особого внимания защите. Кулла никак не удавалось сделать выпад, он едва успевал отбивать могучие удары пирата. Острый пиратский меч несколько раз рассекал воздух в паре дюймов от тела Кулла. Наконец, король сделал глубокий выпад и клинком коснулся шеи противника, оставив неглубокую рану. Вдохновленный хоть и небольшой удачей, уверенный, что сражается за правое дело и боги

на его стороне, Кулл с удвоенной силой метнулся вперед. Кад отскочил назад, изрыгая проклятия, но тут же снова бросился в яростную атаку.

И Кулл, и Кад получили по несколько ожогов. Оба понимали, какая судьба ждет проигравшего. Король чувствовал, что решающий удар нужно нанести немедленно — иначе будет уже поздно: они оба погибнут в огне. Держа меч обеими руками, Кулл нанес сильнейший удар и рассек левую часть лица Када. Пират лишился глаза и рухнул на палубу. Лицо его заливала кровь, смешивавшаяся с соленым потом.

Кулл поставил одну ногу на грудь поверженного врага, в глубине сердца восхищаясь им — пират проявил недюжинную храбрость и великолепно владел мечом. Острые своего клинка Кулл приставил к горлу Када.

— Я признаю свое поражение,— прохрипел Кад.— Ты сильнее. Но исполни мое последнее желание — дай мне умереть самому на своем корабле. Пламя сожрет его и скоро он уйдет на дно морское. Для воина великая честь умереть от меча, пират же мечтает исчезнуть в пучине...

Палуба вокруг Кулла пылала. Уцелевшие воины и пираты прыгали в воду и плыли к своим кораблям. Брул кричал королю, чтобы он побыстрее прикончил Када и возвращался на флагман Валузии. Пиратское судно уже начало медленно уходить под воду.

Кулл повернулся к поверженному противнику. Он испытывал уважение к пирату — тот сражался достойно.

— Хорошо,— кивнул король.— Пусть будет по-твоему.

Кулл отвернулся, подошел к борту полыхающего корабля и спрыгнул в воду...

С тех пор пиратские корабли не заходили в моря Валузии, да и в других морях не беспокоили суда под валузийским флагом: видимо, пираты, которым удалось спастись, разнесли по всему миру весть о том,

что случилось с Кадом, осмелившимся беспокоить торговых людей Валузии.

И вот теперь купцы благодарили Кулла за то, что он для них сделал. Их слуги сгибались под тяжестью многочисленных ящиков с серебром. Подаренные кубки для вина были тут же поставлены на стол — в дополнение к тем, что слуги уже приготовили для пира.

Зная, как король любит и ценит хорошее оружие, ему из заморских стран привезли необычные клинки, рукоятки которых украшали драгоценные камни, переливавшиеся всеми цветами радуги, кинжалы в золотых ножнах и острые боевые топоры.

С подарками прибыли не только купцы, но и правители соседних и дальних стран. Кто-то пригнал стадо овец, кто-то — привел нескольких породистых жеребцов, которых Кулл оценил по достоинству. Один король преподнес правителю Валузии великолепный золотой перстень, усыпанный бриллиантами, другой — кольцо с огромным рубином, который обрамляли сапфиры. Из соседней Лемурии доставили жезл, сверху украшенный золотым шаром.

Король Кулл принимал подарки и благодарил собравшихся на пир гостей. Каждый произносил длинный тост, славя правителя древней Валузии, наделяя его всяческими достоинствами. Кулл в ответ выражал признательность и тоже поднимал кубок в честь гостя.

Столы ломились от яств. Слуги только и успевали подносить свежезажаренных барашков и поросят, для любителей птицы приготовили горы дичи, вчера еще летавшей в лесах обширного королевства. Вино лилось рекой. Дворцовые погреба издавна славились своими запасами, да и заморские купцы постарались — привезли удивительные напитки из далеких стран.

Пир был уже в самом разгаре, когда в дверях появились новые гости. Высокий широкоплечий мужчина с черной повязкой на левом глазу возглавлявший группу, показался Куллу знакомым. Вместе с ним при-

было еще пятеро купцов. Все были одеты в дорогие одежды, явно не валузийского покроя, расшитые золотом и серебром. На шеях у них висели массивные золотые цепи с медальонами, украшенными сапфирами, на пальцах блестели перстни с рубинами и топазами.

Гости торжественно поклонились королю и собравшимся. Мужчина с черной повязкой на глазу заговорил, обращаясь к Куллу:

— Ваше Величество, мы приносим свои глубокие извинения за опоздание к началу торжеств. Мы прибыли из дальних мест. По пути наши корабли попали в сильный шторм, и их отнесло на несколько миль в сторону от намеченного курса... Не знаю, вспомнишь ли ты меня, о великий Кулл, но я навсегда запомнил тебя после нашей единственной с тобой встречи. И я благодарен тебе за то, что ты сделал для меня. Ты не заколол меня своим мечом, а я, чудом спасшийся от смерти, стал совсем другим человеком и веду теперь честную и праведную жизнь.

— Кто ты? — спросил Кулл, глядя своими холодными серыми глазами в единственный темно-карий глаз незнакомца. — Назови свое имя.

— Теперь меня величают Найтом, я правитель небольшого острова Баликана, но раньше в этих местах я был известен, как пират Кад.

В зале наступило молчание. Кто-то охнул, у кого-то перехватило дыхание. Все уставились на бывшего пирата Када, ныне оставившего, по его словам, лихое ремесло. Кулл тоже не сводил с него глаз. Кад заговорил снова:

— Наверное, Ваше Величество, напрасно я прибыл сюда, к вам на пир. Но я, как и все, собравшиеся здесь, хочу поздравить Вас с десятилетием правления древней и славной Валузией. Молва о вас идет по всем землям, купцы Валузии путешествуют по всему миру, разносят славу о вашем королевстве. Те же, кто побывал в Валузии, не забывают о ней никогда. Я хочу

выразить вам все мое уважение. Я восторгаюсь вами. Вы для меня — пример мудрого и справедливого правителя, и я стараюсь быть похожим на вас, правя своим маленьким Баликаном, о котором вы, наверное, даже не слышали.

Кулл покачал головой. Он не мог запомнить названий всех крошечных королевств, тем более тех, что, как этот остров, находились далеко от его владений, а Баликан, по всей вероятности, находился где-то на краю света, во многих днях пути от Валузии.

Найт, или Кад, как его звали раньше, преклонил колено перед Куллом. Примеру своего правителя последовали пять знатных господ, сопровождавших его.

— Я прошу вас, король королей, владыка владык, — снова обратился к нему Кад, — разрешить мне и моим людям присоединиться к этому торжеству. И прошу прощения у всех собравшихся, кому я когда-нибудь принес зло и печаль. Поверьте: я стал другим. И это случилось благодаря великому, храброму и мудрому Куллу. Но если вы, Ваше Величество, владыка владык, прикажете мне покинуть ваш дворец, я тут же уйду и не буду держать на вас обиды и зла...

— Присоединяйся к нашему столу, — перебил его Кулл. — Я не хочу никого прогонять в этот торжественный для меня и моего народа день, тем более тех, кто проплыл много миль только ради того, чтобы поздравить меня. Я рад, что ты раскаиваешься в содеянном, Кад, вернее, Найт, и с радостью выпью с тобой кубок вина.

Кад подошел к королевскому столу. Его люди заняли места за другими столами вместе с именитыми людьми Валузии и многочисленными купцами, на которых они раньше наводили страх и ужас. Слуга наполнил кубки Кулла и гостей, они подняли их за здоровье друг друга и осушили до дна.

— А теперь расскажи, Найт, как тогда тебе удалось спастись, — попросил Кулл. — Клянусь Валкой, я

был уверен, что ты сторел вместе со своим кораблем и отправился на дно морское.

— Я сам уже распрощался с жизнью в тот момент, когда вы, Ваше Величество, прыгнули в воду и поплыли к своему кораблю. Я был весь залит кровью и потом, а вокруг меня полыхали языки пламени, но почему-то они не трогали меня. Потом раздался страшный треск, во все стороны полетели горящие бревна и доски, а меня вместе с той доской, на которой я лежал, подкинуло высоко в воздух и выбросило далеко в море. Я упал на воду и услышал громоподобный голос, идущий как бы ниоткуда и отовсюду одновременно. Голос говорил мне, что раз вы не закололи меня мечом, то боги дадут мне еще один шанс. Я должен начать праведную жизнь, упорно работать, помогать бедным, чтобы искупить свои грехи. Тогда я проживу долго и узнаю, что такое настоящее счастье, но если я не стану на путь истинный, то меня ждут вечные муки и мне сполна придется заплатить за содеянное. Я не видел говорившего: одного глаза я лишился, второй заливала кровь, но я чувствовал присутствие рядом кого-то огромного и сильного, способного казнить меня или помиловать. Я сказал, что обещаю в будущем вести праведную честную жизнь, не буду больше ни грабить, ни убивать, что изменю все, даже имя, чтобы оно не напоминало ни мне, ни кому другому о моем позорном прошлом. И голос ответил мне, что я проснусь на острове, где должен буду начать заново свою жизнь.

— И тебя вынесло на неизвестный тебе берег? — поинтересовался Кулл.

— Да, Ваше Величество. Не знаю уж, сколько дней и ночей носило меня по морям и океанам и как я не умер после того ранения, что вы нанесли мне тогда, и как я продержался без еды и питья, но очнулся я на берегу зеленого цветущего острова под голубым небом. Вдоль всего берега росли пальмы, землю покрывала изумрудная трава. Недалеко от меня на бе-

рег выбросило нескольких моих друзей — тех, кто раньше вместе со мной грабил и убивал купцов и путешественников. Как признались мне потом мои люди, они тоже слышали тот громоподобный голос и тоже пообещали впредь жить честно...

Кад рассказывал Куллу, как они обустроились на острове, где до них обитали только дикари. У аборигенов было три небольшие деревни с хижинами, крытыми пальмовыми листьями. Они питались маисовыми лепешками, вареными бобами и сладким бататом. Мужчины носили набедренные повязки, а женщины — свободные туники из легкой ткани. Кад и его люди научили дикарей тому, что знали сами, — основам ремесел, своему языку. После каждой бури к берегу приносило по несколько сундуков с кораблей Када. То ли это было послание свыше, то ли просто подводное течение пригнало потопленные Куллом корабли к Баликану — никому неизвестно. Люди Када показывали местным жителям, как пользоваться теми или другими орудиями производства и как носить одежду цивилизованных стран.

Где-то через год в страшный шторм недалеко от берега затонуло пиратское судно. Кад раньше знал этого предводителя пиратов и иногда вместе с ним грабил торговые флотилии, но в шторм и пират, и его команда погибли, а судно оказалось недалеко от берега. Вместе с дикарями Кад и его спутники вытащили его на берег. То, что они нашли на нем, помогло им сделать еще один гигантский шаг вперед. На судне оказались навигационные приборы, морские карты и многое другое, необходимое мореплавателям. Все вместе они взялись за починку судна, привели его в порядок и стали плавать на соседние острова. Прошло пять лет. Баликан перестал быть дикой страной. Теперь там есть и красивые дома, и нарядные одежды, там процветают ремесла и торговля. Кад стал ее правителем и, как ему кажется, правит мудро и справедливо.

— Но самое большое наше богатство — это наши девушки, — сообщил бывший пират. — То ли природа на нашем острове какая-то особенная, то ли боги к нам милостивы, но нигде и никогда не встречал я таких красивых девушек, как на Баликане. И я, и все мои люди обзавелись семьями. Я никогда не был так счастлив, как в тот день, когда впервые взял на руки своего первенца.

У Кулла екнуло сердце: он тоже хотел сына, а слова бывшего пирата еще раз напомнили ему о том, что пока наследника у него нет.

— И вот, Ваше Величество, я решил сделать вам подарок, — продолжал Кад. — Я привез вам одну из наших девушек — самую красивую из всех, что еще не вышли замуж. К нам на остров специально приезжают за невестами из соседних государств, потому что таких красавиц вы больше нигде не встретите. Уж поверьте мне: я много походил по морям и океанам в годы своей бурной молодости и брал в плен женщин, считавшихся самыми очаровательными в своих странах, но никогда я не видел ни одной, краше баликанки.

— Клянусь Валкой, ты как будто прочитал мои мысли, — признался Кулл. — Последнее время меня мучает вопрос о наследнике. Кому-то надо будет оставить трон и мою прекрасную страну, хоть я и не собираюсь умирать в ближайшие годы. Я послал гонцов во все королевства на поиски красивой девушки. На этом пире я хотел объявить всем собравшимся, чтобы привозили мне из дальних стран своих дочерей.

— Я рад, что мне удалось угадать твои желания, Кулл, — ответил бывший пират. — Но тебе еще надо взглянуть на мой подарок. Вдруг она тебе не понравится?

Кад сделал знак своим людям. Двое бывших пиратов встали из-за стола, вышли из зала и вернулись через какое-то время с девушкой, на лицо которой было накинуто роскошное золотистое покрывало.

Все гости разом замолчали, с удивлением и интересом разглядывая подарок Када. Бывший пират поднялся из-за стола и подошел к девушке.

— Я дарю ее вам, Ваше Величество, владыка владык, повелитель Валузии, — объявил он. — Пусть она родит вам множество детей и пусть радует ваши взор и веселит вас в часы досуга.

С этими словами Кад сдернул покрывало с девушки. Все собравшиеся ахнули: такой красоты они еще не встречали.

Длинные пепельные волосы, заплетенные в толстую косу, падали чуть ли не до пят, на мраморно-белом лице алые пухлые губы, которые всем мужчинам тут же захотелось поцеловать. Огромные миндалевидные зеленые глаза испуганно обвели собравшихся в зале, опустились, и пушистые длинные ресницы прикрыли их. Над глазами черной змейкой изгибались брови. Девушка была стройна, грациозна и великолепно сложена. Под дорогим платьем необычного для Валузии фасона медленно взымалась упругая высокая грудь. Тонкую талию обхватывал пояс, украшенный драгоценными камнями.

Став центром внимания такого количества людей, девушка смутилась. Ее щеки покрыл нежный румянец, придавший ей еще больше очарования.

Кулл поднялся из-за стола и подошел к девушке. Он, как и все мужчины, находившиеся в зале, был поражен ее красотой.

— Как тебя зовут, красавица? — спросил Кулл, не в силах отвести взгляд от девушки.

— Бути, — прошептала она.

У нее оказался приятный мелодичный голосок. Встав рядом с девушкой, Кулл почувствовал восхитительный аромат ее тела — так пахнут далекие заморские цветы и травы, из которых делают благовония.

— Ты сделал мне прекрасный подарок, Кад, вернее, Найт, — с улыбкой повернулся Кулл к бывшему врагу. — Я рад, что ты пришел на этот пир, и рад

тому, что не убил тебя тогда. Ты очень изменился, и я надеюсь, наши страны смогут торговать и сотрудничать друг с другом.

— Я буду этому несказанно счастлив,— поклонился Кад.

Кулл приказал отвести девушку в покои, соседние с его собственными, накормить и напоить с дороги, а ей самой велел отдохнуть, пока он принимает гостей, потому что ночью он обязательно придет к ней.

После этого король вернулся за стол. Снова вино полилось рекой, слуги принесли тушу только что зажаренного быка, Кулла поздравляли, желали ему дальнейшего процветания и благополучия.

Гости разошлись уже ближе к утру. Кад со своими людьми стал собираться в обратный путь.

— Нам предстоит долгая дорога домой, Ваше Величество,— сказал пират.— По пути мы хотим заглянуть в несколько портов, рассказать о своей стране и пригласить гостей к себе на Баликану. Ведь жители Семи Королевств ничего не знают о нашем острове.

— Я сам, честно признаться, сегодня впервые узнал о нем,— сказал Кулл.— Я отправлю к вашему острову свои корабли с товарами.

— Будем рады принять и вас, и ваших подданных,— ответил Кад с поклоном.— И, Ваше Величество...

— Ты хотел меня о чем-то попросить?

— Не могли бы вы дать нам какую-нибудь грамоту, чтобы мы показывали ее в тех портах, куда заходим? Ведь люди боятся незнакомцев, а если меня кто-то узнает и вспомнит мои старые дела... Назовите нас своими подданными или напишите, что Валузия — наш союзник...

Кулл исполнил просьбу Када и приложил к пергаменту перстень-печатку, который знали в дальних и ближних землях.

— Спасибо, Ваше Величество,— еще раз поклонился Кад.— Не забывайте: мы ждем вас в гости. И я

надеюсь, что Бути родит вам много сыновей, похожих на вас, и дочерей, таких же красивых, как она сама.

— Спасибо и тебе за подарок, Кад. Я рад, что тогда не убил тебя.

Девушка по имени Бути доставила Кулла много счастливых часов. На нее было приятно смотреть, любясь ее красотой, к ней было еще более приятно прикасаться. Ее нежная, как у младенца, кожа, казалось, только и ждала руки мужчины, чтобы разбудить дремавшую страсть. Кулл целовал ее пухлые алые губы, ласкал упругие молодые груди с крупными, как вишни, сосками...

Бути прибыла в Валузию не одна. Вместе с ней приехала ее старая служанка, которая опекала девушку с рождения. Старуха оказалась настолько отвратительной внешне, насколько девушка была прекрасна. Горбунья с крючковатыми пальцами, морщинистым лицом, покрытым какими-то пятнами и следами перенесенной оспы.

Маленькие глубоко посаженные глаза вызывали отвращение у Кулла и других обитателей дворца. Одевалась она в какие-то лохмотья, никогда не улыбалась, наоборот, ее уродливое лицо постоянно искажала недовольная гримаса. Во рту у нее практически не осталось зубов, только четыре мерзких пожелтевших обломка, больше напоминающие волчьи клыки.

Кулл давно выгнал бы старуху из дворца, если бы она не была любимой служанкой Бути, единственной связью полюбившейся ему девушки с ее далекой родиной, по которой красавица явно скучала.

Отведенные Бути покои располагались рядом с комнатами Кулла. Старуха занимала небольшую каморку, примыкающую к спальне своей госпожи. Король посещал девушку каждую ночь.

Недели через две после того, как Бути появилась во дворце, она за ужином пожаловалась Кулла на плохое самочувствие, просила извинить ее и не приходить к ней в эту ночь: ей нездоровится.

Король предложил прислать ей своего лекаря, но Бути ответила, что нет ничего страшного, такое с ней иногда случается. Когда девушка удалилась в свои покои, Кулл загрустил, но верный Брул попытался успокоить друга, сказав, что в поведении Бути нет ничего удивительного — подобное раз в месяц бывает со всеми женщинами.

Кулл в тот вечер выпил много вина — больше, чем обычно — и сразу же рухнул и заснул, едва дойдя до своего ложа. Проснулся он где-то посреди ночи: ему прямо в лицо светила полная луна. Правитель Валузии почему-то стало очень тревожно от этого света. Свет луны показался атланту зловещим. Кулл поднялся с постели, чтобы задернуть тяжелые шторы и, подходя к окну, увидел, как за углом дворца мелькнуло и скрылось что-то темно-серое. Он присмотрелся, но больше ничего ему заметить не удалось.

«Показалось,— решил король,— слишком много вина выпил я вчера».

Он постоял у окна несколько минут. Все было спокойно. В саду стояла мертвая тишина, даже не стрекотали кузнечики и не жужжали цикады, как обычно бывает в тихие теплые летние ночи. Молчали и птицы. Лунный свет заливал все вокруг — мертвенными желтоватыми красками.

Король задернул шторы, снова лег и проспал до утра.

Утром ему сообщили неприятные известия: каким-то образом пробравшийся в город волк перегрыз горло нескольким часовым Алой Стражи и случайным ночным прохожим. Никто не слышал, как он пробирался по улицам города — не залаяла ни одна собака. Это показалось всем странным. Волк оставил следы: совсем небольшие для этого зверя, а значит, это был или совсем молодой самец, или волчица. Люди склонялись к мысли, что, скорее всего, волчица, потому что молодой волк вряд ли набрался бы такой смелос-

ти. К тому же волчицы всегда отличаются большей жестокостью и кровожадностью. Может, кто-то из валаузийцев убил ее детенышей, и она за них мстила, чего не стал бы делать волк.

Кулл задумался. Он вспомнил, что он увидел волчью тень, а удивился непривычной, сверхъестественной тишине. Что-то здесь было не так. Наверное, не обошлось без магии.

Король вызвал к себе придворного колдуна по имени Китулос и велел осмотреть окрестности: не найдет ли тот чего-нибудь подозрительного. Заглянув во все дома, рядом с которыми побывала волчица, Китулос не нашел ничего необычного, в воздухе не осталось и следа колдовских чар, на земле не валялось никаких амулетов и предметов, используемых колдунами для магических ритуалов. Правда, Китулос напомнил своему владыке, что прошлой ночью было полнолуние, а в полнолуние могут происходить всякие странные вещи...

Когда Бути, наконец, вышла из своих покоев, она казалась усталой, невыспавшейся и изможденной. Кулл поинтересовался ее самочувствием, и девушка ответила, что ей нездоровится. Едва дотронувшись до еды, она объявила королю, что пойдет еще немного полежит. Через день она была весела, как обычно, и так же радовала глаз Кулла. Он регулярно навещал ее в покоях и наслаждался ее телом, как не наслаждался раньше ни одной женщиной. Старуха-служанка старалась не попадаться ему на глаза.

Брул, как и Кулл, с восхищением смотрел на молодую наложницу правителя Валузии и даже немного завидовал другу, которому так повезло. Брул уже подумывал сам съездить на Баликану за невестой. Бути подтвердила ему, что там живут только красивые женщины, а у нее как раз подросла младшая сестра. Кулл, собиравшийся снарядить корабль для путешествия в далекое Ласковое море, где находился остров Када, понял желание друга подыскать

себе невесту среди красивых баликанок. Кулл планировал отправить корабль на остров месяца через два, после того как будет собран урожай. Брул согласился подождать.

Советника Ту, более умудренного жизнью, чем молодые Кулл и Брул, что-то настораживало в наложнице и ее служанке, неожиданно появившихся во дворце. Бути могла стать даже королевой Валузии, чего Ту совсем не хотелось. Главный советник пытался незаметно приглядывать за чужеземками, когда те были заняты своими делами и не обращали на него никакого внимания. Он всегда был подозрительным, и эта подозрительность уже не раз помогала предотвратить несчастье и спасала жизнь Куллу...

Девушка вообще не замечала советника. Ей он казался очень старым, к тому же жидкие волосы и вытянутое лицо совсем не красили Ту, да и не мог он соперничать с молодым, великолепно сложенным красавцем Куллом. Ту на фоне короля казался просто безликим. Однако его пронизательные глаза не упускали ни одной мелочи в противоположность глазам влюбленного короля.

Бути все время пыталась подчеркнуть свою слабость и восхищалась мощью Кулла. «На самом деле,— решил Ту,— она очень сильна физически, подвижна и обладает великолепной реакцией, а служанка имеет просто поразительный слух, что странно для ее возраста». Старуха могла уловить любой малейший шорох, даже неслышные никому другому шаги Ту.

Однажды советник направился за женщинами, когда те отправились погулять в сад перед дворцом. Ему казалось, что он двигался очень тихо, да и все дорожки и аллеи он знал гораздо лучше чужеземок. Старая горбунья подстерегла его за кустом, а потом заявила, что он не смеет за ними шпионить. Они здесь не пленницы и могут гулять по саду тогда, когда им захочется.

Бути стояла в стороне, опустив глаза, и не произнесла ни слова. Ту поспешно ретировался, заверив женщин, что он всегда гуляет по дорожкам сада, думая о государственных делах, и даже в мыслях не имел следить за наложницей и ее служанкой. Ему показалось, что он убедил старуху, однако Ту решил в следующий раз быть гораздо осторожнее. Его подозрения только усилились: если двум баликанкам нечего скрывать, то почему старуха на него так ополчилась?

* * *

Прошел месяц. В королевстве все было спокойно и тихо. Враги не нападали. Ни о каких бунтах не шло и речи, каждый занимался своим делом, страна богатели. О волчице, появившейся в городе в предыдущее полнолуние, забыли все, кроме советника Ту и родственников несчастных.

Вечером за ужином, как и месяц назад, Бути пожаловалась на плохое самочувствие. Кулл опять забеспокоился, но не настаивал на лекаре, когда девушка заявила, что пойдет спать.

Ту быстро сказался усталым, пожелал Куллу и Брулу спокойной ночи. Но он не пошел в свои покои, а тихонечко направился к дверям в спальню Бути и пристроился в закутке напротив, где находился чулан с метлами и швабрами. Ту специально осмотрел его и даже приготовил себе скамеечку, настраиваясь на долгое ожидание. Окон там не было, так что лунный свет его не беспокоил. Правда, сидеть в темноте было не очень уютно, но он не решался зажечь факел или свечу, чтобы не привлекать внимания. Чулан закрывала лишь одна штора.

Внезапно Ту услышал из-за двери спальни Бути странные звуки. Вначале ему показалось, что там распахнули одно из окон. Они были очень большими, а рамы тяжелыми, и обычно требовались одновременные усилия двух мужчин, чтобы открыть их. Потом

раздалось тихое рычание, затем ему почудилось, как по выложенному каменными плитами полу царапают когти. Но вот в комнате стало тихо.

Выйдя из чулана, Ту приложил глаз к замочной скважине. Комната озарялась лунным светом. Кровать была в беспорядке, на ней валялось платье, в котором Бути появлялась за ужином, но самой девушки нигде не было.

Советник решил спуститься в сад. Предварительно он зашел в свои покои и прихватил меч, которым владел не так хорошо, как Кулл и Брул, прокладывая себе дорогу умом и хитростью. Тем не менее оружие придавало ему уверенности.

Выйдя в сад, Ту застыл на месте. Происходило что-то невероятное. Алые Стражи, самые лучшие, выносливые и смелые воины Валузии, спали на своих постах. Часовые легли на траву или песок — и заснули...

Ту казалось, что каждый его шаг разносится по всему дворцу: стояла мертвая тишина. Замолчали птицы, насекомые, не лаяли собаки. И только полная луна освещала землю мертвенным светом.

Стараясь не шуметь, Ту направился к окнам королевской спальни. Они были закрыты и задернуты тяжелыми шторами. Тогда Ту подошел к окнам покоев Бути. Одно из них оказалось распахнутым настежь, и от него вглубь сада вели волчьи следы. Подтверждались худшие подозрения советника.

Ту притаился за кустом, держа меч наготове. И дворец, и все окрестные дома были погружены в сон. Не шелестела ни единая травинка: ветер полностью утих. Ту было не по себе. Ему хотелось бы очутиться в теплой постели или заниматься подобающими сановнику государственными делами, а не прятаться под кустом с мечом в руке, но он понимал, что должен сделать все от него зависящее для короля, которому уже столько лет служил верой и правдой. Однако Ту понимал, что стучать нельзя: Алые Стражи,

всегда охраняющие дворец, спят беспробудным сном, а значит, дело не обошлось без магии. Только вот почему чары никак не подействовали на самого Ту? Ответа на этот вопрос он не знал.

Внезапно в отдалении послышались легкие шаги. У советника по спине пробежал холодок, он весь напрягся, готовый лицом к лицу встретиться с опасностью.

Из зарослей кустов показалась волчица. Она двигалась быстро и грациозно, каждый ее легкий прыжок вызывал восхищение. Ту застыл на месте и очнулся только когда зверь уже оттолкнулся от земли, чтобы запрыгнуть в окно спальни Бути. Советник успел занести меч и задел клинком правую заднюю лапу волчицы. Она дико взвыла, обернулась на него в полете, стрельнула злыми глазами и исчезла в комнате. Потом в окне появилось полное ненависти лицо старухи. Она что-то пробормотала себе под нос. Весь мир поплыл перед глазами советника. Ту рухнул на траву без сознания.

Он проснулся от капель дождя, падающих ему на лицо. Небо заволокли тучи. Луна скрылась за ними. Приближалось утро. Дождь усилился и обещал перейти в настоящий ливень.

Вначале Ту не мог сообразить, где находится. Он не понимал, почему лежит в саду с мечом в руке, но постепенно случившееся ночью стало всплывать у него в памяти...

Дождь смыл все следы — даже кровь на мече Ту. Ему будет ничего не доказать Куллу. Но, с другой стороны, ему удалось ранить волчицу, а значит...

Советник устало побрел во дворец. Алые Стражи уже проснулись и как ни в чем не бывало стояли на своих постах. Они удивленно посмотрели на советника, но ничего не сказали. Никто не сомневался в преданности Ту.

Ту рассказал Куллу и Брулу о ночных происшествиях. Друзья вначале рассмеялись, сказав, что такое могло

только привидеться во сне. Однако очень скоро поступили сообщения о том, что в городе вновь объявился волк-убийца. Он перегрыз горло несколькими ночным прохожим и дозорным, и опять никто ничего не слышал. Собаки, как и месяц назад, молчали. Кулл сразу же стал серьезным и попросил Ту повторить свой рассказ.

Когда советник закончил, король резко встал из-за стола и объявил, что идет проведать Бути.

Наложница открыла не сразу. Ее лицо было бледным и изможденным.

— Где ты была сегодня ночью? — потребовал ответа Кулл.

— Как где? Здесь, — с удивленным видом ответила она.

Кулл не успел больше ничего спросить, потому что она обвила его шею руками и прошептала на ухо:

— У меня для тебя есть радостное известие: я ношу под сердцем твоего ребенка! Я не говорила тебе раньше, потому что не была уверена, но теперь убедилась. У тебя будет наследник!

Кулл тут же забыл о рассказе Ту. Его ярость пошла. Он обнял Бути и на руках отнес на кровать.

— Ты такая бледная, — сказал он с беспокойством. — Ты плохо себя чувствуешь?

— Да, — кивнула она. — И я даже вчера вечером потеряла сознание. Такое бывает. Я упала и порезала ногу об острый край стола, а потом еще уронила подсвечник и обожгла раненое место. Мне теперь трудно ходить. Придется несколько дней провести в постели.

Кулл думал о предстоящем отцовстве, о том, что у него, наконец, родится наследник и ему будет, кому передать трон Валузии. Он сказал Бути, чтобы она отдыхала, и отправился оповестить Ту и Брула о том, что его любимая, его наложница готовится стать матерью.

Брул порадовался за друга, а Ту понял, что коварной чужеземке удалось приворожить Кулла. Ведь услышав о сыне, Кулл сразу же забыл о рассказе главного советника. Ту понял, что на него ложится обязанность спасти своего короля.

* * *

Когда следующее полнолуние оказалось не за горами, Ту решил поговорить с Брулом. Он надеялся заполучить пикта в помощники и союзники, так как прекрасно знал, что помощник ему потребуется, причем такой, которому доверяет король. Брул очень внимательно выслушал Ту, понимая, что советник не стал бы зря беспокоиться.

В Бруле заиграли любопытство и охотничий азарт. Пикт знал, что их ждет интересное и опасное приключение. Они договорились не делиться своими подозрениями с Куллом, который в последнее время думал только о наследнике, а постараться самим разобраться в том, что происходит. Брул лишь предложил Ту также взять с собой колдуна Китулоса.

На этот раз в чулане напротив двери в спальню Бути они сидели уже вдвоем. Мужчины молчали и не зажигали ни факелов, ни свечей. В полночь из-за двери раздались те же звуки, что месяц назад слышал Ту: открылось окно, потом по каменным плитам цапнули когти, кто-то оттолкнулся и спрыгнул в сад. Все действия сопровождались тихим звериным рычанием.

Оружие у заговорщиков было наготове. Мужчины выбежали в сад. Алые Стражи спали на своих постах.

— Теперь вы видите, что я говорил правду? — прошептал Ту.

Брул кивнул и шепотом ответил советнику:

— Оставайтесь здесь, а я пойду разбужу Кулла.

Ту с Китулосом заняли места у стены прямо под окнами покоев Бути, а Брул вернулся во дворец.

Пикт потратил немало усилий, чтобы растолкать короля. Всегда спавший очень чутко Кулл на этот раз никак не мог разомкнуть глаз. Брул вылил на него кувшин воды, долго тряс за плечо и только после того, как пикт крикнул: «Нас окружают! Мы должны защищаться!», Кулл наконец пошевелился: призыв к битве всегда магически действовал на атланта. Но ему потребовалось еще какое-то время, чтобы прийти в себя.

Вначале Кулл не хотел верить пикту, считая, что тот, как и советник Ту, сошел с ума, но Брул настаивал и все-таки убедил короля пойти вместе с ним в сад.

Когда они вышли из дворца, Кулл был поражен злой мертвой тишиной, потом он заметил спящих в разных частях сада неподкупных Алых Стражей. Тут он уже полностью поверил словам Брула и понял, его друзья сделали все, что было в их силах. Пока никто из них точно не знал, с какими силами им придется столкнуться.

Ту и Китулос ждали их, прячась под кустом. Окно в спальню Бути было распахнуто, от него в глубь сада уходили волчьи следы. Кулл послал Ту с Брулом за лошадьми, а сам вместе с колдуном встал под окном.

Пока пикт с советником седлали полусонных животных, не произошло ничего нового. Мертвая тишина действовала угнетающе.

Кулл решил, что Брулу, на всякий случай, лучше остаться у стен дворца, а сам вместе с Ту и Китулосом отправился по следу волчицы. Неожиданно они увидели ее: она возвращалась во дворец. Заметив Кулла с Ту и Китулосом, волчица тут же повернула и бросилась бежать. Король с советником и колдуном пришпорили лошадей, правда, Ту и Китулос скоро отстали: они не привыкли к таким скачкам.

Волчица начала уставать. Кулл быстро нагонял ее. У его седла висели лук со стрелами. Король натянул

тетиву и выпустил стрелу — она попала в левую заднюю лапу волчицы. В ярком лунном свете Кулл разглядел шрам от удара мечом, который месяц назад нанес Ту. Теперь волчица захромала на левую лапу.

Луна скрылась. Стояла предрассветная мгла. Скоро из-за горизонта должно было появиться солнце. Кулл вслед за волчицей вылетел на пустырь на окраине города. В этот момент первый солнечный луч прорезал мглу.

Волчица рухнула на влажную траву. У нее больше не было сил бежать, к тому же она потеряла много крови. Кулл уже занес меч, чтобы прикончить кровавую тварь, но застыл на месте: перед его глазами она превращалась в Бути. Девушка предстала перед ним полностью обнаженной. Из ее левого бедра торчала выпущенная Куллом стрела, на правом выделялся уродливый шрам от удара мечом.

— Не убивай меня! — взмолилась наложница. — Я тебе все объясню.

Кулл был в ярости.

— Ты обманывала меня все это время. Если бы не мои верные друзья, обман продолжался бы и дальше. За твоими ласковыми речами таилось коварство. Ты притворялась нежной и доброй, а на самом деле хотела принести мне зло. Ты затуманила мой разум обещаниями наследника...

— Но я в самом деле ношу под сердцем вашего ребенка, Кулл! — перебила короля Бути. — Это правда! И я люблю вас! Вы должны помочь мне! Только вы можете спасти меня!

— Почему ты думаешь, что я буду тебя спасать? — удивился Кулл. — Ты принесла мне горе. Из-за тебя я возненавижу остальных женщин. Вы все интриганки и обманщицы.

— Выслушайте меня, Ваше Величество! — взмолилась она.

И Бути рассказала правителю, как на острове, где она родилась и выросла, появились страшный пират

Када и покровительствующий ему злой дух, имени которого она не знала. Этот дух спас от смерти главаря пиратов, когда Кулл ранил его. Огонь был ему подвластен, и дух приказал языкам пламени не трогать Када и его людей, оставшихся в живых. Как только Кулл со своими моряками и войском скрылись за горизонтом, языки пламени исчезли совсем, а корабли стали такими же, как раньше. Этот же злой дух вынес пиратские корабли к берегу Баликана, где и жила Бути. Пираты сделали его своим логовом, где отдыхали и веселились после кровавых морских походов. Только теперь они стали держаться вдали от берегов Валузии, чтобы не встречаться с Куллоу, и обходили стороной валузийские суда. Злой дух боялся, что не сможет еще раз помочь Каду, да и Кулл, встретив еще раз главаря пиратов, без сомнения убил бы его.

— Значит, Кад и не думал раскаиваться? — уточнил Кулл.

— Нет, Ваше Величество, — покачала головой Бути. — Он по-прежнему занимается грабежом, только не трогает суда под валузийским флагом, чтобы не накликать бед себе на голову.

— А что случилось с тобой? — поинтересовался король.

— На меня наложено проклятие, — сказала девушка и заплакала.

— Но проклятие просто так никогда не накладывается! — воскликнул Кулл. — Если бы ты была безгрешна, никто не смог бы этого сделать!

Бути опустила глаза и призналась Куллу во всем, понимая, что только так у нее останется хоть какая-то надежда:

— Я отказалась выйти замуж за нелюбимого, хотя на этом настаивал мой отец. Этот брак сделал бы нашу семью богатой, отец расплатился бы с долгами. Мне в женихи предназначался младший брат Када. Ни один мужчина никогда не вызывал у меня такого

отвращения, как Зар. Меня прокляла мать Када и Зара, злая колдунья. Теперь каждое полнолуние я превращаюсь в волчицу. Мной овладевает непреодолимое желание впитаться кому-нибудь в горло. Я режу скот и убиваю людей. За мной уже не раз гонялись крестьяне с вилами и копьями, готовые забить меня до смерти.

— Кад специально привез тебя сюда?

— Да, он не простил тебе поражения, и ему хочется снова вернуться в эти моря, куда он сейчас не смеет ступить. Он сможет появиться здесь только после того, как ты погибнешь. Люди Када похитили меня из дома и приволокли в страшную пещеру с летучими мышами, где живет их дух-покровитель. И он, и пират долго развлекался со мной, порвали на мне одежду, махали у меня перед лицом зажженными факелами так, что опалили мне волосы. Они угрожали мне страшными мучениями. Я была согласна на все, только чтобы прекратить эти издевательства. Они сказали, что я должна убить тебя. Дух обещал снять с меня проклятие, если я сделаю то, что хочет Кад. Пират послал вместе со мной свою мать.

— Значит, эта мерзкая старуха вовсе не твоя любимая служанка? — поразился Кулл. — Я давно выгнал бы ее из дворца. Меня сдерживало лишь то, что она дорога тебе.

— Конечно, нет! Я ненавижу ее. Это она прокляла меня за то, что я отказалась выходить замуж за ее младшего сына. Она приехала сюда шпионить за мной, следить, чтобы я привела в исполнение коварный план Када. Мне предписывалось убить вас в полнолуние во время ночи любви. Я могла превратиться в волчицу прямо в постели, когда вы бы лежали расслабленный и не ожидали подвоха. Сдерживать свою жажду крови я не могу... Но я полюбила вас, Кулл! Вы были добры ко мне. Поэтому я каждое полнолуние бегала в город и набрасывалась на неизвестных мне прохожих и дозорных. Я делала все,

чтобы не причинить вам зла. Старуха очень злилась, но усыпляла слуг, придворных и Алых Стражей, чтобы меня случайно не закололи мечом и не выпустили мне в сердце стрелу. Только я одна могу убить вас, поэтому моя жизнь так ценна для этой злой колдуньи и ее сыновей-пиратов. Кулл, может, у вас найдется волшебник, которому удастся снять с меня это проклятие, или боги, которым вы поклоняетесь, спасут меня?

Она замолчала, встретившись взглядом с королем Валузии. Ей было очень страшно.

— Пожалей меня! — взмолилась девушка. — Помоги мне! Ведь через семь месяцев должен родиться наш ребенок!

— Пойдем во дворец, — приказал Кулл. — Я созову всех колдунов королевства и обращусь за помощью к своим богам. Я уверен, что они что-нибудь придумают. Я рад, что ты мне во всем призналась.

Кулл обнял девушку и прижал к себе. Внезапно из-за куста бузины выступила сгорбленная старуха, она вытянула вперед искривленный палец с огромным когтем и что-то забормотала. Кулл выхватил меч и хотел на месте зарубить колдунью. Но за спиной короля послышалось рычание: очаровательная Бути снова превращалась в волчицу. Вместо ровных белых зубов появились клыки, все тело покрыла темно-серая шерсть, уши заострились, нежные руки сделались лапами с острыми трехдюймовыми когтями. Волчица набросилась на Кулла. Королю пришлось обороняться. Изловчившись Куллу удалось схватить волчицу за передние лапы. Крепко сжав их, король не давал зверю укусить себя.

Наложница-оборотень в ярости кидалась на короля, оскалив зубы. А над поляной разносился отвратительный смех старухи. Он одновременно напоминал кулдыканье индюка, треск сухих веток и кашель. Неожиданно глаза у волчицы налились влагой и из них брызнули слезы, но она продолжала атаковать

короля. Несмотря на огромную силу Кулла, огромные когти несколько раз коснулись его груди и оставили на ней длинные кровавые следы. Волчица пыталась дотянуться до горла короля своими страшными клыками. Кровь из царапин на груди Кулла капала на изумрудную траву и смешивалась с кровью из раны на левом бедре волчицы, из которого до сих пор торчала стрела.

В конце концов король изловчился. Отшвырнув хищницу, он подхватил клинок и вонзил его ей в сердце. Меч прошел насквозь. Волчица опять стала превращаться в красивую девушку.

— Я люблю тебя, Кулл, — прошептала Бути. — И прощаю...

С этими словами она закрыла глаза и умерла. Разъяренный Кулл повернулся к старухе. На том месте, где только что стояла ведьма, шипела гадюка. Кулл бросился к ней. Змея попыталась его ужалить, но король увернулся, стараясь отсечь ей голову мечом, на котором еще не высохла кровь Бути. Кулл мстил за гибель любимой женщины, за ее и свои страдания, за коварство пирата Када, которого он когда-то пощадил.

Гадюка извивалась и уворачивалась от ударов. Кулл носился за ней по всей поляне, но ему никак не удавалось догнать ее. Она извивалась с удивительной ловкостью, пытаясь ужалить короля. Тут уж Куллу приходилось защищаться, чтобы избежать ядовитого укуса. Змея с шипением кидалась на него, а потом опять старалась скрыться.

Наконец на поляну выскочили Ту и Китулос. Из-за горизонта появился золотой огненный шар и осветил все вокруг ярким светом. Китулос обратился за помощью к Богу солнца... Солнечный луч пронзил змею насквозь, и она снова превратилась в сгорбленную уродливую старуху. Кулл тут же проткнул мечом ее сердце. Из рта колдуньи хлынула черная кровь. Горбунья пыталась что-то сказать, но у нее

ничего не получалось. Глаза старухи закатились, и она умерла, так и не произнеся ни слова.

Кулл повернулся к мертвой наложнице, взял ее тело на руки и склонил голову. Он не хотел, чтобы советник Ту и колдун Китулос видели, как на глаза его навернулись слезы. Через некоторое время король поднял голову и заявил:

— Клянусь Валкой, что я отомщу за гибель ее и смерть моего так и не родившегося ребенка. У нас впереди много дел. Я думаю, нам пора побывать на острове Баликану. Каду осталось недолго жить...

СОДЕРЖАНИЕ

А. Болд

ТРОН ВАЛУЗИИ

Глава 1. Тост в честь великого Хотата	9
Глава 2. Давнее сновидение, изменившее жизнь	38
Глава 3. Сон, посланный свыше	68
Глава 4. Сны, ставшие явью	103
Глава 5. Повелитель сновидений	144
Глава 6. Случайные попутчики	177
Глава 7. Живой мертвец	214
Глава 8. Повелитель Змей	227

КОРОЛЕВСТВО ТЕНЕЙ

Р. Говард. Говорящая кошка	251
Р. Говард. Замок тишины	285
Р. Говард. «Сим топором я буду править»	296
Р. Говард. Удар гонга	323
Р. Говард. Зеркала Тузун Тхуна	329
Р. Говард. Мечи кровавого королевства	342
Р. Говард. Алтарь скорпиона	379
Р. Говард. Королевство теней	384
Н. Таннер. Кровавый сон	427
Д. Морхайм. Подарок	446

По вопросам оптовой покупки книг
издательства АСТ обращаться по адресу:
Звездный бульвар, дом 21, 7-й этаж
Тел. 215-43-38, 215-01-01, 215-55-13

Книги издательства АСТ
можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140,
АСТ — "Книги по почте".

Литературно-художественное издание

КУЛЛ И ТРОН ВАЛУЗИИ

Ответственный редактор Александр Тишинин
Обложка Сергей Шикин
Художественный редактор Екатерина Соболева
Художник Владислав Асадуллин
Технический редактор Елена Шареева
Верстка Елена Посадова
Корректоры Вера Чаленко, Наталья Шапошникова

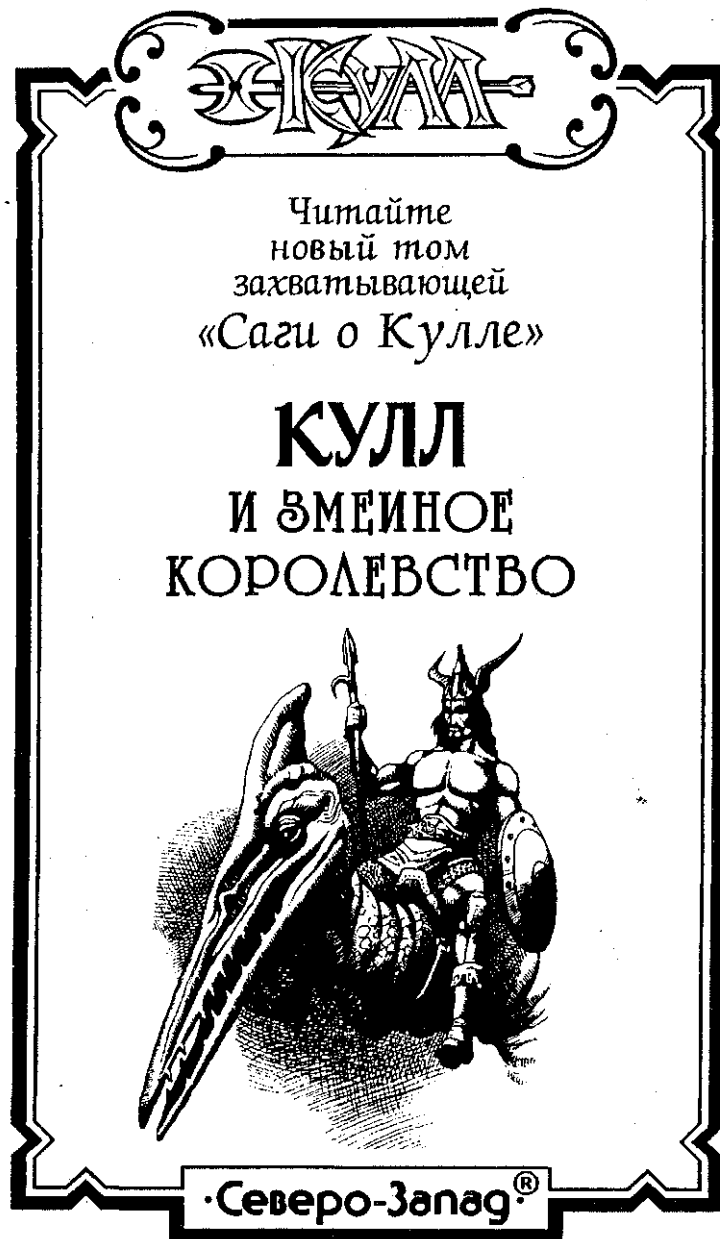
Подписано в печать с готовых диапозитивов 03.11.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская. Гарнитура «Палатин». Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2. Тираж 10 100 экз. Заказ 2377.

Издательство «Северо-Запад».
Лицензия ЛР № 071380 от 20.01.1997 г.
194352, Санкт-Петербург, ул. Кустодиева, д. 16, корп. 3.

Для писем:
197110, Санкт-Петербург, а/я 171
E-mail: sevzap @infopro.spb.su.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Впервые в России!
**ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ**
МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ,
СОЗДАТЕЛЯ «САГИ О КОНАНЕ»
РОБЕРТА ГОВАРДА

Вместе с героями Говарда
окупитесь в мир
головокружительных приключений,
где клинки и отважные сердца
противостоят
черному колдовству.

